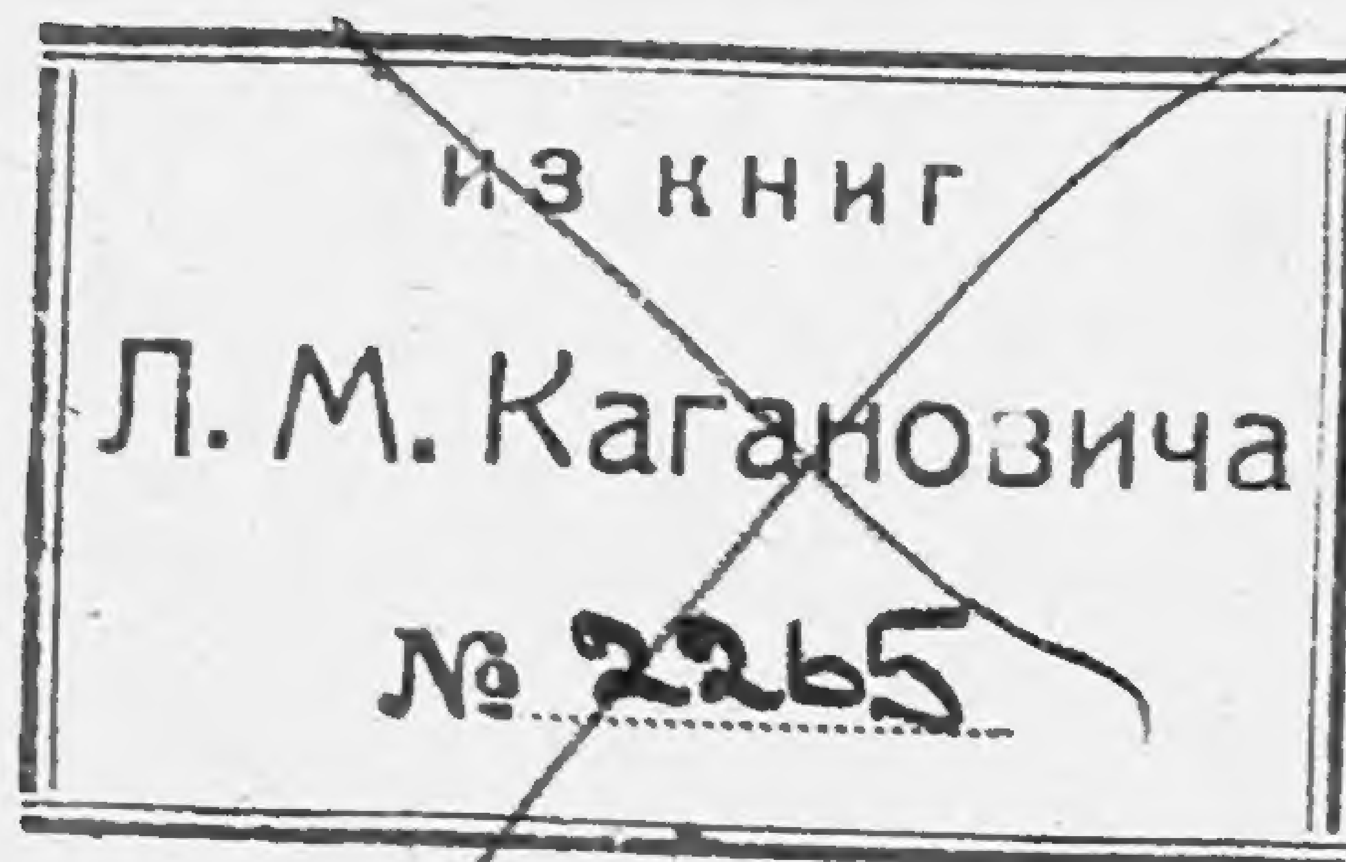

А. М. БОЛЬШАКОВ

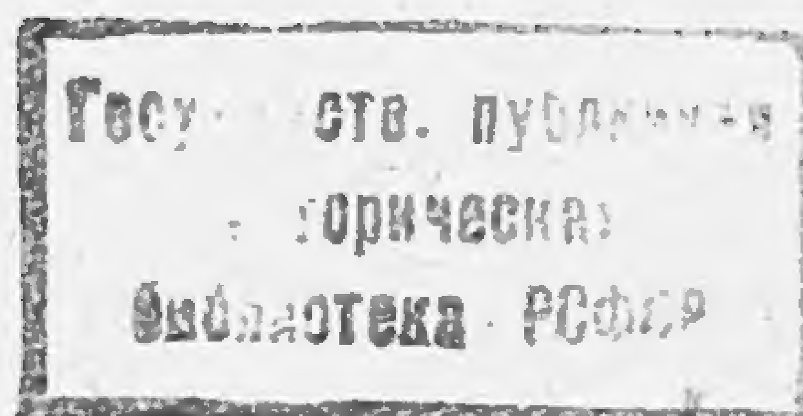
ДЕРЕВНЯ

1917—1927

С ПРЕДИСЛОВИЯМИ
М. КАЛИНИНА и акад. С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГА

„РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“
МОСКВА
1927

Главлит № 80955. Тираж 4.000.

Типография Госиздата „Красный Пролетарий". Москва, Пименовская, 16.

ПРЕДИСЛОВИЯ.

I.

Настоящая книга, написанная тов. А. М. Большаковым, представляет собой первую и пока единственную работу, обстоятельно и всесторонне освещающую историю одной из волостей Союза ССР за все минувшее десятилетие. Само собою разумеется, что для нашей страны, где четыре пятых всего трудоспособного населения занято в области сельского хозяйства и где это сельское хозяйство даже при наличии чрезвычайно низкой своей техники все же по ценности дает около $^2/_3$ общей с промышленностью валовой продукции, для нашей по преимуществу крестьянской страны появление монографий, подобных труду тов. А. М. Большакова, не только полезно, но даже существенно необходимо. Чем больше будет исследований, с научной беспристрастностью зарисовывающих облик современной деревни, тем вернее и полнее будет наше знание деревни, а следовательно, тем правильнее будет наша общая в отношении деревни политическая линия. Поэтому — как можно больше последователей тов. А. М. Большакову в деле серьезного и углубленного изучения деревни.

«Деревня», как я уже отметил, посвящена изложению за период 1917—1927 гг. истории одной из волостей нашей необъятной, занимающей $^1/_6$ часть мира, страны. И, конечно, как изучение любой клеточки большого и сложного организма, так и изучение Горицкой волости, с исключительной добросовестностью произведенное тов. А. М. Большаковым, дает понятие, с одной стороны, об общих процессах, совершавшихся за последнее десятилетие на территории СССР, а с другой—о процессах местных, свойственных только описанной автором волости. И, знакомясь с книгой, необходимо помнить о только что указанной разнохарактерности процессов,—только при этом условии мы сумеем надлежащим образом расценивать все факты, о которых говорится в книге и, следовательно, сделать правильные выводы из прочитанного.

М. Калинин.

25 марта 1927 г.
Москва.

II.

Во всем мире начинает меняться отношение к деревне. Город, создавшийся в сущности из деревни, начинает понемногу понимать, что жизнь всей страны, к которой он принадлежит, только тогда будет действительно нормальной, когда деревня, наконец, выйдет из своего одиночества, своей обособленности и заживет также и теми общечеловеческими интересами, которыми теперь в общем живет город.

Всякий, внимательно относившийся к жизни деревни, знает, что до сих пор между нею и жизнью города еще все-таки лежит пропасть глубокого взаимного непонимания. Город думает, что он творит мировую жизнь, что он на своих плечах выносит ту работу, которая развивает и двигает вперед страну, а деревня считает, что весь тяжелый труд лежит на ней и что в городе живут люди легкого и приятного труда. И это относится почти в равной мере и к интеллигенту и к рабочему.

Ясно, что продолжаться такое положение не может и не должно. Но ясно вместе с тем, что очень трудно изменить сложившееся веками отношение, сложившееся притом на неправильном толковании будто бы противоречивых экономических интересов. Это почва, на которой особенно трудно столковаться: обеим сторонам кажется, что их хотят обойти. Особенно резко и ярко выявилось это у нас, в первые годы революции и во время гражданской войны, когда город почти совсем подпал в отношении питания под власть деревни. Очень еще памятны всем живо изображенные у автора годы погони за хлебом сквозь строй заградительных отрядов.

Город, особенно сильно у нас, но и вообще во всем мире во время мировой войны, почувствовал и значение и своеобразность деревни. На этой почве болезненных экономических переживаний и вырос более глубокий и более сознательный интерес к деревне,

который дал нам новую научную литературу о деревне, своеобразную и глубоко поучительную. К этой новой литературе принадлежит и глубоко интересная книга А. М. Большакова.

Эту книгу написал городской крестьянин, являющийся научным работником. Некоторые изыскания автора в связи с задуманным им планом работы были осуществлены благодаря материальной поддержке ленинградской Секции Научных Работников. Издает книгу издательство Союза Работников Просвещения—«Работник Просвещения», в Москве. Сочетание знаменательное и любопытное: деревня и город, две столицы, работники науки и работники просвещения; настоящий образец соединения труда личного и коллективного.

Я уже сказал, что деревней заинтересовались во всем мире. Мы можем на ряду с настоящей русской книгой и ей подобными поставить недавние книги о деревне, появившиеся в другой крупнейшей земледельческой, деревенской стране—Индии, тоже переживающей глубокий внутренний переворот. Эти книги говорят для индийской деревни то же, что говорят наши для русской: что начинают падать преграды, отделяющие деревню от остального мира. Но они вместе с тем показывают, как велика еще разница между деревней и городом.

Книга А. М. Большакова особенно интересна тем, что она говорит о том, что происходило за последние десять лет в небольшом уголке нашей громадной страны, и как эти десять знаменательных лет отразились на жизни деревни. Впечатление как будто двойственное: с одной стороны, как будто очень велики перемены, с другой—слишком жива старина. Чувствуется неизмеримо большая стихийность жизни деревни сравнительно с городом: в деревне жизнь больше идет полосами, то все делают одно, то все делают другое, личность выделяется мало, господствует обычай, очень велика инертность и в хозяйстве, и в жизни вообще. Таков, несомненно, основной фон деревни, какою ее видишь в книге А. М. Большакова. И причина очень определенная—крайне низкая степень образования основной крестьянской массы—стариков и людей среднего возраста. Заветы старой власти о том, что будто бы легче управлять невежественной массой, сделали свое дело. Поражает возникшая на этой почве узость кругозора, нежелание менять того, что делали деды, убеждение «на наш век хватит», создающее хозяйственную бли-

зорукость и безграмотность. Рисуя тяжелую картину лесной бесхозяйственности, бессмысленности вырубки леса, автор употребляет глубоко верный термин «лесная безграмотность». Автор, как видно, объективен, он не желает рисовать идиллии, он отмечает темные стороны деревни, которых много, он говорит о большом огрубении которое метко, но также грубо характеризует местный деятель, говоря: «производительность мордобития растет».

Казалось бы достаточно тяжелого и отрицательного, чтобы, прочитав книгу «Деревня», тоскливо задуматься о нашем будущем, которое так много зависит от будущего деревни. Но это было бы так, если бы мы не вчитались глубже в книгу и не захотели увидать те новые всходы, о которых осторожно, но не менее объективно говорит автор. Деревня пробуждается от многовекового сна, и не видеть этого может только тот, кто не хочет видеть. Как ни велика еще косность деревни, но чувствуется, что в деревне, из ее же среды появляются новые люди, которые хотят думать и действовать. Мы видим,—и это особенно важно,—что пробуждается женщина, уже не желающая оставаться тем бессловесным существом, каким она была. Она сознает уже то, что пока мало сознает мужчина: что женщина-хозяйка—крупный экономический фактор в доме; благодаря ей улучшается питание, она создает экономию в одежде, она целесообразно подбирает домашний инвентарь. Поднятие значения женщины-хозяйки поднимает и значение матери в семье. Она влияет на подрастающее поколение. Такая женщина поднимает активность всей семьи, где раньше единственным активным элементом был хозяин. Я остановился несколько дольше на примере значения женщины в изменении быта деревни, чтобы показать, как детальное, подробное изучение сравнительно небольшого круга жизненных явлений позволяет нам глубоко заглянуть в суть жизни, которая при менее тщательном подходе кажется нам простой и малосодержательной. Всматриваясь и далее более пристально в жизнь деревни, как ее нам представляет автор, мы видим, что эта, при первом взгляде как будто не тронувшаяся и не изменившаяся, жизнь деревни на самом деле полна перемен.

Так, мы видим, что изменился язык деревни, мы слышим много новых слов и чувствуем за новыми словами целый новый мир хлынувших в деревню новых понятий. Замечаем тут же, что медленно, но определенно растет число газет, попадающих в деревню, и

растет число читателей. Для школы, во многом мало удовлетворительной и бедной пособиями, плохо отапливаемой, часто взятой под подозрение как нечто ненужное, в газете вырастает помощник. А школа так нуждается в этом помощнике, потому что она, несомненно, упала за эти годы и не может еще как следует подняться. Учитель деревенский, как и его городской собрат, выносит на своих плечах громадное бремя: плохо оплачиваемый, почти совсем лишенный возможности подучиваться и работать над освежением своих знаний, он должен все время давать и давать, выжимать из себя все, что только возможно. Автор рисует яркую картину жизни мученика-учителя, не теряющего веры в значение своего дела, убежденного в победоносной силе знания. Он показывает нам как понемногу в этой же, пока столь мало удовлетворительной школе подрастает молодое поколение, не очень похожее на родителей.

Молодежь в самом значительном числе мечтает покинуть деревню или во всяком случае крестьянский труд. Вряд ли, когда она подрастет, то сможет покинуть деревню, но то, что она хочет это сделать, указывает на то, что в ней бродят новые мысли. Пусть даже пока это будут главным образом мысли о более легком труде—ведь чужой труд нам всегда кажется легче нашего—этим мыслям на смену явятся другие: о более рациональном, более производительном труде. Раз мысль начала бродить, она не остановится. В этом великое значение происшедшей с революцией перемены. Пусть пока все это еще мало проявляется, коренные перемены—не дело одного дня, зато они и коренные. Самое важное и существенное—это то, что деревня начинает понимать то, что город понял раньше: надо каждому уметь делать дело жизни самому, никто за нас это дело делать настоящим образом не может и не должен. Слова Ленина о том, что новую нашу жизнь могут построить «только десятки миллионов рук после того, как они научатся все делать сами», хорошо памятны всем. Безответственных людей в нашей новой жизни нет, каждый из нас, в деревне и в городе, ответственный работник.

Такие книги, как книга А. М. Большакова, особенно нужны теперь. В ней мы видим, как можно и как надо выявлять в настоящее время положение всех производительных сил деревни, начиная с человека, для того, чтобы все возможности нового строительства предстали пред нами с полной ясностью, в продуманном их учете.

Мы говорим много о краеведении, понимаем его значение и кое-что уже делаем,—свидетелем тому более полутора тысяч ныне существующих краеведческих организаций. Но работа краеведов только тогда сможет принести настоящие плоды, когда появятся сотнями и тысячами углубленные, всесторонние исследования отдельных частей страны, отдельных, самых глухих ее углов. Когда на страницах, как в работе А. М. Большакова и в работах других авторов, встанут живые статистические цифры, будут учтены все, даже мельчайшие явления жизни,—тогда наше строительство действительно станет на твердую базу, его успех будет вполне обеспечен. И потому—побольше читателей книге А. М. Большакова и не только читателей, но и подражателей.

Сергей Ольденбург.

8 марта 1927 г.
г. Ленинград.

ДЕРЕВНЯ

1917 — 1927 гг.

Моей жене
Марии Михайловне.

ОТ АВТОРА.

1917—1927 гг...

Десять лет... В истории всех народов бывают эпохи глухого безвременья, когда годы, словно похожие друг на друга верстовые столбы, уходят в прошлое бесцветными и малозначительными. Их однообразие утомительно, а бессодержательность вызывает у современников чувство досады и на жизнь,—за то, что она такая серая, и на себя,—за то, что приходится жить в период затишья. И в такие эпохи люди, прожившие десятилетие, обычно говорят:

— Разве миновало уже десятилетие, а не всего лишь один год?!..

Но бывают и иные времена,—времена грандиозных потрясений и осуществления великих возможностей. И тогда каждый коротенький месяц, даже иная скромная неделя так разбухают от распирающих их событий, что кажутся не месяцами и неделями, а длинными, длинными годами. И если время измерять не календарем, а переживаниями, то так понятно, почему люди, прожившие десятилетие подобной эпохи, удивленно восклицают:

— Неужели прошел только один десяток лет, а не целое столетие?!..

Мы, прошедшие через красоту и ужас Великой российской революции, все мы, по справедливости, имеем право сказать о только что миновавшем десятилетии 1917—1927 года:

— Прошло целое столетие, да еще какое!

А если так, то можно и даже следует оглянуться назад, тщательно припомнить, как мы прожили эти удивительные годы, и попытаться подвести некоторые итоги на грани отошедшего десятилетия. Надлежащее знание прошлого даст нам возможность полнее и глубже понять сегодняшний день

истории. Верная же оценка текущей действительности является необходимым условием сознательной борьбы за будущее. Мы хотим знать, чтобы предвидеть, а предвидеть надо для того, чтобы действовать уверенно.

Само собою разумеется, что изучение первого десятилетия Великой российской революции во всем ее грандиозном размахе может быть выполнено лишь совместными усилиями многих и многих вдумчивых исследователей и, наверное, еще не так-то скоро. Но время быстро стирает память о прошлом. Поэтому желательно, чтобы каждый из нас, теперь живущих, не откладывая, выполнил свою культурную обязанность—подытожил бы свои наблюдения над недавним прошедшим, если он ими занимался.

Я лично в свое время поставил перед собой такую задачу: изучить хозяйственно-бытовые и общественно-культурные отношения, развертывавшиеся в течение революционного периода на территории моей родной волости—Горицкой волости, Кимрского уезда, Тверской губернии. Должен оговориться: ставя перед собою указанную задачу, я не мыслил разрешить ее с исчерпывающей полнотою и глубиною. Количество разрезов, по линиям которых можно изучать волость, бесконечно велико. Я же, сообразуясь с моими силами, временем и пр., смог в процессе моей работы остановиться лишь на некоторых из них, хотя, по моему мнению, основные плоскости в настоящем труде все же не остались без освещения. Затем многие из глав моей книги, проработанные каждая особым специалистом, несомненно, значительно выиграли бы по своему содержанию и даже, возможно, из маленьких главок превратились бы в самостоятельные, большие исследования,—я же, обладая очень скромными познаниями в области многих из тех разнообразных вопросов, которых мне приходилось касаться в работе, все-таки рискнул поднять их, так как отлично знал, что если я пройду мимо этих вопросов, то они, в отношении Горицкой волости, навсегда уже останутся в тени. Я сделал то, что мне было по силам, и так, как считал правильным.

Изучаемую волость я знаю как в до-, так и в послереволюционных условиях ее существования. Имел и имею там

крестьянское хозяйство, в работах которого принимал частичное участие. Последнее обстоятельство невольно ставило меня лицом к лицу со многими особенными моментами деревенского житья-бытья и значительно облегчало мне понимание этих моментов.

К собиранию материалов о моей родной волости, рисующих те или иные стороны ее жизни за исследуемый период, я приступил с первых же лет истекшего десятилетия. Дело это, по целому ряду причин, оказалось далеко не из легких. Живя в пределах волости, будучи там своим человеком, от которого не скрывалось многое, что тщательно пряталось от строгого глаза начальства (хотя бы и товарищеского) или от подозрительного чужака, я, например, вынес твердое убеждение, что многие так называемые официальные сведения, полученные с низов и на основании которых в центре вычерчиваются красивые диаграммы, часто совсем не отражают настоящую жизнь, попросту говоря—не стоят и выеденного яйца. Сошлюсь на один разговор, который за все эти годы, с некоторыми изменениями, неоднократно происходил между мною и кем-либо из советских служащих волости.

Обычно жалуются:

— Уж очень много центр требует от нас разных сведений. Анкета за анкетой. То одни цифры, то другие.

— А вы и давайте их. Если государство станет строить свою политику на цифрах, это будет самая верная политика.

— Да, помилуйте, волисполкомы перегружены текущей работой. Иные сведения дать нетрудно—даем. Другие же цифры еще собирать надо, да и собирать-то умеючи, а в нашем распоряжении вообще нет свободных людей.

— Ну, так и отпишитесь.

— Невозможно! И срок поставлен, и строгой ответственностью угрожают. Не исполнишь предписания—еще под суд попадешь. Кроме того, сам инструктор говорит: если цифр под рукою нет, с потолка давайте.

— Как это: «с потолка»?

— Очень просто: посмотреть на потолок, подумать немного, да и проставлять цифры, какие бог на душу положит.

— Нехорошо так-то.

— Сами знаем, что неладно. Пускай пришлют к нам в волость специального статистика; он станет собирать здесь материал,—тогда и будет хорошо.

Ознакомившись с только что приведенным разговорчиком (он имел место и в 1919 г., и в 1920 г. и т. д.), совсем не следует успокаиваться на том, что так было раньше, а вот теперь...

Кстати, вот небольшая, но яркая иллюстрация, как может обстоять и действительно обстоит дело с достоверностью сведений, получаемых от низового аппарата, именно теперь— цитирую заметку из центральных «Известий» от 18 января 1927 года (да, 1927 года!):

«Тверские губучреждения превратились в «рог изобилия», рассыпающий по викам инструкции, анкеты и «формы», убийственные «формы». Вот форма «отчетности» гублесотдела по охоте на четырех страницах. Вики должны давать сведения, например, о «количестве заеденных или раненых хищниками домашнего скота, птиц, лошадей, жеребят, коров, свиней, собак» и т. д. и «кем они заедены или ранены—медведями, волками, лисицами, горностаями, и на какую сумму». Затем следуют таблицы, где требуется указать убитое количество «медведей, тетеревов, глухарей, лисиц, зайцев»... Короче, 32 графы для 32 разновидностей зверей и дичи. Для полноты картины еще один пункт: «Сколько из убитого количества продано, каким организациям и сколько штук употреблено для своих нужд». Уздравотделы, с благословения губздрава, разработали ведомость по учету стационарных больных, в которой 96 граф. Все здесь предвидено, все «учтено», вплоть до «возраста членов семьи больного». Наркомвнудел с помощью ГКХ превзошел и лесотдел, и здравотделы требованием от виков отчетов о коммунальном хозяйстве по «форме», отпечатанной брошюркой в 16 страниц. Иллюстрируем «глубокопродуманность» ряда пунктов этой брошюры следующими выдержками: «Число селений, в которых к концу отчетного периода имеются в большинстве прогалов древесные насаждения», «число селений, в которых в течение отчетного периода была произведена в прогалах посадка деревьев», и т. д. Затем следуют длинной вереницей учреждения, «раз-

рабатывающие» «формы отчетов». Здесь губоно, губфо, губстатбюро и пр. Все они теребят, торопят и требуют, требуют упорно: отчитываться по форме. А вики стонут: «Мы больше половины вопросов не понимаем и отвечаем на них с помощью потолка...» Да, единственное для виков спасение от потоков «отчетов»—«потолок»...

Заметка коротенькая, но достаточно выразительная.

Итак, не только в прошлом, но и в настоящем почтенный «потолок» частенько выручал и выручает низы. А так как «потолок» существует не только в Тверской губернии, но и во всех других пунктах Союза ССР, то... Ну, можно, пожалуй, и не договаривать!

Однако только что описанное—не единственный камень преткновения на многотрудном пути собирания доброкачественного материала о деревне. Кроме итогов, попадающих в статистические рубрики непосредственно с «потолка», рубрики эти пестрят и просто неверными цифрами [1]. Трудно, напр., ожидать, чтобы крестьяне, давая, скажем, сведения о количестве высеянных хлебов в 1920 году и зная, что в зависимости от их указаний у них будет отчуждена, по твердым ценам, та или иная часть урожая, сообщили бы безусловно верные цифры. Выверить же многие из важных итогов соответствующие учреждения—особенно в первые годы революции—были совершенно не в состоянии, даже при самом добром желании это сделать.

Было немало и других «камней». И даже не по части выуживания материалов, на которые можно положиться, научно их выверив. Бывали трудности в сохранении уже добытых материалов. Дело в том, что за все эти годы в волости переменилось немало всякого начальства. И местные «посты» занимали иногда люди болезненно подозрительные, мозг которых сверлила мысль:

— А не для зловредной ли Антанты собирается материальчик о нашей Горицкой волости? Знаем мы эти научные цели!

Ну, конечно, сейчас с обыском:

---

[1] В разных местах своей работы я укажу на ряд просто неверных или сомнительных официальных данных—см., например, табл. 19 в конце книги.

— Где у вас, товарищ, бумаги с разными сведениями?

Приходилось подавать бумаги. Их забирали. И они бесследно исчезали.

Хорошо, что на случай подобных обысков (теперь уж дело прошлое, покаюсь) у меня, вроде дежурного блюда в ресторане, была всегда пачка «дежурных», ненужных мне бумаг, а настоящие-то материалы запрятывались далеко. Заготовленную-то пачку я всегда и давал, она и гибла. Моя невинная хитрость спасла для меня немало ценных документов по истории волости за минувшее десятилетие...

Источники, которыми я пользовался, можно разделить на три группы. К первой принадлежат научные произведения, статистические таблицы и пр., напечатанные отдельными изданиями или же опубликованные во всеобщее сведение в сборниках, бюллетенях и т. п. Ко второй относятся разного рода сведения, полученные мною путем официальных справок (в письменном виде) от тех или иных учреждений и должностных лиц. Третью и самую значительную по объему группу составляют данные, добытые путем обработки сырого материала [1]. Излишне подробно говорить о том, что все материалы о волости, независимо от того, как и откуда они добыты, подвергались мною, прежде нежели пользоваться ими, самой тщательной критической их оценке.

Нижеописываемая Горицкая волость, если можно так выразиться, «средняя», т.-е. типичная для своей губернии. Из большого количества данных, подтверждающих только что сказанное, возьмем лишь несколько—и только цифры. Напр., для сельского населения губернии в 1916 году рогатого скота

[1] Например, цифры о новых постройках в волости добыты из архивных материалов страхового советского агентства, — они извлечены из специальных листков, заведенных на каждого домохозяина волости. Просмотрев за трехлетие около 6.000 листков, я и получил в результате цифры, которые ниже фигурируют. Погодные сведения о том, что отчуждалось властью у населения по твердым ценам в принудительном порядке, добыты путем оперирования с самыми разнообразными документами: счетными книгами волостного исполн. комитета, книжками квитанционными, ордерными и пр.; таблица местных рыночных цен на продукты составилась отчасти из собственных записей, а отчасти по сообщениям местных сведущих людей, имеющих связь с вольным рынком волости, и т. д., и т. д.

(с молодняком) приходилось 44 головы на 100 человек [1],— для Горицкой волости за тот же год было скота (и тоже с молодняком) как раз 44 головы на 100 человек [2]; по губернии хозяйств без всякого скота было в 1916 г. 15,7% общего их числа [3],—для волости, за тот же 1916 г., эта цифра совпадает с точностью до одной десятой [4]; без коров по губернии было в 1916 г. 19,9% хозяйств [5],—по волости—18,7% [6] и т. д.

Горицкая волость—рядовая земледельческая волость. В Тверской губернии можно наблюдать два типа волостей. Одни, лежащие близко к удобным путям сообщения (около железных дорог, по Волге и проч.), часто имеют в своих пределах какой-нибудь даже высоко развитой кустарный промысел (напр., Кимрская волость [7] с знаменитым на всю Россию сапожничеством); в таких волостях почти вся пашня в пустырях (не теперь, конечно). Примером иного типа служит Горицкая волость. Она лежит в глухом углу уезда, в 40 верстах от Волги, в 45 верстах (Савелово) [8], с одной стороны, и в 75 верстах (Тверь), с другой, от железной дороги. Кроме сельского хозяйства, подкрепляемого обычными для центральных губерний отхожими промыслами, здесь ничем нельзя добыть себе пропитание. И население волости искони усердно занималось земледелием...

Следует заметить, что изучаемая мною Горицкая волость за последние годы дважды укрупнялась (в 1922 г. и в 1924 г.— см. главу «Укрупнение волости»). Это обстоятельство несколько осложнило мою исследовательскую работу. Чтобы иметь возможность оперировать с величинами, сравнимыми за все годы изучаемого периода, мне, при освещении целого ряда

---

1 „Стат. Ежегод. Тверс. губ. 1915—16 гг.“, стр. 30 и 116.

2 См. табл. 8 и 15.

3 См. „Ежегодн.“, стр. 116 и 117.

4 Табл. 8 и 15.

5 „Ежегодн.“, там же.

6 Табл. 8 и 15.

7 В 1918 г. село Кимры переименовано в уездный город. В 1922 году Горицкая волость, состоявшая раньше в пределах Корчевского уезда, за совершенным упразднением последнего перечислена в Кимрский уезд.

8 Савелово—конечный пункт Савеловской ветки, в 120 верстах от Москвы.

тем (скотоводство, земледелие, налоги и т. д.), пришлось делать в материалах, относящихся к 1922—1926 гг., кропотливые выборки. Другими словами, по некоторым темам, волость, вплоть до 1926 года включительно, рассматривалась в ее прежних, доукрупненных границах, что в соответствующих местах работы и оговорено. Присоединение к волости районов, в хозяйственно-бытовом отношении с нею почти однородных, давало мне право вести изложение многих тем (обычаи, частушки, школа, идеалы детей и пр.) без всяких оговорок, не производя никакого выдела в материалах за последние годы. Но в работе имеются, на ряду со всеми прочими, и такие темы, самое появление которых объясняется фактом укрепления волости, напр., главы «Укрепление волости» или «Волостной бюджет» (известно, что именно укрупненная волость является хозяйственной и финансовой базой для современного волостного бюджета).

В тексте книги встречаются небольшие цифровые таблички. Более громоздкие цифовые таблицы или же такие, на которые приходится ссылаться неоднократно и в разных главах работы,—все они помещены в конце книги, в специальном отделе (см. «таблицы»). В конце же книги находится и картограмма, знакомящая нас с положением землеустройства и агроработы в волости на 1/I 1927 года, а также и с процессом ее укрупнения. Все соответствующие пояснения к указанной картограмме читатель найдет в ряде разных глав работы (см. главы: «Скотоводство», «Земледелие», «Кооперация», «Укрупнение волости» и др.).

Свое вступительное слово я должен заключить словом благодарности по адресу целого ряда лиц, оказавших мне то или иное содействие в моей работе по изучению Горицкой волости.

Прежде всего я приношу глубокую благодарность Алексею Семеновичу Киселеву, Секретарю ВЦИК'а, внимание которого к моему труду значительно облегчило мне дело собирания многих и разнообразных материалов, положенных в основу настоящего исследования.

Мой учитель, профессор Николай Александрович Рожков, охотно давал мне свои ценные советы в связи с различными вопросами, встававшими передо мною в процессе оформления

моего труда. Эти советы нашли отражение не на одной странице выпускаемой книги. Но я лишен возможности засвидетельствовать свою признательность дорогому Николаю Александровичу—его уже нет между нами, мы потеряли его навсегда. Будем скорбно хранить светлую память об этом большом ученом и человеке большого сердца...

Членов Бюро ленинградской Секции Научных Работников и особенно ответственного секретаря ее, проф. Василия Адамовича Зеленко, я прошу принять мою товарищескую благодарность за то материальное вспомоществование, которое мне было предоставлено Секцией и помогло осуществить некоторые изыскания в связи с задуманным планом работы.

Горячо благодарю моих земляков: П. Г. Белякова, М. В. Градусова, И. С. Гусева, А. А. Клячугина, И. М. Кудряшева, С. Д. Никольского, П. Е. Хохлова, В. В. Шохина и других, охотно снабжавших меня ценными сведениями, относящимися к теме работы и здесь мною использованными.

Москва.
25 февраля 1927 г.

А. Большаков.

ПРОШЛОЕ ВОЛОСТИ.

В виду того, что наше исследование целиком посвящено разработке истории Горицкой волости за последнее 10-летие, т.-е. только за революционный период ее бытия, то, само собою разумеется, мы имели бы полное право совершенно не углубляться в сравнительно далекое и совсем отдаленное прошлое волости и района, ее окружающего. Но так как настоящая работа выходит отдельной книгой, то ради создания некоторой цельности впечатления у читателя от изучаемой волости и для приобретения хотя бы отдельных черт, до известной степени обрисовывающих местный исторический фон, мы в этой первой главе и даем беглый, эпизодический обзор прошлого, связанного как с территорией современной Горицкой волости, так и с территорией близлежащих местностей.

Древнейшие времена. Все равно—изучаете ли вы давно минувшие дни такой необъятной страны, как наш Союз ССР, или же вас занимают первоначальные судьбы такого маленького клочка земли, как та или иная волость,—вы неизменно задаете себе один и тот же вопрос: когда сюда впервые пришел человек и какие памятники он оставил после себя?

Понятно, что чем обширнее площадь изучаемого района, тем легче ответить на поставленный вопрос о первых поселенцах края, так как на сравнительно пространной площади больше вероятностей встретить не только какие-либо, но подчас и самые разнообразные следы пребывания человека глубокой старины. И обратно: чем меньше район, который желательно охарактеризовать в историко-археологическом [1]

---

[1] Археология — наука о древности, изучает отдаленнейшее прошлое человека по изделиям его рук, сохранившимся до нашего времени. Изделия чело-

отношении, тем труднее становится выполнение задачи. Поэтому, когда речь идет о седой древности такой незначительной территориальной единицы, как волость, то, чтобы избежать возможных затруднений и в то же время правильнее и полнее осветить историю первоначального появления в пределах данного края человека, необходимо принять во внимание не только археологические памятники изучаемой территории, но и соответствующие памятники окрестного района, сродного с изучаемой территорией по физико-географическим условиям. Подобный прием будет совершенно логичным, так как жизнь человека, развертывавшаяся на незначительном клочке земли, вроде современной волости, даже во времена первобытные не могла протекать вне всякой связи с жизнью соседних населенных пунктов.

Самые древние следы человека, обнаруженные в окружении Горицкой волости, относятся к неолитическому периоду. В бывшем уездном городе Корчеве, отстоящем по прямой линии от села Гориц в 33 верстах, найден на берегу Волги

веческих рук далекого прошлого — это преимущественно различные орудия труда, изготовленные из разнообразного материала. Материал имел громадное влияние на темп культурного развития человека: ковкий металл давал возможность человеку иметь более разнообразные типы орудий, нежели камень, и делал человека во много раз сильнее в борьбе с природою, нежели тот же камень. И вот в основу классификации предметов своего изучения археологическая наука кладет род материала, из которого в ту или иную эпоху человек приготовлял свои орудия. Таким образом мы получаем: век камня, век бронзы и век железа. Век камня распадается на 2 периода: палеолитический, или древне-каменный („палеос"—по-гречески значит древний; „лифос"—камень), и неолитический, или ново-каменный („неос"—новый). Само собою разумеется, что эти века и периоды не сменяли друг друга одновременно для разных частей света. В Египте, напр., каменный век существовал за несколько тысячелетий до христианской эры, а в Сибири некоторые инородцы и посейчас употребляют каменные орудия. В Европе, как полагают одни ученые (профессор Анучин и др.), период палеолита длился около 50.000 лет, другие же ученые (нар., Пенк) отводят для палеолита даже до 1.000.000 лет. Неолитическая эпоха была менее длительной, нежели предшествующая ей,— на нее падает 10—15.000 лет. В период неолита человек научился полировать и сверлить камень, обжигать глиняную посуду, строить примитивные жилища, приручать животных, ткать грубую ткань, ловить сетями рыбу, человек начал заниматься земледелием и проч.

каменный ножик. В нынешнем уездном городе Кимрах, расположенном от села Гориц опять-таки по прямой линии в 45 верстах, в разное время обнаружены: кремневое долото, каменная стрела и проч. Все эти вещи, как и иные, добытые в других пунктах уезда, носят на себе характерные черты именно неолитического периода. Следовательно, во время неолита люди, несомненно, жили сравнительно недалеко от центра изучаемой волости—села Гориц. Возможно, что неолитический человек обитал и на территории современной Горицкой волости, хотя следов такого раннего пребывания его в пределах волости пока и не обнаружено.

Следующие по времени археологические памятники—это городища [1], а потом курганы [2].

Одно городище находится в пределах волости, в 8-ми верст. от села Гориц, на мысу, образуемом рекой Медведицей и впадающим в нее справа ручьем Мегленом, там, где теперь стоит Кривецкая мельница. Это Кривецкое городище, или город Кривец, к сожалению, до настоящего времени не раскопано. Повидимому, городок Кривец—памятник гражданского и духовного быта славянского племени кривичей и имеет приблизительно тысячелетнюю давность. Но, может быть, данные раскопок Кривца, если они когда-либо будут произведены, заставят нас признать в этом городище сельбище какого-либо финского племени. Любопытно отметить один пережиток глубокой старины, связанный с этим городищем и дошедший до наших дней,—в день всех святых (начало лета) на территории городка совершается народное гулянье молодежи из окрестных деревень.

[1] Городищами ученые называют сооружения, расположенные обыкновенно на возвышенных местах, по берегам рек, большею частью на стрелке или мысу, образованном впадающим в реку притоком или оврагом. Такие возвышенные мысы представляли удобства для обороны в случае нападения. Во многих из городищ собирались окрестные жители и для жертвоприношения.

[2] Курганы, встречающиеся в Западной, Средней, но преимущественно Южной России,—насыпи над могилами, которые было в обычае насыпать у ряда древних племен (у скифов, сармат, славян и у др.). По форме насыпи эти бывают круглые и продолговатые. Некоторые из этих насыпей имеют до 10 саж. высоты и до 150 саж. в окружности.

Если городище Кривец пока еще таит в себе памятники давно минувшей жизни, то в 1904 г. были произведены раскопки городища «Топорок» [1], лежащего по прямой линии верстах в 40 от села Гориц, а от границ волости—верстах в 20, на левом берегу Волги, верстах в полутора выше села Сухарина. В виду близости упомянутого городища к границам Горицкой волости необходимо остановиться на результатах раскопок «Топорка».

«Топорок» в древнее время лежал на самом берегу Волги, которая потом отошла от городка на расстояние саженей 50. Занимая по площади около ⅓ десятины, городище имеет продолговато-закругленную форму. Внутренняя площадь городища окружена с 3-х сторон двумя рвами и одним валом, а с четвертой стороны—тремя валами и тремя рвами. Валы и рвы имеют вместе ширину от 7 до 8 саж. С западной стороны, где материк образует естественный уклон, почва была искусственно приподнята древними обитателями городища. С этой стороны на материке возведена как бы стена из правильных рядов больших камней, соединенных между собою глиной с песком, при чем самый верхний пласт глины для прочности примитивно обожжен. Доказательством того, что стена эта—не нагромождение камней природою, а сооружение рук человека, служит то обстоятельство, что камни были положены довольно правильно, т.-е. крупные лежали на известном расстоянии друг от друга, от 4 до 5 футов, а между ними насыпаны мелкие камни вместе с глиною и песком.

При раскопках были обнаружены в небольшом количестве кости различных животных (всего 1 п. 22 ф.): свиньи, кабана, лошади, барана, быка и некоторых других. В более значительном количестве (по весу—6 п. 29 ф.) найдены остатки предметов гончарного производства, главным образом черепки посуды с разнообразным орнаментом. Изучение типа сосудов городища «Топорок» позволяет сказать, что жизнь здесь замерла до начала IX века. Повидимому, люди оби-

[1] Свое название городище получило от наименования «Топорком» местности, часть которой оно составляет.

тали здесь между V и VIII веками. Кроме черепков посуды, найдены глиняные пряслица[1].

Но самой интересной находкой является плоская глиняная птица величиною в 3½—2 дюйма, с рисунком на лицевой стороне из выпуклых кружков. При самой птице собрано 49 экз. глиняных же колокольчиков и привесков разнообразной формы. И птица и привески найдены были на 2-х кругах, сделанных из плотно утрамбованной обожженной глины, размерами: диаметр—2 фута, толщина—около 4 дюймов, с сквозным отверстием посередине.

Так как изображение птиц с бляхами, колокольчиками и ремешками и до настоящего времени составляет принадлежность костюма остяцких шаманов и подобные птицы были найдены в древних могильниках приуральской чуди (изготовленные из металла в виду богатства им Приуралья), то, несомненно, птица из «Топорка» с бусами и глиняными кругами имела связь с отправлением религиозных обрядов насельников городища.

Костяных и каменных предметов обнаружено совсем мало: несколько игл и несколько наконечников для стрел.

При раскопках извлечены и некоторые бронзовые вещи: пуговицы, рукоять, колечки, браслеты и проч., а также и железные ножи, наконечники для стрел, браслетик (см. изображение некоторых предметов, добытых при раскопках «Топорка», на прилагаемой табличке; фотографии заимствованы из «Трудов 2-го Областн. Тверск. Археол. Съезда»).

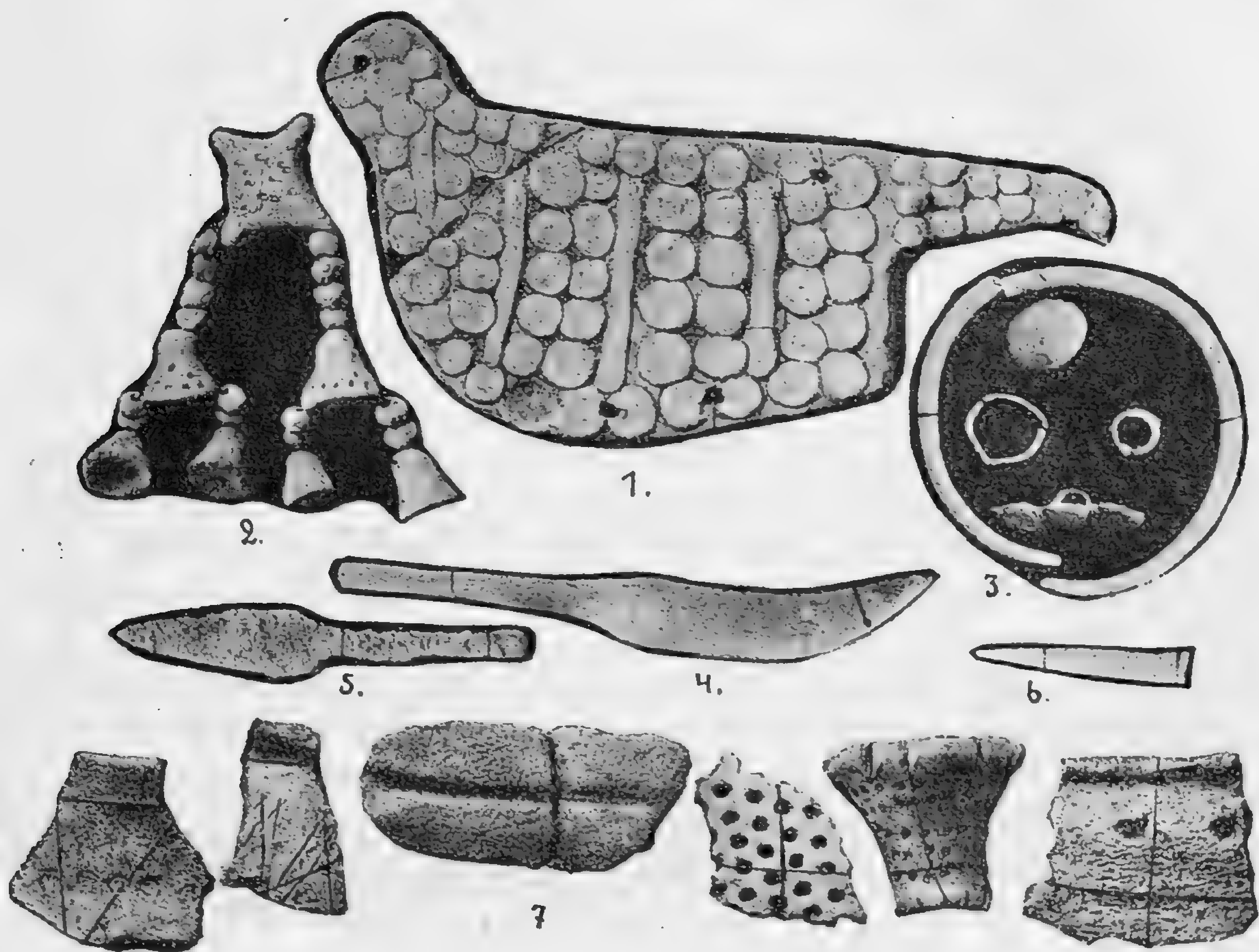
Предметы, выявленные раскопками «Топорка», характеризуют в известной мере культуру отдаленнейшего периода, существовавшую чуть ли не на самой границе (в 20 верстах от нее) нынешней Горицкой волости. По своему инвентарю городище «Топорок» принадлежит финнам, а из финнов—племени веси.

После городищ более близкие к нам по времени археологические памятники—это, как уже было отмечено, курганы.

Нужно сказать, что Горицкая волость в 1922 г. и в 1924 г., в два приема, была укрупнена (подробнее об этом речь впе-

[1] Пряслица надевались на конец веретена для придания ему устойчивости.

реди). На территории нашей волости до ее укрупнения курганов не было, они были расположены в нескольких верстах от ее границ. Но если взять современную площадь волости, то некоторые группы курганов уже обнимаются волостными рубежами (близ деревень Выркино, Дор, Ненорово), а дру-

Некоторые предметы, обнаруженные при раскопках городища „Топорок“: 1—глиняная птица; 2—колокольчики и привески; 3—бронзовый гладкий браслет из толстой проволоки, внутри два маленьких бронзовых колечка и две бронзовые пуговицы, из которых одна состоит из трех мелких пуговиц, в ряд слитых между собою и имеющих одно общее ушко, а другая круглая, выпуклая, с ушком на изнанке; 4—железный нож; 5—плоский, миндалевидный наконечник стрелы из графита со стержнем; 6—костяная игла; 7—черепки глиняной посуды.

гие группы значительно приблизились к новым границам волости (около села Суток—в одной-двух верстах от границ; при селе Красном, при деревнях: Воробьево, Грибово, Алешево, Серговка, Вески и проч.—тоже в нескольких верстах

от волостного рубежа). Все курганы, за исключением воробьевских, еще не раскопаны.

Часть курганов при дер. Воробьево была вскрыта в 1879 г., при чем обнаружены чрезвычайно испорченные тлением мужские и женские костяки, а из вещей—бронзовые и серебряные украшения, стеклянные бусы, железный нож, горшки.

Если взять курганы, расположенные не в нескольких верстах, а несколько дальше от границ волости, так верстах в 20—22 (по прямой линии), то следует сказать два слова о случайных раскопках курганов при дер. Посадах, к северу от села Гориц, и о раскопках курганов при дер. Заборье, к югу от села Гориц.

Курганы около дер. Посады дали до 200 различных предметов, в том числе 18 серебряных арабских монет VIII, IX и X веков.

Курганы около дер. Заборье были раскопаны сперва в 1878 году, а затем—в 1884 г. Были вскрыты могилы 106 покойников, но кости, за немногим исключением, почти все истлели. Найден большой ассортимент вещей. Различные украшения, ножи и топоры—все это из меди с очень незначительным процентом олова и цинка; обнаружены и предметы из железа, но в самом ничтожном количестве и, повидимому, изготовленные здесь же, так как при раскопках наткнулись на место, где железная изгарь или кузнечные шлаки толстым слоем покрывали землю; горшки сделаны из разнообразной глины, грубой, ручной формовки; в курганах при дер. Заборе найдена серебряная монета утрехтского архиепископа Бертольда (1027—1054 гг.).

Инвентарь раскопанных в районе Горицкой волости курганов и внешний вид курганов еще не раскопанных указывают, что они принадлежат славянам—кривичам и относятся к XI—XIII векам.

Итак, находки предметов из камня периода неолита, городище и курганы—все это с несомненностью указывает на то, что как территория Горицкой волости, так и весь район, непосредственно к ней примыкающий, были заселены людьми, называя округленно даты, свыше 1.000 лет назад. Вначале, лет 1.000—1.400 назад, жили финны (городище «Топорок»), а за-

тем, лет 1.000—1.100 от нашего времени, появились славяне — кривичи (курганы).

Но кто же были первые насельники края? Финны или славяне? По тем данным, памятникам материальной культуры, о которых мы говорили, выходит, что как будто бы финны.

Академики А. И. Соболевский и Н. Я. Марр, подвергшие глубокому анализу по линии языкознания [1] названия рек, речек, озер, гор, урочищ и проч., независимо друг от друга и исходя из разных оснований, приходят к одинаковому решению [2]: главная масса местных названий принадлежит не финским языкам. Повидимому, древнейшие обитатели страны принадлежали к скифо-сарматским племенам, которые пережиточно налицо в нас, русских. Само собою разумеется, в русских, особенно в великороссах, есть немало и финской крови, крови тех финских племен, которые в свое время густо населяли северо-запад и северо-восток современного Союза ССР.

Возможно, что каменные орудия времен неолита, обнаруженные в районе, подступающем к границам Горицкой волости, и принадлежат какому-либо скифо-сарматскому племени, жившему до финнов, тоже оставивших след в местных названиях нынешнего Кимрского уезда [3].

---

[1] Лингвистика (от латинского слова „лингва" — язык), или языкознание, изучает историю человеческого языка как с его внешней стороны (распадение языка на определенные разновидности, смешение языков, их взаимодействие и проч.), так и с его внутренней стороны (перемена в самом строе языка, в тех представлениях, которые связываются с известными языковыми фактами и проч.). Тщательное изучение всех отдельных элементов языка дает чрезвычайно много в отношении установления фактов о древности и степени близости отдельных народов и проч. Благодаря языкознанию наука выявляет такие факты, которые отделены от нас многими тысячелетиями и о которых материальная культура не сохранила никаких памятников.

[2] Здесь речь идет, конечно, о решении вопроса в общем масштабе — о древнейших насельниках России, а в том числе и Тверской губ. с ее Горицкой волостью.

[3] При составлении обзора по древнейшему периоду мы пользовались работами В. А. Плетнева, Ю. Г. Гендуни, А. И. Кельсиева и др. авторов, а также и нашей собственной книгой „Вспомогательные исторические дисциплины", изд. 4-е.

XVI—XVII века. С тех пор, как славяне плотной массой стали вести вполне оседлый образ жизни в пределах нынешнего Тверского края, факты языкознания, конечно, потеряли свой узко-местный историзм—они уже не освещали и не датировали нам событий незначительных по территории районов, вроде современной волости или уезда. После принятия нашими предками христианства исчез обычай, связанный с языческими верованиями, хоронить покойников с целым набором различных предметов, будто бы необходимых им в загробной жизни. Поэтому, разрытие старинных христианских кладбищ уже не давало ничего, кроме совсем истлевших или полуистлевших человеческих костей. С распространением металлов, сменивших камень в качестве материала для выделки разнообразных орудий и поделок, металлов менее устойчивых, особенно при попадании их в землю, перед разрушающим влиянием времени, нежели камень, значительно пало количество находок, характеризующих начало исторической эпохи в районе изучаемой территории. Из построек, обычно деревянных в сельских местностях, тоже не осталось ни одной от столетий седой древности. Все эти обстоятельства принуждают нас совсем пройти мимо раннего исторического периода волости, перескочив сразу в XVI—XVII века.

Если мы обратимся к писцовым книгам [1] конца XVI и XVII веков по двум древним уездам [2]—Тверскому и Кашин-

---

[1] Первая более или менее правильно организованная писцовая перепись имела место в XIII веке, когда татары переписали все мужское население Руси на предмет обложения его данями. Подобные подушные переписи производились регулярно через каждые 17 лет. В XIV в., когда князья сами стали собирать с населения дань для татар, эти переписи из поголовных превратились в поимущественные, и вследствие этого изменилась и самая система описей. Описание владений, развиваясь и совершенствуясь, к XV в. сложилось в систему писцовых книг, которые и представляют собою правительственные документы XV — XVII веков, дававшие государственной власти материал для податного обложения населения. Самая старая из сохранившихся писцов. книг—от 1499 г. Всего дошло до нас около 3.500 книг (по 1729 год).

[2] Административное деление нашего государства на губернии появилось только при Петре I — в 1702 г. он учредил Ингерманландскую губер-

скому, в пределах которых лежала современная Горицкая волость, то прежде всего мы установим, что она, как отдельная территориальная единица, тогда не существовала.

Клочок нынешней Горицкой волости со всеми озерами: с Великим, Конечным, Белым, Щучьим, Светлым, Чайкиным и другими, судя по одной писцовой книге, находился в древнем Тверском уезде, в Шеском стане. Вся остальная территория изучаемой волости лежала (тоже по данным писцовых книг) в древнем Кашинском уезде, но ни в одном, а в трех станах: часть земель с с. Горицами отходила к Середецкому стану, другая часть—к стану Меньшая Слободка Задубровская и 3-я, последняя часть,—к стану Большая Слободка Задубровская.

Мы приведем сейчас выписку из писцовой книги конца XVI века, с сохранением орфографии памятника, с описанием

нию из местностей, завоеванных от Швеции. До Петра I все государство Московское делилось на уезды. Уезды эти слагались в разное время и под влиянием различных обстоятельств: напр., Кашинский уезд представлял собою, без изменения границ, старинное княжение удельной эпохи; иные уезды образовывались вследствие административных мероприятий московского правительства уже в более позднее время и т. д. Уезд распадался на более мелкие административные единицы, являющиеся по своему происхождению и более древними, нежели уезд, — на станы и волости. Хотя в XVII веке оба эти понятия были часто равнозначащими, т.-е. стан — это было то же, что и волость, а волость — это то же, что и стан, но историческое происхождение стана и волости и первоначальное значение их было различно. В удельное время волость представляла собою сельский округ, объединенный общими выборными должностными лицами (старосты, сотские и друг.), которые должны были наблюдать за правильным несением тягла, творить суд в пределах самой волости и проч. И в XVII веке встречаются еще волости, составляющие обычно владение одного лица: государя, патриарха, местного архиерея, монастыря или же частного лица, которому волость дана путем пожалования. Позднее волости появляется стан. Князь или его наместники в определенное время выезжали в уезд для сбора дани и налогов, для отправления суда и проч. Приезжая в уезд, они останавливались, разбивали свое становище в известных местах, которых было несколько в уезде и куда к ним стекались жители уезда. Так образовались станы — территории, тянувшие судом и данью к определенному пункту. Мало-по-малу волости стали вытесняться станами и переименовываться в станы.

земель великого князя Симеона Бекбулатовича[1]. Эта выписка позволит нам в известной мере нарисовать картину хозяйственного состояния в конце XVI века как раз того клочочка волости, который числился тогда в Тверском уезде, но ныне принадлежит к Горицкой вол.

«... И всего на островѣхъ 2 дв. [2] монастырскихъ, а людей въ нихъ 2 челов. [3], да дв. дьяконской, да дв. просвирницынъ, да 2 кельи, а живутъ въ нихъ старцы мірскіе, да дв. бобыльской [4], а крестьянскихъ живущихъ [5] оброчныхъ

---

[1] Симеон Бекбулатович, крещеный касимовский хан, был в 1574 г., по прихоти Грозного, посажен на царство с титулом „гусударя великого князя Симеона всея Руси". Через несколько месяцев он был сослан Грозным в Тверь с титулом „великого князя Тверского". Симеон пережил Грозного и в правление Бориса Годунова был сослан в отдаленный город. Первый самозванец постриг его в монахи Кирилло-Белозерского монастыря, а царь Василий Шуйский сослал его в Соловки. Симеону, когда он был князем тверским, принадлежала часть нынешней Горицкой вол.— клочок с озерами.

Писцовая книга, из которой мы приводим ниже цитату, напечатана в отделении 2-м, части 1-й „Писцовые книги", изд. 1877 г. (под редакцией Н. В. Калачева).

[2] Дв. — двора.

[3] Челов. — человека.

[4] Бобыли не имели пашни. Они могли пользоваться сенокосным угодьем, за которое платили оброк собственнику земли; платили они и „позем"—плата за усадебную землю; обязывались делать „изделия", т.-е. участвовать в полевых работах на господина. В конце XVII века бобыли были уравнены с крестьянами в отношении уплаты государственного тягла.

[5] Живущие дворы — противоположность дворам „в пусте", пустым. Крестьянские постройки или „хоромы", как их называли раньше, принадлежали обычно землевладельцу (князь, боярин, монастырь и проч.). И земля и хоромы предоставлялись обычно тем, кто рядился к землевладельцу „во крестьяне", на основании свободного договора. Правда, к концу XVI века задолженность крестьян землевладельцам была настолько велика, что редкие из них могли, расплатившись с долгами, перейти к другому землевладельцу, поискать для себя более выгодных условий существования. Но все же возможность подобного перехода не была исключена. Кроме вольного перехода, крестьяне просто бежали от прежнего землевладельца к новому или же крупный землевладелец, и потому более сильный, увозил крестьян с земель мелкого землевладельца на свои. Таким образом некоторые дворы были заселены и пахали пашню, числясь в „живущих", а другие — пустовали и заносились при переписях в „пустые".

23 дв., а людей въ нихъ 26 челов. [1], а пустыхъ оброчныхъ жа 7 дв... Пашни церковные поповскіе полдес. [2], да сена поповского 10 коп. [3], да крестьянскіе пашни на островѣхъ межъ озеръ худ. земли [4] 8 дес. въ полѣ, въ дву потомужъ [5]... Да къ той же слободкѣ пожни [6]... сѣна ставитца на тѣхъ пожняхъ 600 коп., а сѣно—осока, тросникъ... А сошного писма въ живущамъ полполтрети сохи [7], а въ пустѣ полполтрети сохи, а кладено на соху 240 дв. А оброку имъ довати за посошный кормъ [8] 2 алтына [9] безъ полуденги,

[1] Эти 26 человек — мужчины в рабочем возрасте; остальное население не учитывалось в писцовых книгах.

[2] Полдес. — полдесятины; одна дес. равнялась 2.400 кв. саж.

[3] Сенокосы измерялись не десятинами, а количеством копен накашиваемого при среднем урожае сена. Обычно считалось, что одна десятина дает 20 копен сена.

[4] Худ. земли — худой земли. При определении количества земли всегда отмечалось и качество ее: худая, средняя, добрая (хорошая), так как с десятины худой земли брали меньше сборов и налогов, нежели с десятины средней, а с десятины средней — меньше, чем с десятины доброй.

[5] Обычно в писцовых книгах, при трехпольной системе, обозначалось количество земли только в одном поле. „В двух потомужъ" — в двух других полях по стольку же.

[6] Пожни — покосы по лесу.

[7] Так как крестьяне снимали земли в очень дробных размерах, а расчет разных повинностей удобнее было вести на крупные единицы обложения, предоставив внутреннюю раскладку производить самим крестьянам, то общей тягловой един. во всем московском государстве была „соха". Соха была или мерой поземельной, заключавшей определенное количество земли, или же подворной, обнимающей известное количество „живущих" дворов. В мелких владениях, где земли или дворов не набиралось на целую окладную единицу — на соху, наличное число „живущей" земли или дворов выражалось дробью—частью сохи. Соха подразделялась или по системе 2 ($^1/_2$, $^1/_4$, $^1/_8$ и т. д.), или по системе 3 ($^1/_3$, $^1/_6$, $^1/_{12}$ и т. д.). „Полполтрети" — половина половины трети сохи, т.-е. $^1/_{12}$ сохи.

[8] Посошный корм — доход в пользу местной высшей администрации.

[9] Алтын — от татарского слова „алты", что значит шесть. В алтыне было шесть денег, а двести денег или „московок" составляли рубль. Чтобы иметь представление о рубле XVI века, к каковому периоду относится писцовая книга, нами цитируемая, указываю, что в среднем за 1 рубль XVI века можно было купить около 20 пуд. ржи (данные для расчета взяты из статьи В. О. Ключевского — „Русский рубль XVI — XVIII веков в его отношении к нынешнему").

а 10 ден. въ пустѣ, пошлинъ дворецкого и дьячихъ 3 ден. съ полуден., а ямскіе денги платити имъ съ сошного писма по великого князя уложенью[1]...»

Дальше идет перечисление озер: Великое, Щучье и др., на которых озерчане, упомянутые 26 чел. тяглых людей, вольны были ловить рыбу «семью неводы». Но за право ловли они все вместе должны были «в великого князя казну в Дворцовой Приказъ[2] оброку довати 20 полтора руб.[3], да пошлин дворецкого и дьячих 35 алт. 5 ден.».

Таким образом получается, что 23 крестьянских хозяйства, имеющие каждое в среднем по 1½ дес. пашни во всех трех полях вместе и ловящие рыбу в озерах, при чем рыбная ловля для озерчан в XVI веке, как и в настоящее время, повидимому, была главным источником пропитания, и, судя по величине оброка, эти ловли тогда были чрезвычайно обильными, должны были платить всех платежей (за пользование землей, за право ловли рыбы) 23 рубля 16 алтын и полденьги. Принимая рубль конца XVI века за 25 руб. довоенных[4], получим общую сумму всех сборов с 23 хозяйств в 587 довоенных рублей. Но довоенные рубли стоили дороже нынешних, червонных, т.-е. на 1 довоенный рубль можно было купить разных товаров больше, нежели на современный рубль. Переведем 587 руб. довоенных в червонные рубли 1926 года. Для этого возьмем общесоюзный общий индекс розничных цен хотя бы на 1 августа 1926 года[5]. По этому

---

[1] Ямские деньги — сбор на содержание ямщины; их брали в XVI веке по 10 рублей (тогдашних) с одной сохи. Следовательно, с $1/12$ сохи приходилось $5/6$ рубля или 166½ денег.

[2] Приказы являлись органами центрального управления в государстве. Первые из них появились еще в XV веке. Дворцовый приказ или Приказ Большого дворца ведал между прочим дворцовыми землями, к числу которых принадлежали и земли Симеона Бекбулатовича.

[3] 20 полтора рубля — 21½ рубль.

[4] Перевод денег сделан по Рожкову и Готье: см. Н. Рожков — „Сельск. хоз. Моск. Руси в XVI веке“, стр. 210, и Ю. Готье — „Замосковный край в XVI веке“, стр. 539.

[5] Индекс цен (от латинского слова „индекс“ — указатель) служит или для определения вздорожания жизни, или для характеристики общего изменения товарных цен и тем самым для определения изменения покупа-

индексу 1 рубль довоенный (1 рубль 1913 года) стоит 2,34 червонных рубля. Следовательно, 587 довоенных рублей будут равны 1373 рублям 58 коп.

В настоящее время «на островех», в тех селениях, которые упоминаются в писцовой книге конца XVI века, состоит 63 хозяйства, имеющие 68 трудоспособных мужчин и 69 дес. пашни, т.-е. по 1,1 дес. на хозяйство. Общая сумма всех прямых налогов с этих 63 хозяйств на 1926 г., считая и 150 р. арендной платы за рыбные ловли в озерах,—386 р. 65 коп.[1].

Сравним тяжесть налогового бремени.

Прямых налогов в червонных рублях.	В конце XVI в.	В 1926 г.
На 1 хозяйство	29 р. 72 к.	6 р. 14 к.
„ 1 работ.-мужчину	52 р. 83 к.	5 р. 68 к.
„ 1 дес. пашни	57 р. 24 к.	5 р. 60 к.

Если мы от конца XVI века передвинемся вперед лет на 100 и возьмем не деревни озерчан, а обыкновенные поселения крестьян, занимающихся исключительно земледелием, то по писцовым книгам 80-х годов XVII века убедимся, что средняя запашка на крестьянский двор была в нашем районе около 4 дес. в 3 полях, а обеспеченность среднего крестьянского хозяйства скотом такая: пара лошадей, 2—3 коровы, 2—3 овцы и пара свиней[2].

тельной способности денег. Способов (методов) вычисления индексов цен существует немало. Индексом цен будет средняя из отношений цен какого-либо товара в данный момент к цене товара за какой-либо предыдущий момент (скажем, за 1913 год). Если, например, фунт сливочного масла в 1913 году стоил 50 коп., а в 1926 году — 80 коп., то индекс будет 1,6 (80 : 50). Можно вычислять индексы цен совокупности товаров, например, всех промышленных товаров, сел.-хоз. и проч.

Общий индекс розничных цен на 1 августа 1926 года взят из „Экономического бюллетеня Конъюнктурного института“, № 8 за 1926 год, стр. 12.

[1] Сумма эта взята из поселенных налоговых списков по озерским островным селениям: Заречье, Остров и Петровское.

[2] См. труд Ю. Готье — „Замосковный край в XVII веке“, табл. на стр. 331 и таблицы на стр. 453—454.

XVIII—XX века. Еще через одну сотню лет, в 80-х годах XVIII столетия, неизвестный автор сочинения под названием «Генеральное соображение по Тверской губ.» [1], делясь с нами своими сведениями, добытыми при генеральном межевании [2], в таких выражениях описывает внешность, занятие, быт и хозяйство корчевских [3] крестьян, а в их числе, следовательно, и горицких крестьян:

«Жители по большей части роста посредственного, лицом продолговаты, волосом темнорусы, неглупы, проворны и смелы. До 90 лет мало проживают, умирая между 60 и 80 годами. Впрочем, ведут жизнь здоровую. Болезни здесь обыкновенные: по веснам лихорадки, летом горячки, зимою кашли и простуды. Из хронических болезней страдают некоторые падучею.

«Упражнения крестьян во весь год никакой от других уездов отмены не имеют: летом и весною все они упражняются в хлебопашестве, а осенью в молотьбе, зимою в промыслах. Женщины зимою прядут и за домом и скотом смотрят.

Надо думать, что в начале того же XVII века, в период смутного времени, когда крестьянство от разорения и тяжелых налогов бежало, куда глаза глядят, хозяйство было гораздо беднее. Любопытно, какое громадное запустение отмечают писцовые книги 20-х годов XVII века по соседнему с нашей волостью Тверскому уезду. В Тверском уезде, площадь которого превосходила тогда площадь нынешнего Тверского уезда, было всего-навсего в 20-х годах XVII века 590 крестьянских дворов обитаемых, 910 пустых (крестьяне сбежали) и 541 бобыльский двор, т.-е. всего, с пустыми дворами, было 2041 двор. В Горицкой же волости в 1927 году было около 2.500 населенных дворов.

[1] Полное название этого сочинения такое: „Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783 — 1784 г."; издано это сочинение Тверским губернским земством в 1873 году и имеет оно 163 стр.

[2] Генеральное межевание было начато при Екатерине II, но не было закончено и до начала революции. Установлено оно было, как гласили межевые законы, „для того, чтобы, во-первых, привести в известность количество земель и угодий, принадлежащих частным лицам или казне, и, во-вторых, утвердить спокойствие владельцев постановлением правильных и несомненных границ поземельных владений".

[3] Корчева была переименована из села в город указом Екатерины II в 1781 году и имела всего 27 обывательских домов. В 1923 году Корчева снова стала селом.

«Крестьяне здешние, по числу земли, коей на каждую соху не менее десятины в поле полагается, и по ее плодородью,— не только продовольствуются хлебом и прокормят скот, но еще часть того и другого продают, по цене на 7 или 8 рублей [1], к тому, получив от промыслов своих вдвое или и более, не имеют недостатку в деньгах как для уплаты податей, так и для собственных надобностей, а потому и живут безбедно.

«Мужское платье состоит: в шубе, кафтане и балахоне. Зажиточные ходят весьма опрятно: в кожанах, смурых кафтанах и сапогах. Женщины носят кокошники, не очень высокие, сарафаны же их и прочие наряды обыкновенные.

«Едят они хорошо и сытно. В скоромные дни: щи со сметанною, с салом или мясом, крутую кашу с маслом; завтракают блинами и аладьями. По постным дням: щи заливают конопляным соком, варят горох, парят репу, пекут пироги с грибами, употребляют соленые грузди и рыжики. Также едят земляные яблоки [2], напарив в горшке и посыпав солью. Спят на войлоках под дерюгами и на соломе. По утрам встают в 4, а ложатся в 10 часов. Женщины по зимам, а особливо на супрядках, сидят долго.

«Крестьянское строение хорошо: крыто по большей части тесом или дранью. Избы делаются высокие с подпольями; у некоторых с красными окнами и с трубами [3]. На дворах

---

[1] Нужно иметь в виду, что 143 года назад, когда писал свой труд автор „Генерального соображения", покупная способность рубля была иной, нежели теперь или до войны. Вот цены того времени на некоторые предметы и продукты: изба сосновая стоила от 18 до 30 руб., аршин холста от 5 до 7 коп., пятиведерная бочка соленых щук — 1 руб. 50 коп., десяток беличьих шкурок ценился в 20—30 коп., четверть ржи (9 пудов) 1 руб. 30 к. — 1 руб. 50 коп. и т. д. (все эти цены существовали в Тверской губернии).

[2] Земляные яблоки — это картофель, который был в то время большой редкостью. Картофель, как известно, в первый раз появился в России при Петре Великом, но до самой середины XIX века, он распространялся очень медленно, несмотря на то, что правительство рекомендовало населению разводить его (еще при Екатерине II был издан о картофеле сенатский указ).

[3] Если трубы были только в некоторых домах, то, повидимому, большинство изб топилось „по-черному".

расположение обыкновенное. Деревни тесны, беспорядочны, а улицы в них грязны. Живут по две семьи. Для света употребляют лучину. Избы топят жарко.

«Из скота держат: лошадей, коров, овец и свиней, коз имеют мало и шерсти с них не чешут; куриц водят все; голубей— в каждом селении, гусей—немногие. Здешний скот мелок и нередко подвержен падежу, а особливо коровы во время сухой погоды. Каждый посредственного состояния крестьянин имеет двух лошадей, двух коров, двух овец, одну свинью, пять или шесть куриц. Скот кормят соломой и овсяным огуменным кормом, по большей части сухим. Корм задают три раза в день. На водопой гоняют два раза. Летом в поле выгоняют при восхождении, а пригоняют при захождении солнца.

«Крестьяне на помещиков работают с доль пополам каждый день, кроме праздников, а оброчные[1] платят по 3 руб. с души, или от 5 до 10 руб. с венца[2]».

Относительно с. Гориц автор «Генерального соображения» говорит, что «в Горицах еженедельный торг по воскресеньям» и «при селе Горицах полотняная фабрика бригадира Олсуфьева, состоящая из десяти станов, другая—надворного советника Олсуфьева при селе Дуброве[3], с четырьмя станами. Полотнам продажи не бывает, а употребляют их на собственные расходы...»

Так жили мои земляки 143 года назад...

Напоминая то, что было сказано в самом начале настоящей главы, т.-е. что наше исследование посвящено разработке истории Горицкой волости лишь за последнее десятилетие, мы, естественно, только в самых коротких словах и эпизодически задержимся на ее истории за XIX век.

Посмотрим, как росло население волости, начиная с момента, почти совпадающего с временем обследования уезда автором «Генерального соображения».

Нужно заметить, что крестьянство Горицкой волости было в свое время почти сплошь помещичьим. Помещичьи же кре-

---

[1] Обрсчные крестьяне, платя оброк, были свободны от барщины.

[2] Венец — это одна семья (обычно так).

[3] Дуброво лежит в полуверсте от с. Гориц.

стьяне объединялись не в волости, а станы (мы их называли, когда шла речь о конце XVI века). Поэтому Горицкой волости не существовало до самого 1861 года, когда крестьянство, освободившись от крепостной зависимости, получило единообразное по всей стране административное устройство— было разбито по волостям. И наша волость была открыта только 20 мая 1861 года [1].

Таким образом для выяснения количества населения, расселенного на территории, учрежденной в 1861 году, волости за период до 1861 года, нужно было обратиться к архивным документам о тех селениях, которые потом вошли в состав Горицкой волости, и сделать соответствующий подсчет крестьян. Эти документы—ревизские сказки [2], начиная с IV ревизии, проведенной в 1782 г., при чем по VII ревизии нет полных сведений, и мы ее пропустим. Последняя же дата, по которой даны сведения о количестве населения,—всеобщая перепись 1897 года, бывшая спустя 10 лет после сплошного земского обследования губернии.

Даем материал в табличке, помещенной на стр. 32.

Как видно из таблички, прирост населения волости за 115 лет выразился в 32%.

Интересно отметить, что в 1782 г. женщин было несколько меньше, нежели мужчин, а в 1897 г. количество их выросло почти на 500 против мужского населения волости. Сравнивая данные за 1811 г. с данными за 1834 г., мы замечаем, почти

[1] 20 мая 1861 года Тверское губернское по крестьянским делам присутствие утвердило проект организации Горицкой волости, составленный корчевским уездным предводителем дворянства Балкашиным (дело № 24 за 1861 г. Тверск. губ. по кр. делам присутствия, листы: 128—130, 147—149; дело хранится в Эконом. секции тверск. губархива).

[2] Материалы ревизии хранятся в Экон. секции тверск. губархива. Переписи XVII в., большой точностью не отличавшиеся, послужили образцом для последующих переписей — для так называемых ревизий. Первая ревизия, начавшаяся в 1719 г., тянулась несколько лет — до 1727 года, так как помещики всячески стремились „утаить души" своих крепостных, чтобы возможно меньше платить за них податей. Вторая ревизия — в 1743 г., третья окончилась в 1767 г. Даты последующих ревизий, вплоть до последней, десятой, указаны в нашей табличке. Сведения о количестве населения подавались в форме „ревизских сказок", из которых было видно не только количество, но и возраст населения.

Даты.	Населения.			
	Мужчин.	Женщин.	Всего.	
			По количеству.	В %% к 1782 г.
IV ревизия 1782 г.	3 133	3 093	6 226	100
V „ 1795 „	3 174	3 169	6 343	102
VI „ 1811 „	3 709	3 167	6 876	110
VIII „ 1834 „	3 717	4 164	7 881	127
IX „ 1850 „	3 650	4 079	7 729	124
X „ 1858 „	3 603	4 138	7 741	124
Обследование 1887—88 г. . . .	3 722	4 292	8 014	129
Перепись 1897 г.	3 835	4 376	8 211	132

при отсутствии прироста мужчин, увеличение женщин в волости на целую тысячу. В документах нет никаких указаний, объясняющих этот факт. Придумывать объяснения мы не находим возможным.

Материалы, касающиеся отдельных селений, которые здесь, в виду их громоздкости, не приводятся, рассказывают нам о самом капризном изменении в количестве их населения за те или иные даты. Здесь, конечно, имели значение самые разнообразные факторы: продажа крестьян на своз, покупка новых крепостных, эпидемии, особенно поражавшие отдельные поселения и т. д.

Укажу несколько селений с различными вариантами по линии развития их населенности, взяв для простоты три даты: 1782 г., 1834 г. и 1897 г. (стр. 33).

Теперь остановимся на сведениях, рисующих хозяйственное положение будущей Горицкой волости накануне освобождения крестьян, по материалам X ревизии, т.-е. от 1858 г.

Эти сведения заимствованы из описаний имений, составленных самими владельцами их по вопросам, предложенным

Было всего населения в:	В 1782 г.	В 1834 г.	В 1897 г.
Вереинке	122 чел.	47 чел.	64 чел.
Дуброве	167 „	129 „	164 „
Королихе	11 „	100 „	76 „
Кривоногове	76 „	155 „	236 „
Ошиткове	112 „	79 „	95 „
Попрошаеве	9 „	109 „	71 „
Збыневле	92 „	224 „	129 „
Чухове	34 „	133 „	69 „

центральным статист. комитетом министерства внутрен. дел. Но, к сожалению, они не совсем полны—касаются только 60 из 74 селений, вошедших в 1861 г. в состав Горицкой волости, и в отношении этих 60 селений имеются по ряду пунктов пробелы. Во всяком случае извлечем то, что можно извлечь из наших материалов, хранящихся в настоящее время в губархиве.

В 60 поселениях было 582 двора, при чем на каждый двор (хозяйство) в среднем приходилось:

Всей земли	29,6	десятин
Только удобной земли	29,2	„
Лошадей	1,84	головы
Крупн. рогат. скота	3,27	„
Мелкого	3,62	„

Из всего количества земли, находящейся в пользовании у крестьян, 3.390 дес. было собственной и 13.838 дес. принадлежало помещикам.

На 582 двора приходилось 1013 тягл [1]. Там, где помещики не вели своего хозяйства и поэтому не пользовались трудом крепостных, они обкладывали каждое тягло денежным оброком. Оброк брался, смотря по зажиточности крестьянина.

[1] Тяглом в нашей местности считались два взрослых работника — мужчина и женщина.

У нас в волости он был от 17 руб. до 29 руб. в год с тягла. Если помещик вел хозяйство и вел его при помощи своих крепостных, то тягло давало ему в год до 156 рабочих дней, да еще разных вещественных сборов (яйца, лен, масло, бревна и пр.) с тягла на сумму от 82 коп. до 5 р. 87 к. в год.

Всех денежных сборов с крестьян в 1858 году было получено 16.848 руб. 93 коп. Наши материалы не дают нам точного ответа на вопрос, с какого же количества дворов получены эти 16.848 р. 93 коп. Мы только можем сказать, что большая часть крестьянских хозяйств были оброчными, а меньшая их часть отбывали барщину, т.-е. платили помещику за землю работою.

Хозяйство и помещики и крестьяне вели трехпольное. Валовой доход с одной десятины (за год) колебался, завися от качества земли, от ее обработки и пр., в пределах: с пашни—от 22 р. до 65 р., с сенокоса—от 4 р. до 7 руб.

Цена крестьянского двора со всеми принадлежностями была от 60 руб. до 300 руб.

Рабочая сила стоила, на харчах нанимателя, за год работы: мужская—от 40 р. до 65 р., женская—от 15 р. до 35 р. На лето же («от Егорьева дня до Покрова», т.-е. с 23 апреля по 1 октября): мужчина—от 25 р. до 50 р., женщина—от 10 р. до 23 р. (тоже на харчах нанимателя). Поденщина на харчах нанимателя: мужчина с его лошадью—от 40 до 70 коп., а пешему—от 25 до 40 коп., женщине с лошадью—от 30 до 50 к., а пешей—от 15 до 25 к.

Всего у помещиков, владевших 60 селениями, было дворовых людей (дворовые люди не сидели на крестьянском хозяйстве): 82 мужчины и 79 женщин, а из них разным ремеслам было обучено: мужчин—25, а женщин—5.

Содержание дворовых у разных помещиков было различное. Помещик Балкашин, которому принадлежали деревни Беляево и Сошниково, выдавал: семейным по 1 пуд. 25 ф. муки в месяц на человека и право держать на продовольствии помещика корову и овцу; холостым—пища в застольной и ½ ф. мяса. Помещик Александр Олсуфьев, владелец деревень Якшино, Авделиха и др., выдавал на год: семейным—1 четверть 4 гарнца ржи на человека, да деньгами—

взрослым мужчинам от 5 до 30 р. в год, а женщинам—до 3 р. в год, кроме того, всем одежду зимнюю и летнюю, льна по 1 пуду на человека, огород и право держать корову на продовольствии помещика; холостым—то же самое и харчевых в месяц по 85 коп.

На этом мы и закончим наш очерк прошлого волости, оставляя за собой право в ряде дальнейших глав пользоваться для сопоставления разнообразными материалами, характеризующими хозяйственную жизнь Горицкой волости в XIX веке.

СКОТОВОДСТВО.

Общий очерк. В нечерноземной полосе скотоводство является одним из предварительных условий для возможности земледелия. Рассматривая цифровую картину состояния этой отрасли хозяйства (табл. 33) накануне революции, в 1916 г., и в революционный 1920 г., мы увидим следующее. Процент хозяйств, совершенно не имеющих скота, упал с 15,7 до 11,7. Это понятно: деревенские жители, а в их числе и приехавшие туда за последние годы, стремятся обзавестись скотом, чтобы использовать его или как живой инвентарь (при падении отхожих промыслов у населения завязывается более тесная связь с земледелием), или как средство питания (продовольственный кризис, отсутствие на рынке молока, масла, мяса и др. заставляли многих приобретать корову и овец, чтобы иметь эти продукты). Количество безлошадных дворов увеличилось в процентах с 31,5 до 34; на одно хозяйство приходится вместо 0,85 только 0,67 лошади, а на 100 дес. посева вместо 35,3 лишь 29,4 лошади. Чем объяснить отмеченный факт при наличии значительного увеличения общей площади запашки в волости (ср. табл. 9 и 19) и на каждое (табл. 34) отдельное посевное хозяйство? Укажу, что за последние годы в волости не наблюдалось случаев эпизоотии, и территория волости не служила театром военных действий,—таким образом, исключительные обстоятельства не могли влиять на повышение цифры безлошадных дворов. Все объясняется более просто, чем это кажется на первый взгляд. Если сравнить число хозяйств в 1916 г. и в 1920 г. (табл. 15), то увидим, что прирост их выражается 21%. За последние годы крестьянские семьи пополнялись членами, отсутствовавшими почти десятки лет (жили на стороне), обремененными своими

семьями; в крестьянской избе становилось тесно и людно, а разница в привычках, в традиционных взглядах на жизнь и житейские отношения вела к ссорам между коренным составом деревенской семьи и приехавшими горожанами; отсюда—выход из семьи, дележка, возникновение нового хозяйства. Но, построив свой собственный дом, не всякое новое хозяйство обязательно обзаводилось и лошадью: купив лошадь, надо было покупать и необходимый к ней инвентарь (сбрую, телегу, сани, плуг, борону и пр.); нередко на это не было средств, да и новые хозяева (особенно, если это были горожане) часто не знали, стоит ли обзаводиться крестьянством, плотно засесть в деревне или же пока что «переждать», а потом вернуться в город на фабрику, на завод, в лавку и пр.

По Горицкой волости на 100 жителей лошадей было в 1916 году 26, а в 1920 г.—только 15[1].

Переходя к вопросу о распределении лошадей по хозяйствам, мы (табл. 33) видим, что процент однолошадных хозяйств вырос с 54,6 до 65%, но хозяйств с двумя лошадьми стало меньше почти на 12% (с тремя и более лошадьми хозяйств в волости было и есть очень немного)—двулошадных хозяйств в 1920 г. всего только 1%. Явление это не следует объяснять сокращением запашки на двор,—запашка не сократилась, а увеличилась (табл. 34). Здесь другое: во-первых, при конских мобилизациях лошадей забирали преимущественно у парников (у кого пара лошадей)—естественно, что не желая терпеть убытки, парники продавали вторую лошадь, хотя бы она и была необходимой в их хозяйстве; во-вторых, законодательство при выполнении разверсток, реквизиций животных и пр. не бронировало то или иное количество скота (а в числе его и лошадей) по отношению к посевной площади или вообще к размерам крестьянского хозяйства, что делалось по отношению к запасам хлебов[2],—отсюда, если крестьянин имел нужду во второй лошади и мог обзавестись ею, он все же воздерживался купить ее, так как она была

[1] Вычислено на основании данных таблиц 8 и 15.

[2] Ст. 683, № 62 „Собр. узак. и расп. раб. и кр. прав.“ за 1918 г. и ряд других законоположений бронируют известную часть хлеба за хозяйством (расчет по едокам), отчуждая излишек.

у всех, если можно так выразиться, «сучком в глазу», и сучок этот был бы все равно быстро изъят. Правда, в законодательстве имелся некоторый намек на норму скота по отношению к посевной площади,—закон, нормируя кормовой хлеб, подлежащий оставлению для удовлетворения потребностей хозяйства, гласил[1]: «кормы оставляются по следующему расчету: в хозяйстве с посевной площадью до 5 дес. на 1 лошадь; от 5 до 10 дес.—на 2 лошади; от 10 до 17—на 3 лошади; от 17 до 24—на 4 лошади и т. д.». Но это служило лишь руководством при расчетах кормов, не бронируя в крестьянском хозяйстве лошадей по отношению к посевной площади.

Любопытно, что нерабочие лошади в 1919 г. составляли 14% числа рабочих, а в 1920 г. их уже 20% (табл. 8). Это увеличение числа нерабочих лошадей—не случайное явление. Дело в том, что, если лошади не было 3 лет, то она не подлежала реквизиции и не выполняла работ по наряду, кормы же (если ей от 2 до 3 лет) на нее оставлялись. Цены же на лошадей именно за последние годы, а особенно за 1923 г., поднялись очень высоко. Выкармливая молодую лошадь до возраста 2½—3 лет, крестьянин продавал ее очень выгодно[2]. Если же оставлять не жеребенка, а лишнюю телку или овцу, то надо было, до введения единого сел.-хоз. налога, выполнять мясной наряд в большем размере.

Количество бескоровных хозяйств несколько понизилось: с 18,7% до 18,3%, при чем на каждые 100 дес. посева коров осталось почти прежнее количество (52,2 и 52,1), на 100 же душ число коров уменьшилось с 24,1 до 22,6; на отдельное хозяйство в среднем приходится 1,19 коровы вместо 1,17 в 1916 г. Эти цифры говорят о большей устойчивости коровы по сравнению с лошадью, что статистическими данными предыдущих лет подтверждается для всей страны[3].

---

[1] „Собр. узак. и расп. пр. за 1918 г.“, № 62, ст. 683, примеч. 2 к § 3.

[2] В 1920 г. средняя цена нерабочей лошади была около 450.000 руб. (осенью), т.-е. 40 пуд., если считать на рожь; осенью 1923 г.—уже 200—250 пуд., считая на рожь. С 1924 г. цены на лошадей значительно упали, чуть ли не вдвое.

[3] А. Фортунатов—„Сел.-хоз. статистика Евр. России“ (1893 г.). Молодняк по отношению к взрослым коровам составлял: в 1918 г.—74%,

Если мы обратимся к классификации хозяйств по числу коров, то убедимся, что между 1916 и 1920 гг. разницы почти не существует; налицо даже незначительное улучшение: число однокоровных хозяйств понизилось на 0,6% за счет увеличения двух и трехкоровных хозяйств. Овец, ягнят и пр. тоже почти одинаковое количество на отдельное хозяйство (небольшое уменьшение). Устойчивость эта понятна, так как с увеличением числа хозяйств и запашки в волости безусловно необходимо было увеличить и число коров, так как вести полевое хозяйство в нечерноземной полосе без навоза невозможно. Кроме того, как корова, так и овцы доставляют продукты питания, что чрезвычайно важно при отсутствии свободной продажи последних.

Я сравнивал два года: 1916 и 1920.

Но на нашей таблице (табл. 33) имеются данные, характеризующие скотоводство в волости и за все последние годы, т.-е. за 1922—1926 гг.

Какую картину они рисуют? Что обозначилось нового к 1927 году сравнительно с 1920 годом?

Начнем с первой графы. Количество бесскотных хозяйств все время падает. Те, кто сунулись в деревню для того, чтобы «переждать» революцию, и к 1920 году еще не успели обзавестись скотом, теперь понемногу обзаводятся им. Со скотом чувствуешь себя устойчивее, тем более, что сенокос наделяется бесплатно. Правда, нэп открыл кое для кого из «пережидающих» некоторые перспективы, и из волости, начиная с 1921 г., замечается отлив мужского населения (см. табл. 15), но лучше, пока что, в город сунуться одному, без семьи (вдруг нэп обманет!), а жену и ребятишек все-таки оставить в деревне, обеспечив их если и не посевом, то огородом, коровой и парой овец. Приблизительно такого рода обстоя-

---

в 1919 г. — 52% и в 1920 г. — опять 74%. Цифра 52 случайная и не соответствует хозяйственным потребностям волости. Суть в том, что в 1919 г. волость посетил специальный отряд для реквизиции до 100 голов рог. скота за утайку скота от регистрации. Отряд посеял панику среди населения, граждане начали беспорядочно резать молодой рогатый скот, прирезано было несколько сот голов. Это довело колич. молодняка с 74% до 52%, а когда прошел год времени, 52% снова возросли до 74%.

тельства и соображения влияли на уменьшение бесскотных хозяйств в волости.

Падает и процент безлошадных хозяйств, но до начала 1924 г. довольно медленно, хотя лошадь для крестьянина является более необходимой, нежели корова. Причина этого медленного падения ясна—дороговизна лошадей, и дороговизна эта резко росла до 1924 г. Вот примерные цены: осенью 1922 г. лошадь приобретали за 100 пуд. ржи (их много шло с Поволжья, где крестьяне, вследствие голода, продавали их за бесценок), а в 1923 г., тоже осенью, такая же лошадь расценивалась уже в 250 пуд. (поволжцы, поправившись с новым урожаем, являлись даже в Тверскую губ. за лошадьми, в то время как в 1922 г. мы путешествовали за конями в Поволжье). С 1924 г., вследствие понижения цен на лошадей почти вдвое (подрос местный молодняк, да и поволжцы, оправившиеся от голода 1921 г., прекратили дальнейшую покупку лошадей), процент безлошадных хозяйств стал падать. В 1926 году он дошел в своем падении до цифры 26, став ниже дореволюционного (за 1916 г.) на $5\frac{1}{2}$%.

Любопытно отметить, что за 1926 г. таблица 33 отмечает, по сравнению с 1920 годом, как рост хозяйств с двумя лошадьми, так и с 2 и 3 коровами. Я уверен, что здесь имеют значение изменения в системе взимания налогов. Теперь каждый налогоплательщик отвечает только сам за себя; поэтому, если ему, по его хозяйственным соображениям, надо пустить 2, 3 или 4 коровы, то он и пускает их. При системе же разверстки, когда все плательщики были связаны круговой порукой в исправном внесении налога, дело обстояло не так; другому, смотришь, и надо бы завести еще корову, но он ее не заводил—а вдруг сосед не заплатит исправно свою долю налога и, может быть, за него придется тебе и отвечать, так как непременно скажут (и говорили):

— Ты состоятельный: у тебя вон корова лишняя—значит, тебе и платить надо больше, а заодно и недоимку соседа внеси!

Идя дальше по нашим графам, видим, что количество скота вообще как на одно хозяйство, так и на посевную площадь

упорно растет сравнительно с 1920 годом. Растет до 1924 г. включительно. Если мы возьмем, например, крупный скот (рабочих лошадей и коров), то убедимся, что в 1916 году его на 100 десятин посева приходилось 87,5 голов, а в 1923 году — 87,8, т.-е. как будто бы намечается тенденция залечивать раны войны, а дефекты, нанесенные в этой области хозяйству революцией (в 1920 г. на 100 дес. посева только 81,5 круп. голов скота), уже выправлены за минувшие три года. И коров, как мы видим по таблице, приходится на 100 душ населения больше, нежели и в 1920, и в 1916 годах.

Что касается 1924 года, то та тенденция, которая лишь намечалась в 1923 г., обозначилась совершенно резко: на 100 дес. посева уже не 87—88 голов крупного скота, а 114—115. Растет, но не так эффектно, и обеспеченность скотом как 1 хозяйства, так и каждых 100 душ населения. Это положительное явление объясняется, по моему мнению, такими причинами: рост лошадности—потребностью в рабочем скоте, а рост коровности—желанием вытолкнуть на рынок мясо и молочные продукты, так как хозяйству нужны деньги, которые раньше доставляли отхожие промыслы, ныне упавшие.

В 1925 г. обеспеченность скотом, пожалуй, лучше по сравнению с 1924 г., но во всяком случае не хуже (если по линии коровности снижение, то по другим линиям рост).

Но вот в 1926 году дело со скотом обстоит, как указывают нам и табл. 33 и табл. 8, определенно хуже, нежели за период предыдущих лет и даже за более ранние годы.

Дело здесь вот в чем. Неважный урожай травы в 1925 г. несколько поубавил скота в волости. В 1926 г. урожай травы был еще хуже—всего 50 п. на десятину, что почти на $^1/_4$ ниже среднего урожая трав (см. табл. 1). И крестьяне с осени 1926 г. стали распродавать скот, имея в виду снова купить его весною 1927 г. По расчетам крестьян, так будет выгоднее, нежели прикупать сено в течение зимы, чтобы только додержать скот до весны 1927 г. У нас в волости продажа скота осенью 1926 г. еще не практиковалась в таких широких размерах, как в деревнях, лежащих поблизости г. Кимр. В октябре 1926 г. я был в одной деревне, расположенной в 5 верстах от г. Кимр,—в ней от 45 коров осталось только 9,

а все остальные были распроданы на мясо. Сено же, у кого что было, тоже продается по дорогой цене в Кимры. Крестьяне уверены, что они «заработают»: сейчас продадут подороже сено (кто сколько может), а весною купят задешево коров. Конечно, весна покажет. У нас тоже дело пошло приблизительно по такой же линии.

Но ведь если мы заглянем в табл. 9, то увидим там 506 дес. под клевером—в 4 раза бо́льшая площадь, нежели в 1916 году. Действительно, с переходом на многополье посевы клевера у нас быстро растут. Но покос с этих 506 дес. распределяется не между всеми хозяйствами волости. Не все хозяйства имеют клевер—многие сидят еще на трехполье. Вот почему, несмотря на клевер, который имеет волость в целом, отдельные хозяева пораспродали часть своего скота.

В табл. 8 и 33 приведены соответствующие данные о положении скотоводства в волости с 1887 года. Характер происшедших изменений выяснится из рассмотрения таблицы.

К а ч е с т в о м е с т н о г о с к о т а. Население волости, в массе своей чисто-земледельческое, более бережно относится к скоту, чем в соседних волостях, в большинстве имеющих отхожий промысел. Главное внимание уделяется приобретению крепкой, улучшенной рабочей лошади, чему способствовало и то обстоятельство, что в с. Горицах с 1913 г. ежегодно ставились случные жеребцы тверской госконюшни в количестве 2-х, а в некоторые годы трех. В результате тринадцатилетнего улучшения крестьянской лошади, путем прилива крови кровных жеребцов, конский состав Горицкой волости заметно выделяется от лошадей других волостей уезда размером и упитанностью своих представителей.

В отношении рогатого скота население уделяло меньшее внимание, почему и по настоящее время в волости только лишь проскальзывают метисы среди отдельных хозяйств—швицев, симменталов, ярославок, масса же скота представляет собою русский скот, с незначительным удоем в 60—70 пудов в год, что связано главным образом с недостаточным кормлением в течение всего года, так как во время пастбищного периода подкормки почти никто не делает, а с постановкой на стойловое зимнее содержание скоро пе-

реходят на кормление яровой соломой с незначительной посыпкой ее мукой.

Можно надеяться на значительное улучшение в этом отношении в ближайшие годы, потому что с 1923 года быстро стало развиваться травосеяние—клевера и вики—и началось применение минерального удобрения на клеверах с хорошим результатом. Затрата на удобрение окупается в 2—3 раза, чем создается репутация искусственному минеральному удобрению и спрос на него.

Начало улучшения рогатого скота путем прилива крови надо отнести к 1925 году, когда в волость было введено 5 быков-производителей ярославской породы и 1 бык симментальской породы.

В 1926 году ввели еще несколько быков-производителей, число которых предположено увеличить в течение 1927 года. Для точного учета улучшенного скота в уезде и продуктивности его организована в Кимрах зоотехническая комиссия, в задачи которой входит также и создание молочных артелей, контрольных товариществ и т. д.

Как видно из данных по продуктивности скота в Горицкой волости, он в массе своей убыточен и так же, как другой северный русский рогатый скот, оправдывает историческое название «навозницы». Главной виной этому является недостаток фуража своего хозяйства, дешевый привозный молочный продукт в лавках и дороговизна фуража на ближайшем кимрском рынке, а отсюда и в волости Горицкой.

В общем надо сказать, что население Горицкой волости, достаточно сознательное, внимательно прислушивается к голосу руководящих агрономических сил, умеет оценить выдвигаемые предложения, поддерживает их и применяет их в жизни своего хозяйства. Поэтому при дальнейшем умелом руководстве населением Горицкой волости можно надеяться на быстрое получение хороших результатов от всей работы по линии поднятия и улучшения скотоводства.

Как на пример, укажу: в самом конце 1926 года в волости уже организовалась первая молочная артель (в с. Горицах), которая с 1927 года начинает свою работу по переработке в сыр молока от коров окрестного района.

По точному подсчету расходы по оборудованию сыроварни покроются в течение года при переработке за год не менее 4 тысяч пудов молока. Поставка такого количества обеспечена за молодой артелью.

Думается, что в течение ряда ближайших лет, в связи с развитием травосеяния, поднятием продуктивности скота, вынужденным сокращением посевов льна (вывоз волокна его за границу значительно сократился) и значительным падением, по сравнению с довоенным временем, реальной цены на хлеба, хозяйство волости коренным образом перестроится. Оно будет в основе своей молочным хозяйством.

Прибыль или убыток дает скот? Крестьяне волости редко ставят перед собою этот вопрос. А если их спрашиваешь об этом, то в громадном большинстве случаев получаешь такие ответы:

— Мы не подсчитываем, не знаем.

— Все равно: прибыль или убыток. Без скота нам нельзя, потому что наша земля без навоза не родит. Если не хочешь землю бросать, то и в убыток скотину будешь держать...

Считая, что поставленный вопрос чрезвычайно любопытный, мы попытаемся ответить на него, исходя из обследования определенных хозяйств волости.

Берем в д. Наумово три хозяйства отрубного землепользования при десятипольном севообороте и общем выгоне. Мы намеренно выбрали хозяйства отрубников-многопольников, чтобы выяснить интересующий нас вопрос в условиях наиболее культурных хозяйств волости. Если бы оказалось, что скотоводство даже в этих хозяйствах дает убыток или же приносит совсем ничтожную прибыль, то само собой разумеется, что в хозяйствах отсталых, опирающихся на трехполку, скотоводство будет еще более убыточным или же, в лучшем случае, совсем бесприбыльным.

Обследованные в октябре 1926 года хозяйства: одно—зажиточное, Постнова А. П., другое—середняцкое, Ефимова В. Н., и третье—бедняцкое, Филиппова А. И.

Дадим краткую характеристику каждого из указанных хозяйств.

Постнов, А. П., 41 г., зажиточный.	*Ефимов, В. Н. 24 л.,* середняк.	*Филиппов, А. И., 23 л.,* бедняк.

Семейство.

Жена 38 лет; сыновей — четыре: 17, 13, 11, 7 л.; дочерей — две: 14, 4 л.; всего — 8 чел.	Жена — 26 л.; дочь — 2 л.; сестра — 16 л.; отец и мать — 60 л.; тетка — 85 лет; всего — 7 чел.	Жена — 24 л.; отец и мать — 61 г.; всего — 4 чел.

Наличность скота.

Лошадь, 14 л.—200 р.— улучшенная рабочая. Коров — две — 7 и 5 л., по 100 р. Поросенок — один, выращивается ежегодно, пудов на 8 убойный вес. Кур — 12, петух — 1.	Лошадь — жеребец 8 лет — 200 руб. Коров — две — 6 и 7 л., по 80 руб. Поросят — два, ранее выращивал одного. Кур — 9, петух — 1.	Лошадь — мерин 8 лет — 100 руб. Корова одна 11 лет — 50 руб. Кур — девять.

Наличность земли.

Пахотной — 5 дес. Сенокоса — $3^1/_2$ дес.	Пахотной — $4^1/_2$ дес. Сенокоса — $3^1/_2$ дес.	Пахотной — $2^1/_2$ дес. Сенокоса 2 дес.

Усадьбы в $^1/_3$ десятины обеспечивают на год каждое хозяйство овощами и на них же получается значительное количество клубне- и корнеплодов.

Урожайность.

1926 год оказался по урожайности низким в отношении всех видов культур, почему цифры указываются урожая 1925 г. с средним, обычным у них урожаем:

Рожь — 1 дес.—120 пудов — 120 руб.	Рожь — $1^1/_2$ дес. — 150 п. — 150 руб.	Рожь—$^1/_2$ д.—60 п.— 60 руб.
Овес—$^1/_2$ дес.—80 п. — 80 руб.	Овес—1 д. —100 п.— 100 руб.	Овес — 1 д.— 80 п.— 80 руб.
Лен — $^1/_2$ д. — 10 п.— 80 руб.	Лен — $^1/_2$ д. — 5 п.— 40 руб.	Лен — $^1/_2$ д. — 6 п.— 48 руб.
Волокна и семя—13 п.— 33 р. 50 к.	Волокна и семя — 6 п. — 15 руб.	Волокна и семя — 18 п. (очень хорош.).
Картофель — $^1/_2$ д. — 480 п. — 192 руб.	Картофель — $^1/_2$ д.— 300 п. — 120 руб.	Картофель — $^1/_2$ д.— 280 п. — 112 руб.
Клевер — 1 д.—450 п.— 405 руб.	Клевер — $^1/_2$ дес. — 240 п. — 216 руб.	
Вика — $^1/_2$ д.—150 п.— 112 р. 50 к.		Вика—$^1/_2$д.—140 п.— 98 руб.
Сена лугового — 350 п.— 175 руб.	Сена лугового — 350 п. — 175 руб.	Сена лугового — 160 п. — 80 руб.

Подсобные заработки.

Валяльня (мастерская валяных сапог).	Нет.	Нет.

Теперь перейдем к выявлению приходо-расхода по скотоводству в каждом из трех хозяйств.

Работа лошади и оценка работы.

Пашня под рожь, 1 дес., 3 раза 108 раб. часов, бороньба—54 часа. Под овес—½ д., 2 раза 36 час. Бороньба ее—18 час. Под лен подъем ½ д. 24 часа. Бороньба—16 ч. Под картофель—½ дес., 3 раза 54 час. Бороньба ее—27 час. Разъехать картофель 2 раза—12 час. Выпахать, побороонить и перепахать 2 раза—48 час. Под вику ½ д., 2 раза 36 час. Бороньба—18 час. Навозница—84 часа. Подвоз дров для хозяйства—96 час. Обработка усадьбы—84 часа. Подвоз леса и мелкий ремонт—40 час. Уборка хлеба и корнеплодов с поля—84 часа. Езда на мельницу и маслобойку—дня 4—5. Подвоз сена из полей домой—дней 5, хотя много зависит от погоды.	У Ефимова количество земли на ½ десятины меньше, нежели у Постнова, но лошадь у него слабее, почему время, затраченное на обработку лошадью земли и уборку, приблизительно одинаково.	Пашня под рожь ½ д.—72 часа. Бороньба—36 ч. Под овес 1 д.—96 ч. Бороньба—48 час. Под лен ½ десят. подъем—32 ч. Бороньба—20 ч. Под картофель ½ д. 68 час. Бороньба—34 ч. Разъехать—15 ч.; выпахать, переборонить перепахать—60 час. Под вику ½ д. 45 ч. Бороньба—22 часа. Обработка усадьбы—60 час. Навозница—60 час. Подвоз дров—72 ч. Подвоз леса на мелкий ремонт—40 ч. Уборка хлеба и корнеплодов—54 ч. Большая затрата времени на работу объясняется слабостью лошади. На мельницу—2 дня. Подвоз сена—2 дня.

Продолжительность работ лошади по хозяйству.

839 час. и 10 дней по уборке сена и езда на мельницу.	Тоже.	834 часа и 4 дня на поездки за сеном и на мельницу.

Работа вне хозяйства.

Вне хозяйства лошадь ходит в извоз раза 2 в год с валовым доходом 20 руб.	Извозом лошади не зарабатывают.

Навоз.

Навоза в год от лошади около 530 пудов, стоимость его оценивается в 30—40 рублей.

Стоимость всех хозяйственных работ по найму.

Вся работа по хозяйству может быть выполнена наемной лошадью за 200 руб.	За 170 руб.	За 125 руб.

Продуктивность коров и оценка.

Удой[1] молока—по 170 п. в год на корову, при переработке коего на масло имеем 340 ф. масла, при расценке в Горицах 65 к. за фунт стоит 221 руб, и по кимрской — 85 к. — 289 руб.	Удой [1] молока — по 120 п. в год на корову, при переработке коего на масло имеем 240 ф. масла; при расценке в Горицах 65 к. за фунт стоит 156 руб. и по кимрской расценке — 204 руб.	Удой [1] молока — по 65 п. в год на корову, при переработке коего на масло имеем 130 ф. масла; при расценке в Горицах 65 коп. за фунт стоит 84 руб. 50 коп. и по кимрской—110 руб. 50 коп.
Творога около 17 п.— 54 руб. 80 коп. и по кимрской расц.—81 р. 60 к.	Творога около 12 п.— 38 р. 40 к. и по кимрской расц.—57 р. 60 к.	Творога около $6^1/_2$ п.— 20 р. 80 к. и по кимрской расц.—31 р. 20 к.
Навоза от коровы около 20 телег—20 руб.	Навоза от коровы около 20 тел.—20 р.	Навоза от коровы около 20 тел.—20 р.
Приплод—теленок 3 недель—10 руб.	Приплод — теленок 3 недель—10 руб.	Приплод — теленок 3 недель—10 руб.
Итого валовой доход от коровы по расценке Горицкой волости — 305 р. 80 к., а по кимрской — 400 р. 60 к.	Итого валовой доход от коровы по расценке Горицкой волости — 224 р. 40 к., а по кимрской—292 р. 60 к.	Итого валовой доход от коровы по расценке Горицкой волости — 135 р. 30 к., а по кимрской—170 р. 70 к.

---

[1] Удойность коров Постнова до перехода на десятипольное отрубное хозяйство (в 1924 г.) не превышала 90 пуд., а Ефимова — 70 пуд., на 2-й же год после перехода на многополье удойность значительно повысилась и на 3-й год дошла до указанной выше, так как коровы получали посевные травы и корнеплоды, а кроме того, Постнов скармливал пудов по 20 на корову жмыхов во время стойлового содержания, результатом чего у Постнова удойность коров выше, нежели в хозяйстве Ефимова. Доходность коров, выраженная в деньгах, с повышением удоя, конечно, повышается. И в наших культурных хозяйствах она выше обычной для волости доходности от рогатого скота.

Расходы на содержание лошади.

На пастушню летом 2 руб.	2 руб.	2 руб.

На постановку и ремонт изгородей тратится у каждого хозяина 7 дней, из коих на лошадь, примерно, 2 дня, оцениваемых в 4 руб.

9 месяцев стойлового содержания при скармливании:

50 ф. сена в день—всего 340 пуд. по 90 коп.— 306 руб.	По 1 пуду в день — 270 п. по 90 к. — 243 руб.	Сена по 30 фунтов — 202 п. — 128 руб., по 5 ф. овса в день — 34 п.— 34 р.
Соломы на подстилку 2 риги — 15 руб.	15 руб.	15 руб.
Ковка—руб. на пять.	5 „	5 „
Изнашивание конюшни— 7 руб.	7 „	5 „
Изнашивание лошади — 15 руб.	10 „	5 „
Уход (трудно определим) — 30 руб.	30 „	30 „
Изнашивание сбруи, телег и вообще с/х. инвентаря руб. на 20, из коих лемехов руб. на 7.	20 „	15 „
Во время полевых работ скармливает овса пудов 35 и в поездках—5, всего на 40 руб.	28 п. овса—28 руб.	по 15 ф. овса — 16 пуд.— 16 р.
Весь расход на лошадь около 444 руб.	Всего 364 руб. [1].	Всего 259 р. [1].

Расход на содержание коров.

Пастушня 2 руб.	2 руб.	2 руб.
Изгородь 5 „	5 „	5 „
Один месяц подножный корм с домашней подкормкой		
Сена 15 ф.— 11 пуд. — 5 руб. 50 коп.	5 руб. 50 коп.	—
Жмых $3^1/_2$ ф. в день — 2 п. 25 ф.— 2 р. 55 к.	—	—

[1] Содержание лошади удешевилось бы, если бы крестьяне часть наличного сена продавали и покупали овес, который почти в одной цене с сеном.

7 месяцев стойлового содержания при суточной даче 30 фун., а всего:

сена клеверного — 70 п. на корову—63 р.	30 п.—27 руб.	—
Сена — вики — 30 пуд.— 22 р. 50 к., сена лугового — 50 п. — 25 руб., жмых $3\frac{1}{2}$ ф. в день — 18 п. — 18 р.	150 п. — 75 р. Картофель — 50 п. 20 р. — —	50 п. — 25 р. Солома яровая—120 п.— 130 р., колоса мякины — 30 п.—9 руб. Подстилка 10 руб. 75 к.
Свеклы — 15 ф.—75 п. — 25 руб., турнепса—15 ф.— 75 п. — 15 р.	—	—
Соломы на подстилку — $1\frac{1}{2}$ риги — 10 р. 75 к.	$1\frac{1}{2}$ риги — 10 р. 75 к.	—
Изнашивание коровы — в год 3 руб.	3 руб.	3 р.
Изнашив. двора — 5 руб.	5 „	5 руб.
Уход — 24 руб.	24 „	24 „
Всего: 226 руб. 30 коп.	177 руб. 25 к.	113 руб. 75 к.

Таким образом приведенные данные показывают, что при устойчивых ценах на продукцию в течение года (масло, творог) и условных на корм (с января или февраля цены на корм удваивались и даже утраивались) лошадь во всех хозяйствах убыточна, так как не имеет достаточной нагрузки. Сравнив стоимость прокорма с оплатой обработки по найму, мы видим, что убыток выражается в хозяйстве Постнова в 248 руб. в год, в хозяйстве Ефимова—164 руб. и в хозяйстве Филиппова—129 р.

Коровы же оказываются доходными при той же расценке на корма, а именно: у Постнова доход равен 79 руб. 70 коп., у Ефимова—47 р. 40 коп. и у Филиппова — 21 руб. 55 к.

В силу же дальности расстояния рынков сбыта все масло, молоко и творог идут исключительно на питание своих семейств во всех трех хозяйствах.

Данные быстрого подъема продукции крупного рогатого скота показывают, что при правильной постановке кормления и воспитания молодняка и при отборе лучших экземпляров из стада нетрудно иметь свой скот с высокой продукцией, не увлекаясь привозом дорогих производителей, и в конце-концов получить местную хорошую породу.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ.

Общий очерк. Основным занятием населения Горицкой волости как много лет назад, так и в настоящее время является земледелие. Через всю волость, с севера на юг, проходит каменистый кряж ледникового происхождения, шириною до 8 верст. Этот кряж, несмотря на свою каменистость, довольно плодороден и не страдает от вымочек, так губящих обычно урожай. Кроме того, сравнительно со средне-губернской нормою обеспеченность населения пахотной землей вполне удовлетворительная. Указанные обстоятельства и делают для населения волости занятие земледелием вполне отвечающим местным условиям.

Поэтому следует с особым вниманием остановиться на анализе данных, характеризующих положение земледелия в волости как до революции, так и в революционную эпоху.

Мы будем здесь оперировать главным образом с теми материалами, которые уложены в таблице 34, помещенной в конце книги, а также и в табл. 9.

Процент беспосевных хозяйств (табл. 34) поднялся с 11,9 в 1916 г. до 13,2 в 1920 г. Рост беспосевных хозяйств не следует понимать в том смысле, что некоторые хозяйства, которые в 1916 г. имели посев, теперь лишились его. Как мы видели, в период 1916—1920 гг. число хозяйств увеличилось на 21%. В числе этих 21% создавались хозяйства с целью не «крестьянствовать», а просто «переждать» в деревне промышленно-экономический кризис. В волости не было ни одного случая, когда бы посевное хозяйство именно в революционный период перешло в группу беспосевных. Известно немало фактов обратного характера. Каждое посевное хозяйство в среднем увеличило запашку с 2,55 до 2,64 дес. Бла-

годаря этому среднему увеличению запашки отдельными хозяйствами вся волость, имевшая в 1916 г. недосев в 23%, к 1921 г. совершенно избавилась от недосева.

Здесь мы подходим к одному из важных и любопытных моментов исследования. Посевная площадь (табл. 9) в 1920 г. равнялась 2.840 дес. и недосев по отношению к площади всей пашни (без парового поля), значащийся в волости по земельному плану (табл. 14), равнялся 33%. По сведениям губернского статистического бюро, недосев по волости еще выше, но мы его довели лишь до 33%, выверив губернские данные местными официальными материалами. Теперь возьмем таблицу 19, прочтем примечание к ней. И что же? Весь недосев исчез. Тут, конечно, не замысловатый фокус со статистическими выкладками. Дело проще: непосредственное наблюдение и изучение явления аннулировали неверный вывод (33%), вытекающий из ложных положений [1].

Государство забирало у крестьянства так называемые «излишки», не давая надлежащего эквивалента, ни денежного, ни товарного [2]. Но по нашему чрезвычайно скромному бюджету среднего хозяйства (см. главу VII) можно составить себе приблизительное понятие о том, какие продукты и предметы вынужден крестьянин искать на вольном рынке. «Излишки» должны поступить по твердым ценам в пользу государства, и власть напрягает все силы, чтобы учесть валовой доход крестьянского хозяйства: высчитываются высев, степень урожайности, регистрируется скот и пр. И вот по линии этого учета доходности шла борьба между крестьянством и властью. Власть, имея в виду общегосударственные нужды, желала оставить для крестьянства и его скота только необходимые в течение года средства пропитания, игнорируя

---

[1] Любопытно отметить, что С. Струмилин в своей статье „К реформе урожайной статистики" („Эконом. Обозрение", № 9 — 10 за 1924 г.) приводит материалы, доказывающие, что в 1920 году у нас в стране было утаено свыше девяти миллионов десятин посева. На факты утайки посева указывал Вишневский и др. Много интересных данных по этой линии приводит Л. Крицман в своей книге „Героический период Великой русской революции" (см. изд. 2-е, 1926 г., глава VII и др.).

[2] Показательны данные табл. 28 (см. в конце книги).

прочие потребности деревенского хозяйства. Крестьянин же, который в период революции плотнее подошел к своему хозяйству, напрягал свои силы в обратную сторону: ему необходимо было скрыть и действительный высев, и реальный урожай, и точное число наличного скота и пр., чтобы создать фонд для приобретения на вольном рынке всего нужного и для хозяйства и для домашнего обихода. Теперь ясно происхождение 33% недосева. Этот фиктивный недосев—фонд волости, из которого она черпала средства для определенных хозяйственных оборотов.

Что касается порядка главных культур по занимаемой ими посевной площади (табл. 34), то рожь, как и раньше, занимает первое место; лен, в течение 9 лет (с 1911 г. по 1919 г. включ.) занимавший пять раз второе место и четыре раза—третье, в 1920 г. занял только четвертое место; картофель, почти всегда занимавший пятое место, теперь попал на третье; пятое место занял ячмень.

Устойчивость ржи понятна—это основной продукт питания деревни. Мы даже видим, что площадь ржаного поля увеличилась на три процента (ср. табл. 9 и 19).

Лен занимал в 1914 г. 20,7% всей площади посева; в 1920 же году—всего лишь 7,5%. Причины такого значительного сокращения льноводства в волости находятся в тесной связи с общими условиями. Дело в том, что крестьянское хозяйство Тверской губернии вынуждено было всегда опираться на второстепенные отрасли земледелия и промысла (как отхожие, так и местные) и черпать в них главные средства для своего существования. Это видно из того, что при средней доходности крестьянского хозяйства (данные 1903—1908 гг.) Тверской губернии в 325 р. 60 к. на доходы от земледелия и скотоводства приходилось 146 р. 90 к., а от промыслов—123 р. 80 к. Льноводство было настолько важным подспорьем, что доход от продажи продуктов льноводства из 146 р. 90 к. составлял половину (77 р. 80 к.) [1].

[1] „Современное состояние льноводства в 25 губ. Евр. России“ (1912 г.), стр. 152 и др. Один из корреспондентов Бежецкого уезда пишет: „Льноводство является промыслом, без которого невозможно вести сельское хозяйство“. Так как Горицкая вол. непосредственно примыкает к границе Бежецкого уезда,

Но империалистическая война, милитаризация промышленности, затем гражданская война и хозяйственная разруха в период революции—все это вместе взятое нанесло тяжелый удар льноводству. Заграничный рынок для нас закрылся, потребность русской промышленности значительно сократилась. Льна стали высевать год от года все меньше и меньше, ограничивая его высев потребностями домашнего обихода [1].

Картофель раньше был второстепенным продуктом питания в деревенском быту. Он стоял на одной линии с капустой, огурцами, грибами, чего немало засаливали с осени. При наличии соляного кризиса и почти хронического неурожая на овощи и грибы в первые три года революционного периода картофель сразу стал, на ряду с хлебом, основным продуктом питания. А так как у многих в хлебе была большая недохватка, то картофель для изрядного числа семей сделался чуть ли не единственным продовольственным ресурсом. Кроме того, картофель шел и в продажу, принося, как продукт сбыта, бо́льший процент прибыли, нежели все иные продукты полеводства.

Овес занимает второе место. Он всегда занимал то второе, то третье место. По сравнению с 1916 г. площадь, занимаемая овсом, выросла даже на 10% (с 18 до 28—табл. 9 и 19), и это потому, что в былое время крестьяне покупали пшенные и гречневые крупы, а в 1920 г. этих круп не было, поэтому в каждом доме часть овса перерабатывается в овсяную крупу.

то приведенная цитата может быть отнесена и к характеристике льноводства в волости. По высеву льна Тверская губ. занимала до войны четвертое место из всех губ. России. Общее отправление льняного волокна со станций жел. дор. губернии достигало ежегодно в среднем более 4 милл. пуд., при чем за границу из этого количества вывозилось около 3½ милл. пуд. Вся же Россия в последние годы перед войной вывозила за границу в среднем около 14 милл. пуд. волокна и около 7½ милл. пуд. льняного семени. Внутри страны мы имели около 400 тыс. льнопрядильных веретен, следовательно, и отечественная промышленность перерабатывала немалое количество льняного волокна.

[1] Интересно отметить, что органам Высшего Совета Нар. Хоз. при затрате максимума энергии едва удается в 1919 году собрать со всей России 4 милл. пуд. волокна, т.-е. столько, сколько в мирное время выкидывала на рынок одна Тверская губ. В 1920 году сбор волокна был не больше, чем за предыдущий год (В. П. Милютин—„Народное хозяйство Советской России“, стр. 24).

Ячмень попал на пятое место, на котором он иногда и бывал (табл. 29). Злак этот плохо родится в районе волости, а так как каждый клочок распаханной земли теперь дорог, то ячмень и задвинули на пятое место.

Теперь посмотрим, как изменилась нарисованная картина за последние годы, т.-е. за период 1920—1926 гг.

Процент беспосевных все время тает, дойдя до 7 в 1926 году. Здесь имело значение то обстоятельство, что «поравнение» земли, т.-е. распределение ее по едокам, началось в нашей волости после 1920 года, главным образом в 1924—1925 гг., в связи с широко развернувшимся именно в этот период землеустройством. Может возникнуть такой вопрос: почему «поравнение» в волости началось только через 6—7 лет после начального года революции? Дело здесь вот в чем. Наша волость в подавляющем большинстве своих хозяйств середняцкая (середняцкая—применительно к хозяйственным условиям окружающего района, конечно). Середняки в массе своей не были заинтересованы в «поравнении», так как «поравнение» в общем им земли и не убавило бы и не прибавило бы (пострадало бы незначительное количество зажиточных хозяйств и выиграли бы сравнительно малочисленные бедняцкие хозяйства). А перетасовка полос при «поравнении» и вообще канитель пошла бы большая. Да и сами бедняцкие хозяйства не особенно рьяно стояли за «поравнение» в первый период революции—в эпоху военного коммунизма. Хлеб они получали от «излишков» без всяких хлопот и забот. Вести же хозяйство без живого и мертвого инвентаря было невозможно, а инвентарь купить было негде (не было в продаже ни плугов, ни борон и пр.), да и не на что (заработка на стороне не было). А вот когда нужда заставила ломать трехполку и проводить улучшения по линии междуселенного землеустройства, тогда уж заодно провели и «поравнение» и дали землю в полях тем, кто раньше сидел только на усадьбе. В результате этого процент беспосевных и упал с 13,2 (для 1920 г.) до 7 (для 1926 г.).

Все главные культуры занимают в 1922—1923 гг. свои прежние (как и в 1920 г.) места. Со льном все еще тихо;

повидимому, ни у нас в СССР, ни за границей не совершалось за эти годы на русское волокно значительных сделок.

Нижеприводимая табличка показывает нам значимость каждой из наиболее главных культур в хозяйстве волости за разные годы. Даем разбивку полевой площади по культурам в процентах:

Дата.	Рожь. %	Овес. %	Лен. %	Картофель. %	Клевер. %	Прочее. %	Итого. %
1887 г.	55	27	9	3	0	6	100
1914 „	47	20	21	5	2	5	100
1916 „	47	18	21	5	4	5	100
1920 „	50	28	8	10	0	4	100
1926 „	36	25	14	9	12	4	100

Приведенная табличка чрезвычайно интересна. Она говорит о больших пертурбациях, которые пережило земледельческое хозяйство Горицкой волости за последние 40 лет. Самая любопытная черточка таблицы следующая: накануне революции хозяйство волости делало ударение на льноводстве, имевшем для него, как мы отмечали выше, промысловое значение; теперь же, к 1927 году, это ударение, несомненно, переносится на травосеяние, а в связи с этим, повидимому, в самом недалеком будущем, хозяйство волости изменит свой характер: из чисто-земледельческого превратится в земледельческо-животноводческое с молочным уклоном (ясные намеки на это мы видим в главе о скотоводстве).

Количество десятин посева, приходящееся на одно посевное хозяйство, начало уменьшаться. Дело в том, что число хозяйств в волости до 1925 года увеличивается (главным образом дележкой), правда, медленно (в 1922 г. на 1,2%, в 1923 г. на 0,7%—см. табл. 15), но все же увеличивается, а для распахивания больше нет подходящих площадей. Волость остается в пределах той площади пахотной земли, которую она имела в 1920 году—больше просто податься не-

куда. В 1925 и в 1926 годах число хозяйств уменьшается (кое-кто, ликвидировав хозяйство, уехал с семьею на заработки в город и пр.), но зато растет число посевных хозяйств: если их в 1920 г. было 1597 (86,8), то в 1926 г. их уже стало 1709 (93%). А площадь посевная, как я уже сказал, почти та же. Правда, из доклада ревизионной комиссии волостному совету от 10 февраля 1918 года мы усматриваем, что земельным комитетом было принято на учет земли у крупных частных землевладельцев (не крестьян) 8.482 десятины; это выходит, если бы учетные земли пустить в общую дележку, в среднем пришлось бы по 4,6 дес. на одно хозяйство. Но вся беда в том, что пахотных угодий у наших частных землевладельцев почти не было. Эти 8.482 дес. находятся главным образом под лесом и отчасти (очень мало) под сенокосом. А для распашки частновладельческая земля неудобна, так как занимает она или низины, или заключает песчаные почвы, требующие интенсивного унавоживания их, а удобрения у крестьян (об этом см. ниже) нехватает в достаточной мере даже и для полей.

Любопытно отметить, что громадный процент фиктивного недосева (в 33%), расшифрованного мною для волости еще в конце 1920 года [1], был в начале осени 1921 года обнаружен и властью. Здесь сыграл свою роль разразившийся голод в Поволжье и некоторые другие обстоятельства, заставившие власть отнестись к показаниям крестьян относительно площади засева с большей осторожностью, нежели раньше. Я не знаю, как именно губернская и уездная власть докапывалась до скрытой от учета пашни, но только в ноябре 1921 г. волости было объявлено, что у нее пашни в трех полях должно быть не 4.373 дес., как указали крестьяне, а 5.886 дес., т.-е. скрыто было 1.513 дес. Мы из табл. 19 можем убедиться, что 1.513 дес. не исчерпывают всего количества действительно утаенной пашни—ее остается еще 7%. Однако обнаружение скрытой пашни, в придачу к которой ретивая власть

[1] Об этом я упоминал, делая в 1921 г. свой доклад о волости в высшем семинарии сельскохозяйственной экономии и политики при Петровско-Разумовской академии (ныне Тимирязевской).

нашла еще и 1.107 дес. будто бы укрытого покоса, поставило население в трагическое положение. Дело в том, что начальство, обнаружив утаенные площади, потребовало за них добавочный продналог в размере 3.917 пуд. ржи, 4.773 пуд. овса (овсом исчислено и за овес, и за картофель, и за льняное семя и волокно), 7 пуд. кур, 4.539 шт. яиц и 5.535 пуд сена (по 5 п. с десятины). Население же, на основании опыта прошлых лет, показало свою пашню с утайкою для 1921 г. в 31%. А так как на местах были широко, еще с самого начала лета, распространены воззвания и разного рода плакаты, где говорилось, что население, уплатив продналог, может спокойно и свободно распоряжаться теми продуктами труда, которые оставались в руках населения (ведь в 1921 г. появился нэп—вводилась свободная торговля), то мои земляки, заплатив еще в конце августа и в сентябре то, что с них требовали, т.-е. весь продналог, и оставив себе хлеба на семена и на продовольствие семьи, успели все излишки или продать или обменять на те продукты и предметы, которые им были необходимы в их домашнем и хозяйственном обиходе. К ноябрю все излишки были уже ликвидированы, а тут, как снег на голову, добавочная и крупная уплата. Тяжесть положения усугублялась еще тем обстоятельством, что власть, приблизительно верно угадав общую цифру утаенной по волости пашни, очень несуразно разбила эту утаенную площадь по отдельным селениям и домохозяевам: селения, где было, может быть, 5 дес. скрытой пашни, получили требования оплатить и 15 и 20 дес. якобы утаенной пашни, а там, где ее было скрыто и на самом деле десятин 20, скрытая площадь осталась совсем необнаруженной. Население предлагало собраться на волостной сход, чтобы обсудить создавшееся положение, но уезд, на который, очевидно, давил центр, требовавший безволокитного сбора добавочного продналога (голод-то в Поволжье развертывался), не разрешал никаких волостных сходов. Многие из моих земляков за осень 1921 года посидели в уездной тюрьме за «упорство» по уплате добавочного сбора, хотя это «упорство» во многих случаях было вынужденным—нечем было платить.

Кое-как «добавка» к продналогу все же была ликвидирована [1].

Теперь просмотрим за все годы по табл. 34 графу о количестве работников, приходившихся на 100 десятин посева. Их было 98 в 1916 г., 115—в 1920, 104—в 1922, 109—в 1923 и в 1926 г.—104. Какие соображения можно высказать по поводу приведенных цифр? Из специальной литературы нам известно [2], что культуры различных полезных для человека злаков и растений являются, при одинаковости площадей, различными по трудоемкости. Так, одна десятина культуры ржи требует 62,7 рабочих дня человека (конные дни я не буду считать), культура овса—22,4 дня, картофеля—47,2 и льна—83 дня. В 1916 году 100 десятин посева обрабатывались 98 работниками, но тогда под льном было 674 дес. А в 1920 году, когда под льном было только 320 дес., на 100 десятин посева мы имеем 115 работников. Уже одно сокращение высева льна дает нам 30.000 свободных рабочих дней, а тут еще лишних 17 работников на каждые 100 дес. посева или лишних 714 работников на всю площадь посева (4.213 десят.). Революционные события нагнали в деревню много народа, но земля не в состоянии была занять производительным трудом все работоспособное население волости. В 1922 г. количество работников уменьши-

---

[1] Кстати укажу здесь, раз мы уже заговорили о 1921 г., что в 1921 г. власть преувеличила площадь сенокоса по волости на 1.420 десят. Дело в том, что сена было взыскано 28.035 пуд. (правда, за 3.401 пуд сена пошло 16.652 пуда соломы — см. табл. 25); каждая десятина сенокоса должна была дать 5 пуд. сена, следовательно, власть каким-то образом насчитала у нас в волости 5.607 дес. покоса, хотя на самом деле его было не больше 4.187 дес. (см. табл. 14), значит, излишний начет покоса составляет 33%. Отмечу здесь же интересную цифру по губернии: обычный вывоз сена из пределов Тверской губ. в дореволюционное время составлял 3.000.000 пуд. (данные Губ. стат. бюро и Моск. областн. союза кооперативов), а налог на сено по нашей губернии в 1921 году был исчислен в 7.000.000 пудов! Таким образом 4 милл. пудов было взято из кормовых запасов, необходимых для скота губернии. Сена в 1921 г. по губернии собрали громадное количество, но помещений для его хранения не было и сена много зря пропало.

[2] См. хотя бы у А. Чаянова. — „Организация северного крестьянского хозяйства“, 1918 г.

лось—нэп многих пристроил в городах,—но с 1923 года снова наблюдается рост числа работников по отношению к площади посева—кое-кто опять вернулся в деревню, так как в городах во многих учреждениях и предприятиях пошли сокращения личного состава [1]. Новая волна отлива намечается в 1926 г.

Всего же населения в 1923 году на 100 дес. посева приходится 219 человек, т.-е. почти столько же, сколько и в 1916 году (тогда—216 чел.). Но в 1926 году его уже стало 224 человека, т.-е. 100 десятин посева должны прокармливать на 8 человек больше, нежели в 1916 году.

Что касается степени унавaживания земли, то в среднем за пятилетие 1916—1920 гг. на одну десятину пара в волости кладут навоза всего лишь 823 пуда [2]. В России, в нечерноземной полосе, кладут навоза от 1.400 до 2.300 пуд. на десятину [3]. В Корчевском уезде (ныне в Кимрском) обычно кладут (в среднем) навоза 1.475 пудов на десятину. Агрономическая же норма—около 3.000 пуд. [4]. Итак, против поуездной нормы, нехватка выражается в 43%, против же агрономической—72%.

Таково фактическое положение дела с земледелием в Горицкой волости.

Теперь несколько отвлечемся в сторону, а потом снова подойдем к современности и тогда, может быть, получим возможность сделать некоторые обобщения.

Сравнивая за 18 лет (с 1883 г. по 1900 г.) урожайность на крестьянских и частновладельческих землях в пределах Твер-

[1] В фабрично-заводской промышленности в пределах СССР было занято рабочей силы: в 1913 году — 2.700.000 чел., в 1917 г. — 3.021.000 чел., в 1922 году — 1.354.000 чел., в 1923 году — 1.405.000 чел., в 1924 году — 1.618.000 чел., в 1925 г. — 1.894.000 чел. и в 1926 г. — 2.422.000 чел.

[2] См. таблицу 13: здесь мы показали под паром для каждого года 2.106 дес.; цифра эта верна лишь для 1920 г. (см. табл. 19), а для предыдущих лет она должна быть меньше, так как существовал недосев (см. табл. 9); но так как в табл. 13 мы совершенно не учитываем удобряемую площадь ярового поля, засаживаемую картофелем, то в конце-концов цифра 2.106 становится почти точной.

[3] А. Фортунатов, ук. соч., стр. 181.

[4] Табл. 13 и др.

ской губ., мы при одинаковых основных свойствах почвы и климата получаем такую разницу в урожаях [1]:

№№ по пор.	Название культур.	Средние урожаи с десятины в пудах.		Повышение урожаев у владельцев.	
		У владельцев.	У крестьян.	В пудах.	В %%.
1	Озимая рожь . .	62,3	44,5	17,8	40,0
2	Овес	56,6	44,2	12,4	28,0
3	Лен	24,0	23,0	1,0	4,3
4	Ячмень	50,0	41,3	8,7	21,0
5	Картофель	470,0	407,5	62,5	15,3
6	Горох	47,5	37,6	9,9	26,3
7	Конопля	34,0	26,0	8,0	30,7
8	Гречиха	34,5	26,8	7,7	28,7
9	Яровая пшеница .	49,0	39,1	9,9	25,3

Если взять не Тверскую губернию, а какую-нибудь иную и не общие данные по губернии, а цифры для территорий, расположенных бок о бок друг с другом, то получим даже более резкое различие, нежели в только что приведенной таблице. Для иллюстрации возьму пример по Орловской губ. Там в имении О. Э. Ромера в 1891 году урожай с десятины в пудах был: ржи—37, овса—68, картофеля—750, а рядом с этим имением у крестьян: ржи—29, овса—20, картофеля—270. Но 1891 г., как известно, был неурожайным годом. Вообще же у Ромера урожай доходил: ржи—до 118 пуд. с десятины, овса—до 122, картофеля—до 1.000 пуд. [2]. Средняя

[1] Приводимая таблица заимствована из работы П. Н. Соковнина — „Культурный уровень крестьянского полеводства на надельной земле“, 1906 г., стр. 87.

[2] П. Лохтин — „Состояние сельского хозяйства в России“, 1901 год, стр. 189.

же урожайность по Европейской России: ржи—около 47 пуд. с дес., овса—столько же и картофеля—около 430 пуд. [1].

Отчего такая громадная разница в цифрах, которые только что у нас были перед глазами?

Здесь две главных причины:

частновладельческая земля лучше удобрялась,

частновладельческая земля лучше обрабатывалась.

Поговорим сперва о первой—об удобрении земли.

Если мы возьмем данные по хозяйствам владельческого и крестьянского типов по Тверской губ. за 1916 год, то там, правда, усмотрим [2], что в хозяйствах первого типа на 100 дес. посева приходится 46,14 коров, у крестьян же только 23,31. Но когда мы возьмем весь скот в переводе на крупный, то получим во владельческих хозяйствах 93,01 голов на 100 дес. посева, а у крестьян несколько больше—96,85 голов (у крестьян перевес в лошадях—44 головы против 26 на 100 дес. посева—и в мелком скоте). Выходит, что крестьянская земля как будто бы удобрялась и не хуже владельческой (ведь почти 97 голов против 93). Но на самом деле она удобрялась, несомненно, хуже и вот почему: крестьяне давали скоту более слабые, нежели владельцы, корма (осока, пустошное сено, а те—очень часто клевер и пр.), и скот им давал меньше навоза; крестьяне, имея запасы кормов большею частью в обрез, 5 месяцев в году держали скот на пастбище, где он терял громадное количество (больше одной трети) навоза, а владельцы, имеющие достаточные запасы кормов, держали скот преимущественно в стойлах. В конце-концов одно и то же количество скота частным владельцам давало на 50% больше навоза, чем крестьянам. Следовательно, владельческая земля удобрялась навозом обильнее крестьянской.

Но к более сильной дозе навозного удобрения владельцы добавляли на свои земли и удобрение другого рода. Известно, что введение в севооборот кормовых трав (клевер, люцерна,

---

[1] „Полная энциклопедия русского сельского хозяйства", том 12, стр. 1235.

[2] Цифры, приводимые здесь, беру из двух брошюр: „Итоги сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Тверской губ."; один выпуск—Хоз. владельческого типа, другой — Хоз. крест. типа, стр. 51 — 53 и 69 — 71.

тимофеевка и др.) имеет существенное влияние на производительность почвы, обогащая ее большим количеством пожнивных остатков (то, что остается в поле после уборки урожая), богатых питательными веществами. Если мы заглянем в статистику за тот же 1916 год, то увидим, что в хозяйствах владельческого типа под травами было больше 39% всей посевной площади, а у крестьян—только 7½% [1].

Итак, вне всякого сомнения, земля частных владельцев удобрялась—я не ошибусь, если скажу—раза в два лучше крестьянской, а это обстоятельство, конечно, имело громадное значение для урожайности.

В настоящее время крестьянская земля удобряется ничуть не лучше, нежели до революции. Никаких благоприятных условий в этом отношении революция пока не породила, если не считать развития травосеяния (пожнивные остатки).

Теперь, коротко, об улучшенной обработке владельческих земель.

Если мы обратимся к тем же «Итогам» переписи, то усмотрим там, что в хозяйствах крестьянского типа на 100 десятин посева приходится 108 работников и 44 лошади, а в хозяйствах владельческого типа на это же количество десятин—только 82 работника и 26 лошадей. Эти цифры не должны нас обманывать: при наличии лишних 26 работников и 18 лошадей на каждые 100 десятин посева все же крестьянская пашня обрабатывалась хуже владельческой. Дело в том, что в более крупных, нежели крестьянское, и в рациональнее поставленных владельческих хозяйствах просто-напросто каждый работник и каждая лошадь полнее использовались, чем в крестьянском хозяйстве, а кроме того, в первых хозяйствах гораздо чаще употреблялись машины, нежели в хозяйствах второго типа, что, само собою разумеется, вело и к эко-

[1] Там же (см. прим. 2 на стр. 61), стр. 54 и 72. В такой своей постановке вопрос об удобрении связан с более рациональной системой хозяйства (кстати, под системою хозяйства мы разумеем „характер хозяйства по степени его интенсивности, соотношению в нем производства животных и растительных продуктов или возделывания кормовых и непосредственно продажных растений“. См. Ермолов — „Организация полевого хозяйства“, 1891 г., стр. 6).

номизации рабочей силы и к улучшению самой обработки земли, что опять-таки поднимало урожайность.

Что дали революционные годы в отношении улучшения обработки земли? Может быть, крестьянская земля стала обрабатываться даже хуже того, как она обрабатывалась до революции?

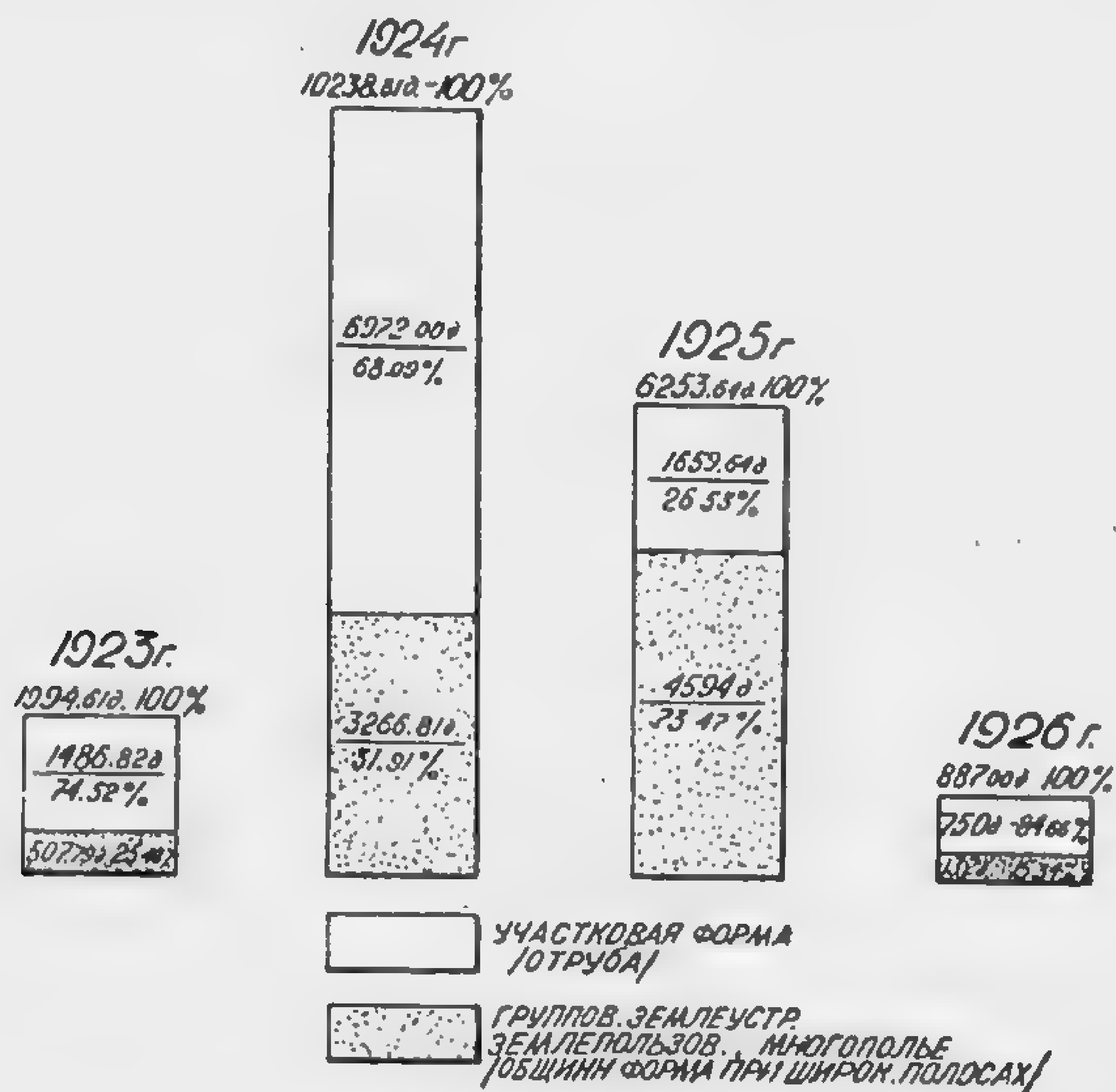
Что касается рабочих рук, то в крестьянском хозяйстве их больше, чем нужно. Значит, с этой стороны все обстоит благополучно. Рабочих лошадей, вообще говоря, тоже довольно [1]. Вот относительно земледельческого инвентаря (о машинах я не говорю—речь идет о самом элементарном инвентаре) дело обстоит плохо: отчасти за период войны, а в бо́льшей мере за годы революции он совсем износился, и крестьяне ощущают в нем острый недостаток—наблюдение над волостью утверждает меня в этой мысли. Правда, все посевные хозяйства волости снабжены плугами—и именно плугами,—сохи остались кое у кого для опахивания картофеля (удобнее; всех сох в волости 105). Но плуги не у всех исправны, они поизносились. Простыми железными боронами обеспечены все хозяйства, но пружинных борон в 1925 г. было только 9 на всю волость. Остальных сел.-хоз. машин в 1925 г. на всю волость было: молотилок—7, льномялок—94, веялок и сортировок—80, триеров—7 и льноочистилок—5. Машин сельскохозяйственных стало прибавляться в волости, начиная с 1926 года, в связи с организацией машинных товариществ (см. главу о кооперации).

Сдвиги и перспективы для Горицкой волости в области земледелия отчасти уже наметились в предыдущем изложении, когда мы упоминали о землеустройстве, о многополье, о появлении значительной посевной площади под клевером и т. д.

Вести хозяйство, «как отцы и деды», по-старинке, убыточно. Падение реальной цены на хлеба, уменьшение спроса на лен—эти два главных факта сельскохозяйственной жизни волости заставили крестьян понять, что необходимо искать

[1] Мы имеем в виду Горицкую волость, а также районы, не пострадавшие от голода или войны (империалистической и гражданской).

новых путей. Эти новые пути при наличии трехполья, конечно, вели к многополью, которое могло быть осуществлено через надлежащее землеустройство. И вот волость, начиная с 1923 года, начинает энергично землеустраиваться. Приводимая диаграммка дает понятие о размерах и характере проведенного землеустройства (см. диаграмму).

Итак, землеустроено около $19^1/_2$ тыс. дес. земли (пашня, сенокос, леса, кустарники и неудобные земли, на которых уже ведутся и намечены к выполнению разнообразные мелиорационные работы: осушка болот и пр.).

Удобства и выгоды, которые приносит землеустройство для отдельных селений, наглядно доказывают два нижеприводимых чертежа, схематически изображающие землепользование дер. Борисово до и после землеустройства (см. стр. 65). Д. Борисово собрала в одно место все свои кусочки сенокоса, получила доступ к речке, от которой раньше была отрезана. На одних разъездах, которых требовали прежние кусочки сенокоса, вся деревня (в ней 20 дворов) съэкономила в год 1.500 часов работы человека-лошади. Борисово—одна из многих деревень волости, избавившихся, при помощи землеустройства, от дальне- и многоземелья.

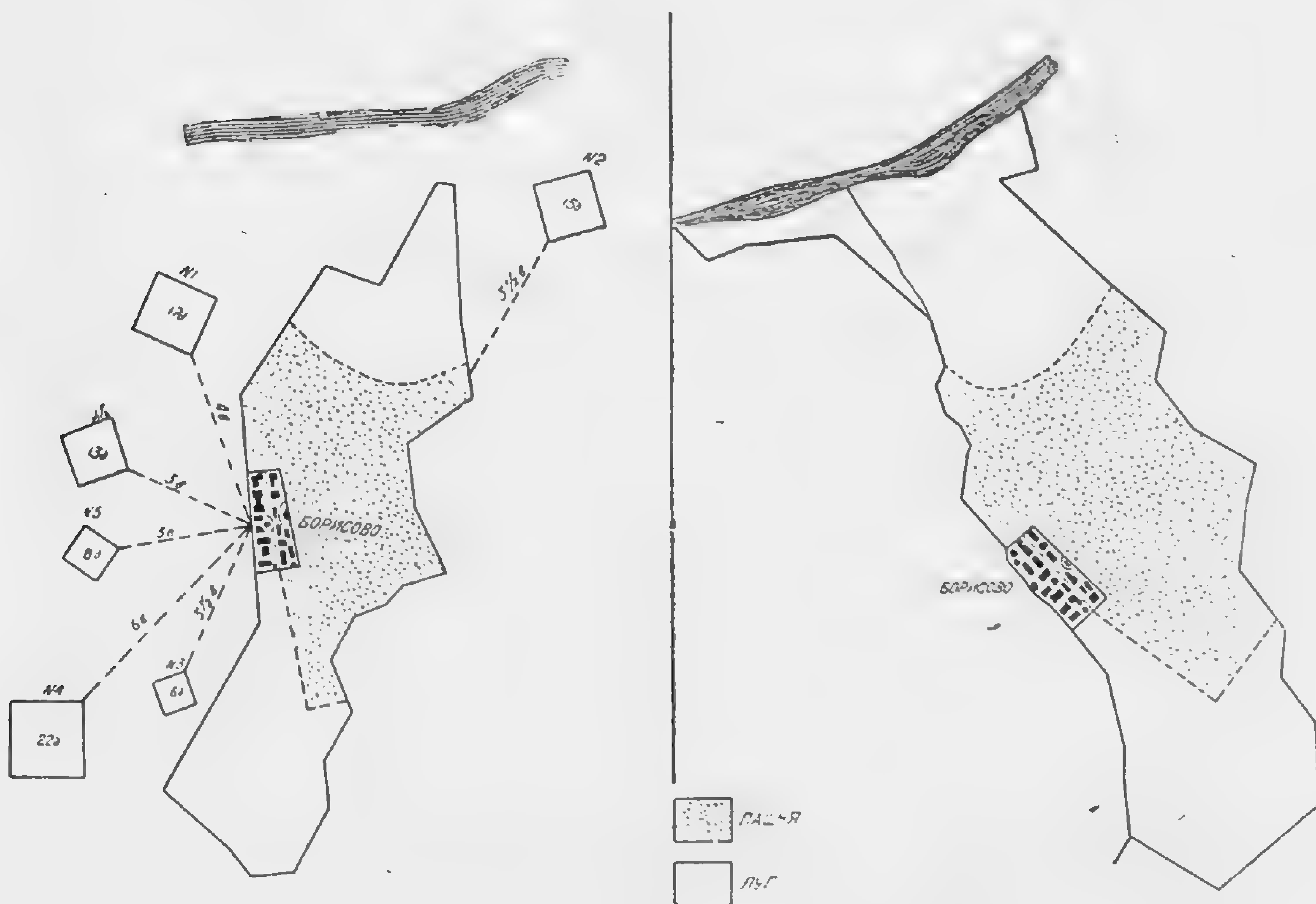
К началу 1927 г. на многополье перешло 70% всех дворов волости, а 30 пока сидят на трехполье. Но и они рвутся на многополье, однако руки землемера и агронома еще не дошли до них.

Прилагаемая к книге картограмма детально знакомит нас и с землеустройством, и с агроработой в волости, в их результатах на 1 января 1927 г. Здесь надо запомнить одно: до революции в волости по линии землеустройства и агроработы было пустое место. Все, что сделано, сделано в течение нескольких последних лет. В главе же о кооперации

обрисована работа различных сельскохозяйственных товариществ, нарождающихся в волости с поразительною быстротою (все цифры—в главе о кооперации).

Схематическое изображение землепользования селения Борисово.

До землеустройства. После землеустройства.

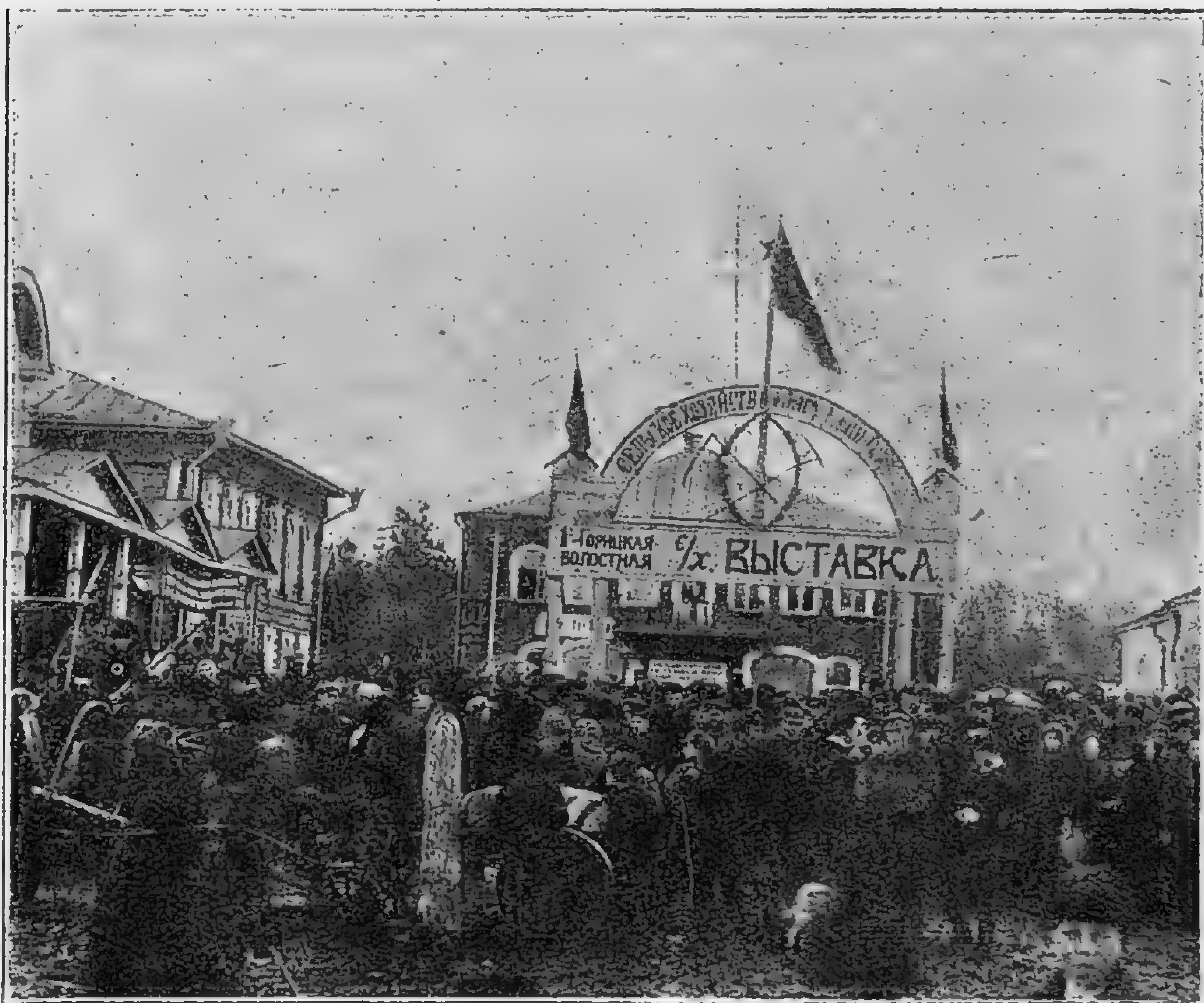
Даты землеустроительных работ и организации товариществ указывают на то, что как раз именно сейчас Горицкая волость перестраивает на новый лад свое земледельческое хозяйство. Поэтому массовые положительные последствия реформы должны сказаться для всей волости в целом в самые ближайшие годы. Но для ряда отдельных хозяйств эти последствия уже сказались—для тех, кто пораньше вышел на многополье и особенно старательно вник в свои хозяйственные дела. Вот, например, урожай за 1926 год, который поспорит с урожаем по имению Ромера, о котором я упоминал выше; здесь же даю цифру урожая в отсталых хозяйствах, с трехпольным севооборотом (тоже, конечно, за 1926 год):

	Урожай с одной десятины в пудах:			
	Рожь	Овес	Лен семя	Лен волокно
У Кудряшева (дер. Саврасово)	125	98	37,5	22,5
У Попова (дер. Вереинка)	108	167	27	19
У граждан дер. Уголки .	60	72	25	18

Кудряшев и Попов хозяйничают на отрубах при 10-польном севообороте. В Уголках—трехполье.

Таких хозяев, как Кудряшев и Попов, в волости уже немало. И число их быстро увеличивается.

В заключение скажу: косность побеждена, с мертвой точки мы сдвинулись. Это—главное. А теперь друг друга будем подстегивать. Особенно хорошо подстегнула крестьян-хозяев наша первая сельскохозяйственная выставка, происходившая в октябре 1925 года. На ней перебывала вся волость. Ежедневно ее осаждали толпы людей.

Своим движением вперед в области своего сельского хозяйства население много обязано волостному агроному М. П. Градусову, истинному советскому агроному.

ЛЕС.

Еще до революции я читал выкладки одного специалиста, который указывал, что при правильном ведении лесного хозяйства чуть ли не все наши расходы по государственному бюджету могли бы быть покрываемы лишь одними доходами от эксплоатации леса. Я не знаю, в какой мере прав упоминаемый специалист, но что лесные богатства играли до революции огромную роль в торговом обороте страны— это верно: вывоз леса за границу оценивался в 165 милл. руб., и лес занимал второе место в русском вывозе (шел сразу за вывозом зерна), годовой оборот лесной торговли на внутреннем рынке достигал полумиллиарда рублей. Более 2.000 заводов со 100.000 рабочих было занято обработкой дерева.

После Октябрьского переворота все леса России были национализированы. В настоящее время у нас, в РСФСР, лесное хозяйство в общем нормируется Лесным Кодексом, действующим с 1 августа 1923 г.

Лесной Кодекс кратко и четко формулирует лесную политику советской власти, которая сводится к тому, чтобы: 1) сохранить непрерывность пользования лесами, т.-е. вести лесное хозяйство, не растрачивая наших лесных сокровищ, 2) удовлетворить потребность в древесине и населения и промышленности и 3) извлекать наибольший доход всех его видов от леса.

Первая же статья Лесного Кодекса говорит, что не только все леса, но и земельные площади, предназначенные как для выращивания древесины, так и для нужд лесного хозяйства, образуют единый государственный лесной фонд. Этот лесной фонд, по статье четвертой Лесного Кодекса,

разделяется на: 1) леса местного значения и 2) леса общегосударственного значения. Леса местного значения, состоящие из бывших крестьянских общественных лесных наделов, из лесов, находившихся раньше в подворном крестьянском владении (хутора, отруба), и, наконец, из лесов, принадлежавших до национализации сельским обществам и товариществам крестьян, передаются по Кодексу крестьянскому населению в бессрочное пользование на определенных условиях (охрана лесов, соблюдение плана лесного хозяйства и пр.). Леса же государственного значения, по линии ведения в них хозяйства, подчинены Народному Комиссариату Земледелия (Наркомзем), при чем в пределах губернии государственный лесной фонд делится на лесничества, а эти последние—на объезды и обходы (число лесничеств в РСФСР около 2½ тысяч, объездов свыше 10.000 и обходов—около 45.000).

Таким образом, в области лесного хозяйства мы имеем некую стройную, законченную систему.

Но, к сожалению, эта система, начертанная статьями Лесного Кодекса, в силу целого ряда условий, чрезвычайно слабо реализуется в жизни и поэтому почти совершенно не охраняет наши лесные богатства ни от стихийных бедствий (пожары и пр.), ни от хищнического их использования. Всякий из нас прекрасно знает, что и центральная, и провинциальная печать в один голос кричат о гибели наших лесов, о гибели, принимающей угрожающий для народного хозяйства характер.

Так обстоит дело, как говорится, в общем масштабе. Посмотрим, что же делается в области лесного хозяйства изучаемой волости?

Сперва дадим высказаться местному крестьянину-поэту, П. Павлову, из д. Рябинкино, который в ряде своих стихотворений, написанных в 1926, в 1924 г. и в более ранние годы, говорит о гибели леса в Горицкой волости:

„Куда ни взглянь, везде шумит
Пила стальная лесокрада.
За лесом слабо власть следит—
Пили, руби, кому что надо.
Гиганты на землю летят,

Калеча мелочь и ломая.
И мужики, не разбирая,
Ломают, топчат, не щадят.
Одной сосной десяток губят,
На лес открыли злой террор.
Никто в них разум не пробудит,
Никто не вышибет топор"...

Или вот отрывок из другого стихотворения:

„Ох, печальная картина —
Рассвирепел лесоед.
Где был лес—там хворостина
Остается лишь, как след".

Между прочим поэт упрекает местную комъячейку:

„Гибнет лес — богатство края —
Коммунистам дела нет.
Знай молчат, как бы не зная,
Как чудит наш лесоед"...

Однако, может быть, нарисованная поэтом картина «хозяйничанья» в лесу неверна?

Познакомимся с некоторыми цифрами:

	Всей земли в волости дес.	В том числе леса дес.	% лесных угодий.
По генеральному межеванию 1780 г.	42.328	16.852	40
„ съемке Менда 1851 г.	41.192	20.774	51
„ земскому обследованию 1911—1915 гг.	41.412	17.842	43

Итак, за период 135 лет лесные угодья составляли в среднем несколько выше 40% всей земельной площади волости.

Как мы уже знаем, волость была в два приема (в 1922 г. и в 1924 г.) укрупнена. И в настоящее время площадь волости достигает 48.577 дес., т.-е. площадь волости увеличилась, приблизительно, на 7.000 десятин.

Сколько же в волости леса?

По сведениям лесничества, представленным в конце 1926 г., в укрупненной Горицкой волости имеется: лесов государственного значения 5.103 дес. и лесов местного значения 3.184 дес., а всего 8.287 дес. Эти же сведения говорят, что как в госфонде, так и в фонде лесов местного значения имеется еще не лесная площадь размером в 3.007 дес. Это—заросли, вырубки и пр. Посчитаем (с натяжкой, конечно) и эти 3.007 дес. за лесную площадь. И тогда она у нас вырастет до 11.294 дес., составляя ко всей земельной площади волости 23%.

Следовательно, верных—17%, а с натяжкой—23%.

Примем 23% (т.-е. 11.294 десятины), чтобы избежать упреков, хотя они были бы и не основательны, в сгущении красок и пр. Должен заметить, что прирезанные к волости территории (в 1922 и в 1924 гг.) отнюдь не безлесны, они в общем так же лесисты, как и основная территория нашей волости. Поэтому на понижение процента лесных угодий не могло повлиять присоединение якобы безлесных районов. Но предположим,—опять-таки по той же причине, чтобы не заслужить упрека в сгущении красок,—что в 1922 и в 1924 гг. мы получили совершенно безлесные площади.

Все же в конце-концов выходит, что с 1915 г., т.-е. за одиннадцать лет, в волости вырублено 6½ тысяч десятин леса, больше ⅓ всего лесного фонда, которым располагала волость накануне революции.

Но ближе к истине считать, что погибла половина лесной площади, если не больше.

Для каких же целей рубился лес?

Прежде всего на отопление. На дрова рубили и рубят «сколько душе угодно», особенно там, где лес совсем близко. При чем каждый старался рубить на дрова главным образом не такой лес, какой добрый хозяин и валил бы на дрова, а обязательно «получше». При заготовке дров сучки и вершинки, вполне годные для топлива, далеко не всегда подбирались, и поэтому большое количество древесины гибло зря, оставаясь гнить на месте.

Затем лес рубился на возведение построек. Деревня усиленно строилась за революционный период.

Надо сказать, что на основании изучения архива местного страхагентства я установил следующий факт: вся волость обстраивалась до революции заново в течение 36 лет («красный петух» старался, чтобы этот период был таким сравнительно коротким). Следовательно, средний годовой процент прироста новых построек равнялся 2,8.

По материалам того же страхагентства мне удалось выявить темп строительства волости за шесть лет, начиная с 1918 г. [1].

Дадим небольшую табличку:

Год.	Число домов в волости.	Новых изб.	% новых изб.	Средн. год. %	
				Новых изб за дорев. период.	Ускорение строит. в рев. период.
1918 . .	1.785	82	4,6	2,8	39
1919 . .	1.826	69	3,8		26
1920 . .	1.836	84	4,6		39
1921 . .	1.848	93	5,0		56
1922 . .	1.869	91	4,9		57
1923 . .	1.883	86	4,5		62

Для простоты мы взяли только жилые постройки. Мы видим, что темп строительства за революционные годы значительно превышал темп строительства мирного времени.

Этот момент объясняется двоякими причинами. Дороговизна жизненных припасов в первые годы революции дала возможность деревне дешево покупать рабочую силу, воздвигающую постройки, и дешево или во всяком случае по

[1] Разработать надлежащим образом материалы за 1924 г. и за последующее время, к сожалению, не удалось: беспорядок в делопроизводстве страхового агентства, повлекший предание суду агента, помешал этому. Но надо сказать, что с 1924 г. стали, как говорят крестьяне, „строиться тише"—хлеб дешев, плотники дороги, гвозди и пр. тоже дороги.

очень сходной цене приобретать второстепенный материал, необходимый при постройке (гвозди, стекло и пр.). Основной же материал—лес—брали бесплатно благодаря полному отсутствию охраны лесов.

Само собою разумеется, что если при рубке леса на дрова много древесины пропадало зря, то, когда валили строевой лес, оставляли на месте, без всякого использования, еще бóльшее количество древесины.

Итак, на топливо и постройки за годы революции пошло несравненно больше леса, нежели на эти же потребности тратилось его в дореволюционное время.

Третий путь, по которому уплывало лесное богатство волости, и путь самый значительный,—это вывоз его на продажу в г. Кимры.

Кимры, прежде большое село, средоточие кустарной сапожной промышленности, с 1917 г. стали безуездным городом, а с 1922 г., за упразднением Корчевского уезда, превратились уже в уездный центр. В Кимрах появились различные административные и иные учреждения и предприятия, быстро обросшие служащими. С падением цен на сельскохозяйственные продукты (особенно с 1922—1923 г.) и с развитием сапожного промысла и торговых оборотов Кимр благосостояние городских жителей стало быстро расти.

Указанные причины создали, с одной стороны, острую нужду в жилплощади, а с другой—материальную базу для расширения жилплощади.

Вот маленькая табличка роста жителей в Кимрах за последние десять лет:

Годы.	Чел.	%
1916	10.600	100
1920	8.270	80
1923	12.003	113
1926	14.700	139

Мы видим, что первые годы революции несколько разбросали кимряков—многие из них отправились кто куда в поисках за хлебом. Но в конце-концов в течение 10 лет число жителей выросло на 39%.

Это излишнее против 1916 г. население предъявило спрос

на жилище. Спрос родит предложение—стали строить дома и домики. И вот главным образом из нашей горицкой стороны потянулись в Кимры возы с бревнами, байдаком, тесом.

В результате: в 1923 г. в Кимрах было 1524 дома, а в 1926 г.—уже 2.010 домов. Прирост в 32%.

Лесной материал на постройку новых 500 домов, правда, доставляла не исключительно Горицкая волость. Но по грубому подсчету из этих 500 домов больше половины возведено из горицкого леса.

В 1926 г. в Кимрах нарезано еще новых 250 мест для постройки домов, некоторые места уже проданы. Значит, спрос на лес снова будет значительным—новая беда для горицкого леса.

Так как лес, доставляемый от нас в Кимры, попросту говоря, воруется, деревья режут наспех, то, конечно, лесокрад «одной сосной десяток губит». Поэтому можно смело сказать, что если леса доставлено в Кимры на 250 домов, то попутно бесполезно загублено колоссальное количество древесины.

Наблюдая, с какой быстротою гибнет в нашем краю лес, вспоминаешь знаменитый ответ английского геолога Мурчисона Николаю I. Мурчисон, путешествовавший по России, был представлен царю, который спросил ученого, что больше всего поразило его при ознакомлении с страною. Мурчисон ответил: «Меня больше всего поразила та быстрота, с которой уничтожаются леса по всему пространству вашего прекрасного государства».

Теперь—какие же причины толкают население на хищничество в лесу?

Что население берет лес на топливо и на стройку—это понятно. Правда, пользуются лесом неэкономно, оправдывая это тем, что ведь «лес не купленный». Несознательность населения и слабая охрана леса позволяют ему небрежно хозяйничать в лесу.

Но что заставляет горицких крестьян воровать лес и возить его за 45 верст в Кимры?

Здесь население идет по линии наименьшего сопротивления. Отхожие промыслы поубавились по сравнению с мирным временем. Льна, дававшего когда-то порядочный доход,

высевают не так много (рынок его потребляет слабо). Сельскохозяйственные продукты относительно дешевы, а продукты городской промышленности, наоборот, вздорожали. Одним словом, хозяйственное положение многих и многих наших крестьян требует приработка. Под боком же—лес. Лес, почти не охраняемый или же охраняемый так, что «с лесником всегда можно сговориться». «Сговорился» и вози.

Правда, те деревни, которые от лесов расположены подальше, те лес в Кимры не возят. Но как же они живут, где их приработок? Они улучшают у себя систему хозяйства и таким образом поднимают доходность своих хозяйств (напр., д. Соловьево, д. Наумово и др.).

Думается, что добросовестная охрана леса в значительной мере оберегла бы его от расхищения и заставила бы деревни, которые все эти годы и сейчас «подрабатывают леском», поскорее переходить на многополье и более правильно вести свое животноводческое хозяйство.

Но добросовестная охрана леса затрудняется некоторыми обстоятельствами. Во-первых, попечению каждого лесника вверено около 1.000 десятин леса,—это, конечно, много. На 1.000 десятин следует поставить двух лесников. Затем лесники получают только теперь от 20 до 24 руб. в месяц; в прошлом, за предыдущие годы, они получали совсем гроши. Но и на получаемое в настоящее время жалованье существовать, не имея опоры в крестьянском хозяйстве, нельзя. Поэтому лесники—это местные же крестьяне, связанные со своими соседями узами и родства, и дружбы, и вообще добрососедскими отношениями. Отмеченные моменты, понятно, мешают наладить надлежащую охрану леса.

И вот ежедневно, зимою и осенью, вы видите несколько десятков подвод, направляющихся с горицким лесом в Кимры. Все их видят, все знают происхождение этого леса, но... но как будто бы никому нет до этого никакого дела.

Правда, по волости за 1925 г. зарегистрировано 129 случаев нарушения закона о лесах, а в 1926 г.—58 случаев. Эти 129 и 58 случаев регистрации правонарушений ничто, так как фактически чуть ли не каждый день происходит не один и не два десятка подобных правонарушений.

Нужно сказать, что лес, особенно за последние два года, не сплошь воруется. Его и покупают из гослесфонда. Так, население приобрело леса:

Дата.	Кубических метров.			На общую сумму рублей.
	Строевого.	Дровяного.	Всего.	
в 1924—25 г. .	3.758	3.843	7.601	7.998
в 1925—26 г. .	3.723	3.187	6.910	6.017

Нередки случаи, когда лес покупается только для того, чтобы получить лесорубочный билет—право на рубку определенного количества корней. Получив лесорубочный билет на 10 корней, крестьянин «перерубает» еще 10 и 20 корней. Все это возможно только при попустительстве лесной охраны. Народились настоящие спекулянты лесом. Они компанией покупают в лесничестве с торгов делянку леса. Купить делянку с торгов добросовестному крестьянину редко удается, так как спекулянты набивают такую высокую цену на делянку, какой она явно не стоит. Захватив же делянку (им бы только зацепиться) спекулянты, опять-таки с ведома лесников (иначе и быть не может), вырубят вдвое и втрое больше корней. Например, в д. Михалево есть сравнительно крупные спекулянты, которые получают заказы из Корчевы, из Кимр на несколько сот досок, бревен и пр. Ну, и оруدуют во всю.

Все тот же местный поэт рассказывает:

„Кто у нас теперь богат
Средь крестьянства? Лесокрад.
И притом лесоохрана
Навсегда сыта и пьяна.
Пока лес еще ведется,
Этим людям поживется.
Три червонца возик тесу —
Курить можно папиросу
Из коробочки „Ю-Ю“
За добычу за свою“...

Леса местного значения переданы населению в период с августа 1924 г. по июнь 1926 г. Население должно охранять свои леса и вести хозяйство в них по определенному плану. Остальным лесным фондом (госфонд) ведает лесничество, на обязанности которого тоже лежит и охрана леса, и планомерное в нем хозяйничанье.

Однако и с распределением лесов местного значения получилась большая путаница. Дело в том, что нет более или менее точного обмера лесных дач. Размер их нередко прикидывается «на глазок». Поэтому бывает, например, так: отводят деревне лесную дачу (лес местн. значения) как будто бы в 30 дес., а там в действительности, смотришь, только 20 или же, наоборот, 40 дес. Помимо отсутствия точного обмера лесных дач, имеется налицо и большая небрежность в распределении лесов местного значения. Отсюда—одни деревни имеют много леса, а другие—совсем мало. Вот пример: маленькая деревушка Лугино (всего 9 дворов) обладает 35 дес. лесов местного значения, а две больших деревни Кошкино и Рябинкино, обе вместе (в одной даче, что тоже неудобно), имеют только 60 дес. Подобных фактов немало. Поэтому хотя официально и считается, что по нашей волости передача лесов местного значения уже закончена, но по этой линии существует справедливое и крупное недовольство населения волости. Весь этот вопрос придется, повидимому, заново пересмотреть.

Какова же «лесная» психология населения?

Вот ее образчики:

«На наш век хватит, а потому—руби».

«Лес все же не совсем наш собственный, а потому—руби».

«Если я не буду рубить, то сосед вырубит, соседу больше достанется, а потому—руби».

Одним словом: руби, руби и руби.

И, как я уже выше показал цифрами, рубят...

Следовательно, ни охраны, ни хозяйничанья по плану.

На территории гослесфонда дело обстоит почти точно так же, как и на территории лесов местного значения,—пожалуй, даже хуже. Хуже потому, что крестьянин норовит

скорее украсть дерево в госфонде, нежели в своем общественном лесу. В некоторых деревнях даже уговариваются:

— Валяй, братцы, в казенном пили. В своем—поосторожней...

Но что же в конце-концов делать?

Какие меры предпринять, чтобы завести необходимое для нас правильное лесное хозяйство, которое, несомненно, даст нам большие барыши?

Повести широкую кампанию по уничтожению среди масс населения лесной неграмотности.

Мне приходилось неоднократно убеждаться, что многие коренные крестьяне довольно неотчетливо представляют себе всю пользу и значение леса. А о вреде сенокошения в лесу и пастьбы скота почти никто не задумывается. Само собой разумеется, что ликвидация лесной неграмотности должна увязываться с рядом практических мероприятий, прямо или косвенно помогающих и охране леса, и разумному в нем хозяйничанью.

Свяжите лесное хозяйство с хозяйством волости вообще через волостной бюджет, заинтересуйте волость рублем в приличном ведении лесного хозяйства, и оно пойдет если и не совсем хорошо на первых порах, то все же значительно лучше, чем теперь ведется. За государством же можно и должно оставить роль регулятора в лесном хозяйстве. Но и только.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТЯЖЕСТЬ ОБЛОЖЕНИЯ ЗЕМЛИ.

Попытаемся провести некоторые исторические параллели в отношении тяжести обложения крестьянской земли разного рода прямыми налогами (в число которых включаем и арендную плату за землю, в какой бы форме она ни вносилась), чтобы составить себе надлежащее понятие о реальной тяжести современного обложения земли. Все прямые налоги, падающие на те или иные угодья, мы сконцентрируем исключительно на одном роде угодий, а именно на пашне, так как существенная часть сельскохозяйственного дохода крестьянина состоит из продуктов полеводства, и потому представляется особенно интересным выявить в исторической перспективе процентное отношение прямых налогов к валовой доходности от полеводства.

Возьмем следующие периоды и отдельные моменты: XVI век, когда складывалась та экономическая основа, из которой впоследствии вырос юридический институт крепостного права; первую половину XVII века, когда, с одной стороны, по причине государственной разрухи платежные силы населения достигли высокого напряжения [1], с другой же— правовые нормы крепостничества успели уже достаточно выкристаллизоваться [2], чтобы дать полную возможность землевладельцам эксплоатировать крестьянский труд; сороковые годы XIX в., когда помещичий класс в лице наиболее прозорливых своих представителей был накануне признания кризиса барщинного хозяйства [3] и делал последнюю попытку взять у крестьянина возможно бо́льшую часть продуктов его

---

[1] С. Веселовский. „Сошное письмо“, т. I, 1915 г., стр. 39.

[2] В. О. Ключевский указ 9 марта 1607 г. (о беглых крестьянах) считает „едва ли не самым важным законом в установлении крепостного права крестьян“. См. „Происхождение крепостного права в России“ в книге „Опыты и исследования“, 1919 г., стр. 234.

[3] М. Н. Покровский. „Русская история“, т. V, стр. 37—38.

труда; семидесятые годы того же века, когда крестьянство, предоставленное самому себе, столкнулось с капиталистическим укладом хозяйственной жизни государства; 1895 год, один из годов периода, когда наша отечественная промышленность делает крупные успехи, отвлекая на фабрики и заводы известный контингент земледельческого населения [1], но, в то же время субсидируемая государством, давит через последнее на крестьянское землевладение; 1915 год, как один из годов, когда уже не существовало выкупных платежей и который вместе с тем является одним из предреволюционных годов, и, наконец, 1918—1926 гг., когда деревня, в силу общих исторических условий, стала базисом для построения экономической политики правительства. Весь материал за все указанное время можно представить в виде нижеследующей таблицы:

Дата.	Район.	Средн. крест. запашка в дес. в трех полях.	Валовой доход с 1 дес. в руб. мирн. времени, а с 1924 г. в черв. руб.	Прямые налоги с 1 десят. пашни в руб. мирн. врем., а с 1924 г. в черв. р.	% налога к вал. доходу.
XVI век	Центральн.	3,75	47,6	25,05	53
Начало XVII века.	Кимрская в.	3,30	87,8	48,16	55
40-е годы XIX в. .	Рязанск. г.	6,0	50,79	12,0	24
70-е „ XIX в. .	Тверск. г.	2,98	44,09	12,72	29
1895 год	Горицк. вол.	4,43	33,87	9,45	28
1915 „	„	4,29	42,03	4,96	12
1918 „	„	3,62	42,03	2,18	5
1919 „	„	3,54	42,03	3,62	9
1920 „	„	3,96	61,44	8,24	13(19)
1921 „	„	3,88	79,72	8,63	11(21)
1922 „	„	3,84	48,34	5,58	12
1923 „	„	3,81	44,33	4,16	9
1924 „	„	3,81	87,60	7,21	8
1925 „	„	3,75	98,23	6,41	7
1926 „	„	3,80	117,89	4,65	4

[1] Так, число рабочих, занятых в обрабатывающей промышленности в Евр. России, в 1886 г. было 734.971 чел. (табл. II прилож. к труду Николай—она. „Очерки нашего пореформ. общ. хоз.“, 1893 г.); через 15 лет, в 1900 г., их было уже 1.512.317 чел. („Статист. ежегодн. России за 1904 г.“, стр. 264—277).

Само собою разумеется, что в таблице, начиная с XVI века, было бы желательно дать историю обложения именно Горицкой волости. Но так как это, за отсутствием соответствующих материалов, совершенно невозможно [1], то я для XVI века беру Центральный район, в состав которого входила и Горицкая волость; для XVII века беру Кимрскую волость, граница которой в XVII веке лежала верстах в 25—30 от района нынешней Горицкой волости; Рязанскую губ. беру как такую, по которой имеется прекрасно разработанный материал, охватывающий характерную эпоху 40-х годов XIX века; в дальнейшем фигурирует уже Тверская губерния и наша Горицкая волость.

Для правильного понимания этой таблицы необходимо сделать некоторые замечания.

По XVI в. мы находим богатый и тщательно обработанный материал в работах проф. Н. А. Рожкова [2]. Из его указаний мы вывели среднюю крестьянскую запашку. И. Лаппо [3] и В. Сергеевич [4] дают приблизительно такие же указания относительно площади крестьянской запашки на один двор, хотя нужно заметить, что Рожков [5], Милюков [6], Веселовский [7] и др. для самого начала XVI века дают сведения о крестьян-

---

[1] В конце главы „Прошлое волости“ я, правда, говорю о тяжести обложения в XVI веке одного из небольших районов современной Горицкой волости. Но район этот, как видно из текста, по своим хозяйственным условиям не характерный для волости в целом. Поэтому пользоваться данными по налоговому обложению, приводимыми мною в главе „Прошлое волости“, здесь, в настоящей главе, я не считаю возможным.

[2] В его известном труде „Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.“ (изд. 1899) и в статье „Народное хозяйство Московской Руси во второй половине XVI в.“ (журнал „Дела и Дни“, кн. I, 1920 г., стр. 40—79).

[3] И. Лаппо. „Тверской уезд в XVI в.“ (1894 г.), стр. 25.

[4] В. Сергеевич. „Древности“, т. III (1911 г.), стр. 337.

[5] Н. Рожков. „Сельское хоз.“, стр. 144.

[6] П. Милюков. „Спорные вопросы финансовой истории Моск. государства“ (1892 г.), стр. 108.

[7] Веселовский („Сошное письмо“, т. I, стр. 2) говорит, что выть была единицей обложения для натуральных повинностей, т.-е. тем самым указывает, что первоначально выть была неделимой хоз. единицей мощности крестьянской семьи в смысле обработки земли.

ской запашке более крупной, нежели та, которая стала типичной, особенно в Центральном районе, в последующую часть XVI в. Валовой доход мы определяем на основании данных о производительности почвы, средней цене хлеба в XVI в. и средней ценности рубля XVI в. на наши деньги [1]. Разнообразные налоги в пользу государства прямо указываются Н. Рожковым, доход же землевладельца мы приравнивали половине урожая, независимо от того, брался ли он долею урожая, посопным хлебом (посопный хлеб—одна из форм земледельческого оброка в XVI веке: брали известное количество зерна с определенной площади пашни), деньгами или же был комбинированным [2].

Запашка для первой половины XVII века по Кимрской волости выведена на основании материалов, опубликованных у Готье [3].

Валовой доход вычислен на основании той же нормы производительности почвы, что и в XVI в. [4]. Высокая доходность объясняется сильной дороговизной хлеба в начале XVII в.— хлеб вырос в цене в пять раз сравнительно с ценою его во второй половине XVI в. Конечно, мы сделали перевод ценности денег того времени на наши согласно указаниям Ключевского [5]. Величина обложения исчислялась нами так: для землевладельца, который держал крестьянина в более крепких тисках, нежели в предшествующий век, мы оставляли, как и раньше, половину дохода; все остальные налоги исчислены на основании документов, цитируемых Веселовским [6].

---

[1] Н. Рожков. „Сельское хоз.", стр. 259, 210, 234; его же: „Народн. хоз.", 77; В. Ключевский. „Русский рубль XVI—XVIII вв." в сборнике „Опыты и исследования", стр. 183.

[2] „Сельск. хоз.", стр. 230; „Народн. хоз.", стр. 77, 78: „Сокращая долевой натуральный оброк (из хлеба половье), землевладельцы брали за то добавочные сборы посопным хлебом и деньгами, так что этими добавочными сборами вполне уравновешивалось уменьшение долевой нормы".

[3] Ю. Готье. „Замосковный край в XVII веке", изд. 1906 г., стр. 503—504.

[4] Н. Рожков. „Сел. хоз.", стр. 168; на стр. 259 он замечает, что производительность почвы в XVI в. была немногим выше, чем теперь; следовательно, в XVII в. она не могла резко измениться.

[5] В. Ключевский. „Русский рубль", стр. 161, 183.

[6] „Сошное письмо", т. I, стр. 407, прилож. пятое.

Как характерное явление для сороковых годов XIX в., мы выбрали имение раненбургского помещика, небезызвестного полковника Семенова [1], который выработал специальное «Положение», представляющее из себя целую систему для более успешной эксплоатации крестьянского труда. Запашку крестьянскую и урожайность мы берем у Волконского [2]. Рубль сороковых годов перевели на наши деньги, приняв во внимание цену ржи в 40-х годах [3] и ее современную (довоенную) цену (табл. 7), при чем стоимость овса считали в 75% стоимости ржи.

Стоимость всех барщинных работ Волконский определяет (с тягла) в 36 р. серебром [4]; мы и исходили из этой цифры при определении размера налога на десятину пашни, имея в виду разницу ценности рубля сороковых годов и нашего.

За период семидесятых годов XIX в. количество удобной земли, приходящейся на один двор по Тверской губернии, мы определяли по Фортунатову и Янсону [5], пашню же исчислили применительно к условиям Горицкой волости за последующий период; доходность земли мы высчитали на основании той нормы урожайности, которой мы уже пользовались, при чем цену (среднюю) хлебов за семидесятые годы взяли из труда Николай—она [6], переведя ее (средняя цена ржи и овса) на со-

---

[1] Описанию имения Семенова посвящена часть работы Н. Волконского. „Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве“ (см. „Труды Рязан. учен. архив. ком. за 1897 г.“, т. XII, вып. 2 и 3); о Семенове мельком упоминает и Петр Струве. „Крепостное хозяйство“ (1913 г.), сноска на стр. 131.

[2] Ук. соч., вып. II, стр. 126, 145.

[3] П. Струве, ук. соч., стр. 116. Здесь мы взяли цену ржи за 1825 г. и увеличили ее по указаниям М. Н. Покровского („Русская история“, т. V, стр. 43).

[4] Ук. соч. Волконского, стр. 130: „Оброк был с тягла 18 р. сер.; но крепостной труд, затраченный в виде барщины, давал помещику больше, нежели 18 руб. 18 р. Семенов считал стоимость зимнего извоза тяглового, а летняя работа стоила больше того“.

[5] Ю. Янсон. „Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах“ (1887 г.), стр. 13 и 24; А. Фортунатов. „Сельскохоз. статист. Европ. России“ (1893 г.), стр. 72—73.

[6] Николай—он. „Очерки нашего пореформ. обществ. хозяйства“ (1893 г.), табл. 9.

временную довоенную (табл. 7). Налоги исчислили по Янсону [1] при том же коэффициенте рубля, который только что фигурировал у нас.

Запашка за 1895 год выяснена нами на основании статистических материалов точно так же, как доходность земли и падающие на нее налоги [2].

Запашка в Горицкой волости для 1915 г. выводится по нашим таблицам (9 и 15), при чем площадь недосева, конечно, исключается из общей площади. Валовой доход с десятины исчислен нами, равно как для 1918 и 1919 гг., на основании средней урожайности (табл. 2) и ценности (средней) различных продуктов полеводства, в том числе и волокна (табл. 7). Укажу, что я, произведя расчет для 1918 г., распространил его, с одной стороны, на 1915 г., с другой—на 1919 г. Налоги определены соответствующими статистическими данными [3], при чем принято во внимание, что 10% всех удобных земель волости (без леса и выгона) ходило в аренде; арендную плату мы взяли среднюю по губернии [4].

Цифры запашки (табл. 9 и 15) и валовой доходности для 1918 г. ясны. Налоги выведены на основании цифр, указывающих расходы волости, понесенные ею в 1918 г. (табл. 29); хлеб, отчужденный в 1917 г. (табл. 25), мы считали расходом по 1918 г., так как в 1917 г. была отчуждена лишь незначительная часть предназначенных к отчуждению 8.000 пуд. (табл. 29).

Опять-таки размер запашки и доходность земли для 1919 г. ясны. Налог исчислен при помощи того же приема, как он выводился и для 1918 г., но так как в 1919 г. власть предоставила населению по твердым ценам продуктов и предметов

---

[1] Ю. Янсон. Ук. соч., стр. 22.

[2] См. „Сводный сборник статист. сведений по Тверской губ.“, том XIII, вып. I, изд. 1897 г., стр. 7, 71, 72 и 155 (таблицы), и „Стат. ежегодник Тверской губ. за 1897 г.“, стр. 18, 19, 59, 51 и др.

[3] „Стат. ежег. по Твер. губ. за 1914—15 гг.“, стр. 44 и 48; страховые сборы брал в половинном размере против волостных, применяясь к указаниям Боголепова; см. его статью „Государственное хозяйство“, стр. 25 („История России в XIX в.“, изд. бр. Гранат, т. VIII).

[4] „Стат. ежегодн. за 1914—15 гг.“, стр. 135.

на 5.438 р. 63 к. (табл. 28 и 29) (весь наш расчет ведется на деньги мирного времени), то мы скинули эту сумму со счета налогов, так как она является реальным уменьшением тяжести налогов; но прибавим, что и должны были сделать, раз мы вычли первую сумму, 798 руб., уплаченных населением за полученные продукты. Все отчужденное у населения мы считали полностью (табл. 25), выбросив лишь розданное в пайки, так как стоимость последних есть возврат взятого.

Все расчеты для 1920 г. произведены мною по аналогии с предыдущим годом. Цифра 19, поставленная в скобках в графе «процент налога к валовому доходу», означает высоту налога для 1920 г., если бы год этот был не исключительным по своей высокой урожайности, а обычным средним годом (табл. 2).

Относительно 1921 и 1922 годов все расчеты производились по точно такому же методу, как и за предыдущие революционные годы, т.-е. принимались во внимание и урожайность, и цены, и высота обложения.

По аналогичному же методу произведены и все расчеты для последующего периода, т.-е. для 1923—1926 гг. Но в отношении указанного периода необходимо сделать некоторые замечания.

Дело в том, что Горицкая волость в два приема (сперва—в конце 1922 года, а затем—в 1924 году) укрупнилась (см. главу «Укрупнение волости»). Однако мы, чтобы все время иметь в нашей таблице для волости величины вполне сравнимые, игнорировали произведенное укрупнение, считаясь для периода 1923—26 гг. при исчислении величины запашки, высоты обложения одной десятины пахоты и пр. лишь с районом, соответствующим Горицкой волости в ее доукрупненных границах.

Кроме того, начиная с 1924 года, как валовую доходность пашни, так и налоговое бремя, на нее падающее, мы выражали не в довоенных рублях, а в червонных рублях каждого данного года. Делать расценку доходности от полеводства в ценах мирного времени до 1924 г. имело смысл, так как до 1924 г. и налоги взимались в натуральной форме; я и их расценивал тоже в ценах мирного времени. Этим способом я избе-

гал путаницы и несоответствия цен революционного и довоенного периодов. С 1924 г. налоги стали поступать в кассу государства уже исключительно деньгами; тогда сделалось необходимым перейти в оценке дохода уже на современные каждому году цены (разница в ценах на некоторые продукты большая: напр., льняное волокно среднего сорта до войны стоило у нас в волости за пуд около 4 р. 50 коп., а в 1924 г.— около 13 руб. и т. д.).

Значительное повышение денежного выражения валовой доходности, начиная с 1924 года, объясняется тремя причинами: 1) слабой, сравнительно с довоенным рублем, покупательной способностью червонного рубля, 2) высокой, против средней довоенной, урожайностью 1924—26 гг. (табл. 2) и 3) ростом цен на сел.-хоз. продукты за последние годы (напр.: средняя годовая цена пуда ржи в Горицах для 1924 г.— 1 р. 41 к., для 1925 г.—1 р. 48 к., для 1926 г.—1 р. 83 к.).

Небесполезно осветить происхождение некоторых цифр, фигурирующих в напечатанной выше таблице. Возьмем хотя бы цифру, выражающую налог на десятину пашни за 1920 год. Цифра эта—почти только стоимость продуктов земледелия, принудительно отчужденных; ссыпка хлеба и составляет основную часть прямых налогов [1]. В 1920 г. общее количество ссыпщиков по волости было 972 чел., т. е. 53% всех хозяйств волости принимало участие в ссыпке. По отдельным ссыпкам типичной средней ссыпкой можно считать хотя бы такую: ржи—15½ пудов, овса—7½ пудов, ячменя—2½ пуда; типичной минимальной: ржи—2½ пуда, ячменя—5 пудов; типичной максимальной: ржи—86 пуд., овса—32 пуда, ячменя—12 пуд.

Итак, налог взимался до 1924 г. в натуральной форме с продуктов сельского хозяйства. Припомним, что крестьянин в 1920 году жил исключительно доходами от своего хозяйства. Однако до войны и революции в промышленном районе (к которому принадлежит и Тверская губерния) земледелие

---

[1] С объективной точки зрения прямые налоги суть те, которые взимаются с доходов,—это „налоги на владение", как называет их проф. И. Х. Озеров („Основы финансовой науки", вып. I, стр. 253).

давало крестьянину лишь 64% его годового дохода [1]; остальные 36% получались с отхожих и местных промыслов (по Горицкой волости: плотничество, зимний извоз и т. д.). Говоря о доходе с земледелия, следует не забывать, что в некоторых губерниях, а в их числе особенно в Тверской, составные части этого дохода до революции были иными, нежели ныне (выше мы указали на степень развития до войны льноводства в губернии вообще и в Горицкой волости в частности).

Теперь возникает вопрос: действительно ли, в реальном значении, налог 1920 года (13%) легче налога 1895 года (28%)?

Надо ответить на этот вопрос отрицательно.

Если я только что сказал, что в промышленном районе доход от отхожих промыслов составлял до войны 36% общего дохода от крестьянского хозяйства, то в 1895 году в Горицкой волости он равнялся, пожалуй, этим 36%, а, может быть, был даже и несколько бóльшим. Дело в том, что крестьянство Горицкой волости получило в 1895 году через местное почтовое отделение денег свыше 75 тысяч руб., что составит на 1 дес. пашни 15 руб. 13 к. [2]. Тогда весь доход и земледельческий и от промыслов на 1 дес. пашни будет равняться 49 руб., а доход от промыслов к общей сумме дохода составит 31%. Но так как доход от отхожих промыслов не исключительно пересылался по почте, а приносился и просто в кармане, то надо думать, что отхожие промыслы давали на самом деле больше 31% — повидимому, процентов 40.

Ясно, что крестьянину в 1920 г., лишившемуся 34—40% дохода от отхожих промыслов и известного дохода от культивирования промышленных растений, пожалуй, труднее выплачивать свои 13%, чем в былое время 28%.

Если в конце XVI в. и в XVII в. переход от натурального хозяйства к денежному сопровождался сильным потрясением

---

[1] „Полн. энц. русск. сел. хоз.“, т. IV, стр. 1014; в соседней Московск. губ. земледелие давало крестьянину еще меньше—45% (см. Петр Маслов. „Аграрный вопрос в России“, 1906 г., стр. 346).

[2] Материалы для этих расчетов см. в „Сводн. сборн. стат. свед.“, изд. 1897 г., стр. 70 (таблицы), и „Статист. ежегодник за 1897 г.“, стр. 33 (приложения ко II части).

общественного организма, отличался крайней болезненностью и оказывал могущественное влияние на формы самого хозяйства [1], то и обратное явление—переход от менового хозяйства к натуральному, что наблюдалось в деревне в первый период революционного цикла, тоже протекал в формах достаточно болезненных. Дело в том, что наше крестьянское хозяйство, особенно в промышленном районе (и в частности в Горицкой волости), как это было отмечено исследователями [2], удовлетворяло главным образом лишь потребности в пище. Отсюда с логической необходимостью вытекали крестьянские промыслы. Но, в связи с хозяйственной разрухой, с национализацией промышленности, с уничтожением свободной торговли, с крайним стеснением передвижения внутри страны, с быстрым падением ценности бумажных денег и т. д., крестьянское хозяйство все в бо̀льшей и бо̀льшей степени загонялось в рамки натуральных форм. Помимо этого, если раньше излишние рабочие силы, отрываясь от земледелия, уходили на фабрики и заводы, увеличивая общую сумму производимых в стране продуктов, то ныне известная часть этих «излишних сил» снова вернулась в деревню, но, однако, вследствие предельной производительности земли при данной системе земледелия, она бессильна приложением своего труда поднять земледельческий доход.

В 1915 году на запашке 4,29 дес. кормилось в среднем 5,2 чел. (табл. 15); в 1920 году на запашке в 3,54 дес. кормится тоже 5,2 чел. Но эти последние лишены всяких побочных заработков. Следовательно, бремя налогов чувствуется ими в бо̀льшей мере, нежели оно ощущалось раньше. Правда, для 1920 года не приходится говорить о высоте косвенных налогов, которые раньше брали около 21% крестьянских расходов [3], а в девятисотых годах, по отдельным губерниям,

---

[1] Н. Рожков. „Город и деревня в русской истории“ (1918 г.), стр. 54 и сл.

[2] П. Маслов. Указанное сочинение, стр. 342 и сл.; на потребит. характер крест. хозяйства указывает и С. Маслов — „Крест. хоз.“ (1915 г.), стр. 105.

[3] Вычислено мною для губерний: Московск., Ярославск., Костромск., Новгородск. и Вятск. Ср. М. Покровского „Госуд. хоз. в России“ в томе VI (стр. 109 и др.) „Ист. России в XIX в.“, изд. Гранат.

даже и больше [1]. Но зато в 1920 г. тяготы войны, разрухи, отвлечение рабочих рук [2], мобилизация лошадей и т. д. значительно перевешивают то облегчение, которое крестьянский бюджет получил благодаря уничтожению косвенных налогов.

Таким образом утрата дохода от отхожих промыслов и культивирования промышленных растений (льна), а также увеличение едоков в волости по отношению к единице запашки,— вот что усугубляло тяжесть налогового бремени в 1920 году.

Подобными подробными комментариями, которыми я только что снабдил цифру, выражающую налог на десятину пашни в 1920 г., можно было бы точно так же снабдить и все остальные цифры, приведенные в таблице, которой начинается настоящая глава. Но я, во избежание излишних подробностей, в отношении комментирования ограничусь именно 1920 годом, когда налоговый пресс был наиболее тяжелым для изучаемой мною волости.

Здесь же уместно дать маленькие характеристики как самих принципов [3] обложения, так и способов собирания налогов, применявшихся в течение революционного периода.

В 1918 г. господствовал принцип отчуждения так называемых излишков. Государство в этом году интересовалось только тремя продуктами: рожью, картофелем и овсом. В отношении упомянутых продуктов законодательство определяло норму годового продовольственного пайка и для людей и для скота (овес для лошади, мука на посыпку для телят и коров и пр.). Затем принималась во внимание необходимость обсеменения. Все же излишки, которые хозяйство имело

---

[1] Ср. „Опыт учета доходов и расходов в крест. хозяйстве Балашевск. уезда" (Саратов. „Зем. Неделя", 1903, сентябрь, № 9).

[2] Нахлынувшее за последние годы в деревню население малоработоспособно, до и вообще война и все за ней последующее подорвали здоровье жителей волости. Об этом говорит такой факт: в мирное время амбулаторный прием в среднем в местной больнице был не выше 35 чел. ежедневно, в 1918—1922 гг.—тоже в среднем—не меньше 70; коечных больных было человек 15, в 1918—1922 гг. каждый день занято не менее 30 кроватей.

[3] Указания на статьи закона см. в прим. к табл. 25.

сверх пайка и семян, оно должно было отдать государству по твердой цене. Те же хозяйства, у которых против законодательной нормы оказывалась недохватка в названных продуктах или нехватало на семена, те по твердой цене (очень низкой) получали свою недохватку из волостного фонда. В результате, если мы сосчитаем в цене ржи то, что населению полагалось внести (см. табл. 25) за 1918 год, то выйдет 3.007 пуд. ржи [1]. А в мирное время (1913 г.) население волости пропивало на водке (переведем ее на рожь) почти 40.000 пуд. ржи. Государство в 1918 г. получило пустяк (если же из пустяка мы вычтем—к сожалению, подсчитать нельзя—накладные расходы, то на государственные нужды из пустяка останется крупица). Вспоминая, какие именно хозяйства в 1918 г. платили, а какие не имели излишков, я скажу, что не только бедняки и середняки, но часть зажиточных значилась без излишков. Так выходило потому, что реальный высев утаивался, настоящий урожай снижался, а власть, еще только конструировавшаяся, не имела никакой возможности выверить показания населения. Правда, сельские комиссии ходили осматривать хлеб по амбарам, но, по правде говоря, делалось это только так, «для проформы», а кроме того, в амбаре оставляли лишь часть хлеба,—остальной переносили (даже не прятали) в другое место. Излишки возили в исполком без понуждений.

В 1919 году опять собирали излишки. Но в этом году продовольственный годовой паек был сокращен приблизительно на 25% (вместо 12 пуд. ржи на человека в год—9 пуд. и т. д). Кроме того, организованные комитеты бедноты—правда, коегде и не очень рьяно—работали в сторону повышения собираемого количества продуктов. В отношении родов продуктов интерес власти был уже шире (см. табл. 25). Вместо того,

[1] В 1918 г., кроме того, что причиталось собрать за 1918 год, собирали и то, что было назначено к сбору за 1917 г., но собрано не было (не успели, так как обложение сделано почти к концу года) или почти не было. За 1917 г. с богатеев назначено было взять, по постановлению волостного схода, 8.600 пуд. ржи по цене раз в 15 ниже рыночной. Эту рожь пришлось собирать при помощи отряда красноармейцев, так как многие отвиливали от уплаты своей доли.

чтобы все излишки свозить в исполком, а там потом раздавать часть их в пайки, предписано было поступать так: из излишков, имеющихся в данной деревне, удовлетворялись на месте же годовым пайком те, у кого были недохватки. А так как часто эти недохватки были формальными, по существу же сосед, вынужденный награждать продуктом своего труда однодеревенца, прекрасно знал, что у этого однодеревенца хлеба вполне хватит до нового урожая, то по деревне пошла свара.

— Что я на тебя обязан работать? Ишь какой «голодающий»! Сам, небось, хлеб продаешь, а на чужой заришься... и т. д.

В 1918 году такой свары не было, так как круг плательщиков излишков был очень узким—это были больше богатеи. А времена были такие, что богатеи предпочитали отмалчиваться, чтобы не обращать на себя особого внимания. В 1918 г., благодаря отчасти сокращению нормы пайка, а отчасти застращиваниям власти, грозившей большими карами за неправильные показания о высеянном (аппарата же для проверки показаний все-таки не было), контингент плательщиков значительно расширился: излишки оказались у очень и очень многих середняков. Только кто посмелее да половчее из середняков, тот затаивал свои продовольственные ресурсы и даже норовил (что многим и удавалось) попасть в числю голодающих, т.-е. имеющих право на паек. Вот тут-то и пошли раздоры— ругались друг с другом, доносили друг на друга. Вмешивалась власть, и имитировавший голодающего попадал в кутузку, но «голодающий», сидя в кутузке, не оставался в долгу у тех, кого он считал виновником своих злоключений—выкладывал о них что-нибудь любопытное для власти (часто, правда, вздор или ложь). В результате создалась в деревне атмосфера недоброжелательства, сосед стал бояться соседа. Тошно стало жить в деревне.

Государство в 1919 г. получило с волости больше, нежели в предыдущем году.

1920 год был, как известно, самым тяжелым для государства: разгар гражданской войны, почти угасшая промышленность, транспорт без топлива. Положение было близкое к па-

раличу. Государство уже не могло довольствоваться, до известной степени, случайными излишками. Ему необходимы были твердые, точно определенные ресурсы для того, чтобы жить и бороться за свое существование. В отношении сбора налогов принцип излишков отошел в прошлое—его заменил принцип разверстки. Центр, подсчитав, сколько, по его мнению, можно собрать со всей страны разного рода взиманий (у нас в волости этих взиманий было 17 родов—см. табл. 25), разбивал или разверстывал все это по губерниям; губернии, соображаясь с экономическим положением своих уездов,—по уездам: те—по волостям, а эти—по отдельным селениям. В селениях же сход домохозяев определял, кому из домохозяев и сколько надо было платить. Так как все были связаны общей ответственностью, круговой порукой и никакой скидки с определенного в разверстку не полагалось, то сходы эти были чрезвычайно шумливы, иногда даже кончались дракой: всякому хотелось заплатить возможно меньше, но тогда сосед должен был платить больше. Учитывали друг друга до тонкостей—если ты, например, держал собаку, то тебе это ставили на вид, говорили: «ты можешь собаку кормить, значит, ты и заплатить больше моего можешь». И, я не шутя говорю, в деревне совсем перевелись собаки.

Контингент плательщиков заключал в себе 53% всех хозяйств волости. Но это не значит, что не платило 47% наиболее бедных. Нередко более состоятельный совсем не платил, а платил тот, кто был победнее да потише. Так называемых «горланов» часто выручало их горло—наваливали налог на менее состоятельных. Но в основной своей массе плательщики были все же зажиточные, а неплательщики—бедные.

Разверстка выполнялась не всегда в срок и аккуратно. Волостным милиционерам все время приходилось напоминать и грозить запаздывающим. Наша волость уплатила почти все, что с нее причиталось—в недоимке было совсем немного.

В 1921 году последовал декрет (от 21 апреля 1921 г.), где между прочим говорилось: «Размер налога определяется для каждого хозяйства в отдельности и исчисляется по количеству пашни и числу едоков в хозяйстве и урожаю в данной мест-

ности». Круговая порука пала—это одно уже очень всех развязало. Однако, по родам отдельных взиманий, наша волость (с трудовой и гужевой повинностью) выплачивала 15 категорий разного рода продуктов (см. табл. 25). Так как деревня не имела отчетливого представления о том, сколько и чего именно надо платить, то эта многочисленность уплат и подчас очень мелких (напр., 5 шт. яиц с хозяйства, пол или треть куры и пр.) производила угнетающее впечатление на психику плательщиков: казалось, что налогов бесконечная цепь и никогда их выплатишь. К выплате натурального налога было привлечено уже не 53% всех домохозяев волости, как в 1920 г., а 87% и, следовательно,—бо̀льшее количество пашни. Хотя вся волость в 1921 г. заплатила натурналога больше (см. табл. 25 и 29), нежели в 1920 году, но на каждую десятину пашни, по причинам только что указанным, его пало меньше (см. табл. 32). В выплате налога приняли участие уже и бедные хозяйства, если они только имели посев.

Налог сдавался учрежденным заготовительным конторам, которые не находились в ведении волисполкома, а зависели от уезда и губернии. Аппарат по сбору натурналога был чрезвычайно громоздким. Осенью 1921 года, на тверском губернском съезде советов, во время прений по какому-то вопросу, зашла речь о том, какая именно часть налога тратится на организацию его сбора, хранение собранного, транспортировку и т. д. Пессимисты утверждали, что из всего собранного налога государство на свои нужды получит только 25%, оптимисты говорили—75%. Я не знаю кто был прав, но во всяком случае и 25%, потраченные на организацию сбора налога,—не маленький процент.

В 1922 году собирался тот же продналог, но исчислялся он в ржаных единицах (по особой таблице эквивалентов), при чем существовавшее раньше большое количество разного рода взиманий исчезло. Каждый мог платить налог тем продуктом, которым ему было удобнее (по той же таблице эквивалентов). Я в своей табл. 25 считал налог только в ржаных единицах. За своевременную выплату налога полагалась скидка в 20%. Наша волость получила эту скидку, так как внесла налог безнедоимочно и в срок. С единицы пашни пришлось

заплатить бо́льшую долю валового дохода, чем в 1921 году—товарищ-урожай подвел. Налог каждый домохозяин отвозил в уездный город за 45 верст.

В 1923 году был введен (декретом от 10 мая 1923 г.), вместо продналога, единый сельскохозяйственный налог. Обложение сельского хозяйства всякого рода дополнительными, кроме объявленного налога, сборами было воспрещено законом под страхом уголовной ответственности. Налог исчислялся в ржаных единицах, но его можно было уплатить и деньгами (или хлебным займом, который в нашей волости получил широкое распространение в 1923 году). В этом году, несмотря на еще более низкий урожай, чем тот, какой был в предъидущем году, доля валового урожая, пошедшая на выплату налога, была меньше, нежели в 1922 г.

Хотя налог 1923 года и назывался единым, но «единство» его не очень-то выдерживалось—главным образом, по причине падающей ценности бывших до твердой валюты денежных знаков. Поэтому, где он брался деньгами, где хлебом. Иногда, кроме «единого» налога, приходилось допускать разного рода иные сборы по волости. И вот, 30 апреля 1924 г. вводится, в условиях уже твердой валюты, знаки которой широко распространились и в провинции, вводится на этот раз действительно единый сельскохозяйственный налог, при чем при обложении учитывается пахотно-сенокосная площадь, количество скота в хозяйстве и приходящееся на данное хозяйство число едоков. За разного рода улучшения в хозяйстве, а также и за прогрессивный тип хозяйства (кооперативное, коллективное хозяйство и пр.) полагались скидки с налога. Были и еще некоторые льготы: для семей красноармейцев, для инвалидов и пр. Осенью, при определении суммы налога, учитывалась степень урожайности в волости. Надбавка на местные нужды включалась уже в налог до его разбивки по отдельным домохозяевам.

Налоговая система, декретированная 30 апреля 1924 г., действовала у нас до 1926 года без особых изменений. Декретом от 25 апреля 1926 года проведена реформа сельхозналога на 1926/27 г., сущность которой сводится к следующему. До проведения реформы предметами обложения сель-

хозналогом, как общее правило, являлись только земля, рабочий и крупный рогатый скот. Всякого рода доходы от неземледельческих и от подсобных промыслов не учитывались. Получалось неравномерное обложение налогом: хозяйства совсем без промыслов или с небольшим от них доходом несли всю тяжесть налогового бремени, а другие, получавшие относительно порядочный доход от промыслов, ускользали от обложения. Основой нового налога является точный учет действительной доходности и платежеспособности каждого двора в отдельности и определения для него той части, которая может быть изъята налогом без ущерба для развития данного хозяйства. При построении новой налоговой системы, как общее правило, принято, что хозяйства, в которых на едока приходится до 25 руб. годового дохода (всего дохода: и от сельского хозяйства и от промыслов), совершенно освобождаются от налога (в СССР подобных хозяйств, приблизительно, до 5 милл. дворов); при доходе на едока до 50 руб.—налог будет взиматься в среднем по 4½ коп. с рубля дохода (таких хозяйств—около 11 милл. дв.); при доходе до 70 руб. на едока—по 9 коп. с рубля (до 5 милл. дворов) и при доходе свыше чем по 70 руб. на едока—от 10 до 20 коп. с каждого рубля дохода (таких хозяйств около 3 милл. дворов). Самая зажиточная группа (т.-е. 3 милл. дворов) должна заплатить 154 милл. рублей налога или 50% общей суммы сельхозналога, определенного на 1926—27 г. Учет дохода проводится в рублях по нормам, выработанным центром, которые места имеют право в известных пределах, сообразуясь с условиями районов, изменять.

У нас в волости, на основании нового закона, налоговые секции (или комиссии) сельсоветов производили учет доходов хозяйства. Доход от сельского хозяйства учесть нетрудно—он весь на виду. Что же касается дохода от промыслов, то здесь было немало нареканий. Всякий, занимавшийся промыслом, особенно отхожим (у нас многие в плотники ходят), старался преуменьшить свой заработок и, кроме того, указывал на дороговизну квартиры и харчей на стороне. Положение членов секции было довольно сложное, хотя они и старались по мере сил добросовестно распутывать все

узлы по налоговой линии. В конце-концов работа по обложению была закончена.

Однако, хотя декрет от 25 апреля 1926 года и является шагом вперед в системе сельскохозяйственного налогового законодательства, но и в него должен быть внесен—и возможно быстрее—ряд существенных поправок. Укажем на некоторые моменты, над которыми надо очень и очень подумать.

Доход исчисляется на едока. Возьмем две семьи, в каждой из которых по 5 едоков и на каждого едока падает одинаковая сумма дохода. Но в одной из них только двое работоспособных (а трое—ребята), а в другой—все пятеро работоспособны, и кое-кто из этих пятерых подрабатывает на стороне. Ведь если в городе, при наличии сравнительно большого и хорошего кадра финагентов, обычно, трудно учесть прибавочные к основным доходы налогоплательщиков, то в деревне это сделать еще труднее, а во многих случаях и совсем невозможно. Это—реальный факт, на который нельзя закрывать глаза. И, возвращаясь к нашим двум семьям, мы будем иметь одинаковый для каждой из них налог, но на самом деле—это можно сказать почти наверняка—доход второй семьи (где пятеро работоспособных) будет значительно выше дохода первой: доход от сельского хозяйства не скроешь, а доход от заработка на стороне скрыть очень легко. И в деревне подобных фактов много, они бьют в глаза, хотя с формальной стороны как будто бы и не к чему подкопаться. Может быть, следовало бы делать скидку на нетрудоспособных едоков—это было бы поправкой к недоучету доходов трудоспособных едоков.

Затем такой момент. При исчислении сельскохозяйственного дохода на сцену выплывает, конечно, площадь посева. Предположим, что одна какая-либо семья имеет 3 дес. пашни и другая—тоже 3 дес. пашни. Но у одной 10-типолье, у второй—трехполье. Поэтому у первой доходность исчисляется почти со всех 3 дес. (ведь под паром при 10-типолье пустяк), а у второй—только с 2 десятин. И вторая семья будет платить меньше налога—отсталая техника будет как бы получать премию. Этот момент необходимо учесть.

Положений, вроде только что отмеченных, наберется и еще немало.

В заключение я приведу небольшую табличку, которая, в относительных числах, укажет нам, как распределялся налог между отдельными группами хозяйств волости в 1924 и в 1926 г.

Хозяйства с пахотно-сенокосной землею на каждого едока.	1924 г.		1926 г.	
	Хозяйств. %	Налог. %	Хозяйств. %	Налог. %
До $^1/_4$ десятины . .	27,7	6,7	19,2	7,7
От $^1/_4$ дес. до $1^1/_2$ дес.	68,2	80,9	76,6	84,8
Свыше $1^1/_2$ дес. . .	4,1	12,4	4,2	7,5
Всего . . .	100	100	100	100

К 1926 году по линии налогового обложения была достигнута бо́льшая, нежели в 1924 г., точность и четкость учета, чем в значительной мере и объясняются изменения, выявляемые нашей табличкой.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ.

В предыдущих главах мы подвергли изучению основные отрасли сельского хозяйства волости, коснувшись также и вопроса о налоговом бремени, падающем на ее население. В настоящей главе я попытаюсь некоторые плюсы и минусы, которые в сфере своей хозяйственной жизни получили горицкие крестьяне за весь революционный период, представить в рубле. Другими словами—дать счет прибылей и убытков населения волости за все эти годы.

Тут необходимо очень и очень оговориться. Составить действительно такой счет, цифры которого в денежных знаках полностью отражали бы все изменения, происшедшие в хозяйстве волости вследствие или в связи с революцией, и отражали бы эти изменения верно,—составить такой счет совсем нельзя. Понятно без всяких пояснений, что подобная задача совершенно непосильна даже для десятка лучших бухгалтеров, хотя бы они и сидели в волости с первых же дней революции и без устали щелкали бы на счетах, ловя на их костяшки то, что можно назвать переменами в области экономики волости. Все равно и бухгалтера в конце-концов что-нибудь бы просчитали или присчитали. И это бы, естественно, случилось, так как многие моменты экономики или совсем не поддаются учету их в рубле, или же трудно расценить их тем или иным определенным количеством рублей.

В этой главе я и не собираюсь разрешать невозможную задачу—дать что-то исчерпывающее по указанной линии. Здесь я лишь попытаюсь (только попытаюсь—не больше) учесть в денежных знаках некоторые (некоторые, а отнюдь не все) приобретения и потери хозяйства населения волости, которые, по моему мнению, в известной степени можно по-

ставить в связь с происшедшей революцией. Поэтому настоящую главу скорее можно рассматривать как методический опыт, но опыт, пожалуй, любопытный, хотя бы частичной проработки поставленного вопроса.

После сделанных оговорок приступим к изложению существа темы главы.

Из предосторожности, чтобы ни в каком случае не преуменьшить материальных выгод крестьянства за описываемые годы, я сделал следующее:

1) Официальные сведения, полученные мною из разных источников (губ. и уездн. статистическ. бюро, волостной исполком) и взаимно выверенные, указывают в 1919 г. 36% недосева. Не имея возможности собственными наблюдениями проверить указанную цифру, но зная местные условия (36% недосева—бессмыслица для 1919 г.), я, по примеру 1918 г. (табл. 9), посчитал и для 1919 г. только 10% недосева, увеличив таким образом запашку 1919 г. сразу на 26%, что, конечно, значительно уменьшило (так как валовой доход от полеводства поднялся) тяжесть обложения крестьянской земли в 1919 г. (табл. 32).

2) Для 1920 г. (на основании моих наблюдений) я исключил площадь недосева в 33% (табл. 9 и 19), что повело опять-таки к соответствующему уменьшению тяжести налогов на землю в 1920 г. (табл. 32).

3) Оперируя с урожайностью, следовало бы исходить из средних цифр, которые находятся вне зависимости от случайных явлений (недорода или исключительно хорошего урожая). Но я исходил из реальной урожайности, и если она для 1918 и 1919 годов была для волости близка к средней поуездной норме (табл. 2), я брал эту норму; как только в 1920, 1921 и в 1924—1926 годах урожайность по волости значительно или хотя бы немного превысила общую среднюю поуездную норму, выведенную на основании пятилетнего наблюдения над урожайностью,—все расчеты для 1920, 1921 и 1924—1926 годов я вел, имея в виду высокую урожайность этих лет; когда урожайность за 1922 и 1923 гг. упала (табл. 2), я учел этот факт.

Итак, что же рассказывают цифры? Выгодна или, наобо-

рот, невыгодна для моих земляков, с точки зрения грубого, материальнюго расчета, текущая революция за тот ее период, который уже отошел в прошлое?

Развернем таблицу 29.

Мы видим, что левая часть таблицы содержит погодное исчисление прибылей населения волости, а первая—его убытков. Если внимательно прочесть примечания к указанной таблице, то станет совершенно ясно происхождение всех тех многочисленных цифр, которые фигурируют в таблице. Поэтому снова пускаться здесь в объяснения по поводу цифр таблицы 29 я не буду.

В параллель к отмеченному в начале главы подчеркну, что, отнюдь не желая преуменьшать выгод крестьянства за описываемые годы, я в равной мере не стремился затушевывать и потери населения за тот же изучаемый период и потому:

1) подсчитал потери от утраты отхожих промыслов (табл. 29);

2) показал убыток населения по вкладам в местной ссудо-сберегательной кассе, которых она лишилась (табл. 29), и

3) точно (по возможности) оценил стоимость разнообразных взиманий, взысканных с населения за все эти годы.

Что же получилось по таблице 29 в результате моей попытки подсчета—прибыль или убыток?

Убыток.

За весь девятилетний период, за 1918—1926 годы, убыток этот определен мною суммою:

304.351 руб. 88 к. (в довоенных рублях).

Или—средний убыток за каждый год:

33.816 руб. 88 к.

На одно крестьянское хозяйство в год в среднем приходится:

18 руб. 28 коп.

На одну же душу населения в течение года падает:

3 руб. 69 коп.

Итак, несомненный убыток. Убыток, доказываемый, как говорится, с цифрами в руках.

Но был ли этот убыток на самом деле, в реальной жизни?

Этот вопрос я должен был задать самому себе после того, как подвел свои цифровые итоги. Дело в том, что, наблюдая все эти годы свою волость, имея ее все время перед глазами, я, по совести говоря, не мог уловить в реальном крестьянском житье-бытье черт постепенного, упорно переходящего из года в год обеднения. В городах процесс разорения жителей, особенно за время начальной стадии нашей революции, бил в глаза: горожане продавали свое «движимое и недвижимое» вплоть до самого необходимого. Мы это видели на каждом шагу ежедневно. Волость же наша успела за революцию очень и очень обстроиться (табл. 30 и 31), а при наличии обеднения о новых постройках не думают; со скотом дело обстоит (табл. 33) даже несколько лучше, чем в дореволюционное время,—опять-таки, когда крестьянин разоряется, то он ведет корову со двора, а не во двор, и т. д.

В чем же дело? По цифрам убыток, а на поверку выходит, что его вроде как и нет?!

Объяснение просто. Я точно знаю—знаю, потому что сам вижу, знаю со слов, из откровенных рассказов моих земляков, что продажа хлеба в первое время (так до осени 1922 года) по сравнительно высоким ценам (сравнительно с ценою городской продукции), а когда хлеб сдешевел, то широкое производство самогонки (дешевый хлеб и картофель превращаются в дорогой продукт), массовое, хищническое истребление леса на продажу [1],—все это, за весь революционный период, составляло значительную по сумме доходную статью. Но какой именно цифрой выразить этот доход, этого я не знаю: по характеру своему доходы эти—доходы особого рода и учесть их, словить в сеть цифр совершенно невозможно. Вот эти-то доходы, несомненно, снимают, по моему глубокому убеждению, с лихвой весь дефицит по волости. Так что в конце-концов можно констатировать, что при общем подытоживании всего минувшего революционного периода, принимая во внимание и доходы, которые в силу особых обстоятельств учесть невозможно, крестьянство материально от революции не проиграло.

[1] Стоимость истребленного леса я пытался учесть в табл. 29 по самой скромной оценке.

Само собой разумеется, что доходы от ворованного леса, от противозаконного производства самогонки и от спекулятивной продажи продуктов сельского хозяйства не могут считаться нормальными средствами (с моральной стороны я не обсуждаю совсем этих доходов) для поддержания, а тем более для подъема крестьянского хозяйства. Думаю, что развертывающийся в крестьянском хозяйстве волости многопольный севооборот и намечающиеся уже в крестьянском обиходе мероприятия по поднятию доходности животноводства (кормление скота по нормам и пр.)—все это в самом ближайшем будущем значительно увеличит продуктивность сельского хозяйства волости. Все нелегальные и случайные статьи дохода потеряют свое значение, отойдут в прошлое.

В заключение главы отмечу следующее, что непременно и твердо надо запомнить: подсчитывая убытки населения волости за революционный период, я отправлялся от условий мирного времени; но между революционной эпохой и «добрым, старым временем» стоят необычайно жестокие для народного хозяйства годы—годы тяжелой, разорительной для страны войны. И эти годы, конечно, придавили хозяйство деревни тяжелой стопою—трудно предполагать, чтобы это положение могло кем-либо оспариваться. Следовательно, и моя родная волость, переступая за порог революции, имела за спиною черную тень отрицательных для ее хозяйства последствий войны. И вот, приняв в соображение только что сказанное, мне и думается, что моим землякам революция помогла ликвидировать черную тень империалистической войны.

БЮДЖЕТЫ ОТДЕЛЬНЫХ ХОЗЯЙСТВ.

Чтобы иметь более отчетливое представление об экономической сфере жизни волости и правильнее подойти к тому материалу, который приводится в нашей работе, я считаю необходимым дать в настоящей главе описание среднего по волости крестьянского хозяйства, с его доходностью и приблизительным бюджетом. Это описание является следствием не теоретических выкладок и соображений: оно—плод изучения реальных и типичных хозяйств волости и отдельных данных по бюджетам некоторых, тоже типичных семей за 1920 год. В конце главы мы дадим краткий материал по бюджетам четырех хозяйств волости за период 1923—1924 г.

Начнем с 1920 года.

Состав семьи: три члена работоспособных (от 16 лет) и три неработоспособных (ребенок до 5 лет и двое детей от 5 до 16 лет).

Земля: во всех трех полях (озимое, яровое и пар) пахотной земли $2^1/_2$ десятины; сенокоса около 7 десятин, при чем сенокос главным образом в пустошах и по болоту; огород около дома—$^1/_{10}$ десятины; земли под выгоном, лесом и проч., как не имеющие непосредственного значения для нашего описания, мы оставляем в стороне.

Скот и домашняя птица: по одной лошади, корове и телке, две овцы с приплодом, десять кур и петух.

Хозяйство ведется без эксплоатации наемной силы и без применения каких-либо сельскохозяйственных машин.

Валовая доходность хозяйства.

Определяя доходность, мы будем иметь в виду две нормы урожайности: среднюю урожайность и урожайность 1920 г. (табл. 2), которая (кроме трав) значительно выше средней,

1. Продукты полеводства. При высеве 8 пуд. ржи, 12 пуд. овса, 1½ пуд. льна и 25 пуд. картофеля получается урожай в пудах (высев ячменя мы не указываем, так как он сеется не в каждом рядовом хозяйстве):

Наименование.	По средней норме.	Урожай 1920 г.
Рожь	43,2	64
Овес	38,4	42
Картофель	135	150
Лен	3½ п. семя и 4⅘ п. волокна.	7½ п. семя и 4½ п. волокна.

2. Продукты скотоводства и птицеводства. За год корова даст молока 60 пуд. [1], при чем 5 пуд. пойдет на выпойку теленка. Считая, что две овцы дают в год в среднем трех ягнят и что ягнят этих режут в возрасте 8—10 месяцев, мы получим мяса 2 пуда 10 фун. Кроме того, в течение каждых трех лет режут двух телят [2] в возрасте 6—8 месяцев—получается мяса на год 1 пуд. 20 фунт. Всего же мяса в хозяйстве будет около 3 пуд. 30 фун. Овчины идут на теплую зимнюю одежду, а овечья шерсть, которой за год наберется фунтов 9, пойдет на валенки. 10 кур дадут в год 800 штук яиц; пять кур можно зарезать, заменив их молодками: получим курятины фунтов 12.

3. Продукты огородничества. Получится в течение года: 15 пуд. капусты, 3 пуда огурцов, 1½ пуда моркови и около 1 пуда свеклы, брюквы и проч.

4. Корма для скота. С 7 десятин уберут сена около 460 пуд. при среднем урожае трав и лишь 224 пуда сняли в 1920 г. (табл. 1). Кроме сена, в корм пойдет 12 пуд. овса [3],

[1] Эта цифра совпадает с цифрой В. Варгина: „Простые расчеты по организации крестьянского хозяйства", 1912 г., стр. 15.

[2] Третий теленок покрывает убыль коровы от ее старения, болезней и падежа.

[3] На основании § 3 ст. 683 № 62 „Собрания узаконений и расп. раб. и крест. правительства" за 1918 г. и заключительной части этого законоположения, предоставляющей право губ. прод. комитету уменьшать норму, указанную в § 3 (18 пуд.), в Тверской губ. для лошадей оставлялось в 1920 г. 12 пуд. овса на год.

около 54 пуд. яровой соломы, 11 пуд. мякины [1], 2 пуда дуранды (жмыхов), полученной при сбивании льняного семени на масло. В случае недостатка этих кормовых средств хозяин пустит в корм и ржаную солому, которой около 128 пуд. и которая обычно идет на подстилку для скота.

5. Навоз в хозяйстве. Так как навоз содержит в себе все вещества, входящие в состав растений, и, положенный в землю в качестве удобрения, возвращает земле все то, что было взято у нее при произрастании рожью, овсом и проч., то количество навоза в хозяйстве имеет чрезвычайно важное значение для доходности последнего: в нашем хозяйстве будет около 1.320 пудов навоза (табл. 3).

Расход хозяйства.

1. Продукты полеводства. Сделаем расчет, имея в виду урожай 1920 г., который (табл. 2) значительно выше среднего урожая. При среднем урожае хлебов, картофеля и льна описываемое хозяйство будет недалеко от критического состояния, а при урожае ниже среднего оно потерпит крах, то-есть придется ликвидировать часть скота, членам семьи искать заработка на стороне и т. д. Сказанное подтвердится, если сделать расчет на средний или ниже среднего урожай.

При урожае 1920 г. расход продуктов полеводства будет такой в пудах:

	Рожь.	Овес.	Картофель.	Лен. Семя.	Лен. Волокно.
На семена	8	12	25	$1^1/_2$	—
Принуд. отчуждение	$5^3/_5$	12	$6^1/_4$	$1^1/_5$	1
Продов. семьи [2]	$50^2/_5$	6	108	$4^1/_5$	—
Для лошади	—	12	—	—	—
На нужды семьи	—	—	—	—	$3^1/_2$
Теленку, курам [3]	—	—	$10^3/_4$	—	—
Всего	64	42	150	$7^1/_2$	$4^1/_2$

[1] Яровой соломы получается по весу приблизительно в $1^1/_2$ раза больше, а ржаной в два раза больше, чем зерна; мякины с пуда зерна получается около 7 фунтов.

[2] Здесь же укажу, что крестьянская семья, если она обладала достаточным количеством собственной ржи, удовлетворялась в пределах до 12 п.

Из 6 пудов овса сделают крупы, которой выйдет 3 пуда; 6 пуд. льняного семени свезут на маслобойню; здесь, произведя отчуждение в пользу государства, остальное собьют на масло, которого выйдет около одного пуда. Волокно пойдет на нитки и новины (деревенское полотно), из которого женщины пошьют белье, полотенца и проч.

2. Продукты скотоводства и птицеводства. Как мы уже говорили, из шерсти сваляют валенки, овчины пойдут на теплое платье. В дальнейшем мы увидим, в достаточной ли мере снабжено наше хозяйство шерстью и овчинами, действительно ли пойдет на продовольствие семьи все количество яиц, молока, мяса и пр., или же глава семьи часть этих продуктов обменяет на соль, сахар и проч. [1].

3. Продукты огородничества. Продукты огородничества отчуждению не подлежат. Морковь в сушеном виде будет служить суррогатом чая (в деревне еще употребляются, как суррогаты чая, сушеные листья яблони, земляничник,

на человека в год (дети до 5 лет—половиной нормы). Излишки отчуждались. Если на каждого члена семьи приходилось из расчета на год меньше 9 пуд. ржи, то семье отсчитывали по 30 фунтов (зерна или муки) на месяц на каждого члена семьи (детям до 5 лет — половина) из ее запаса. После того, как семья съест свой хлеб, она имела право на „голодный" паек из волостного исполкома до нового хлеба (до 1 августа) по 15 фун. на человека в месяц. Но эти пайки выдавались не регулярно: в 1919 г. их не давали с 1 апреля, в 1920 г.—с 1 июня, в 1921 г. выдача прекратилась.

[3] Теленку и курам идет загнивший картофель, которого бывает 8—10%.

[1] Считая, что из 35 п. молока выходит 1 п. масла (см. В.Варгин, ук. соч., 18), мы масляный налог в 2 фунта выразим в молоке.

Статьи расхода.	Мясо пуд.	Молоко пуд.	Яйца штуки.	Куры фунты.	Шерсть фунты.	Овчины штуки.
Принуд. отчужд.[2]	$1^1/_2$	$1^3/_4$	10	$^2/_3$	2	$^1/_2$
На прод. семьи	$2^1/_4$	$53^1/_4$	770	$11^1/_3$	—	—
На высидку цыплят	—	—	20	—	—	—
На нужды семьи	—	—	—	—	7	$2^1/_2$
На выпойку теленка	—	5	—	—	—	—
Всего	$3^3/_4$	60	800	12	9	3

[2] В табличке отсутствуют творог и масло,—для удобства изложения мы предполагаем, что молоко употребляется в непереработанном виде.

размолотые жареные зерна ржи и т. д.). Свекла в сушеном виде будет заменять сахар. В 1920 г. по огородам сеяли табак; урожай получился хороший, но обработка, сушка и проч. не совсем удалась.

4. Корма для скота. Для всего скота в течение периода содержания его на дворе (с 1 октября по 20 апреля ст. ст. или с начала октября по начало мая по нов. ст.) потребуется 7.338 кормовых единиц (табл. 12). В остальное время скот будет питаться на пастбище. Но все же лошади во время весенней и осенней пашни непременно нужно дать дополнительно к пастбищному корму самое меньшее еще 246 кормовых единиц. Всего, следовательно, для скота надо иметь корма, который содержал бы 7.584 кормовых единицы. У нас же, считая по урожаю 1920 г., в сене, овсе, яровой соломе, мякине и в льняных жмыхах будет всего 5.662 кормовых единицы (табл. 11). Нехватит приблизительно 1.922 единиц. Если хозяин пустит в корм всю ржаную солому, то получит лишь 1.152 единицы. Но он этого сделать не может, так как скоту непременно нужна и подстилка (и для получения навоза подстилка необходима); на подстилку минимально пойдет 110 пудов [1]; значит, ржаная солома (18 пуд.) даст 162 единицы. Таким образом все же будет нехватка в 1.750 кормовых единиц. Единственный выход из критического положения с кормами—продажа телки. С осени 1920 г. крестьяне предлагали желающим брать у них дойных коров на таких условиях: бесплатно пользоваться молоком с 1-го октября по 20-е апреля, но в течение этого времени кормить корову, а 20-го апреля, когда скот выгоняют на пастбище, вернуть корову владельцу. Но желающих находилось немного—негде было взять кормов. Поэтому очень многие хозяйства осенью и зимой 1920 г. продали часть своего скота. В 1921 г. скота в волости стало значительно меньше, нежели в предыдущем году.

5. Навоз в хозяйстве. У нашего хозяина $2^1/_2$ дес. пашни, т.-е. в каждом поле по $^5/_6$ дес. Навоз требуется лишь

---

[1] По агрономическим указаниям для скота нашего хозяйства надо было бы подстилки не меньше 140 пудов — см. В. Варгин, стр. 13.

для парового поля и для земли под картофель; у нас под картофелем 1/5 дес. (табл. 12). Значит, унавозить надо одну десятину. Приходится констатировать, что в навозе будет нехватка (табл. 4): против средней поуездной нормы недостает 155 пуд., а против того, сколько следует класть навоза на десятину пашни по указаниям агрономии, нехватит 1.650 пуд. Итак, чтобы удобрить землю согласно указаниям агрономической науки, наше среднее хозяйство должно иметь скота вдвое больше того количества, которое имеется налицо. Но наши кормовые средства, как мы видели, не всегда позволяют прокормить и тот скот, который есть. Следовательно, выдвигается на очередь вопрос о замене трехполья многопольем, что сократит площадь пара, и о поднятии или, вернее, введении травосеяния (табл. 9), что позволит содержать большее количество скота, или же, наконец, надо применять искусственное удобрение.

Бюджет.

«Бюджет—это микроскоп, позволяющий ясно увидеть частями то, что скрыто под покровом сложности и запутанности семейных отношений», говорит известный исследователь крестьянских бюджетов Ф. А. Щербина [1]. Определяя

[1] Ф. Щербина. „Крестьянские бюджеты" (1900 г.), введение. Бюджетные исследования,—эти чрезвычайно важные для науки и для правильного понимания действительного положения в государстве тех или иных классов и отдельных слоев населения изыскания, — имеют довольно длинную историю. В Западной Европе они, в виде случайных бюджетных справок, начались еще в конце XVIII века, а к середине XIX века уже получает оформление и метод бюджетных исследований. В России первые попытки осветить кое-какие вопросы бюджетного порядка тоже, как и в Западной Европе, относятся к концу XVIII века. Первым ученым, обратившим у нас серьезное внимание на изучение бюджетов, был Д. П. Журавский, издавший в 1846 г. труд „Об источниках и употреблении статистических сведений", где он подчеркивает, что учет бюджетных расходов чрезвычайно важен как для выяснения материальных средств разных классов населения, так и для выявления наклонностей, потребностей, вкусов и стремлений каждого класса. Затем, после некоторого затишья, во второй половине прошлого столетия появляется ряд работ, посвященных разработке вопросов бюджетного характера (работы П. П. Семенова, Е. Н. Ану-

состав бюджетного имущества, Щербина называет его «копией экономического строя данной страны» и включает в него все имущество, начиная от земли и строений, до мельчайших предметов домашней утвари. Но мы, интересуясь крестьянским бюджетом лишь попутно, понимаем его более узко. Мы старались учесть в бюджете, с одной стороны, то, что средний крестьянин волости покупал для своей семьи и хозяйства, и, с другой, то, что он продавал, чтобы иметь возможность купить необходимое.

В 1920 г. обычно покупалось лишь то, что трудно или невозможно было изготовить хозяйственным способом; в крестьянском быту за последние — до нэпа и в первое время после введения его — годы почти исчезла купля-продажа; ее заменил акт мены, но, для удобства учета, все приобретенное и все отданное взамен мы будем считать в деньгах.

Приводим здесь средние величины по продаже и покупке разных продуктов в крестьянском хозяйстве Тверской гу-

---

чина и др.). С 1894 г., когда был созван IX съезд русских естествоиспытателей и врачей, изучением бюджета заинтересовываются разнообразные съезды ученых и практических деятелей, внесшие много нового в разработку основ, программы и методов бюджетных исследований. На фоне развертывающейся науки о бюджете становится уже возможным обработка ряда сравнительно тонких тем с бытовым уклоном вроде, например, статьи М. Давыдовича (от 1909 г.) „Хозяйственное значение женщины в рабочей семье“, где он приходит к любопытным выводам: наличность хозяйки дает экономию в расходах на одежду 51%, в ценах на продукты в $4^1/_2$%, питание семьи значительно улучшается и т. д.

Однако, несмотря на всю важность бюджетных работ дореволюционного периода, которые велись как отдельными лицами, так и разными общественными и государственными учреждениями, у них имеется один несомненный и большой недостаток: они велись не в общегосударственном масштабе и не по какой-либо единой программе, что существенно важно для получения данных о среднем бюджете русского крестьянина, о среднем бюджете крестьянских хозяйств по отдельным районам и т. д.

Первое обследование крестьянских бюджетов за революционный период было организовано Центральным Статистическим Управлением в 1919 г., когда подверглись обследованию 2.240 хозяйств, в 1920—21 г. — только 720 хозяйств, в 1921—22 г.—еще меньше—427 хоз., в 1922—23 г.—уже около 4.000 хоз., в 1923—24 г.—10.080 хоз., в 1924—25 г.—10.108 хоз., а в 1925—26 г.—около 11.000 хоз.

бернии, полученные на основании учета 223 хозяйств [1] в 1908 г. и данные для среднего хозяйства волости за 1920 г.

Наименование предметов.	1908 г. На 1 хозяйство. Пуд.	1908 г. На 1 хозяйство. На сумму в рублях.	1920 г. На 1 хозяйство. Пуд.	1920 г. На 1 хозяйство. На сумму в рублях.
Зерновых хлебов	14,2	13,59	—	—
Картофеля	6,6	2,22	10	55 000
Прочих прод. плев. луговодства и огороднич. (6 пуд. овса [2] и $1^1/_2$ п. волокна в 1920 г.)	45,3	56,59	7,5	201 000
Дров и прод. лесоводства.	—	9,41	—	—
Рогатого скота	—	16,47	—	—
Прочего скота и домашн. птицы	—	3,37	—	40 000
Мяса	—	1,12	1	20 000
Кож, овчин и шерсти	—	2,30	—	—
Яиц (штук)	—	1,12	700	140 000
Масла, молока и проч. скопов	—	5,82	1	200 000
Мед и воск	—	1,14	—	—
Холста, пряжи и кустарн. изделий	—	3,35	—	—
Всего продано	—	116,50	—	656 000

Считая за 1920 г. на золото [3]—65,6 руб.

Куплено:

Ржи, солода, ячменя, овса	19,4	25,69	—	—
Пшеничной муки	4,8	11,86	—	—
Круп разных	7,8	15,02	—	—
Картофеля	1,9	0,86	—	—
Капусты, огурцов, лука	5,6	2,65	—	—
Семени льняного и огородного	0,7	4,46	—	6 000
Сена, соломы, жмыхов	19,7	3,46	—	—
Скота и домашн. птицы	—	7,30	—	—

[1] „Статистич. Ежегодник по Тверской губ. за 1908 г.“ (изд. в 1910 г.), стр. 283—311.

[2] Таким образом запас кормов сократился еще на 240 корм. единиц.

[3] Бумажный рубль 1920 г. стоил 0,000100 золотом—см. таблицу 7.

Мяса, сала и масла русского	11,5	5,99	—	—
Рыбы	1,20	4,23	—	—
Соли	6,2	2,16	2,5	120 000
Масла постного	—	1,95	—	—
Сахара, пряностей, сластей (фунтов)	134,3	17,56	8	32 000
Чаю (фунтов)	6,3	9,94	—	—
Водки (ведер)	6,1	13,58	—	—
Хмеля (фунтов)	—	1,46	2	8 000
Табаку (фунтов)	9,1	2,28	1	10 000
Дров	—	3,74	—	—
Керосина	2,3	3,51	0,5	20 000
Других осветительных материалов	—	2,19	—	—
Мыла (фунтов)	23,8	2,89	12	48 000
Мебели	—	0,69	—	—
Кухонной, чайной и др. посуды	—	6,34	—	3 375
Книг, предметов комфорта и проч.	—	4,29	—	—
Одежды	—	32,68	—	117 500
Обуви	—	21,92	—	186 000
Разных материй, тканей	—	11,26	—	—
Строител. матер., гвоздей и проч.	—	15,11	—	7 500
Плугов, сох, борон	—	4,06	—	21 000
Телег, колес, дровней	—	8,84	—	60 000
Кос, серпов, брусков, лопат	—	1,88	—	10 000
Навозных вил и заступов	—	0,45	—	—
Сбруи, упряжи, экипажей	—	4,92	—	37 500
Молотилок, веялок и пр.	—	4,39	—	—
Домашних инструментов	—	2,05	—	5 000
Всего куплено	—	261,66	—	691 875

Считая за 1920 г. на золото—69,19 руб.

За 1908 г. перерасход на хозяйство определяется в 145 руб. 16 коп. Этот перерасход покрывается заработком на отхожих промыслах. В 1920 г. перерасход в нашем хозяйстве в 35.875 руб. (или на золото 3 р. 59 к.) [1].

[1] Кроме того, по хозяйству будет ряд мелких расходов: плата по твердым ценам за продукты, полученные по распределению из лавки (мануфактура, керосин и проч.), уплата за церковные требы и проч.; эти расходы не учитываю, так как они и перерасход за 1920 г. отчасти покроются

Приведенные цифры по бюджету 1920 г. не представляют из себя среднее арифметическое, полученное в результате обследования ряда бюджетов отдельных семей. Если и всегда выяснение приходо-расхода крестьянской семьи было делом нелегким, так как крестьяне настороженно относились к вопросам об их денежных делах, то теперь (речь в данном случае идет о 1920 г.) не только от постороннего, но даже и от близкого человека каждая семья тщательно скрывает свое материальное положение, боясь ответственности за проданное, опасаясь введения новых налогов и проч. Я описал приходо-расход лишь одной семьи, с бюджетными данными которой близко знаком; некоторые цифры этого бюджета корректировались на основании отрывочных сведений, полученных по бюджетам некоторых других семей.

Поясню отдельные цифры указанного бюджета.

Куплено: 2 лота огородных семян по 3.000 руб. за лот; сахара 8 фунт., который предназначается почти исключительно для гостей; кухонной посуды приобретено: один горшок для варки пищи и две кринки под молоко—каждая кринка обменена на пару яиц, а горшок—на 10 фун. картофеля; из одежды приобретено: полудлинная верхняя зимняя плюшевая кофта для девушки 16 лет за полпуда масла, сшит из своих овчин коротенький тулупчик для мальчика—шил портной на дому и кстати в течение двух дней чинил старое платье; что касается обуви, то осенью приобретены пара кожаных сапог за 65.000 р., шесть пар подметок за 72.000 руб., за починку сапог—15.000 руб., две пары калишек [1]—8.000 руб. (кожа 5.000 руб. и работа—3.000 руб.), две пары валеных сапог, при чем своей шерсти (7 фунтов) нехватило на две пары—пришлось прикупить еще три фунта; куплено для хозяйственных надобностей гвоздей 5 фунтов по 1.500 руб. Рубрика: плуги, сохи, бороны, означает следующее: приобретено—два лемеха за 8.000 руб.; перековка полоска у плуга—500 руб.; наточить зубья у бороны—2.500 р.; капитальный ремонт отвала у плуга—10.000 руб. Рубрика те-

получением сумм (по тверд. цен.) за отчужденные продукты, мелким заработком (помощь соседу в молотьбе и т. д.) и пр.

[1] Калишки—летняя кожаная обувь.

лег, колес, дровней означает: перетяжка шин на стане колес—10.000 руб., да куплены новые дровни за 50.000 руб.; по следующей рубрике—куплена одна коса за 10.000 руб.; из сбруи, упряжи и экипажей ничего нового не приобретено. Заплачено 15.000 руб. за выделку одной кожи, которая идет на ремонт сбруи (ремонт ее производится своими силами); 30 фунтов дегтя—15.000 руб., подковные гвозди для ковки лошадей 2½ ф.—5.000 руб., да 2.500 за ковку лошади (5 раз); из домашних инструментов куплен топор за 5.000 руб.

Все произведенные расходы—необходимые расходы. Лицо, незнакомое с бытом деревни, могло бы, пожалуй, найти излишним покупку пальто (плюшевой кофты) для девушки, но наша девушка начинает «рядиться», как говорят в Тверской губернии, или «невеститься», она не может выходить на «гулянье» с парнями в полушубке, ее стали бы обходить, не приглашать на танцы и т. д., положение обязывает и, как ни тяжело для бюджета семьи, но пальто нужно было приобрести.

Обратим внимание на то, что целый ряд продуктов, которые обязательно приобретались в мирное время, теперь совершенно отсутствует в крестьянском обиходе,—например, водка, чай, пшеничная мука (пекли булки для гостей в большие годовые праздники), гречневые и пшеничные крупы и т. д. Потребление других продуктов значительно сократилось: соли приблизительно употребляют на человека на 73% меньше, нежели в мирное время, мыла на 64% и т. д.

Валовой доход нашего среднего хозяйства (без стоимости навоза)—4.718.357 руб., или 471 руб. 84 коп. на золотой рубль [1]. Он образовался из нижеуказанных доходов, которые мы приводим в процентах по отношению к величине валового дохода, принимая последний за 100 и сравнивая полученные цифры с соответствующими цифрами валовой доходности крестьянских хозяйств в России [2], чтобы показать происшедшие изменения в величине составных частей валового дохода по среднему крестьянскому хозяйству.

[1] Речь идет, напоминаю, о 1920 годе.

[2] Последние цифры заимствованы из статьи „Крестьянское хозяйство"—в „Полной энцикл. русск. сельск. хозяйства", т. IV, стр. 1013.

Доход от:	Наше средн. хозяйство. %	По России. %
зерна [1]	50,5	43,7
скотоводства	13,1	27,7
кормов [2]	35,2	23,8
огородничества	1,2	6,8
	100	100

Мы видим, что относительная величина доходности от продуктов полеводства несколько поднялась (на 6,9%) по сравнению с таковой доходностью мирного времени. Крестьянин постарался отчасти увеличить запашку, поскольку позволяют это сделать площадь удобной земли, состояние живого и мертвого хозяйственного инвентаря и наличие рабочих рук в семье; он поднял какую-нибудь полоску или заполосок, которые раньше у него гуляли в пустырях. Отчасти же доходность данной рубрики поднялась вследствие более тщательной обработки земли: поглубже запахал, лишний раз заборонил и т. д. Такое поведение крестьянина понятно: надо обязательно обеспечить себя хлебом, необходимо стремиться к созданию хотя бы небольшого свободного фонда из продуктов полеводства, чтобы иметь возможность удовлетворять из этого фонда насущные потребности, как личные, так и хозяйственные. Доходность от продуктов скотоводства заняла более скромное место по сравнению с таковой же рубрикой мирного времени. Это вполне понятно. Рост хозяйств и населения значительно опередил рост крупного рогатого и мелкого скота. Это верно для волости в целом (табл. 8 и 15), это также верно и для среднего

[1] В этой рубрике мы считали доход от льна и картофеля.

[2] В кормы мы клали, помимо сена, яровую и ржаную солому, мякину и жмыхи.

хозяйства, в котором в мирное время держали бы больше мелкого скота, а, может быть, иной год пустили бы даже и пару коров. Относительное увеличение доходности от кормов объясняется поднятием цен на сено (в золотом рубле пуд его в 1920 г. стоил 60 коп. вместо 30 мирного времени). Доходность от огорода упала из-за плохого урожая овощей в 1920 г.

Сравним среднее потребление печеного хлеба и картофеля—основных продуктов питания—на каждого члена семьи за год. В 90-х годах XIX века в средней крестьянской семье Воронежской губернии[1]: печеного хлеба 16 пуд. 17,5 ф., картофеля—3 пуда 14,4 ф.; в хозяйстве Горицкой волости за 1920 г.: хлеба 8 пуд. 29 ф. [2], картофеля—18 пуд. Большое количество потребляемого на едока картофеля объясняется тем, что картофель, с резким уменьшением потребления хлеба, а также мяса, масла и проч., стал главным пищевым продуктом в крестьянском быту.

Бюджеты четырех крестьянских хозяйств за 1923—1924 г.

Учительством волости были обследованы четыре разнотипичных крестьянских хозяйства, бюджеты которых и предоставлены в мое распоряжение. Правда, при обследовании допущены были некоторые упущения, но тем не менее материал является все же интересным, и поэтому я и опубликовываю его здесь. Учету подвергся период с 1 октября 1923 г. по 1 октября 1924 г.

Назову эти хозяйства.

Зажиточное хозяйство в дер. Никитское крестьянина Комляшева.

Два середняцких хозяйства: 1) в дер. Черкасино—Синицына и 2) в дер. Соловьево—Бошева.

Бедняцкое хозяйство в дер. Дор—Сударикова.

Степень зажиточности хозяйства определялась качеством

---

[1] См. Щербина, ук. соч., стр. 433.

[2] При вычислении количества печеного хлеба принят во внимание припек в 33%.

и количеством построек, а также живого и мертвого инвентаря. Так, общая стоимость всех построек и инвентаря в хозяйстве Комляшева определена в 4.250 руб. (один каменный дом стоит 2.500 руб.), а в хозяйстве Бошева—в 830 руб., в хозяйстве Сударикова—в 450 руб.

Перейдем к рассмотрению отдельных моментов хозяйственного бытия названных семей (доходы и расходы исчислены, а также и оценка имущества произведена в червонн. рублях периода обследования):

	Душ в семье.	Из них трудоспособных.	Пашни десят.	Доходы. Полеводство.	Доходы. Скотоводство.	Доходы. Промыслы.	Доходы. Всего.
Комляшев	9	6	4,12	1087,25	580,00	240,00	1907,25
Синицын	6	4	3,00	763,75	266,00	25,00	1054,75
Бошев	10	4	5,60	770,25	407,25	170,00	1347,50
Судариков	3	1	3,75	286,25	25,00	50,00	411,25

	Расходы. Полеводство.	Расходы. Скотоводство.	Расходы. Питание.	Расходы. Обувь и одежда.	Расходы. Другие расходы.	Расходы. Всего.	Чист. дох. На одно хоз.	Чист. дох. На 1 десят. пашни.
Комляшев . .	106,00	628,25	814,00	161,00	114,10	1823,35	83,90	20,36
Синицын . . .	85,75	396,50	320,00	116,60	73,55	992,40	62,35	20,78
Бошев	90,50	401,85	618,75	105,00	41,62	1257,72	89,78	16,03
Судариков . .	33,25	127,00	96,50	29,00	63,00	348,75	62,50	16,67

Наша табличка указывает, что каждая из четырех крестьянских семей, бюджеты которых я только что привел, в течение 1923—24 хозяйственного года (с 1/X по 1/X) вела свое хозяйство, питалась, одевалась и обувалась, платила

налоги и пр. и в заключение имела на 1 октября 1924 г. на руках некоторые суммы. Следует помнить, что все эти семьи вели хозяйство на готовом капитале (стоимость построек и инвентаря), ничего не тратя за весь отчетный год на восстановление его. Если принять во внимание амортизацию капитала, т.-е. положить известный процент на изнашиваемость построек, скота, сельскохозяйственного мертвого инвентаря, то тогда чистый доход наш уменьшится, а для некоторых хозяйств, пожалуй, перейдет в убыток. А если мы для хозяйств середняцких и бедняцкого несколько поднимем их траты на питание, одежду и обувь, расходы на что довольно жалки (прикинем-ка на одну душу), то от нашего чистого дохода не останется и следа. Может быть, наши четыре семьи имеют еще какие-либо доходы, оставшиеся здесь неучтенными: напр., доход от изготовления и сбыта самогонки, от продажи лесного материала, добытого противозаконной порубкой. Но подобные доходные статьи, повидимому, останутся никогда не учтенными, так как о таких доходах никто распространяться не станет. Если даже хозяйства, о которых здесь идет речь, и имели эти нелегальные доходы, то мы, конечно, не можем не согласиться, что доход от самогонки и краденого леса—горе-доход, на котором нельзя строить сколько-нибудь крепкого хозяйственного благополучия.

ПРОМЫСЛЫ.

Как явствует из ряда отдельных мест предыдущего изложения, Горицкая волость является земледельческой волостью. Занятие полеводством и намечающийся за самое последнее время переход к животноводческому хозяйству—вот основной источник, дающий средства к существованию подавляющему большинству населения волости. Но все же для тех или иных отдельных хозяйств и даже, в силу особых географических условий, для отдельных небольших поселений и местные и отхожие промыслы имеют известное значение.

В конце восьмидесятых годов прошлого века (по земскому обследованию от 1887 г.) в волости было 3,9% населения с местными и 14,1% с отхожими промыслами. В 1926 году населения с местными промыслами было 6,1% и с отхожими—14,4% [1].

К местным промыслам как в прежнее время, так и теперь по видам их относятся одни и те же. Здесь всех понемножку: кузнецы, шорники, валялы (делают валеные сапоги), гончары, столяры и проч., одним словом, представители всех тех нехитрых профессий, которые призваны обслуживать хозяйственный и домашний быт крестьянства. У нас в волости нет промысла, имеющего особое, исключительное значение, вроде сапожного промысла для Кимрской волости (занято в волости несколько тысяч человек) или игрушечного ремесла для Сергиева посада и т. д. Самое большое число жителей у нас в волости занято в рыболовстве, но и их в 1887 г. было 37 чел., а в 1926 году—49 чел. (жители трех рыбачьих деревень: с. Петровские Озера, д. Заречье, д. Остров—см. карту; эти

[1] Горицкая волость была дважды укрупнена (в 1922 и в 1924 г.). Чтобы иметь возможность сравнивать, я беру для 1926 г. волость в ее доукрупненных границах.

деревни—на островах, среди озер). Для этих рыбаков рыболовство—их главный источник пропитания, а земледелие—побочное занятие. Для всех остальных крестьян, участвующих в местных промыслах, центр хозяйственной жизни—крестьянство.

Что касается отхожих промыслов, то как 40 лет назад, так и в настоящее время около 50—60 человек из нашей волости уходят в пастухи (из шести малоземельных деревень), остальные уходили и уходят в плотники (на осень до зимы и отчасти на весну до пахоты и сенокоса) в город, преимущественно в Ленинград (С.-Петербург)—на заводы. До начала 900-х годов существовал в волости один вид отхожего промысла, ныне совсем исчезнувший—красильщики. Красильщики окрашивали домотканное, прочное полотно в крепкие, красивые «кубовые» краски. Ходили они на промысел и в Архангельскую и в Вологодскую губернии, где не умели красить полотно. Зарабатывали хорошие деньги—приносили домой руб. по 150 чистыми (за зимний сезон). Но когда появился ситец, линючий, непрочный, но модный, это ремесло пало. В настоящее время в волости уцелел лишь один красильщик, который имел неплохой заработок в период военного коммунизма, когда ситец исчез и в ход пошла домотканная холстина. Красильщик и красил холстину (крестьяне и сами красили), но красил уже красками не прежними—их не было,—а самодельными, добываемыми из корья.

В период революции у нас появились новые местные «промыслы», довольно доходные. Но так как эти «промыслы» были нелегальные, то учесть число лиц, ими занимающихся, не представлялось возможным. Но они носили массовый характер. Это—тайное винокурение (см. главу специальную) и самовольные порубки (см. главу «Лес»).

В виду того, что о промыслах нам неоднократно приходилось говорить в связи с изложением иных тем работы (напр., о заработках на отхожих промыслах—см. табл. 29 в конце книги и пр.), мы в данной небольшой главе ограничимся тем, что уже сказали о них, тем более, что, как было замечено в начале главы, промыслы для нашей волости имели и имеют второстепенное значение.

КООПЕРАЦИЯ.

Частник. В настоящее время кооперация играет в хозяйственной жизни нашей волости громадную роль и почти совершенно выбросила частника за борт экономического оборота. Но так как «дни живота» частника начались за много, много лет до появления у нас кооперации, он ей предшествовал, то и мы начнем изложение этой главы с частника.

Село Горицы до революции являлось третьим после Кимр и Корчевы экономическим центром своего уезда. И в настоящее время Горицы не утратили это свое место. Вообще же наша волость считается одним из 35 торговых районов губернии.

В дореволюционное время поприще для частника у нас было чрезвычайно обширным. В своих руках он имел в самом с. Горицах: 3 трактира с крепкими напитками, 8 чайных, 13 лавок, торговавших всякими товарами, в том числе и мануфактурой, 1 пивную, аптеку, 2 бараночных мастерских, колбасное заведение, пекарню, кирпичный завод, валяльную мастерскую, ветряную мельницу. В селе было даже агентство вездесущей «компании Зингер». Помимо указанного постоянного торгового и торгово-промышленного аппарата, в полном распоряжении частника были еженедельные воскресные базары и восемь периодических ярмарок, когда на базарной площади выстраивалось до 100 палаток и годовой оборот этих ярмарок достигал до 1.300.000 р. в год, при чем почти половина оборота падала на продаваемое крестьянами льняное волокно.

Вне Гориц, в других селениях волости, существовали только кузницы и маслобойки и две мельницы, обслуживающие крестьянство и работающие нерегулярно.

Велики ли были обороты горицких торговцев—сказать трудно: нет на этот счет никаких данных. Самый крупный из торговцев, М. С. Киселев, имел, например, оборот до 100.000 р. в год. Обороты еще двух торговцев, приближавшихся по своей экономической значимости к Киселеву, можно предположительно посчитать по 75.000 р. для каждого в год. Остальные все торговцы плавали гораздо мельче, но на какой именно глубине—невозможно указать и предположительно.

Торговали наши купцы вплоть до самой «национализации» торговли, т.-е. до 1918 г. С этого года и вплоть до провозглашения новой экономической политики частная, «вольная» торговля ушла, если можно применить к ней этот термин, в подполье, т.-е. перешла на нелегальное положение. Но в донэповский период, т.-е. с 1918 г. по 1921 г., нелегальной торговлей занимались уже не прежние купцы, а само крестьянство волости.

В эпоху военного коммунизма торговали хлебом и топленым маслом—это были главные статьи. Возили эти продукты и за 75 в.—в Тверь, и за 45 в.—в Кимры и в Корчеву; продавали и в самой волости несчастным голодным горожанам, приезжавшим и пешком приходившим за продуктами. Нелегальная торговля велась в обстановке военного характера: в различных пунктах волости были разбросаны засады из чинов милиции и красноармейцев. Попадешься—все отберут. На почве подобного «отбирания» было много злоупотреблений: продукты чаще присваивались чинами заградительных отрядов и только изредка сдавались в исполком [1]. Из боязни быть привлеченным к ответственности за спекуляцию никто из подвергнувшихся такой своеобразной реквизиции не рисковал, конечно, жаловаться на злоупотребления отрядов. Если злоупотребления и открывались, то открывались случайно. Провезти из волости в Тверь пуда два ржи, меры две—три картошки и фунтов десять масла было подвигом, о котором

[1] О подобных отрядах А. Гурвич писал в „Известиях" ВЦИК от 31 декабря 1918 г., № 288: „Работали эти отряды как попало, руководством их действий служило единоличное желание их начальников. Подавляющее большинство этих отрядов состояло из самого неблагонадежного и темного элемента".

потом рассказывалось с гордостью. Некоторые ловкие люди, не боявшиеся рискованных приключений или же умевшие «ладить» с начальством, здорово разжились за эти времена. Но таких ловких людей было не так уж много. Другие же горе-спекулянты, которые обменивали свои произведения на необходимые для них продукты города, порядочно, вдоволь надрожались за эти времена. Ныне, в долгие зимние вечера, много занимательных и трагических историй рассказывается из этой героической эпохи.

Когда в стране стали появляться тресты, эта новинка завелась и у нас, в Горицах. В конце 1922 г. и в начале 1923 г. сразу, словно из-под земли, вырастают в селе целых 4 «треста». Настоящих трестов, конечно, не было, а были самые обыкновенные деревенские лавочки, некоторые из них принадлежали одному лицу, другие—группе лиц, но эти лавочки все называли по-модному «трестами». Скоро половина этих «трестов» лопнула.

Во всяком случае нэп, возвещенный в Советской России весною 1921 г., у нас в волости, в смысле открытия лавок, трактиров и проч., начал развертываться только с 1922 года.

В 1924 г. в Горицах все же продолжали существовать две частных лавки.

Причины, позволявшие торговцам конкурировать с кооперацией, несмотря на сравнительно большое обложение их, сводились, по моему мнению, к следующему:

а) лучше смотрели за делом («свой глаз—алмаз, а чужой—стеклышко»);

б) аппарат был меньше и поэтому накладные расходы небольшие;

в) пользовались более широким кредитом у оптовиков, нежели низовая кооперация у своих верхов;

г) отпускали населению товары в кредит, чего кооперация почти не делала (только в совершенно исключительных случаях);

д) держали наиболее ходкий товар и

е) некоторые из зажиточных крестьян ссужали торговцев деньгами, при чем в качестве процентов торговцы оказывали

своим банкирам разного рода услуги в городе, куда они часто ездили за товаром (в г. Тверь—75 верст от Гориц).

Но как только кооперация достигла известных успехов и по линии снижения цен, и по линии предоставления населению в большом количестве предметов и продукции широкого потребления и пр., частник в области торговли, можно сказать, совсем сошел «на-нет»: так, в конце 1926 г. от былого величия частника остались лишь два жалких деревянных ларька (уже не лавки), ведущих грошевую мелочную торговлю, от оборотов которой «уж не до жиру, а быть бы живу».

Кроме двух ларьков, в руках частника на территории волости остались: 2 мельницы, маслобойки и кузницы, не имеющие промышленного значения. Но и их уже приканчивает паровая мельница кооперации, недавно установившая еще новый двигатель, позволяющий ей значительно расширить свое производство. Теперь, как только кооператорам удастся снизить цену за помол, к чему направлены их усилия, одна из частных мельниц должна будет закрыться.

Ярмарки тоже переходят в руки кооперации—она скупает и льняное волокно, и кожи, и хлеб. Частники пользуются на ярмарках жалкими крохами.

Частник умирает. В сущности говоря, частник у нас уже умер: ведь агония—не жизнь.

К о о п е р а ц и я. Может быть, частник, поставленный в худшие, по сравнению с кооперацией, условия экономической борьбы (бо́льшие налоги, трудность получения товара и проч.), и действительно умирает. И кооперация занимает оставляемые им позиции. Но интересно знать, в какой мере она их заняла? Любопытно проследить, как же кооперация справляется с поставленными перед нею задачами, именно с задачами, поставленными перед нею в условиях сельского хозяйства и деревенского быта?

Думается, что следует начать с краткого напоминания о целях и задачах кооперации в Советской России вообще и о целях и задачах деревенской кооперации в особенности.

В странах капиталистических, т.-е. в таких, где средства производства (земля, машины и проч.) находятся в руках

частных лиц, и там кооперация имеет большое значение для трудящихся. Кооперированное население, приобретая необходимые ему продукты и предметы по возможности у самих производителей и продавая свою продукцию по возможности непосредственно самим потребителям, покупает дешевле и продает дороже, чем как это было бы при наличии купца-посредника. Но, несмотря на все свои выгоды, кооперация в капиталистических странах не в состоянии сама по себе изменить основ капиталистического строя.

Совсем другое у нас.

В. И. Ленин писал:

«У нас, действительно, раз государственная власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, у нас, действительно, задачей осталось только кооперирование населения. При условии максимального кооперирования населения само собой достигает цели тот социализм, который ранее вызывал законные насмешки... В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов»[1].

Итак, в нашей стране кооперация является торной и верной дорогой к социализму.

В области промышленности и торговли, этих двух крупных отраслей народного хозяйства, наши государственные органы так или иначе регулируют их ход и развитие. Но в сфере сельскохозяйственного производства, при наличии громадного количества, свыше 20 миллионов, крестьянских хозяйств в стране, единственным надежным регулятором является правильно построенная кооперация, опирающаяся на самодеятельность населения.

Кооперация в деревне, с одной стороны, должна охватить

[1] В. И. Ленин—Собрание сочинений, т. XVIII, часть II, стр. 139.

закупку всего, что необходимо крестьянству, а также переработку и сбыт сельскохозяйственных продуктов, а с другой стороны, должна организовать разнообразные формы ведения сельского хозяйства.

Последняя задача, без сомнения, самая важная и самая трудная.

Наше крестьянское хозяйство—это мелкое и по своему фундаменту чрезвычайно слабое хозяйство. Урожаи у нас низкие, доходность от скота ничтожная, инвентарь малоценный. При таких условиях развиваться нормально наше крестьянское хозяйство не может. Улучшить свое хозяйство самостоятельно своими собственными усилиями большинство наших крестьян-хозяев не в состоянии,—нет у них в руках, у каждого в отдельности, потребного капитала. Только кооперация, одна кооперация, при поддержке государства, объединяя наши, сами по себе маломощные, крестьянские хозяйства в различных направлениях (мелиоративные, семеноводческие, машинные и многие другие объединения), сможет укрупнить крестьянское хозяйство и поставить его на крепкие ноги.

Мы бедны и малокультурны. Поэтому полное осуществление только что описанной задачи возможно в течение многих лет. Но нет задач, которые нельзя было бы решить, нет крепостей, которые невозможно было бы взять. Надо только найти правильный путь, итти верной дорогой.

Итак, вот какие великие цели стоят перед кооперацией в СССР, вот какие грандиозные задачи ей надлежит разрешить.

Теперь, переходя непосредственно к изучению работы, проделанной кооперацией в нашей волости, мы сможем установить, двигаемся ли мы вперед, к тем целям, о которых только что шла речь, топчемся ли мы на месте или же двигаемся, но в обратную сторону—назад.

Потребительская кооперация. Горицкое общество потребителей впервые было организовано у нас в 1916 г., накануне революции. Революция смела его только-только начинавшуюся самостоятельную работу. Роль потребкооперации в годы военного коммунизма выражалась лишь в том, что ее аппарат был использован местным продовольственным органом в качестве подсобного распределенческого аппарата,

С введением нэпа, т.-е. у нас с конца 1921 г., потребкооперация, произведя расчет с продорганом, очутилась на пороге своей самостоятельной деятельности с дефицитом в 110 пудов ржи (в этот период, когда деньги молниеносно падали в своей цене, счет велся на хлеб). Но жизнь зовет. И бывшее тогда правление, с дефицитом за плечами, приступило к перестройке своего аппарата, приспосабливая его к ведению торговых операций.

Все мы прекрасно знаем, что общая хозяйственная обстановка 1922 г., когда наша потребкооперация должна была подниматься на ноги, была для деревни крайне неблагоприятна: бестоварье, продолжающееся обесценивание дензнаков, снижающиеся, по сравнению с периодом военного коммунизма, цены на сельскохозяйственные продукты и проч. Кроме того, широкие крестьянские массы волости, совершенно незнакомые с кооперативным строительством (напоминаю: потребкооперация возникла у нас в 1916 г. и до революции просто не успела зарекомендовать себя), относились к кооперации с недоверием, усматривая в ней ловкий способ поднажиться для отдельных людей, стоящих во главе ее. Все эти условия, вместе взятые, нельзя было назвать даже сносными для нормального развития нарождающейся кооперации.

Тем не менее к концу 1922 г. потребкооперация уже успела завязать связи с кооперативными центрами (через Корчевское районотделение), получила в кредит партию товаров и открыла свои торговые операции, имея до 1923 г. одну лавку в с. Горицах.

Сперва дела шли, если можно так сказать, коряво. Кооперативные верхи, не научившиеся дешево покупать товары, заставляли, хочешь не хочешь, и низовую кооперацию дорого их продавать. Передаточные инстанции, с их громоздким аппаратом, неимоверно поднимали накладные расходы. В деревню нередко посылался совсем неподходящий ассортимент товаров, что влекло за собою залеживание товара в лавке, затоваривание. Кредита или не было, или же он был невозможно краткосрочным для деревни (две—три недели). Покупка товара за наличные средства, которых было в обрез, приводила к частым перебоям в торговле: купят немного товара,

распродадут и снова едут в Тверь за 75 верст за новой партией. И по линии самого обслуживающего кооперацию персонала были большие невязки: не подбирались подходящие люди, не сработались между собою и проч.

Все эти специальные причины на фоне общих, о которых мы говорили, приводили к тому, что крестьянство, не вникавшее в корень дела, было, конечно, недовольно своей кооперацией.

Говорили:

— В частной лавке дешевле (действительно, некоторые товары были дешевле).

— В кооперации никогда ничего нет (малотоварье и перебои производили именно такое впечатление).

Но «лиха беда—начало», говорит пословица. «Зачалось—повелось». Кредит, даваемый сверху, понемножку расширялся, сами кооператоры стали ловчее и в себе увереннее, общие условия тоже менялись к лучшему.

В результате в 1923 г. потребкооперация открывает отделение вне с. Гориц, а в Горицах—бараночную и чайную. В то же время она ведет операции по заготовке льна, кож и другого сырья. В конце 1924 г. открывается уже второе отделение вне Гориц. Таким образом товар приближается к потребителю. В 1924 же году пускаются в ход пекарня и колбасная мастерская. С октября 1925 г. в Горицах потребкооперация открывает специальный мануфактурно-галантерейный и обувный магазин, еще магазины химических и хозяйственных товаров, еще чайную и склад-распределитель.

Все перечисленные предприятия живут сейчас полной жизнью и, можно сказать, процветают. В мануфактурном магазине на полках товара до верху, баранки и булки горицкие славятся во всей округе. Если крестьянину нужна к празднику крупчатка—ее дают ему без перебоя. Колесная мазь, соль, керосин, гвоздь, коса, чугун—бери, что надо, отказа нет. Вначале кооперация торговала водкой и в одной из чайных и в лавке. Теперь, с 1 октября 1926 г., отказалась от продажи водки.

Перейдем к изучению балансов, торговых книг, отчетов и др. документов, характеризующих жизнь и деятельность потребкооперации. Само собою разумеется, что мы дадим здесь

лишь анализ того довольно большого материала, который прошел через наши руки. И на основании сделанного анализа предложим некоторые выводы, к которым мы пришли.

В области организационной надо прежде всего остановиться на успехах в деле кооперирования населения. Они, несомненно, весьма значительны. Здесь достаточно привести следующую табличку:

Дата.	Число членов.	% коопер. хозяйств.	% коопер. населения.
На 1 января 1923 г.	45	2,4	0,5
„ 1 „ 1924 „	199	7,9	1,6
„ 1 октября 1925 „	926	36,9	7,5
„ 1 июля 1926 „	1 306	52,0	10,6
„ 1 января 1927 „	1 432	57,5	11,7

Мы видим, что больше половины всех хозяйств уже охвачено потребкооперацией. Что касается сравнительно незначительного процента кооперированного населения, то этот факт находит свое объяснение в том, что обычно каждое хозяйство имеет лишь один и очень редкие из них два пая. Иметь больше одного пая не представляется необходимым: товаров вдоволь, их выдают не по количеству паев; 5% скидки пайщики получают со стоимости закупленного и опять-таки количество паев здесь ни при чем.

Что касается имущественного положения пайщиков, то оно к концу 1926 г. таково:

Беспосевных	7%	всех пайщиков
С посевом на хоз. до 1 дес.	2%	„ „
„ „ „ „ от 1 до 2 дес.	4%	„ „
„ „ „ „ „ 2 „ 4 „	40%	„ „
„ „ „ „ „ 4 „ 6 „	34%	„ „
„ „ „ „ „ 6 и выше дес.	13%	„ „
Безлошадных	16%	„ „
Лошадных	84%	„ „
Бескоровных	10%	„ „
С 1 коровою	30%	„ „
„ 2 коровами	44%	„ „
„ 3 и более коровами	16%	„ „

Основное ядро пайщиков—середняки, у нас в волости преобладающие.

На ряду с ростом числа членов увеличивается и степень их паевого участия в делах общества. Средний, на одного члена, паевой взнос увеличивался следующим образом:

На 1-е янв. 1924 г. . . .	99 к.	На 1 окт. 25 г. . . .	2 р. 65 к.
„ 1-е окт. 1924 г. . . .	1 р. 48 „	„ 1 янв. 27 г. . . .	3 „ 39 „

Достигнутый уровень паевого взноса является все же недостаточным.

Общество привлекает средства от населения и путем вкладов—на 1/VII 1926 г. по балансу значится вкладов 1.725 рублей, а на 1/I 1927 г.—уже 2.569 руб.

Что касается культурно-просветительной работы, она до сих пор мыслилась правлением общества лишь как «возможность отчислить крупные суммы», без использования их самим обществом потребителей. И лишь в конце 1926 г. правление одну из чайных превратило в клуб с хорошей читальней, устраивая здесь лекции и доклады. Но это дело пока еще совсем новое.

Организационным минусом (но общество здесь уже ни при чем) является «нажим» местной коммунистической волячейки. В ноябре 1924 г. она заставила провести в правление своего кандидата—члена партии Васильева, человека чужого в нашей волости и никому неизвестного. Этот Васильев, будучи членом правления, не пользовался никаким авторитетом ни со стороны членов-пайщиков, ни со стороны служащих. Вся работа Васильева сводилась главным образом к тому, что он «гордо держался» (чувствуй, мол,—партийный с тобой разговаривает) и, ничего не делая, к счастию, не мешал работать остальной части правления, которую действительно избрало население. Совершив несколько подлогов, Васильев в августе 1926 г. совершенно исчез с горицкого горизонта.

Хозяйственная деятельность горицкого общества потребителей, начиная с момента перехода на добровольное членство, беспрерывно и весьма сильно развивается. На ряду с этим происходит процесс финансового укрепления общества. Начав работу с ничтожными средствами, общество сумело привлечь

значительные средства кредиторов, а затем, по мере развития работы, увеличить и собственные капиталы как путем привлечения средств от населения, так и путем накопления прибылей, при чем рост собственных средств протекал быстрее, нежели рост заемных.

При сравнении четырех балансов общества видно беспрерывное повышение удельного веса собственных средств:

Дата.	Сумма баланса.	Собств. сред.	%	Заемн. сред.	%
На 1/I 24 г. . .	19.617	3.092	15,8	16.525	84,2
„ 1/X 25 г. . .	52.184	12.878	24,7	39.306	75,3
„ 1/VII 26 г. .	68.024	27.630	40,7	40.496	59,3
„ 1/I 27 г. . .	81.467	37.103	45,4	44.364	54,5

Источники собственных средств видны из следующей таблицы:

Дата.	Паевой капитал.	Основн. и спец. капит.	Прибыль.
На 1/I 24 г.	197	1.702	1.193
„ 1/X 25 г.	2.451	4.713	5.714
„ 1/VII 26 г. . . .	4.423	10.500	12.707
„ 1/I 27 г.	4.746	20.675	11.682

Отсюда видно, что основная масса собственных средств образовалась из прибылей от операций общества. Однако темп роста паевого капитала был вообще более сильным, чем темп накопления прибылей. Паевой капитал, составляющий на 1/I 24 г. один процент к сумме баланса и 6,6% к собственным средствам, к 1/VII 26 г. увеличился по отношению к балансу до 6,5%, а по отношению ко всем собственным средствам—до 16%. На 1/I 27 г. замечается снижение: 5,8% и 12,8%.

Увеличивающиеся средства использовались обществом в двояком направлении: часть шла в оборотные ценности (то-

вары, деньги и т. д.) на развитие операций общества, другая часть вкладывалась в имущество и паевые взносы как в союзе, так и в других учреждениях, составляя неподвижный капитал. Распределение средств по этим двум направлениям представляется в следующем виде:

Дата.	Сумма баланса.	Оборотные средства.	%	Неподвижн. средства.	%
На 1/I 24 г.	19.617	17.822	90,8	1.795	9,2
„ 1/X 25 г.	52.184	44.556	85,4	7.628	14,6
„ 1/VII 26 г.	68.024	56.458	83,0	11.568	17,0
„ 1/I 27 г.	81.467	69.459	85,2	12.008	14,8

Следовательно, необоротные ценности до 1/VII 26 г. возрастали быстрее оборотного капитала, поглощая значительную часть притекавших в хозяйство общества собственных средств. Это было обусловлено в первую очередь и главным образом приобретением нового имущества, что связано с расширением работы общества (чайные, бараночная, колбасная, новые магазины и т. д.). Имущество, оценивавшееся на 1/I 24 г. лишь в 899 руб., на 1/VI 26 г. возросло до 9.369 руб. В этом отношении общество перешагнуло границу целесообразности. Но по балансу на 1/I 27 г. мы уже замечаем выправление отмеченного недостатка.

Однако вложение больших сумм в имущество и неподвижные ценности вообще, благодаря сильному росту собственных средств, лишь несколько замедлило, но отнюдь не остановило процесс финансового укрепления. Роль заемных средств для операций общества неизменно сокращается, а параллельно с этим увеличивается и платежеспособность общества. Следующие данные баланса подтверждают это положение:

Дата.	Весь оборот. капит.	В нем соб. средств.	Заемных.	Соотношение собств. и заемн. средств.
На 1/I 24 г.	17.822	1.297	16.525	1 : 12,7
„ 1/X 25 г.	44.556	5.250	39.306	1 : 7,5
„ 1/VII 26 г.	56.458	15.962	40.496	1 : 2,5
„ 1/I 27 г.	69.459	24.055	45.404	1 : 1,9

На 1 января 1927 г. финансовое состояние общества является вполне устойчивым.

Не останавливаясь на строении балансов по отдельным статьям, надо отметить, как нежелательное явление, постоянно крупные остатки подотчетных сумм (напр., на 1/VII 26 г.— 7.904 р.).

Правда, большую задолженность за подотчетными лицами общество объясняло нам тем, что оно находится на далеком расстоянии от мест закупок товаров (Кимры—45 в. и Тверь—75 в.; дорога—на лошадях), вследствие чего закупщик почти постоянно находится в непрерывных командировках по закупкам товаров и часто деньги, которые числятся за закупщиком в авансе, фактически уже обращены им в товары или денежные документы, но еще не проведены, как таковые, по книгам. Однако это объяснение нельзя признать удовлетворительным: сумма авансов, составляющая около 1/5 к сумме месячной покупки, ненормально высока. Это наше мнение было высказано правлению потребкооперации в октябре 1926 г. и по балансу на 1/I 27 г. мы уже видим, что за подотчетными лицами числится всего лишь 3.016 р., т.-е. значительно меньше, чем было по балансу на 1/VII 26 г.

Теперь перейдем к характеристике оперативной работы общества, остановившись лишь на некоторых моментах ее.

Обороты общества беспрерывно увеличиваются—средний месячный оборот по продаже товаров составлял: в 1923 г 4.000 руб., в 1924—25 г.—27.678 р. и в 1925—26 г.—39.390 р.

По линии закупок общество не сходит с путей кооперативных, к частникам оно обращается лишь в крайних случаях. Вот цифровая иллюстрация к только что сказанному. За период 1925—26 г. общество купило:

У Тверкоопсоюза	231 171	р.	56,7%
„ кооперативных орган.	31 597	„	7,7%
„ госучреждений	87 504	„	21,4%
„ частных лиц	16 228	„	4,0%
„ местного населения	3 201	„	0,8%
Собствен. производство	38 258	„	9,4%
Итого	407 959	р.	100%

Как велики были торговые расходы (расходы, связанные с операцией по товару: перевозка его, страховка в пути, оплата сборами и т. д.)?

Вот табличка, отвечающая на этот вопрос:

Дата.	Покупная стоим. товара.	Торговые расходы.	% торг. расх.
С 1/X 1924 г. по 1/IV 25 г. . .	128.577 р.	11.097 р.	9
„ 1/IV 1925 г. „ 1/X 25 г. . . .	106.333 „	14.537 „	14
„ 1/X 1925 г. „ 1/IV 26 г. . .	214.097 „	11.191 „	5
„ 1/IV 1926 г. „ 1/XII 26 г. . . .	251.061 „	16.277 „	6

Несомненный успех—процент торговых расходов сильно упал по сравнению с периодом до 1/X 1925 г.

Теперь установим процент накладных расходов (расходы, связанные вообще с ведением предприятия: наем помещения, зарплата, содержание инвентаря, уплата страхования, разные отчисления, напр., на культнужды и проч.) к себестоимости товара (покупная стоимость плюс торговые расходы).

Дата.	Себестоим.	Накладные расходы.	% наклад. расход.
С 1/I 1924 г. по 1/X 1924 г. . .	68.074 р.	10.937 р.	16
„ 1/X 1924 г. „ 1/X 1925 г. . .	260.545 „	31.369 „	12
„ 1/X 1925 г. „ 1/IV 1926 г. . .	225.289 „	21.996 „	10
„ 1/IV 1926 г. „ 1/XII 1926 г. . .	267.339 „	19.903 „	8

Тоже успех—накладные расходы падают.

Что касается процента наложения на себестоимость (себестоимость плюс процент наложения дают уже продажную цену товара), то он в разные периоды был по высоте таким:

Дата.	%
С 1/I 1924 г. по 1/X 1924 г. . . .	14,2
„ 1/X 1924 г. „ 1/IV 1925 г. . .	13,0
„ 1/IV 1925 г. „ 1/X 1925 г. . . .	13,6
„ 1/X 1925 г. „ 1/IV 1926 г. . .	13,0
„ 1/IV 1926 г. „ 1/XII 1926 г. . .	13,0

Этот процент наложения высок. Правда, правление, гарантируя членам-пайщикам 5% скидки на забор, заранее это учитывает и вводит скидку в наложение. Таким образом наложение искусственно повышается. Окрепшее общество, каким является Горицкое, должно упразднить подобную гарантированную скидку. Ее надо заменить премией на забор из прибылей общества, выдаваемой после утверждения годового отчета. А если уж существует скидка, то ее (проведя это постановлением общего собрания пайщиков) надо использовать для пополнения паевых капиталов, которые малы. Процент наложения может быть уменьшен также и за счет некоторого уменьшения чистой прибыли общества, составлявшей:

Дата.	Сумма.
С 1/I 1924 г. по 1/X 1924 г. . . .	2.196 р 65 к.
„ 1/X 1924 г. „ 1/X 1925 г. . . .	5.714 „ 83 „
„ 1/X 1925 г. „ 1/IV 1926 г. . . .	5.500 „ 64 „
„ 1/IV 1926 г. „ 1/XII 1926 г. . .	8.052 „ 02 „

Дадим небольшую табличку продажных цен нашей потребкооперации на некоторые ходовые товары за период 1924—1926 г. за один фунт товара, в копейках (см. стр. 134).

Подводя итоги сказанному о работе общества потребителей, приходится сделать следующие выводы:

Ходовые товары.	На 1/I 1924 г.	На 1/VII 1924 г.	На 1/I 1925 г.	На 1/VII 1925 г.	На 1/I 1926 г.	На 1/VII 1926 г.
Мука крупчатка	—	16½	18	18½	16½	17
„ 0000	09	14	16	17½	14	14¼
„ 000	07½	11¼	14	15	11½	14¼
„ ржаная	03,75	04½	03,625	03¾	4,3	5,1
Крупа пшено	5	7½	9	10	10,2	10,2
„ ядрица	7	7½	9	9	10,2	5,2
Железо сортов.	5¼	13	11	10	8,2	10,2
Масло подсолнечн.	20	24	24	22	27	26½
Сахар рафинад	45	36	40	34	34,8	34,8
„ песок	35	32	32	31	30,8	30,8
Мыло ядровое	27	25	25	25	22	22
„ мраморное	25	22	22	25	20	20
Керосин	7½	6	6	5½	6,1	6,1

За 3 последних года общество потребителей проделало чрезвычайно большую работу и во всех областях добилось крупных успехов:

1) вовлекло в ряды своих членов более половины хозяйств района;

2) широко развернуло хозяйственную деятельность и в частности сильно увеличило свои торговые обороты;

3) окрепло в финансовом отношении.

Необходимо рекомендовать обществу:

1) воздержаться от больших затрат средств в имущество;

2) уменьшить задолженность подотчетных лиц;

3) снизить наложение на себестоимость товара;

4) не гнаться за накоплением прибылей (цель кооперации— не получение высокой прибыли).

В части кооперирования населения и собирания паевых взносов, несмотря на то, что проделанная работа очень значительна, достигнутые успехи еще не являются достаточными.

Сельскохозяйственное кредитно-промысловое товарищество. Это товарищество возникло у нас в самом конце 1921 г. (27 октября) по инициативе группы местных крестьян-общественников. Собрав около 500 руб. паевого капитала (считая в цене хлеба, так как твердой валюты в деревне не было), товарищество принялось торговать и занималось исключительно торговлей до февраля 1925 г. За три минувших года (с 1921 по 1925 г.) средства товарищества успели настолько увеличиться, что оно сочло возможным перейти от чисто-торговой деятельности еще и к всестороннему обслуживанию нужд своих членов и населения волости при помощи иных, кроме лавки, предприятий.

С начала 1925 года товарищество приступает к оборудованию и открытию ряда предприятий.

В феврале 1925 года начал работать в с. Горицах прокатный и зерноочистительный пункт. Стоимость орудий и машин пункта, в момент его организации, выражалась суммою в 611 рублей. Теперь же, в связи с развитием работы пункта, вызвавшей необходимость увеличения его машин и орудий, стоимость оборудования пункта дошла до 2½ тысяч рублей.

В мае 1925 года товарищество построило кирпичный завод. До революции у нас существовал кирпичный завод. В период военного коммунизма постройки завода и печь для обжига кирпича отчасти были распроданы волисполкомом, а отчасти растащены кем пришлось. Между тем население испытывало острую потребность в кирпиче (печки русские стали делать уже глинобитные, на дымовые трубы не было кирпича). В первый же год своей работы завод дал 120.000 шт. кирпича, а ныне его производительность поднялась до 200.000 шт. кирпича в год.

В сентябре 1925 г. товарищество приступило к постройке, а в декабре того же года и пустило уже в ход паровую мельницу с 18-сильным нефтяным двигателем с производительностью 24 пуда в час размола.

Дело с этим двигателем вышло не совсем гладко.

Двигатель «Триумф» (госзавода «Красный Прогресс») кооператоры приобрели у акционерного общества «Мельстрой» (Москва). Заплатили за него со всеми дополнительными приспособлениями 6.685 руб. Так как по прейс-куранту, которому наивные кооператоры поверили, производительность двигателя была показана до 35 пуд. размола в час, то предполагалось, что двигатель будет обслуживать и мельницу и маслобойку (хотели завести и маслобойку). Но не тут-то было— производительность двигателя оказалась только «прейс-курантная», т.-е. на деле 24 пуда, а не 35 в час. Кооператоры устроили скандал. «Мельстрой» скрепя сердце прислал им из Москвы обследователя (в мае 1926 г.), который, получив с товарищества 70 руб. суточных плюс стоимость проездов, актом установил, что, действительно, производительности далеко до 35 пуд. Вы думаете, что «Мельстрой» взял обратно свой двигатель? Ничуть не бывало! «Хотите—судитесь с нами», любезно предложил он кооператорам. Но, помимо надувательства с производительностью, двигатель «Триумф» сконструирован, как говорится, «дальше ехать некуда». Я сам наблюдал все неудобства работы с ним. И пришлось монтеру кооперации, оказавшемуся, к счастию, чрезвычайно опытным человеком, исправлять конструкцию двигателя. Кооператоры же осенью 1926 г. купили у «Мельстроя» дополнительный двигатель, необходимый и для поднятия производительности хорошо работающей мельницы. Снова купили именно у «Мельстроя» потому, что на втором двигателе «Мельстрой» уступил им с цены прейс-куранта (4.920 руб.) целую тысячу рублей. «С паршивой овцы хоть шерсти клок», говорили кооператоры, экономя 1.000 рублей.

На инциденте с двигателем я остановился потому, что подобного рода моменты срывают план трудно налаживаемой кооперативной работы в деревне. Ведь кооператорам пришлось вместо предполагаемых 7.000 руб. потратить 11.000 руб. А если бы не было в Горицах лица, изменившего частично конструкцию двигателя, то начинание с паровой мельницей было бы окончательно сорвано. Наверное, в разных уголках СССР «Мельстрой» сорвал уже не одно кооперативное начинание.

Теперь у нас мельница работает при наличии уже двух двигателей.

Любопытна история с нашими мельницами и с помолом вообще. В период национализации горицкой «промышленности и торговли» были национализированы и мельницы. Бывшие владельцы их продолжали работать на мельницах, но уже в качестве «спецов», на жалованье. Помольщики же должны были платить казне с каждого пуда зерна, привезенного на мельницу, 4 фунта[1]. Многие крестьяне находили для себя невыгодным молоть хлеб на мельнице и мололи его дома, в ручные жернова (очень трудная работа). Но потом вдруг потребовали у всех предъявления квитанций об уплате помольного сбора—ручным жерновам была объявлена война. По толкованию местной власти выходило, что мелешь ты на казенной мельнице свой хлеб или нет, а четырехфунтовку все-таки подай. И многие заплатили, хотя многие и увернулись. С 1921 года мельницы были сданы в аренду (их же прежним владельцам), и за помол стали брать по 3 ф. с пуда (экономия для волости за 1921 г., например, свыше чем в 4 500 пудов).

В 1924 г. в Горицах открылась частная паровая мельница; но у частника дело не пошло. С организацией кооперативной мельницы цена за помол упала до 1½—2 ф. с пуда (берут уже деньгами).

С октября 1924 года товарищество, от имени Тверского губсельбанка, ведет кредитные операции, имея для этой цели капитал банка в размере 12½ тысяч рублей.

За последние два года всего выдано ссуд 209 на общую сумму 12.250 рублей. Ссуды выдаются из 18% годов. и самое большее сроком на 9 месяцев. Количество просроченных ссуд 65, т.-е. 31% всех ссуд, на сумму 2.192 рубля, что составляет ко всей ссуженной сумме 18%. Получается, что одна треть пользующихся ссудами просрочивает свои обязательства. В сельском хозяйстве девятимесячный срок мал—его необходимо удлинить до 3 лет, иначе крестьянину трудно обернуться. Неисправными плательщиками являются наиболее

---

[1] См. „Сборник декретов и распоряжений правительства по продовольственному делу“, кн. 4, стр. 258 — циркуляр Наркомпрода за № 29.

бедные хозяйства. Наблюдались случаи, когда заемщики злостно не платят ссуду. Взыскать с них по суду ничего нельзя, так как их имущество не выходит за пределы того минимума, который, в целях сохранения целостности хозяйства, охраняется законом [1] от описи и продажи. Надо отметить, что общая сумма, отпущенная банком на кредитование, далеко не покрывает всей потребности в кредите.

С 1924 г. товарищество ведет семенные ссудные операции. Оно приобретает семена яровых хлебов и трав и выдает их населению натурою в кредит до первого урожая. Было выдано:

Семена.	В 1924 г.	В 1925 г.	В 1926 г.
Овса	500 п.	348 п.	1 168 п.
Семени льняного	450 „	158 „	—
Клевера	—	145 „	380 „
Вики	—	320 „	745 „
Итого	950 п.	971 п.	2 293 п.

Товарищество ведет через свой союз и заготовку льноволокна и сырых кож. И по этой линии его операции растут:

За 1924 г. скуплено льноволокна . . . 1 484 пуда
„ 1925 „ „ „ . . . 2 683 „
„ 1926 „ „ „ . . . 4 575 „
„ 1926 „ „ кож сырых . . . . 400 штук

Озабоченное поднятием качества породы местной лошади, товарищество содержит себе в убыток случной пункт. На

[1] На основании ст. 271 Граждан. Проц. Кодекса необходимые для сохранения целостности крестьянского хозяйства скот и инвентарь, а также и неснятый урожай не могут быть описаны и проданы за долги. Оставляя в неприкосновенности указанную статью, Президиум ЦИК'а СССР, озабоченный высоким процентом невозвращенных в срок ссуд по линии сел.-хоз. кредита, в своем заседании от 14 мая 1926 г. постановил предложить ЦИК'ам союзных республик издать циркулярное обращение ко всем местным исполкомам об оказании учреждениям сел.-хоз. кредита всемерного содействия при взыскании просроченных ссуд.

известный период времени госконюшня пригоняет в Горицы жеребцов-производителей. Плата за случку поступает в доход госконюшни полностью. Расход на содержание производителей частично несет кооперация. За 1925 и 1926 г. она израсходовала на это дело 700 руб.

Вот короткий очерк многообразной деятельности нашей сельскохозяйственной кредитно-промысловой кооперации.

В плане ее ближайшего развертывания новой работы стоит:

1) электрификация учреждений и крестьянских домов с. Гориц—это будет сделано в течение 1927 г. обязательно;

2) устройство сыроварни и маслодельни, что тоже необходимо, так как с развитием многополья и травосеяния поднимается и животноводство; продавать молоко молоком нет возможности (далеко от города, проселок); в 1927 г. народится одно маслодельное товарищество, к организации которого предприняты уже первые шаги.

Теперь познакомимся поближе с некоторыми цифрами, характеризующими деятельность описываемого товарищества.

Как обстоит дело с кооперированием населения?

Вот табличка, отвечающая на этот вопрос:

Дата.	Число член.	% кооп. хозяйств	% кооп. населен.
1/I 1922 г.	134	7,2	1,5
1/I 1923 г.	470	24,9	5,1
1/I 1924 г.	566	23,5	4,7
1/I 1925 г.	756	30,1	6,1
1/I 1926 г.	851	33,9	7,0
1/VII 1926 г.	936	37,5	7,6
1/I 1927 г.	1 019	42,5	8,1

Сельскохозяйственная кооперация несколько отстала от потребкооперации в смысле обхвата населения членством. Здесь имеет значение то обстоятельство, что, в то время как в по-

требкооперацию входят и некрестьянствующие семьи (ремесленники, совслужащие—отсюда там и процент беспосевных дворов доходит до цифры 7), сельхозкооперация, по роду своей работы, втягивает в круг своих членов хозяйствующие дворы. И рост ее членов с каждым годом увеличивается.

По имущественному положению своих членов сельхозкооперация имеет крепкое основное ядро из середняков. Процент беспосевных несколько меньше, нежели в потребкооперации—около 3%.

Одновременно с ростом членства у т-ва еще быстрее увеличивается его паевой капитал, что говорит за правильно взятый курс правлением—привлечение крестьянских средств в капиталы товарищества, а именно:

Дата.	Сумма собр. паев. взнос.	Рост по отнош. к 1924 г. %%	Собрано на 1 чл.	Причитается паев. взнос.
На 1/I 1924 г. . .	566 р.	100	1 р.	2 547 р.
„ 1/I 1925 г. . .	1.384 „	244,5	1 р. 83 к.	3 4J2 „
„ 1/X 1925 г. . .	1.916 „	338,5	2 р. 25 „	4 255 „
„ 1/VII 1926 г. . .	2.654 „	469	2 р. 83 „	4 680 „
„ 1/I 1927 г. . .	3.633 „	542	3 р. 56 „	5 605 „

Недособрано паевых взносов на 1/I 1927 г. 1.972 руб.—35,2% при 5-рубл. пае.

Правлению необходимо произвести нажим на население, чтобы поскорее погасить сравнительно крупную недоимку по паевым взносам.

Признаком авторитетности правления товарищества и доверия со стороны населения к нему служит появление вкладных операций и постепенный их рост.

Дата.	Сумма вкладов.
На 1/I 1925 г. . .	5 р.
„ 1/X 25 г.	539 „
„ 1/VII 26 г. . . .	2 380 „
„ 1/I 27 г.	3 627 „

Любопытно отметить, что население охотнее отдает свои скудные сбережения в качестве вкладов именно кооперации, а не государственной сберегательной кассе. В последней вкладов в 2½ раза меньше (по сумме).

Весь аппарат товарищества, считая и трех членов правления, состоит из семи человек. Правление бессменно работает уже третьи выборы. С самого начала оно состояло и состоит из местных людей, ведущих свое собственное крестьянское хозяйство. Это обстоятельство и развертывающаяся на глазах у населения широкая работа сельхозкооперации завоевали ей со стороны населения полное доверие.

По линии организационной, как видим, в сельхозкооперации все обстоит вполне благополучно.

Баланс [1] т-ва имеет довольно быстрый рост:

Дата.	Сумма баланса.	Рост %% к 1924 г.
На 1/I 24 г.	3.093 р.	100
„ 1/I 25 г.	15.959 „	516
„ 1/X 25 г.	34.936 „	1.130
„ I/VII 26 г. . . .	58.496 „	1.892

Распределение средств по активу, собственных капиталов [2] и заемных средств по пассиву:

[1] Баланс дает картину положения дел предприятия. Под балансом разумеют сопоставление всех активных счетов предприятия (то, что оно имеет) всем пассивным его счетам (то, что оно должно). Превышает актив—получается в остатке прибыль; превышает пассив — убыток.

[2] Капиталом можно назвать сумму ценностей, которая вкладывается в производство с целью извлечения прибавочной ценности (ее дает труд); таким образом капитал как бы способен к „самовозрастанию“. Та часть капитала, которая вкладывается в средства производства (машины, здания, сырье и проч.), называется постоянным капиталом; постоянным он называется потому, что в процессе производства он переносит свою ценность на вновь созданный продукт сполна (сырье) или по частям (машины). Та же часть капитала, которая идет на наем рабочей силы, благодаря чему она не только воспроизводит себя, но дает еще сверх того и прибавочную ценность, называется переменным капиталом. Итак, с точки зрения процесса

Актив.	1/X 25 г.	%	1/VII 26 г.	%
Обор. средства . . .	26 586	81,9	24 440	58,6
Основн. „ . . .	5 873	18,1	17 204	41,4
	32 459	100	41 604	100

Пассив.	1/X 25 г.	%	1/VII 26 г.	%
Заемные	25 892	79,7	33 183	79,7
Соб. капит.	6 567	20,3	8 421	20,3
	32 459	100	41 604	100

Из приведенной таблицы видно, что за последний год рост собственных капиталов хотя и не отстает от 1925 г., но т-во, помимо своих капиталов и долгосрочной ссуды губсельбанка в 2.500 рубл., вложило 4—5 тыс. руб. заемных средств в неподвижные активы.

Происходит это потому, что т-во вместо торговли начинает увеличивать производственные операции (кирпичный завод, мельница и проч.). Признать последнее ненормальным, конечно, нельзя. Здесь, чтобы выравнить финансовое состояние, необходимо было бы отпустить т-ву долгосрочную ссуду в 5.000 руб. производственного назначения.

труда постоянный капитал — это вещественный фактор производства, а переменный — личный фактор. С точки же зрения процесса обращения капитал делится и по-иному. Та часть его, которая затрачивается на такие средства производства, которые не уничтожаются и не воспроизводятся в течение одного оборота капитала (напр., здания, машины), называется основным капиталом. Та же часть капитала, которая затрачивается и воспроизводится в течение одного оборота (затраты на сырье, на вспомогат. материалы), называется оборотным капиталом.

В общем же финансовое состояние т-ва устойчивое, баланс прибыльный и ликвидный.

Товарооборот т-ва постепенно увеличивается и, принимая во внимание крестьянский бюджет в районе, можно предполагать, что т-во почти полностью обслуживает кооперированное население, при чем рост оборота идет правильно: за счет относительного снижения торговли по снабжению увеличиваются сбытовые и ссудные операции:

Наименование операций.	Товарооборот с 1/I по I/X 1925 г.	Товарооборот с 1/X 1925 г. по 1/VII 1926 г.	Увеличение оборота к 25 г. в %%
Снабжение[1] . . .	45.956	56.718 р.	123,4
Сбыт[2]	17.531	53.177 „	306,6
Ссуды	8.628	9.201 „	106,6
Итого	72.115	119.596 р.	165,8

Несколько хуже обстоит дело с быстротою товарного оборота, где остаток товаров снабжения в среднем пребывает на складе 45—50 дней, но в этой части также есть улучшение, что видно из следующей таблицы.

Быстрота оборачиваемости товаров:

Товары.	За 1925 год (9 мес.).	За 1925—26 год (9 мес.).
Снабжения	7,6 раза	8,4 раза
Сбыта	10,4 „	30 раз
Ссуды	1,4 „	1,4 раза

[1] Товары снабжения — это те товары, которыми население снабжается через лавку сельхозкооперации (крупа, сахар, мыло и проч.).

[2] Товары сбыта — товары, которые население сбывает через сельхозкооперацию (льняное волокно, кожи и проч.).

При среднем месячном товарообороте в 1925 г. в 8.012 р. нагрузка на одного сотрудника составляла 1.001 руб.; в следующие девять месяцев (с 1/X 1925 г. по 1/VII 1926 г.) она увеличивается до 1.661 руб. Но и эта нагрузка еще недостаточна.

В виду того, что снабженческие операции сельхозкооперации, по сравнению с таковыми же операциями потребкооперации, скромны, мы не станем подробно анализировать эту сторону ее работы. Скажем лишь, что процент наложения здесь за эти годы около 10—12% (товарищество как и потребкооперация, дает скидку покупателям на забор 5%).

Чистая прибыль товарищества год от года увеличивается, но в процентном отношении к сумме баланса снижается, что говорит о правильном понимании задач кооперации. Вот маленькая табличка:

Дата.	Сумма баланса.	Сумма прибыли.	% прибыли к балансу.
На 1/I 1925 г. . .	15.959 р.	2.138 р.	13,4
„ 1/X 1925 „ . .	34.936 „	2.892 „	8,3
„ 1/VII 1926 „ . .	58.496 „	4.015 „	6,9

Операции товарищества по сбыту пока что тоже невелики. Но надо сказать, что они развиваются соразмерно развитию хозяйства волости. Возьмем, например, льноволокно. Его получено в урожай 1925 г. по всей волости 11.325 пудов. Кооперация из этого количества скупила 4.575 пудов. У населения осталось 6.750 пуд. или приблизительно по 20 ф. на душу. Принимая во внимание, что в настоящее время, вследствие безденежья в деревне и сравнительной дороговизны ситца (по отношению к ценам на него в мирное время), выделка из льняного волокна домотканного холста широко распространена, остаток в 6.750 пуд. весь употребляется населением на свои нужды. Следовательно, весь излишек кооперация все же забирает. Правда, до революции, в хорошие, урожайные на

лен годы в Горицах сбывалось не каких-то, как теперь, 4.575 пуд., а около 150.000 пуд. льноволокна, т.-е. в 33 раза больше. Но дело в том, что и сама волость высевает в настоящее время чуть ли не в половину меньше льна (если взять для сравнения ее доукрупненную территорию),—здесь имеет значение требование международного рынка на льноволокно. Но, главное, до революции лен свозили в Горицы для продажи и из районов, расположенных за чертой волости: весь урожай на льноволокно не превышал 18.000 пуд. (беру, для примера, 1914 г.), а сбывали до 150.000 пуд.,—ясно, что льноволокно привозили в Горицы из соседних районов. В настоящее же время, при помощи сети сельхозкооперации в уезде, пункты сбыта льноволокна для населения соседних с волостью районов находятся в этих самых районах. Скупка льноволокна в прежних размерах уже не сможет возродиться в Горицах по только что указанным причинам.

По тем же самым причинам общий оборот горицкой торговли по линии скупки продуктов сельского хозяйства, по объему своему, теперь уже не может быть таким, как прежде. Соседние районы уже не повезут в Горицы ни хлеб, ни масло, ни кожи, ни шерсть и проч. По моим соображениям, горицкий рынок сбыта по линии сельскохозяйственной продукции сократился, вследствие организации новых пунктов сбыта, самое меньшее раз в 7—8.

Но, конечно, с поднятием хозяйства волости вообще и с перестройкой его на новых началах (многополье, развитие животноводства и проч.) в частности сбыт сельхозпродуктов будет быстро расти, и товариществу надо быть к этому готовым.

Что касается роли сельхозкооперации в деле организации крестьянского хозяйства волости, то тут работа только, только начинается. Ее хватит на десятилетия. Но то, что уже проделано в этой области, проделано в обстановке переходного периода и с теми средствами и силами, которые были в распоряжении активного ядра наших сельхозкооператоров, по совести говоря, проделано неплохо.

Другие кооперативные объединения: машинные, мелиоративные и пр. товарищества. Эти ко-

оперативные организации отчасти объединяются кимрским Сельпромсоюзом, но некоторые из них не входят в какую-либо уездную, губернскую или республиканскую кооперативную сеть. Последние существуют сами по себе, пользуясь советами и руководством местного агронома, находящегося в подчинении уездного земельного управления.

До революции никаких подобных товариществ в волости не существовало. Стали они организовываться с конца 1924 года. Вот цифровое выражение хода их развития:

Товарищества.	На 1 января 1926 г.		На 1 января 1927 г.	
	Тов-ств.	Дворов.	Тов-ств.	Дворов.
Машинные	2	100	3	148
Мелиоративные	7	186	17	425
Сельскохозяйственные артели	1	6	1	6
Семеноводческие	—	—	5	164
Бычьи	—	—	10	309
Зерноочистительные	—	—	4	168
Итого	10	292	40	1.220

Таким образом в волости, помимо потребкооперации и сельхозкооперации, существует еще третий круг кооперативных объединений—указанные товарищества. Само собой разумеется, что из этих 1.220 дворов многие входят и в сеть первых двух видов кооперации, но все же товарищества втягивают в русло кооперации и незатронутые кооперацией дворы. Возьмем, например, дер. Соловьево: 85% домохозяев ее—члены потребкооперации, 45%—члены сельхозкооперации и все 100%—члены мелиоративного товарищества.

Описывать деятельность всех этих товариществ мы, за недостатком места, не будем, но, чтобы все же дать понятие об их работе, укажем в двух словах на одно—другое из них.

Машинное т-во д. Кошкино возникло весною 1926 г. Вошло

в него 11 чел. со взносом по 5 р. с члена. На собранные деньги приобрели соломорезку, которая во время весенней бескормицы сыграла большую роль. На 1927 г. в т-ве было уже 25 членов с паевым взносом по 10 руб. Кроме соломорезки, т-во уже имеет: пароконную молотилку, сортировку, два окучника, две пружинных бороны и каток (часть машин приобретена в кредит). Машинами пользуется все крестьянство деревни (в деревне 45 дворов) за плату. Но члены т-ва пользуются машинами в первую очередь и за плату, в несколько раз уменьшенную. Недавно члены т-ва отказались совсем от празднования «пятницы Парасковеи» (28 октября по старому стилю) и собрали, вместо бесцельной траты денег на гулянку, по 5 руб. с дома—эти деньги пойдут тоже на покупку машин. Весною 1927 г. т-во делает общественную запашку в фонд машинного т-ва. Члены т-ва на 70% бедняки и на 30% середняки. Все члены т-ва перешли на многополье и ведут культурное хозяйство.

Возьмем д. Соловьево. Купили ярославского быка (бычье т-во), которого держат в отепленном помещении и кормят по весу. По примеру ухода за быком, крестьяне так же начинают ухаживать и за своим скотом. Эта же деревня приобрела сортировочную машину (машинное т-во) для зерна, а чтобы покупка ее не отразилась на бюджете хозяйств, сократили сразу два престольных праздника. Съэкономленные таким образом деньги уже покрыли затраты на машину. Кроме сортировки, деревня имеет: две конных льномялки, одну ручную, четыре веялки. Для хранения машин деревня имеет особый сарай.

Так приблизительно работают и все другие товарищества волости.

Подобного рода товарищества, растущие у нас в волости с такой быстротой, уже имеют—а в будущем еще больше будут иметь—громадное значение и для поднятия хозяйства и для выучки крестьян работать коллективно. В тех деревнях, где товариществ нет, идет разговор об их образовании, так как польза, ими приносимая, для всех очевидна. Что касается фонда, потребленного на покупку машины и проч., то крестьяне его ищут в таком направлении:

— Сократим праздничек, обойдемся без гулянки,—вот и деньги.

Так строится новая деревня.

Крестьянские общества взаимопомощи. Об этих обществах, которые должны строиться на основе трудовой взаимопомощи и играть не благотворительную роль, а помогать бедному и середняцкому крестьянству в его экономической борьбе с кулаком, всего уместнее поговорить именно в главе о кооперации.

Первые шаги деятельности обществ были основаны на декрете от 14 мая 1921 г., а ныне эта деятельность регулируется специальным «Положением» ВЦИК'а и Совнаркома РСФСР от 1924 года.

Мы знаем, что деятельности обществ взимопомощи придается большое значение. Они имеют свою особую сеть с общереспубликанским центром (Центр. Комитет Крест. Об-в Взаимопомощи), устраиваются съезды обществ и проч.

Продумывая в целом работу наших горицких ОКВ, видишь наличие вялости в этой работе и чувствуешь, что вялость эта есть следствие какой-то недоговоренности, какой-то двойственности, лежащей в основе деятельности ОКВ. Необходимо, мне кажется, просто и прямо, вполне отчетливо сказать, что же в конце-концов представляют из себя ОКВ—благотворительные или кооперативные учреждения? Или—или, а не то и это. Один наш крестьянин метко сказал, характеризуя физиономию ОКВ вообще:

— Мы хотим, чтобы и без бога, но по-божьи.

Я следил и слежу за судьбою крестьянск. об-в взаимопомощи во всероссийском масштабе. То же впечатление: вялость в работе, двойственность в самой основе.

В городе нетрудно заниматься благотворительностью. Если хочешь—сунул нищему копейку на улице и можешь успокоиться. А если желаешь, запишись в одно из многочисленных обществ: «Друг детей», «МОПР» и проч., плати пятачки и гривенники в месяц и ты будешь в конце-концов тоже заниматься благотворительностью, но уже не в одиночку, а организованно и не какой-нибудь «развращающей массы» уличной благотворительностью, а иной—высокопроб-

ной, патентованной. В деревне—там положение с благотворительностью совсем иное. Копейкой или пятачком там делу не поможешь. Сосед с работой не может справиться—у него нет лошади. Тут не только пятачок—и рубль ничего не сделает. Здесь вы должны или сами поработать на соседа с лошадью, или дать ему свою лошадь (а последнее не очень-то приятно—сосед лошадь вашу жалеть не будет). Крестьянин и сам слишком беден и слишком занят, чтобы заниматься подобной благотворительностью. Если же вместо работы натурой заплатить 50 коп. членский взнос и таким образом на городской манер «отделаться» по линии благотворительности, в этом тоже толку мало. Полтинники эти скоро все ухнут в безвозвратных ссудах и всему делу точка.

Если же говорить не о благотворительности, а об организации коллективной работы в разных ее формах (общественная запашка или работа с одной машиной и проч.), которая (коллективная работа) является самой настоящей взаимопомощью, так как она повышает производительность труда каждого отдельно взятого работника, то тогда надо толковать просто о кооперации. Объединились же бедняки, крестьяне д. Кошкино, о которых говорилось выше, в машинное товарищество и работают и многого уже достигли.

Уверен, что ОКВ—учреждение мертворожденное. ОКВ могут работать сносно лишь там, где плохо поставлена кооперативная работа,—в этих случаях они являются как бы заменою несуществующей или скверно работающей кооперации.

Перейдем теперь непосредственно к нашей волости.

Начало организации ОКВ в волости было положено декретом (от 14/V 1921 г.). По всей волости поехали агитаторы разъяснять сущность, цели и задачи ОКВ.

— После военного коммунизма мы не противились созданию ОКВ,—простодушно заявлял мне кое-кто из населения.

Полтинники членских взносов несли.

— Не запишешься, прослывешь еще контрой,—вот мотивация многих и многих отдававших свои полтинники.

Собственно говоря, дело агитаторами, формальным открытием деятельности ОКВ и полтинниками и закончилось.

№№	Наименование ОКВ	Сколько членов.	Сколько деревень.	Сколько дворов.	Средства денежные. Ссуды	Член. взносы	Наличность.	Всего.	Инвентарь.
					р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
1	Беляевский	219	4	60	20 —	35 80	—	55 80	—
2	Вереинский	247	6	90	—	41 40	—	41 40	20 —
3	Горбачевский . . .	327	3	122	13 —	56 40	10 48	79 88	—
4	Горицкий	234	1	97	15 —	40 60	—	55 60	—
5	Дорской	380	8	154	24 —	65 60	—	89 60	—
6	Жирославский . .	349	2	121	5 —	67 80	—	72 80	—
7	Зверковский . . .	63	1	14	3 —	11 40	—	14 40	—
8	Иванцевский . . .	370	5	110	12 —	66 —	3 20	81 20	—
9	Зиновихинский . .	280	6	108	7 —	48 —	5 20	60 20	—
10	Киселевский . . .	221	4	84	—	40 —	—	40 —	10 50
11	Кошкинский . . .	199	2	62	15 50	33 40	—	48 90	—
12	Марковский . . .	330	5	125	29 —	54 40	—	83 40	—
13	Молодинский . . .	264	3	100	27 —	42 —	—	9 —	—
14	Наумовский . . .	229	4	89	18 50	39 40	—	57 90	—
15	Н. Никитский . . .	248	4	117	28 —	39 40	—	67 40	—
16	П. Озерский . . .	не выяс.	3	63	н е	в ы	я с	н е	н о
17	Подмошенский . .	200	4	66	20 —	32 40	—	52 40	—
18	Русиловский . . .	331	6	122	22 50	54 40	6 50	83 40	—
19	Рыбушинский . . .	229	4	105	15 —	39 80	—	54 80	—
20	Софоньевский . . .	353	8	128	33 —	57 60	—	90 60	—
21	Уголковский . . .	244	3	83	—	40 80	—	40 80	20 —
22	Чуховский	280	5	104	10 50	51 80	—	62 30	—
23	Якшинский	64	1	27	2 —	12 —	—	14 —	—
—	Горицкий вол. к. кр. общ. взаимопомощи	—	—	—	419 40	—	217 71	637 11	—
	Итого . .	5 661	92	2.151	739 40	970 40	243 09	1.952 89	50 50

В 1924 г. из центра предписание: усилить и оживить работу ОКВ.

Опять заездили агитаторы. Ничего не поделаешь—надо оживить работу. Понесли полтинники те, кто их еще не вносил. Одно из ОКВ (балдеевское), развившее, можно сказать, бешеную энергию, взяло подряд за 50 руб.: покрыть сарай вика и вычистить его уборные.

Теперь, пока что, работа ОКВ у нас опять застопорилась, повидимому, до нового приказа об «оживлении».

Ссуды берут охотно, но возвращать не желают. А попробуй взыскать. Легко сказать: взыскать.

В настоящее время в волости 23 сельских ОКВ, каждое из которых объединяет по нескольку деревень. Сельские ОКВ сливаются в пять районных ОКВ, а эти последние в свою очередь объединяются волостным комитетом ОКВ.

Вот таблица, дающая полную картину состояния сельских и волостных ОКВ на 1-е ноября 1926 года (стр. 150).

Замечу, что руководящий состав ОКВ работает бесплатно. Кстати: не так давно (летом 1926 г.) приезжал из Кимр специальный инструктор и учил, как можно бесплатно и хорошо наладить работу в волости ОКВ. Прожил неделю. Уезжая, занял пять рублей у председателя волостного комитета ОКВ. Так и не отдал. А когда навели справку об инструкторе в уездном городе, то оказалось, что он и там наказал общий отдел на 50 рублей.

Председатель волостного комитета ОКВ с сокрушением говорил мне про инструктора:

— А ведь как он стоял за социализм, за взаимную поддержку! А в результате наказал на пять рублей...

Так не очень-то важно, а пожалуй, и совсем неважно обстоит у нас дело с ОКВ. Но, при наличии хорошо работающей и идущей в гору кооперации, иначе итти работа ОКВ, думается, и не может: там, где имеется к услугам населения настоящий продукт (в данном случае—кооперация), суррогат его (в данном случае—ОКВ) сходит на-нет.

РАССЛОЕНИЕ.

В хозяйственном отношении крестьянство не представляет собой однородную массу. Оно состоит из ряда слоев и прослоек и каждая более или менее экономически четкая группа имеет свои интересы, или совсем или до известной степени обособленные от интересов соседних слоев. Тридцать лет назад (в 1896 г.) это было доказательно показано В. И. Лениным в его труде «Развитие капитализма в России». Тщательное изучение процесса расслоения крестьянства чрезвычайно важно с многих точек зрения, а особенно с точки зрения установления правильных взаимоотношений между рабочими и трудовым крестьянством. Промышленный пролетариат, идущий передовым отрядом в революционной армии трудящихся, чтобы скорее пройти многотрудный путь к осуществлению социализма, должен знать, с какими именно слоями крестьянства ему надлежит держать союз и какими мероприятиями из области текущей политики надлежит этот союз закреплять.

Обратимся к разнородным материалам по Горицкой волости, которые в той или иной мере, на протяжении определенных отрезков времени, хотя бы частично, осветят нам процесс расслоения крестьянства волости.

Правда, материалы эти довольно скудны. Но все же пройти мимо них мы не считаем себя в праве.

Возьмем распределение скота по волости на протяжении последних 40 лет [1].

---

[1] Горицкая волость дважды укрупнялась — в 1922 и в 1924 г. Чтобы оперировать со сравнимыми величинами, мы, начиная с 1922 г., при изучении вопроса о распределении скота брали лишь те селения волости, которые входили в ее состав до 1922 года.

Годы.	Процент хозяйств.								
	Без всякого скота.	Безлошадных.	Безкоровных.	С 1 лошадью.	С 2 лошадьми.	С 3 и более.	С 1 коровой.	С 2 коровами.	С 3 коровами и более.
1887	20	31	22	49	19	1	30	29	19
1895	20	31	22	49	19	1	29	29	20
1916	16	31	18	55	13	1	49	28	5
1920	12	34	18	65	1	—	49	29	4
1922	11	33	18	66	1	—	46	30	6
1923	9	33	17	66	1	—	46	31	6
1926	5	26	16	68	6	—	47	32	5

Мы видим, что процент бесскотных хозяйств за 1923 и 1926 гг. сильно упал в связи с внутрипоселковым землеустройством, которое начало проводиться у нас только за последние годы; многие хозяйства, раньше не имевшие или имевшие земли мало, получили землю или необходимую прибавку ее и смогли уже обзавестись скотом. Упал и процент безлошадных хозяйств, что свидетельствует, конечно, о некотором укреплении крестьянского хозяйства. Вырос процент однолошадных хозяйств по сравнению с 1916 годом—произошло поравнение. Бо́льшинство работает только свою работу, земли не арендуются, и вторая лошадь не нужна в наших сравнительно скромных по своей землеобеспеченности хозяйствах. Но все же процент хозяйств с 2 лошадьми по сравнению с периодом от 1920 г. вырос. За последние 10 лет слегка вырос процент хозяйств с двумя коровами—сказывается развитие в волости травосеяния.

Теперь—как распределялись хозяйства волости [1] между беспосевной и посевной группами.

Вот колонка цифр за последние 80 лет:

[1] Волость после 1922 г. берется (см. предыдущее примечание) только в ее доукрупненных границах.

Годы.	Процент хозяйств	
	беспосевных.	с полевыми посевами.
1845 . .	27	73
1887 . .	24	76
1914 . .	13	83
1916 . .	12	88
1920 . .	13	87
1922 . .	13	87
1923 . .	12	88
1926 . .	7	93

Опять-таки землеустроительные работы последних лет снизили процент хозяйств, не имеющих полевого посева, до 7. Мы видим, что в самый жуткий по дороговизне хлеба год, в 1920 году, процент беспосевных хозяйств был 13 и не падал позже. Отсутствовало землеустройство (до нашей волости черед дошел лишь к 1924 году) и земля сохранилась за теми хозяйствами, которые владели ею и раньше—поравнение по едокам происходило в очень и очень немногих деревнях волости и составляло исключение. Землеустройство окрестьянило, вывело в поле многих хозяев, которые раньше располагали посевной площадью на усадебной земле.

Что касается развития арендных отношений, то вот сведения о количестве хозяйств, арендовавших землю (надельную или частновладельческую): в 1887 году их было 22% всех хозяйств волости, в 1914 году—уже 57%; в первые годы революции аренды совсем не существовало, а в 1925 и в 1926 году арендующих землю хозяйств было около 1%.

Сильное развитие аренды земли в 1914 году объясняется большими посевами льна—земля арендовалась под лен. Теперь, вследствие значительного сокращения вывоза льняного

волокна за границу и падения цен на волокно [1], лен сеют только для своих надобностей.

Об аренде живого и мертвого инвентаря как до революции, так и теперь почти совершенно не слышно в волости—фактов такой аренды ничтожное количество.

По линии использования хозяйствами волости наемного труда (не считая пастушни) точных сведений за дореволюционный период соответствующие источники не содержат. В 1926 году в волости было около 100 хозяйств, пользующихся батраками, обычно нанимаемыми на сезон с платою (на готовых харчах) 15—20 руб. в месяц.

Постараемся несколько подробнее осветить процесс расслоения по материалам, появившимся уже в революционный период и уже по миновании эпохи военного коммунизма.

Возьмем сводки по поселенным налоговым спискам, которые составляются, по требованию Наркомфина, уездными исполкомами. Я беру их только за два года: за 1924—25 г. и за 1925—26 г. За предыдущее время эти материалы не могут быть использованы, так как волость в ее настоящих территориальных границах существует с 1924 года (укрупнилась). Сводка за 1926—27 год изготовлена, в силу последних указаний Наркомфина, на основе иных, нежели в прежние годы, показателей [2].

Следовательно, единственно годными для изучения как раз и будут сводки за 1924—25 и за 1925—26 годы. Данные их мы можем сопоставлять.

Предлагаем эти сводки, выраженные в относительных числах:

---

[1] Цены на волокно упали по сравнению с поднявшимися ценами на другие товары: например, до войны пуд волокна (среднего) расценивался в 5 руб., а кожаные сапоги стоили тоже 5 руб.; осенью 1926 г. пуд волокна стоил 6 руб. 20 к., а те же сапоги—18—20 руб.

[2] До 1926—27 г. хозяйства по сводкам группировались по обеспеченности одного едока пахотно-сенокосной землей, выраженной в пашне. С текущего же года в основу сводки положено обеспечение одного едока посевной площадью.

Группы хозяйств.	1924—25 г.					1925—26 г.				
Обеспеченность пахотно-сенокосной землей одного едока[1].	Хозяйств.	Десятин. посева.	Лошадей.	Крупного рог. скота.	Едоков.	Хозяйств.	Десятин посева.	Лошадей.	Крупного рог. скота.	Едоков.
До 1/2 десятины	23,7	13,9	16,5	18,7	24,5	19,2	10,0	12,3	15,2	20,0
От 1/2 дес. до 1 1/2 дес. .	71,4	78,3	78,4	76,7	72,7	76,6	85,0	84,4	81,3	78,2
„ 1 1/2 „ и выше . .	4,9	7,8	5,1	4,6	2,8	4,2	5,0	3,3	3,5	1,8
Всего . . .	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

По хозяйственным условиям волости хозяйства первой группы (на одного едока—до 1/2 дес. пахотно-сенокосной земли) можно назвать, пользуясь обычной терминологией, бедняцкими (или маломощными), хозяйства следующей группы (до 1 1/2 дес. на едока)—середняцкими, а третья группа выявляет уже зажиточные хозяйства.

Попытаемся проследить, какие изменения внес краткий двухгодичный период по линии расслоения крестьянства волости.

Мы видим, что по волости в целом в 1925—26 г. количество бедняцких хозяйств, сравнительно с предыдущим годом, относительно уменьшилось, середняцких—выросло и зажиточных—уменьшилось, хотя и незначительно.

Теперь, определив общую тенденцию процесса расслоения, присмотримся к нему с качественной стороны. Не изменился ли за рассматриваемый период хотя бы слегка хозяйственный облик каждого из трех типов хозяйств?

Произведя соответствующий подсчет, получим такие средние показатели в относительных числах:

---

[1] Пахотно-сенокосная площадь означает площадь пашни + сенокос, переведенный условно на пашню. При переводе сенокоса на пашню приравнивали 1 десятину заливного сенокоса 1/3 дес. пашни, а прочий сенокос: 1 дес. = 1/4 дес. пашни.

1% бедняцких хозяйств имел:

в 1924—25 г.: 0,59% посева; 0,70% лошад.; 0,80% круп. рог. скота; 1,03% едоков.

в 1925—26 г.: 0,52% посева; 0,64% лошад.; 0,80% круп. рог. скота; 1,03% едоков.

1% середняцких хозяйств имел:

в 1924—25 г.: 1,1% посева; 1,1% лошад.; 1,07% круп. рог. скота; 1,02% едоков.

в 1925—26 г.: 1,1% посева; 1,1% лошад.; 1,06% круп. рог. скота; 1,02% едоков.

1% зажиточных хозяйств имел:

в 1924—25 г.: 1,6% посева; 1,04% лошад.; 0,9% круп. рог. скота; 0,57% едоков.

в 1925—26 г.: 1,2% посева; 0,8 % лошад.; 0,8% круп. рог. скота; 0,43% едоков.

Судя по средним показателям, видим, что хозяйственный облик бедняцкого хозяйства чуть-чуть изменился к худшему; в положении середняцкого хозяйства перемен нет и несколько в общем улучшилось состояние зажиточного хозяйства.

Теперь от волости в целом перейдем к исследованию процесса расслоения в некоторых отдельных деревнях, в отношении которых мы имеем возможность расширить период изучения.

Попытаемся проследить, как шел процесс расслоения крестьянства за последние четыре года в трех разнотипичных по своей землеобеспеченности деревнях Горицкой волости.

Мы берем д. Саврасово с наибольшей по волости средней землеобеспеченностью каждого отдельного хозяйства, д. Вереинку—с обычной и д. Демидовку—с наименьшей по волости средней землеобеспеченностью каждого отдельного ее хозяйства.

Документы, подвергнутые нами изучению,—налоговые поселенные списки за период с 1923—24 г. по 1926—27 г.

Произведя ряд выборок из только что названных нами документов, мы можем представить интересующие нас данные по этим трем деревням, в относительных числах, в виде нижеследующей таблицы (см. стр. 158—159).

Принимая во внимание все хозяйственные условия Горицкой волости, можно считать, что хозяйством маломощным будет такое хозяйство, которое обладает пашнею (не посевом, а пашнею) до 2 дес. на двор, середняцким—от 2 до 4 дес. и зажиточным—свыше 4 дес. на двор.

В каком направлении шло развитие в наших трех деревнях

Группы хозяйств, обеспеченные пахотной землей на 1 хозяйство.	Хозяйств.				Десятин пашни.			
	1923—24	1924—25	1925—26	1926—27	1923—24	1924—25	1925—26	1926—27
ДЕРЕВНЯ								
До 2 десятин	—	—	—	8,3	—	—	—	2,4
От 2 до 4 десят.	50,0	50,0	50,0	33,3	35,4	35,2	35,3	21,5
„ 4 дес. и выше	50,0	50,0	50,0	58,4	64,6	64,8	64,7	76,1
Всего . .	100	100	100	100	100	100	100	100
ДЕРЕВНЯ								
До 2 десятин	16,7	16,0	21,8	21,2	5,0	5,0	10,2	9,7
От 2 до 4 десят.	26,6	32,2	50,2	54,4	19,4	26.7	42,7	45,9
„ 4 десят. и выше . .	56,7	51,8	28,0	24,4	75,6	68,3	47,1	44,4
Всего . .	100	100	100	100	100	100	100	100
ДЕРЕВНЯ								
До 2 десятин	64,2	66,6	64,3	73,4	43,1	50,2	47,1	56,1
От 2 до 4 десят.	28,6	33,4	35,7	26,6	39,4	49,8	52,9	43,9
„ 4 десят. и выше . .	7,2	—	—	—	17,5	—	—	—
Всего . .	100	100	100	100	100	100	100	100

Коров.				Лошадей.				Едоков.			
1923—24	1924—25	1925—26	1926—27	1923—24	1924—25	1925—26	1926—27	1923—24	1924—25	1925—26	1926—27
САВРАСОВО.											
—	—	—	4,3	—	—	—	14,3	—	—	—	6,0
43,5	43,5	37,5	21,8	40,0	50,0	45,8	28,6	46,9	47,9	47,0	32,0
56,5	56,5	62 5	73,9	60,0	50,0	54 2	57,1	53,1	52,1	53,0	62,0
100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
ВЕРЕИНКА.											
10,4	9,7	14,0	13,2	3,6	3,7	17,2	11,1	8,8	8,3	11,5	11,5
18,2	21,7	42,0	45,6	28,6	29,7	50,0	48,1	17,7	21,7	39,5	44,2
70,4	68,6	44,0	41,2	67,8	66,6	42 8	40,8	73,5	70,0	49,0	44,3
100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
ДЕМИДОВКА.											
56,3	62,5	53,3	73,6	54,5	54,5	50,0	63,6	61,0	67,2	65,8	62,8
31,2	37,5	46,7	26,4	36,4	45,5	50,0	36,4	27,1	32,8	34,2	37,2
12 5	—	—	—	9,1	—	—	—	11,9	—	—	—
100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

каждого из различных по своей экономической мощности типов хозяйств (бедняцкого, середняцкого, зажиточного)?

Взяв только два крайних года из четырехлетия (1923—24 и 1926—27 г.) и сделав соответствующий подсчет по последней таблице, получаем (в относительных числах):

	Бедняки.		Середняки.		Зажиточные.	
	1923—24 г. %%	1926—27 г. %%	1923—24 г. %%	1926—27 г. %%	1923—24 г. %%	1926—27 г. %%
Дер. Саврасово.						
Хозяйств	—	8,3	50,0	33,3	50,0	58,4
Пашни десят.	—	2,4	35,4	21,5	64,6	76,1
Коров	—	4,3	43,5	21,8	56,5	73,9
Лошадей	—	14,3	40,0	28,6	60,0	57,1
Едоков	—	6,0	46,9	32,0	53,1	62,0
Дер. Вереинка.						
Хозяйств	16,7	21,2	26,6	54,4	56,7	24,4
Пашни десят.	5,0	9,7	19,4	45,9	75,6	44,4
Коров	11,4	13 2	18,2	45,6	70,4	41,2
Лошадей	3,6	11,1	28,6	48,1	67,8	40,8
Едоков	8,8	11,5	17,7	44,2	73,5	44,3
Дер. Демидовка.						
Хозяйств	64,2	73 4	28,6	26,6	7,2	—
Пашни десят.	43,1	56,1	39,4	43,9	17,5	—
Коров	56.3	73,7	31,2	27,0	12,5	—
Лошадей	54,5	63,6	36,4	36,4	9,1	—
Едоков	70,0	62,8	27,1	18,6	11,9	—

Пристально всматриваясь в колонки цифр наших таблиц, мы убеждаемся, что за последнее четырехлетие в деревнях

Саврасове, Вереинке и Демидовке процесс расслоения шел в общем по линии относительного роста числа бедняцких (менее быстрого) и середняцких (более быстрого) хозяйств и уменьшения количества зажиточных хозяйств. Часть зажиточных хозяйств перешла в группу середняцких, а некоторая часть середняцких перекочевала в низший разряд.

Если, выяснив общее направление процесса расслоения, мы пожелаем определить качественный его облик, т.-е. узнать, в какой мере изменилась экономическая мощность каждой из трех групп хозяйств за эти четыре года, то, обратившись к таблицам, найдем в них материал, вполне освещающий интересующий нас момент.

Но так как в нашем распоряжении имеются таблички, относящиеся к трем деревням, то, для избежания громоздкости, мы произведем выявление качественного облика процесса расслоения только для одной деревни—для Вереинки, являющейся деревней со средней по волости землеобеспеченностью хозяйств. Те, кто интересуются темою, могут проделать аналогичные вычисления для двух остальных деревень (для Саврасова и Демидовки) самостоятельно.

Произведя соответствующие подсчеты, получим для д. Вереинки такие средние показатели в относительных числах:

1% бедняцких хозяйств имел:

в 1923—24 г.: 0,3% пашни; 0,7% коров; 0,22% лошадей; 0,53% едоков.

в 1926—27 г.: 0,45% пашни; 0,62% коров; 0,52% лошадей; 0,54% едоков.

1% середняцких хозяйств имел:

в 1923—24 г.: 0,73% пашни; 0,69% коров; 1,08% лошадей; 0,67% едоков.

в 1926—27 г.: 0,84% пашни; 0,84% коров; 0,9% лошадей; 0,81% едоков.

1% зажиточных хозяйств имел:

в 1923—24 г.: 1,33% пашни; 1,24% коров; 1,2% лошадей; 1,3% едоков.

в 1926—27 г.: 1,82% пашни; 1,62% коров; 1,63% лошадей; 1,82% едоков.

Мы видим, что положение бедняцких хозяйств по д. Вереинке улучшилось, середняцких—тоже, у зажиточных—с малыми изменениями.

Подводя общий итог по всей линии проработанного материала, можно сказать, что определяющая роль в общем хо-

зяйстве волости принадлежит, безусловно, середняцким хозяйствам. Эти середняцкие хозяйства относительно растут в своем количестве и, беря волость в целом, становятся на более прочную экономическую базу. Резкого обеднения маломощной группы, как и сильного обогащения зажиточной, не наблюдается. Их хозяйственное качество даже остается как будто бы без изменений. По количеству же относительно растет бедняцкая группа и тает зажиточная.

ПИТАНИЕ.

Вопрос о питании населения—один из важных моментов в истории экономического быта волости. Это положение в доказательствах не нуждается и служит достаточным оправданием для выделения этого вопроса в особую главу настоящего исследования.

Материалов по изучению массового потребления, непосредственно относящихся к России, накопилось немало. Проф. А. В. Чаянов дает в своем библиографическом указателе [1] 186 названий отдельных работ. Чуть ли не половина этих работ находится в тесной связи с обследованием крестьянских и рабочих бюджетов.

Говоря о питании, следует помнить, что одно дело быть сытым, а другое питаться правильно. Широкие слои населения этому вопросу совершенно не уделяют внимания, а государство стало изучать вопрос о правильности питания только в последние, революционные годы.

Скудное или нездоровое питание, как известно, очень вредно отражается на здоровье населения—распространяется ряд таких болезней, как цынга, тиф и проч. Ясно, что число смертей стоит в тесной связи с питанием населения: чем хуже люди питаются, тем они становятся слабее, а чем слабее—тем больше шансов, что они заболеют и, захворав, не смогут перенести болезни. Неправильное питание в значительной мере влияет и на детскую смертность: в России вообще на каждую тысячу родившихся умирало, не дожив до одного года, около 300 младенцев, в то время как в Швеции до одного года уми-

---

[1] Этот указатель напечатан приложением первым в брошюре С. А. Клепикова — „Питание русского крестьянства“, ч. I, 1920 г., стр. 39.

рало только 130 из тысячи. Если взять Тверскую губ. и подсчитать среди умерших крестьян детей до одного года, то получим такие цифры: из каждой тысячи покойников в 1915 г. детей до одного года было 362, в 1916 г.—329 и т. д. Смертность высокая.

Но та страна, население которой плохо питается, не только имеет повышенную смертность—она теряет в течение года и много миллионов рабочих дней, падающих на прогулы от болезни рабочего населения.

В отношении питания человек подобен машине. Как машина для своей работы нуждается в топливе, так и наш организм,—не только в процессе работы, но и в процессе жизни,—нуждается в пище. Пища дает человеку энергию, необходимую и для существования, в простейшем смысле этого слова, и для работы. Энергия, доставляемая пищей, измеряется тепловыми единицами, называемыми калориями.

Человек в течение суток расходует разное количество энергии—в зависимости от его возраста и напряженности работы (умеренный труд, тяжелый, очень тяжелый). Следовательно, и калорий, идущих на восстановление потраченной энергии, разные организмы, поставленные в неодинаковые условия, требуют не одно и то же число.

Но для организма человека надо не только известное количество калорий, надо, чтобы и подбор пищи для него не был односторонним: если человек будет питаться только одним хлебом, или только одним мясом, или только маслом, то, несмотря на то, что будет вводить в организм достаточное количество калорий, он все же заболеет. Дело в том, что в пище имеются разные виды питательных веществ, и главных из этих видов три: это—белки, жиры и углеводы. Белки преимущественно идут на образование вещества нашего тела, а жиры и углеводы требуются при работе.

Рассматривая вопрос о питании, я буду освещать его с точки зрения сохранения сил и энергии населения, или, иначе, с точки зрения нормального питания, т.-е. «такого подбора пищи, при котором все расходы тела, как бы они ни были своеобразны и оригинальны, правильно пополняются, и

организм поэтому находится в полном материальном и энергетическом равновесии»[1].

Основные питательные начала, заключенные в разного рода пище, как животного, так и растительного происхождения,—это, как было уже указано, белки, жиры и углеводы. Вещества эти, «кроме доставления свободной энергии, имеют для человеческого организма и органическое, конструктивное значение—они могут заменять друг друга в очень узких пределах; благодаря этому пищевое потребление человека должно содержать все три упомянутых продукта в известном, более или менее постоянном соотношении между собой»[2]. Энергия же, которая освобождается при распаде питательных веществ в нашем организме, измеряется калориями, а им соответствует определенное количество механической работы[3]. Таким образом по количеству и роду потребляемой известным организмом пищи мы можем определить количество соответствующих этой пище калорий и их механических эквивалентов. И, наоборот, по этим последним величинам можно судить о количестве затраченного на них пищевого материала. Приведенные положения служат ученым базой для построения пищевых норм, для выяснения соотношений питательных начал и для общего учета освобождающейся при распаде питательных веществ энергии[4].

Основанием для изучения массового потребления служат записи потребленного продовольствия за определенный период времени (желательно за полный год) известной группой (желательно—однородной по составу и возможно бо́льшей по числу). Я подобных записей по волости не вел, да и вести их,

---

[1] Проф. Б. И. Словцов — „Пищевые раскладки", изд. 2-е, 1919 г., стр. 1.

[2] Предисловие проф. А. В. Чаянова, стр. IX, к ук. соч. С. А. Клепикова.

[3] Калория — единица измерения теплоты: она выражает то количество теплоты, которое требуется для повышения температуры одного килограмма (2,4 фунта) воды на 1 градус Цельсия. Одной калории соответствует такое количество механической работы, которое необходимо для поднятия того же килограмма воды на высоту 425 метров. Обе эти нормальные величины образуют собою одну общую величину в 425 килограммометров. Эта-то величина и называется в науке „механическим эквивалентом теплоты".

[4] См. табл. 17.

когда я решил заняться этим вопросом—в 1920 г.—было невозможно в виду остро-отрицательного отношения массового крестьянина ко всякого рода учетам, производившимся в тот период в хозяйственной сфере его жизни.

В данной главе попытаемся выяснить,—конечно, очень и очень приблизительно,—насколько питание населения волости соответствует теоретическим нормам питания вообще [1] и фактическим нормам питания сельского населения России в частности [2]. Из всего революционного цикла мы возьмем только один год—1920, год высокой урожайности хлебов.

Для нашей цели нам необходимо знать состав населения волости по числу, полу и возрасту—это мы знаем [3]; еще надо знать количество потребленных населением волости продуктов—этого мы в точности знать не можем, так как, как уже упоминали, записей по учету израсходованных на продовольствование продуктов не вели. Но мы можем высчитать количество питательных продуктов, полученных населением волости от своего хозяйства в течение 1920 г. [4]. Предположим, что все эти продукты, за вычетом семян и того, что отчуждено в пользу государства, были всецело употреблены населением на свое продовольствование. Произведя некоторые расчеты, мы получим среднюю норму питания по волости. Но эта норма, само собою разумеется, будет теоретическим максимумом. Поведем наши поиски в несколько ином направлении. Укажем, что хотя алкоголизм не выкачивает в настоящее время ни одного рубля из крестьянского бюджета [5], что хотя отсутствие свободной торговли [6] до чрезвычайности сузило местный рынок, вталкивая потребление продуктов сельского

[1] См. табл. 17.

[2] См. табл. 24.

[3] См. табл. 16.

[4] На основании данных таблиц 2, 8, 9 и пр. — все это высчитано в табл. 21.

[5] До войны средняя крестьянская семья в России, тратя ежегодно 101 р. 20 к. на покупку товаров, обложенных акцизом, 77 р. 07 к. тратила на покупку водки, чая и сахара; на водку шла большая часть последней суммы (см. ст. М. И. Боголепова — „Государственное хозяйство“, „История России в XIX в.“, изд. бр. Гранат, том VIII, стр. 37).

[6] Следует помнить, что речь идет о 1920 г., когда нэп еще не родился.

хозяйства (в том числе и пищевых продуктов) в пределы каждого данного хозяйства, и что хотя чрезвычайно быстрое падение ценности денег и громоздкость акта товарообмена безусловно, на ряду с другими причинами, и способствовали развитию натуральных форм хозяйства, стремящегося к самоудовлетворению своего собственного спроса,—но, несмотря на все изложенное, современное крестьянское хозяйство ощущает существенную потребность в разнообразных продуктах и предметах, производство которых лежит вне крестьянского хозяйства. А так как отхожие промыслы, игравшие в мирное время немаловажную роль в бюджете деревни, к 1920 г. пали [1], то неотложные потребности каждому домохозяину приходится удовлетворять, ликвидируя известную часть своего натурального дохода, затрачивая и доход, реализующийся в форме пищевых продуктов. В главе о среднем хозяйстве волости был дан бюджет такого хозяйства за 1920 г. Из этого бюджета видно, чтó именно и в каком количестве ликвидирует среднее хозяйство, чтобы получить извне все для себя необходимое. Так как описываемая волость является волостью с подавляющим числом средних хозяйств (на это указано в своем месте), то предположим, что каждое хозяйство для удовлетворения своих неотложных нужд продаст или обменяет одно и то же количество одних и тех же пищевых продуктов. Мы знаем, что число тех или иных различных комбинаций с запасами продовольствия равняется, повидимому, числу хозяйств в волости. Но в общей массе разнообразных хозяйственных вариаций индивидуальные черты отдельных комбинаций сгладятся, и наше предположение оправдается с некоторыми ограничениями, то-есть по всей волости картофеля, может быть, будет продано несколько меньше или больше того количества, которое мы получим для волости на основании данных по среднему хозяйству, но зато поступит в продажу ячмень и т. д. Одним словом, нащупывая приблизительную среднюю норму питания населения волости, мы можем примириться с неточностью нашего метода.

[1] Пали под влиянием общей хозяйственной разрухи (многие фабрики и заводы закрылись и проч.), пали под влиянием стеснения свободы передвижения и т. д.

Итак, выкинув из валового дохода семена, все отчужденное в пользу государства и все проданное, и произведя известный расчет, мы получим минимальную норму питания по волости, которая тоже является нормой теоретической. Но действительная средняя норма, как нам кажется, будет лежать в пределах между теоретическим максимумом и минимумом и, несомненно, ближе к последнему.

Таким образом мы получим представление о питании крестьян Горицкой волости и сможем сопоставить его с теоретическими и фактическими нормами, являющимися следствием определенных исследований.

Вся работа по изложенному плану проделана в наших таблицах [1]. Оказывается, что средней максимальной суточной нормой для одного человека без различия возраста будет (в граммах) [2]:

1.903 грамма пищи или: белков—74, жиров—33, углеводов—473; или в переводе на калории—2.553.

Средняя же минимальная суточная норма для одного человека тоже без различия возраста будет (тоже в граммах) [3]:

1.543 грамма пищи или: белков—61, жиров—22, углеводов—436 или в переводе на калории—2.245.

Спрашивается: хорошо или плохо питался в 1920 г. «средний» человек Горицкой волости? Если мы взглянем на соответствующую таблицу [4], то увидим, что наш «средний» человек питался не хуже, чем питался такой же «средний» всероссийский человек; последний, по исследованиям Марреса, имел калорийную обеспеченность в 2.308 кал. при 105 белка, 41 жиров и 364 углеводов. У нас, правда, углеводов значительно больше, но в пище сельского населения, употребляющего главным образом растительную пищу, где углеводы преобладают в значительной степени, углеводов вообще много—это обстоятельство не раз отмечалось исследователями [5].

---

1 См. таблицы 17, 18, 19, 20 и сл.

2 То же, табл. 22.

3 См. табл. 23.

4 Табл. 24.

5 Ф. А. Щербина, ук. соч., стр. 167; Б. И. Словцов, ук. соч., стр. 23 и др.

Наша средняя норма сравнительно недалека и от средней теоретической нормы [1], где белков—95, жиров—54, углевод.—233, а всего калорий—2.413. Теперь, чтобы получить данные о питании в отношении калорийной обеспеченности взрослого трудоспособного крестьянина волости, будем рассуждать так: в 1920 г. в волости было 9.676 чел. населения и 1.836 хозяйств—следовательно, средний состав семьи равняется 5,3 человека. Взглянув на табл. 16, мы видим, что трудоспособных в волости было 4.182 чел., нетрудоспособных—4.883 и полутрудоспособных—611; последнюю группу ради упрощения дела разобьем пополам между двумя первыми. На каждое хозяйство у нас придется 2,4 чел. трудоспособных и 2,8 чел. нетрудоспособных. На одну семью в 5,3 приходится в сутки 13.531 калория (2.553 × 5,3). Если положить на одного нетрудоспособного 2.040 калорий (см. табл. 16), то на 2,8 чел. придется 5.712 калорий, а на долю каждого из трудоспособных останется 3.258 калорий в день. Итак, взрослый и трудоспособный крестьянин волости имел в 1920 году 3.258 калорий в сутки.

Центральное Статистическое Управление указывает, на основании своих вычислений, калорийную обеспеченность одного взрослого едока Тверской губ. в 1920 году в 3.372 калории—цифра, почти совпадающая с моей.

Сравнивая мою цифру (3.258 калорий) с соответствующими цифрами таблицы 24, мы видим, что питание волости в 1920 г. было в общем не хуже довоенного, известного нам по ряду специальных исследований.

Как питалась волость после 1920 г.? Так как налоговый

---

[1] См. табл. 17. — Среднее, выведенное в этой таблице, мы считаем за научно установленную среднюю норму питания человека вообще; если мы взглянем на табл. 16 и сопоставим ее в рубрике „наименование“ с табл. 17 по той же рубрике, то увидим полное соответствие в „стариках“ и „детях“; „мужчина трудосп.“ приравнивается нами к „сильно работающему мужчине“ (летняя очень сильная напряженность сглаживается небольшим объемом зимней работы; в годовом же среднем мужской организм можно обозначить как „сильно работающий“); „женщина“ — „умеренно раб. женщине“, „подростки“ — к „средне раб. организму“; последнее вполне правильное обозначение (для Кимрского и соседних уездов), так как в Горицкой волости мальчики пашут с 14-тилетнего возраста.

пресс (см. табл. 32) ослабевал постепенно, то думаю, что мои земляки питались не хуже, а лучше, нежели в 1920 году. После 1920 года наихудшим годом по питанию был, пожалуй, 1923 г., когда расхождение в ценах на продукты промышленности и сельского хозяйства достигло больших размеров (знаменитые «ножницы» осенью 1923 года) и крестьянству волости (как и всему остальному крестьянству страны) пришлось бросить на рынок особенно большое количество хлеба и скота, чтобы добыть необходимые предметы городской промышленности. Выбрасывание на рынок бóльшего против обычного количества хлеба и скота, конечно, ослабило продовольственную базу волости. С 1924 года, в связи с выравниванием цен на продукты сельского хозяйства и промышленности («ножницы» сжимаются), питание волости повернуло в сторону улучшения его.

УПРАВЛЕНИЕ ВОЛОСТЬЮ.

Во главе управления волостью до Февральской революции стояло волостное правление, возглавляемое старшиной. Старшину, хозяина волости, имевшего право даже сажать своих земляков в административном порядке под арест, выбирал для волости земский начальник из числа тех двух кандидатов, которых намечал на эту должность волостной сход—сход всех домохозяев волости. По примеру своей волости я знаю, что в старшины всегда попадали крестьяне из числа самых зажиточных в волости. Если иногда на сходе замечалась тенденция наметить кандидата не из богатых, а из наиболее достойных, то деревенская верхушка знала, как запугать сход:

— Его выбрать хотите? Он умен, хаять нельзя. Да вот беда,—малосостоятелен. А если он растратит волостные-то суммы, с него ведь взятки гладки—за него всей волостью недостачу пополнять надо!..

Этот аргумент всегда действовал самым убедительным образом, и старшиною становился тот, кого выдвигали богатеи.

Правой рукою старшины было наемное лицо—волостной писарь. Так как волостное правление должно было вести немало разного рода книг, то значение волостного писаря, обычно человека компетентного в делопроизводстве, сильно чувствовалось в управлении волостью [1].

Волость распадалась на сельские общества, во главе которых стояли сельские старосты, ответственные перед сходами сельских обществ, их избиравших. Наша волость делилась

---

[1] Сравни: С. М. Блеклов—„Крестьянское общественное управление“ (т. V „Истории России в XIX в.“, изд. бр. Гранат) и Свод. Зак. Росс. Имп., т. II — общее учрежд. губерн. и т. IX — законы о состояниях.

на 13 обществ, а каждое из них объединяло по нескольку соседних деревень. На обязанности старост лежало собирать оброк и иные сборы, осведомлять свое общество о распоряжениях начальства и волостного правления, касающихся крестьян, и пр.

Каждая отдельная деревня имела своего десятского, должность которого исправлялась поочередно всеми домохозяевами данного селения. Десятский созывал, по мере надобности, деревенский сход для обсуждения разного рода мирских дел (наем пастуха, дележка сенокоса, починка дороги и пр.), водил, по поручению правления, арестованных в город и т. д.

Такой, в коротких словах, была конструкция административного самоуправления волости.

Но это самоуправление по существу было простой фикцией. По положению от 12 июля 1889 года, действовавшему до самой революции, действительным и полновластным господином волости был земский начальник. «О крестьянском самоуправлении земский начальник с полным основанием может сказать: самоуправление—это я»,—такой внушительной рисовал эту фигуру в свое время В. М. Гессен [1]. Земскому начальнику принадлежала широкая административная и судебная власть и даже, по ст. 39 положен. о земск. нач., на него было возложено попечение о нравственном преуспеянии крестьян.

Что касается обслуживания хозяйственных и культурных нужд своего населения, то дореволюционная волость в этом отношении почти не проявляла себя,—у нее не было никакой финансовой базы. Так, по данным 1905 года общая сумма мирских и волостных расходов по 50 губерниям Евр. России составляла около 22 мил. руб., при чем из этих 22 мил. руб. почти 15 мил. руб. шло на содержание волостных правлений и штата их; на культурные нужды в 1905 г. все волости 50 губерний потратили всего лишь 130.000 руб., т.-е. все равно, что ничего.

В сущности говоря, являясь учреждением строго сословным, так как она объединяла только одних крестьян, царская во-

[1] Его статья: „Основы правопорядка“ (см. т. I сбор. „Нужды деревни“ и пр., 1901 г., стр. 53).

лость существовала не для удобства крестьян, а для удобства управления ими.

Февральская революция «порешила» в волости «старый порядок». Вместо волостного правления появился временный исполнительный комитет, а сельские старосты были переименованы в комиссаров. В нашей волости, по моим наблюдениям, Февральская революция дала власть интеллигентско-середняцкому, а отчасти зажиточному (но богатеи уже отошли в сторону) элементу.

Затем осенью 1917 года, в период агонии временного правительства, появилось на свет божий хилое волостное земство. Хилым я его называю потому, что судьба его была печальной: оно погибло, не успевши расцвесть.

Выборы волостного земства протекали вяло, без интереса к ним, так как деревня стояла уже в преддверии октябрьского переворота—ходили слухи об июльском восстании большевиков в Петрограде, жаждали скорейшего мира и пр. Настроения деревни были таковы, что волостное земство не жило, а влачило свое существование. И это жалкое существование продолжалось около 4 месяцев—до января 1918 года.

С января стал функционировать волостной совет крестьянских и рабочих депутатов во главе с исполнительным комитетом.

Главные законоположения, обрисовывающие строй волости после октябрьского переворота как с общественной, так и с государственной стороны, распубликованы в ряде статей «Собрания узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства» [1]. При ознакомлении со всеми подлежащими законоположениями выявляется следующее: 1) нормирование общественно-государственной и хозяйственной роли волостных советов шло по направлению от провозгла-

[1] За 1918 г. „Собрание узаконений“, № 12, ст. 179 — об организ. мест. самоуправл.; № 43, ст. 524 — об орган. деревенск. бедноты; № 51, ст. 582 — конституция РСФСР; № 86, ст. 901 — порядок перевыборов волостных и сельских советов; за 1920 г.: № 11, ст. 68 — положение о сельских советах; № 20, ст 108 — положение об исполн. вол. комитетах; за 1922 г.: № 10, ст. 92 — положение о волсъездах и о волисполкомах; за 1924 г.: № 82, ст. 826 — положение о волостных съездах советов и волисполкомах и др.

шения самой широкой принципиальной автономии в вопросах местного характера («власть на местах») к обращению волостных советов в служебно-исполнительные органы центральной власти (так, к 1920 году) и затем (начиная с 1922 г., а особенно с осени 1924 г.), с экономическим возрождением страны,—к предоставлению волости самых реальных и чрезвычайно широких прав, которыми она никогда не обладала; 2) включение в сферу принудительного отчуждения (до 1922 года) все бóльшего количества и все в бóльшем разнообразии продуктов сельского хозяйства и труда населения волости (см. табл. 25) усложняло внутреннюю структуру волостного исполкома: так, в Горицкой волости в 1918 г. волостной исполком состоял из трех членов, которым помогало еще трое служащих (в каждой деревне был организован комитет бедноты); в 1919 г.—всех технических сил с членами исполкома было уже 20 человек (кроме того, в каждой деревне—свой совет с председателем); в 1920 г.—25 чел., причем отделов в исполкоме было 12: административный, продовольственный, земельный, народного образования, социального обеспечения, труда, по борьбе с дезертирством, военный комиссариат, бухгалтерия, гражданский стол, налоговый подотдел и подотдел по оказанию помощи семьям красноармейцев (на местах); 13 сельских советов, объединяющих каждый не свыше 1.000 человек населения, со своими исполкомами—из председателя, его товарища и секретаря; затем, с упрощением налоговой системы, с исчезновением дезертирства, с ликвидацией гражданской войны и пр., начинается и упрощение конструкции волисполкома—сокращаются штаты и отделы; с 1923 года, вместе с членами исполкома, у нас в вике работает всего только 8 человек, несмотря на то, что волисполком проделывает в настоящее время действительно большую работу.

Считаю необходимым, хотя бы в самых кратких словах, остановиться на очерке ныне действующего «Положения о волостных съездах советов и волостных исполнительных комитетах» от 16 октября 1924 года, регулирующего административно-хозяйственную жизнь волости. Это надо сделать

потому, что упомянутое «Положение»—своего рода сельская конституция.

В силу действующего «Положения» основной задачей волисполкома является руководство, направление и объединение всех находящихся в пределах волости советских органов и учреждений. В отношении тех органов и учреждений, которые имеют общеуездное или более широкое значение (напр., какие-либо значительные опытные станции, лечебницы для душевно-больных, обслуживающие уезд или даже несколько уездов и пр.), права виков ограничиваются заслушиванием и обсуждением отчетов об их деятельности, с представлением своих заключений по этим отчетам в уездный исполнительный комитет.

Как видим, круг только что отмеченных основных задач, перед разрешением которых поставлена советская волость, чрезвычайно обширен. Выявление со стороны местного населения активности и инициативы по линии волостного советского строительства должно, в течение сравнительно короткого периода времени, привести к огромным результатам в деле переустройства всего содержания жизни наших волостных ячеек. Подчеркнем попутно пару таких штришков, которые определенным образом характеризуют объем прав нынешней волости: она, на своих волостных съездах, имеет право обсуждать любой из всех государственных вопросов и ей же (волисполкому) подчинены в ее пределах и милиция и уголовный розыск. Само собою разумеется, что старая, дореволюционная волость не смела даже мечтать о чем-либо подобном. Обсуждать вопросы государственной важности, распоряжаться полицией—можно ли было раньше об этом думать?!..

Мы набросали некоторые общие контуры, дающие нам известное представление о том, как управлялась раньше и как теперь управляется волость со своими делами. Но желательно, хотя бы всего лишь на нескольких осязаемых фактах, познакомиться с положением изучаемого вопроса в пределах Горицкой волости.

Любопытно знать, кто же по своему социальному положению

и политическим симпатиям руководил нашей волостью в течение всех этих лет?

Подробный ответ (погодные цифры) дает нижеследующая таблица по составу членов вика:

Дата.	Сколько членов исполкома:				
	Из коренных крестьян-домохозяев.	Из числа других лиц.	Всего[1].	Из них: Членов ВКП(б).	Из них: Беспартийных.
1918	4	4	8	3	5
1919	2	9	11	8	3
1920	2	4	6	4	2
1921	2	3	5	2	3
1922	1	2	3	1	2
1923	1	2	3	1	2
1924	—	3	3	2	1
1925	3	2	5	2	3
1926	3	2	5	1	4
Итого	18	31	49	24	25
% к общему числу	37%	63%	100%	49%	51%

Подведя итог за весь девятилетний период существования у нас волисполкомов, мы убеждаемся, что коренных крестьян, т.-е. таких, которые являются постоянными жителями волости и не только имеют, но и сами стоят во главе своих крестьянских хозяйств, таких крестьян в составе исполкома было только 37%, т.-е. немного больше $^1/_3$. Партийцев же, которых в волости по отношению к общему числу жителей за все эти

[1] Неравное число членов, приходящееся на каждый год, объясняется тем, что некоторые члены выбывают до перевыборов, а также и тем, что число членов в исполкоме не было одинаковым для каждого года.

годы было ничтожное количество, перебывало в вике 49% его состава, т.-е. почти ровно половина.

Почему коренных крестьян-домохозяев в среднем только 33%?

Если мы внимательно изучим нашу таблицу, то увидим, что в 1918 г. их было в вике 50%, затем процент значительно понижается, доходя до нуля для 1924 г., а с 1925 г. сразу поднимается до 60, на каковой высоте держится и в течение 1926 года.

Объяснение как низкого среднего процента, так и высокого процента для крайних дат нужно искать по трем направлениям. Во-первых, представители крестьянского беспартийного актива в 1918 г. («власть на местах») могли и с 1925 г. («Положение» от 16 октября 1924 г.) могут выявлять свою инициативу—и они шли и идут работать в волисполком; в срединные же годы, когда сильно развившаяся централизация привела к бюрократизации местных выборных служб, следствием чего явилось стеснение общественной инициативы избранников населения, и работа в вике приобрела чиновничий, казенный характер, мало кто из крестьян-домохозяев охотился итти работать в вик. Во-вторых, здесь играла роль оплата труда. В 1918 г. члены волисполкома получали еще «подходящее», как выражались крестьяне, жалованье, затем стали платить сущие гроши и лишь в начале 1925 года Союзный Совнарком определил для членов вика жалованье в несколько десятков рублей (от 54 р. до 29 р.—разное для каждого из пяти поясов), каковое содержание еще увеличивается надбавкою из местных средств (в 1926 г. предвик у нас в волости получал уже 90 руб. в месяц, а член вика—56 р.). Крестьянин-домохозяин, которого хозяйство кормило, не мог «задарма» бегать работать в вик, где он должен был ежедневно (и в страдную пору тоже) просиживать по нескольку часов: хозяйство его быстро сошло бы на-нет. А если платят за труд «подходяще», то является возможность принанять кого-нибудь вместо себя для выполнения работ по хозяйству [1]. И, наконец, третья причина, за-

[1] Конечно, встает вопрос: а как же при скверной оплате труда работали те члены вика, которые были в волисполкоме как раз в эти срединные годы? Мы видим по цифрам таблицы, что, например, в 1919 и 1920 г.

ставляющая крестьянина-домохозяина держаться в срединные годы несколько в стороне от работы в вике, это—выборный быт. На бумаге дело выходило гладко: все трудовое крестьянство имело право участвовать в выборах, приглашалось на выборы и как будто бы выбирало состав волисполкома. Но на самом деле никаких выборов не было—была лишь «видимость» выборов. В вик попадали те, кого хотела волостная комячейка, действовавшая или по своему разумению, или же по указке уезда. Какими способами проводились кандидаты ячейки—на этом не стоит останавливаться [1]. В конце-концов подавляющее большинство населения стало просто бойкотировать выборы. Говорили:

«Выбирать зовут, а выбирать не дают. Так нечего и ходить, сапоги рвать».

Процент населения, участвовавшего в перевыборах советов (сельсоветов и волсовета) в 1923—24 году, по отношению ко всему населению, имеющему избирательные права, был равен 15%.

Но лишь только все описанные условия стали изменяться в лучшую сторону, избирательная активность населения стала быстро расти, достигая:

в 1924—25 г.	23%
„ 1925—26 г.	62%

Остановимся хотя бы коротко на характере работы волисполкома. По этой линии отчетливые данные имеются лишь с 1924 года. Следовательно, мы и рассмотрим эту работу только за три последних года. Вот соответствующие цифровые данные:

составы виков обновлялись несколько раз в течение года — публика разбегалась. Ну, и кроме того, кое-кто из членов вика „жил на риск",— то „реквизнет" совсем не по закону, то как-нибудь „отхватит" в чем другом. Степенный же крестьянин-домохозяин никак не мог согласиться „жить на риск".

[1] Все, что говорится об условиях работы в вике, следует отнести также и к работе в иных выборных органах сельского управления.

Дата	Число заседаний.	Всего разреш. вопросов.	Распределение разреш. вопрос. по характеру.							
			Организац.	Администр.	Сел.-хоз.	Благоустр.	Лесное хоз.	Финансы.	Налоги.	Прочие.
В 1924 г.	36	181	29	4	30	—	—	—	46	72
„ 1925 г.	21	110	8	—	12	1	3	4	4	78
„ 1926 г.	27	523	17	287	8	13	28	27	6	137

Табличка показывает, что объем работы волисполкома, по количеству разрешаемых им вопросов, растет, при чем за 1926 г. свыше 50% всех разрешенных вопросов падает на администрирование. Это администрирование выражается почти исключительно в руководстве деятельностью сельсоветов, каковое руководство приобрело за последний год характер планомерной и серьёзной работы. Вопросы сельского хозяйства стали разрешаться главным образом в сельсоветах— этим и объясняется, что их так мало восходит на разрешение вика. Бо́льшая год от года определенность и четкость налогового законодательства сократила внимание волисполкома, уделяемое налоговым вопросам. Значительно выросло количество вопросов, связанных с общим благоустройством в волости, с ведением лесного хозяйства, где дело обстоит далеко не благополучно, и с финансами (с введением волбюджета).

В. И. Ленин часто говорил, что «создание хорошего государственного аппарата, изживание бюрократизма возможно при том условии, когда широкие рабочие и крестьянские массы будут вовлечены в эту работу» (речь идет о работе в области государственного строительства).

Выше приведенные цифры о росте активности избирателей, конечно, свидетельствуют об участии крестьянских масс в волостном советском строительстве. Но желательно, чтобы широкие слои не только принимали раз в год участие в перевыборах советов, но и были бы привлечены к регулярной, повседневной работе по советскому строительству. Сознавая

необходимость этого, созванное при Президиуме ЦИК Союза ССР в апреле 1925 года совещание по вопросам советского строительства постановило (и выработало соответствующее положение) образовать при волисполкомах ряд постоянных комиссий или секций, в состав которых и надлежит втягивать весь крестьянский и интеллигентский актив волости. Этих секций поименовано пять: 1) сельскохозяйственная, 2) культурно-просветительная, 3) финансово-налоговая, 4) местного хозяйства и благоустройства и 5) торгово-кооперативная.

В Горицкой волости только что названные секции были в 1926 г. организованы при вике и работали все, за исключением финансово-налоговой, которая работою себя не заявила. В четырех секциях (без финансово-налоговой) было 60 членов, из них 18 партийцев, 6 комсомольцев и 36 беспартийных. На 60 человек женщин было 8, а по роду занятий: крестьян 39 и служащих 21. Само собою разумеется, что 39 крестьян на всю волость—это немного, даже совсем мало. Но надо принять во внимание, что волостные секции—дело новое, работа в них не оплачивается и членство в них—не повинность, а добровольчество. При таких условиях 39 крестьян, работников волсекции, пожалуй, для начала и не так плохо. Что касается самой работы секций, то она имела большое значение для волости: члены секций, до мелочей знакомые с хозяйственными и бытовыми особенностями различных районов волости, сумели поставить перед волисполкомом ряд вопросов и предварительно их проработать. Не существуй секций—вик, возможно, прошел бы мимо этих вопросов.

Теперь от волисполкома перейдем к сельсоветам.

Сельсовет—это низовой орган советской власти в деревне.

Ныне действующее «Положение о сельских советах» утверждено (как и «Положение о волсъездах и волисполкомах») 16 октября 1924 г. Права и обязанности сельсовета и его вы-

[1] Любопытно отметить, что секции, фактически уже работающие, до сих пор существуют, пожалуй, нелегально — соответствующего декрета, узаконяющего их деятельность, не появлялось.

борных представителей подробно указаны в упомянутом «Положении» и в главном сводятся: 1) к обсуждению и разработке вопросов, касающихся жизни и сел. хозяйства деревни, и приведению в исполнение своих решений, 2) к проведению в жизнь и выполнению всех законных распоряжений соввласти и 3) к вовлечению трудового крестьянства в дело строительства местной жизни. Сельсовет подотчетен волисполкому. В ноябре 1926 г. очередная сессия ВЦИК'а дала сельсовету права юридического лица, чем до сих пор в волости обладал только волисполком.

В настоящее время, к началу 1927 года, в Горицкой волости шесть сельсоветов с 124 членами, в составе которых имеется 12 женщин. Из этих 124 человек партийцев—7, комсомольцев—9 и беспартийных—108. Главная масса, конечно, крестьяне; служащих и рабочих (батраки) только 9 человек.

Так как сельсоветы стоят ближе к массам, нежели волисполком, то одной из важнейших задач их является привлечение крестьянского актива к работе по советскому строительству. Это сельсоветы и проделывают, объединяя активистов в недрах своих секций или комиссий, одноименных с волостными секциями. В 1926 году при всех сельсоветах в секциях состояло 217 человек (из них 41 женщина). Если при вике налоговая секция не выявила себя работою, то налоговые секции при сельсоветах как раз работают наиболее интенсивно по сравнению с другими секциями. Эти секции входят в оценку доходности крестьянских хозяйств при составлении налоговых списков и они же предварительно прорабатывают большой по объему и подчас чрезвычайно запутанный материал, касающийся разного рода недоразумений по налоговой линии. Работа секций сельсоветов протекает в общем довольно оживленно. Секции сельсовета в недалеком будущем станут прекрасными школами для насаждения духа общественности и инициативы среди крестьянства.

Говоря об органах управления волостью, мы пока упомянули три таких органа: волсъезд, волисполком и сельсовет. Эти органы—органы советской власти в деревне, наделенные, на ряду с иными, и большими по объему административными правами.

Но отдельные крестьяне-домохозяева обычно владеют землею совместно с другими подобными же домохозяевами. Составляют ли крестьяне-землевладельцы какие-либо особые от сельсоветов объединения, а если составляют, то каковы внутри этих обществ взаимоотношения между отдельными домохозяевами, группами их и пр.?

Такие общества имеются, это—так называемые земельные общества.

По нашему Земельному Кодексу земельным обществом считается объединение землепользователей с целью распределения и перераспределения на различные сроки между отдельными дворами различных угодий; всякое объединение земледельцев, имеющих в общем пользовании полевые земли, считается за одно земельное общество. В большинстве случаев каждое из наших селений составляет одно земельное общество, но это бывает не всегда; в одном селении может быть и два и более земельных обществ; кроме того, сельскохозяйственные коммуны и артели считаются также за земельное общество, если в их состав входит не меньше 15 взрослых трудовых земледельцев; объединенная группа дворов, выделяющихся из прежнего общества, также может договориться между собой и составить новое земельное общество, выделившись из старого (ст. ст. 42 и 43 Земел. Кодекса). Каждое новое земельное общество считается существующим со дня регистрации в волисполкоме; и старые земельные общества также должны регистрироваться со всеми переменами, происходящими в составе общества (ст. 49 Земел. Кодекса и ст. 29 «Инструкции по государственной записи землепользования» от 27/VII 1923 г.).

Членами земельного общества считаются все лица мужского и женского пола, старые и малые, входящие в состав дворов, образующих общество; полноправными же членами общества, независимо от пола, считаются только достигшие 18 лет, а из недостигших 18 лет также полноправными считаются те, кто ведет самостоятельное хозяйство (ст. 47 Земел. Кодекса). Одно только проживание в пределах земельного общества не делает членами земельного общества даже в том случае, если такие граждане пользуются в обществе усадебной зе-

млей. Настоящим, полноправным членом земельного общества считается только тот, кто пользуется в обществе полевыми землями (ст. 43 Зем. Кодекса).

Всеми делами земельного общества ведают сход и выбранные им уполномоченные.

Имея чрезвычайно широкие права, охватывающие разрешение почти всех вопросов, могущих возникнуть в связи с землепользованием, земельные общества и их органы не имеют по закону средств, чтобы самостоятельно проводить в жизнь свои постановления. Всякое, хотя бы и единогласно принятое сходом (органом земельного общества), решение может быть безнаказанно нарушено любым его членом, и сход не имеет средств принудить такого члена к исполнению тех или иных обязанностей.

В жизни описанное выше положение —бессилие сходов при проведении в жизнь своих постановлений—приводит к очень печальным последствиям, главным образом тормозится переход земельных обществ к лучшим формам землепользования (многополье, охрана лугов, лесов и пр.). А это в свою очередь, приводит к тому, что более активные члены земельных обществ выходят из их состава на хутора и отруба, т.-е. обособляются от земельного общества. Таким образом земельные общества обескровливаются и распадаются.

Здесь необходимы меры законодательного характера.

Низовые органы советской власти на местах—сельсовет и вик—должны утверждать постановления органов земельных обществ и утвержденные ими постановления проводить в жизнь в качестве своих обязательных постановлений. Только таким путем будет получена гарантия выполнения всеми постановлений земельных обществ, надлежащими органами (сельсоветами и виками) утвержденных. А раз постановления зем. обществ будут обязательны для всех членов, то процесс распада земельных обществ будет в значительной мере сокращен.

В заключение скажем, что совершенно необходимо внести определенную четкость во взаимоотношения между сельсоветами и земельными обществами.

По этой линии происходит немалая путаница.

Дело в том, что сельсоветы часто решают вопросы, подлежащие исключительно компетенции земельных обществ, и, наоборот, земельные общества (правда, реже) вмешиваются в права сельсоветов.

Необходимо законодательное разграничение прав и обязанностей между двумя низовыми деревенскими органами— органом власти (сельсоветом) и органом объединенных землепользователей (сходом земельного общества).

УКРУПНЕНИЕ ВОЛОСТИ.

Если мы пожелаем познакомиться с некоторыми средними показателями по Тверской губернии, относящимися к волости и сельсовету и приуроченными к довоенному и нынешнему времени, то получим такую небольшую табличку:

Дата.	В среднем на: одну волость:				один сельсовет:		
	Сельсоветов.	Селений	Домохозяев	Населения.	Селений.	Домохозяев.	Населения.
1913 г.	17	41	1.405	7.278	2	74	417
1926 г.	8½	137	4.291	21.698	16	506	2.557

Мы видим, что по губернии и волость и сельсовет [1] значительно укрупнились. Этот процесс укрупнения имел место во всем Союзе ССР и вызывался главным образом соображениями экономического и культурного характера. Если до революции волость существовала, как мы уже говорили, не для удобства самих крестьян, а исключительно для удобства управления ими, то революция поставила перед волостью иные задачи. Основная клеточка всего советского строительства—волость—в новых условиях своего бытия должна была стать такой ячейкой, так перестроиться, чтобы смочь вполне обслужить население по линии удовлетворения

[1] Название „сельсовет", с определенными правами и обязанностями, приданными законом этому низовому органу советской власти, появилось впервые в 1918 году. До революции волость распадалась на сельские общества.

его элементарных потребностей как в области хозяйственного, так и в области культурного быта. Это обслуживание могло быть произведено более или менее сносно лишь в том случае, если волость располагала достаточными финансами для осуществления тех или иных необходимых мероприятий. Для создания доходных сумм надо было укрупнить волость. Само собою разумеется, что укрупнение не производилось механически, путем простого слияния в одно целое двух или трех соседних волостей. При определении границ укрупненной волости обязательно обращалось внимание на ряд моментов: 1) новая волость должна быть по возможности единым хозяйственным районом, имеющим экономическое тяготение именно к волостному центру укрупненной волости, 2) не представлять неудобств в области административного управления и пр.

Приведенные общие соображения, конечно, были руководящими и при укрупнении Горицкой волости.

Ее укрупнение было произведено в два приема: в 1922 г. и в 1924 г. Присоединенные районы особо указаны на картограмме, приложенной к книге.

Вот цифры, характеризующие изменения в количестве селений, хозяйств и населения в волости в связи с ее укрупнением:

Дата	Селений.	Хозяйств.	Населения.
До укрупнения .	80	1.961	9.452
В 1922 г.	87	2.222	10.858
„ 1924 г.	106	2.513	12.356

Мы видим, что Горицкая волость и по числу селений, и хозяйств, и населения отстает от соответствующих средних норм по губернии.

Что касается размеров укрупнения площади волости, то в общем за два приема она увеличилась на 14,4% против своих прежних размеров или на 6.127 десятин. В настоящее время площадь волости—48.577 дес. против 42.449 дес. в

прошлом. По своим хозяйственным условиям присоединенные районы почти ничем не отличаются от соответствующих условий, характерных для доукрупненной волости. Для подтверждения только что сказанного сошлемся хотя бы на такие показатели:

На 100 дес. пашни	в доукрупнен. вол.	в присоедин. районах:
лошадей голов . . .	25,8	24,3
коров „ . . .	48,9	46,2
едоков душ . . .	168	164

С точки зрения экономического районирования процесс укрупнения Горицкой волости нельзя считать законченным. Современная Горицкая волость может быть в будущем укрупнена за счет некоторых районов Калининской и Стоянцевской волостей Кимрского уезда, а равно и за счет волостей Бежецкого и Тверского уездов, граничащих с Горицкой волостью.

Посмотрим, как обстоит дело с сельсоветами, тоже укрупненными.

В 1913 году у нас в неукрупненной волости было 13 сельских обществ, а теперь—16. Вот средние показатели:

Дата.	На один сельсовет:		
	Селений.	Хозяйств.	Населения.
В 1913 г.	5	85	478
„ 1926 г.	18	419	2.059

Если Горицкой волости надо пожелать еще большего укрупнения ради создания целостного экономического района и укрупнения ее финансовой мощи, то в отношении сельсоветов следует пожелать обратного—их разукрупнения. Мои наблюдения показывают (и крестьянство волости эти наблюдения подтверждает), что хотя средние показатели для горицких сельсоветов почти совпадают с соответствующими показателями для сельсоветов по губернии, но все же существующие у нас сельсоветы слишком крупны. При

наличии больших селений—в 150, 200, 250 и более дворов—сельсовет с успехом может объединять 500 и даже более хозяйств. Но селения нашей волости (да и Тверской губернии) имеют около 20—25 дворов каждое, и если мы возьмем 18 селений на один сельсовет, то будем иметь довольно большой по площади округ. А в результате получается, что товарищи, стоящие во главе сельсовета, лишены возможности часто заглядывать в каждое отдельное селение и связь их с крестьянской массой уже не может быть такой тесной и крепкой, как это было бы необходимо для плодотворного руководства делом советского строительства в районе сельсовета. Да и для каждого отдельного крестьянина неудобно брести к предсельсовета подчас за несколько верст, если ему надо то почтовую повестку засвидетельствовать, то какую-нибудь письменную справку получить и пр. Думается, что для Горицкой волости, да, пожалуй, и для всей Тверской губернии надо бы, по крайней мере, удвоить число сельсоветов, понизив таким образом количество включенных в их состав селений.

ВОЛОСТНОЙ БЮДЖЕТ.

12 ноября 1923 года был принят ВЦИК'ом закон «О введении в действие волостного бюджета», которым предписывалось к 1/I 1924 г. повсеместно, где имеются волости или территориальные единицы, соответствующие волостям, ввести волостной бюджет на основании только что тогда распубликованного Временного Положения о местных финансах.

Волостной бюджет [1]—это план ведения волостного хозяйства. В волбюджете, составляемом обычно на год, по возможности точно учитываются все доходы, которые предполагаются к получению волостью в течение предстоящего года, и все расходы, которые за этот же период времени должны быть по волости произведены.

Почему важен правильно построенный волостной бюджет—об этом, мне кажется, долго говорить нечего. Волость у нас в известной степени и была, а теперь, с расширением прав волостных учреждений [2], еще в бо́льшей мере стала самостоятельной хозяйственно-общественно-культурной клеточкой громадного государственного организма—всего Союза ССР. И чтобы эта клеточка жила нормальной жизнью, т.-е. воз-

[1] Родиной бюджета должна почитаться Англия, откуда заимствовано и самое слово „бюджет". Слово это производят от старо-нормандского слова „bougette", означавшего кожаную сумку (портфель), в которой вносились в парламент документы, касающиеся росписи доходов и расходов государства. Если вначале к составлению бюджетов приступило государство, то после него, по мере развития хозяйственной и общественно-культурной жизни на местах, и отдельные части государства (губернии, округа, районы, уезды, волости) вынуждены были тоже планировать свои доходы и расходы, т.-е. приступить к построению своих собственных местных бюджетов.

[2] Об этом смотри в главе об управлении волостью.

можно полнее обеспечивала все потребности своего населения, совершенно необходимо, чтобы волость имела свой собственный кошелек, куда притекали бы средства и откуда они выкачивались бы по заранее обдуманному плану. Ведь даже каждый разумный человек, в своем маленьком личном хозяйстве,—пусть не на бумаге, а только в голове,—сопоставляет на тот или иной срок свои возможные доходы и расходы, чтобы избежать финансовых затруднений, своевременно подумать об изыскании дополнительных средств и пр. Ясно, что такое объединение, как волость, с ее тысячами жителей, должно перед началом очередного нового хозяйственного года строго взвесить и внимательно изучить источники всех своих отдельных доходов и статьи всех своих намечаемых расходов.

Но если это так ясно, то вследствие каких же причин собственный кошелек, а с ним вместе и самостоятельное право им распоряжаться, дается волости только в самом конце 1923 года, т.-е. на восьмом году революции?

Объяснение этому факту надо искать, конечно, в условиях общего характера.

Вспомним, что первые годы существования советской власти были годами ожесточенной гражданской войны, когда все внимание было обращено на линии фронтов, все силы и средства были брошены на обслуживание этих фронтов. Затем первоначальная эпоха нашей революции была эпохою натурального товарообмена, когда главным доходным источником являлась продовольственная разверстка и когда отсутствовали даже реальные единицы для учета государственного хозяйства. Поэтому (т.-е. главным образом поэтому) хотя основные положения бюджетного права были высказаны у нас еще в конституции РСФСР (ст.ст. 79—88), изданной в 1918 году, но жизненного значения они не имели. И лишь после ликвидации гражданской войны и с переходом к новой экономической политике, т.-е. когда советская власть, с одной стороны, получила возможность заняться вплотную государственным строительством, а с другой стороны, наше хозяйство стало переходить на денежные рельсы, появилось у нас, на основании декрета от 22 августа 1921 года, отде-

ление государственного бюджета от местного. Местным органам (губернским, уездным и городским) были предоставлены определенные доходные источники, из которых они черпали средства на покрытие ряда своих расходов.

Однако провозглашение в 1921 году начал нэпа не привело, конечно, к мгновенному уничтожению тяжелого последствия империалистической и гражданской войн—нашей хозяйственной разрухи. Она, как мы знаем, изживалась в течение нескольких лет. И эта хозяйственная разруха, прекрасно характеризуемая падающей денежной валютой, понятно мешала быстрому распространению и укреплению местных бюджетов. Кроме того, отсутствие надлежащего опыта в области самостоятельного и планомерного хозяйничания даже в уездах приводило к тому, что губернские органы в значительной мере вмешивались в хозяйничание своих уездов. О волостном бюджете рано было и помышлять.

И лишь с укреплением червонца, т.-е. как раз к началу 1924 года, и вместе с тем с накоплением на местах хозяйственного опыта 12 ноября 1923 г. издается Временное Положение о местных финансах, значительно расширяющее бюджетную самостоятельность и права уездов и городов. В тот же день, как было упомянуто в начале главы, принимается ВЦИК'ом и закон о введении с 1/I 1924 г. волостного бюджета.

24 октября 1924 года Временное Положение было пересмотрено с учетом хозяйственного развития страны за истекший год и по новому Положению о местных финансах волостному бюджету придается уже бо́льшее значение, чем было придано в прежнем Положении. Минуло два года. Наш хозяйственный и культурный рост вызвал необходимость опять нового пересмотра действовавшего Положения о местных финансах. В значительной части дополненное—главным образом по линии предоставления волости еще бо́льших бюджетных прав, нежели раньше, и уничтожения причин, создававших в свое время дефицитность волбюджетов [1],—

[1] Укажу на одну из причин дефицитности: часто на волостной бюджет передавались те или иные дополнительные расходы, не уравновешиваясь соответствующей передачей доходных источников. Ныне действующим Положением это явление устранено.

оно было принято ВЦИК'ом 16 августа 1926 года и утверждено очередной сессией ВЦИК'а в ноябре 1926 года.

Излагать здесь Положение от 16 августа 1926 г., хотя бы и в коротких словах и лишь в части, касающейся непосредственно волостного бюджета, не представляется возможным, так как Положение это все же довольно объемисто, занимает 50 печатных страниц большого формата. Интересующиеся могут обратиться непосредственно к нему, а также и к ранее изданным, мною упоминавшимся, актам, по которым можно подробно проследить всю историю развития советского законодательства по волбюджету. Здесь же отмечу только, что по новому Положению основной центр тяжести хозяйственного и финансового управления переносится в деревне на волостной бюджет, а бюджеты вышестоящих территориальных объединений (уездный, губернский, областной) имеют характер бюджетов регулирующих.

Теперь перейдем непосредственно к бюджетам Горицкой волости.

Само собою разумеется, что, анализируя горицкие волбюджеты, мы привлекли к изучению не только бюджетные материалы в узком смысле этого слова (сметы доходов и расходов по волости, отчеты о фактическом выполнении сметных предположений и пр.), но и значительную массу иных материалов, обрисовывающих Горицкую волость не только с хозяйственной, но и с общественно-культурной стороны, рассмотренных нами в других главах работы. Поступить иначе, конечно, было невозможно: чтобы понять волбюджет и подойти к нему с критической оценкой, надо иметь отчетливое представление о том, что из себя представляет данная волость вообще в различных разрезах ее бытия.

В наших руках имеются бюджетные материалы по волости как раз за все четыре года, т.-е. начиная с первого года введения волбюджетов—с 1923—24 г. Но материалы эти по качеству своему не равноценны. Так, если мы возьмем 1923—24 г., то убедимся, что бюджетная работа вика носила тогда организационный характер, а исполнение бюджета шло почти стихийно, без должного соблюдения правил бюджетной дисциплины и к тому же в совзнаках (хотя сам бюджет

и исчислялся в золотых рублях). Отчета по исполнению бюджета за 1923—24 г. совсем не имеется. Ставить в вину вику отсутствие отчета не приходится: при наличии расчетов в дензнаках и организационной установки самого бюджета никакого реального отчета по существу и быть не могло. Поэтому в отношении бюджета 1923—24 г. приходится ограничиваться лишь несколькими краткими словами, начав сравнительный анализ уже с волбюджета за 1924—25 г.

Итак, начнем с 1923—24 года.

Собственно говоря, волбюджета в 1923—24 г. не существовало, так как среди доходов имелись всего две статьи: по коммунальным предприятиям и по коммунальным имуществам. По расходам же имеются три подразделения: расходы по административной группе, по волземкомиссии и по заготовке дров для разных учреждений. Это показывает, что волостное хозяйство еще не получило тогда отражения в бюджете. Значительная часть и доходов и расходов волости проходила по уездному бюджету.

В 1923—24 г. волость только начинала учиться ходить по бюджетной дорожке, и сразу обрушить на волость всю ответственность за ведение ее хозяйства в целом было бы, принимая во внимание общие условия, по меньшей мере неблагоразумно и привело бы, пожалуй, к краху всего волостного хозяйства.

Нижеследующая таблица показывает объем бюджетов Горицкой волости за 4 года [1]:

1923—24 г.		1924—25 г.		1925—26 г.		1926—27 г.	
Дох.	Расх.	Дох.	Расх.	Дох.	Расх.	Дох.	Расх.
3.688	5.806	14.887	13.588	47.605	49,395	59.605	57.934

[1] Везде, где речь будет итти о бюджете на 1926—27 г., надо иметь в виду, что все цифры по данному году лишь намечены к выполнению.

Отчет по выполнению бюджета за 1926—27 г. может быть дан лишь по окончании бюджетного года.

Рост бюджетов каждого года в процентах по сравнению с предыдущим нижеследующий:

1923—24 г.		1924—25 г.		1925—26 г.		1926—27 г.	
Дох.	Расх.	Дох.	Расх.	Дох.	Расх.	Дох.	Расх.
—	—	305	134,1	219	263	25,2	17,3

Рост бюджета 1926—27 г. по сравнению с 1923—24 г. равен по доходу 1.529% и по расходу—809%.

Рост бюджета 1926—27 г. по сравнению с 1924—25 г. равен по доходам 300% и по расходам—326%.

Из этого сравнения можно установить, что за 3 последние года бюджет возрос в три раза.

Любопытно параллельно отметить рост волостного бюджета по РСФСР за тот же четырехлетний период (даем общие суммы бюджетов в миллионах рублей без подразделения на доходные и расходные части):

1923—24 г.	1924—25 г.	1925—26 г.	1926—27 г.
58 млн. руб.	136,5 млн. р.	285 млн. р.	370 млн. р.

Рост бюджетов каждого года в процентах по сравнению с предыдущим:

1923—24 г.	1924—25 г.	1925—26 г.	1926—27 г.
—	116	109	30

Мы видим, что горицкий волбюджет за 1924—25 г. и 1925—1926 г. рос гораздо интенсивнее (по сравнению с каждым предыдущим годом, конечно) общереспубликанского волбюджета и поэтому в 1926—27 году он (горицкий волбюджет) несколько утратил в темпе своего роста.

Переходя к сравнительному изучению бюджетов за три последних года, рассмотрим, по каким разделам наблюдается наибольший рост доходов и расходов.

Начнем с доходной части.

В 1925—26 г., по сравнению с 1924—25 годом, наибольший удельный вес получили надбавки к госналогам—35,9%, отчисления от госналогов—23,2% и местные налоги и сборы—11,6%. Рост этих доходов равен в надбавках к госналогам 368,2%, в отчислениях от госналогов—163,3% и в местных налогах—808%.

Высокий % роста по доходам от сельского хозяйства—300% и по разным поступлениям 161,3%, в виду незначительного удельного веса этих доходов, не имеет особого значения. В то же время по доходам от коммунальных имуществ наблюдается снижение удельного веса их при крайне незначительном росте абсолютной величины этих доходов.

Таким образом можно заключить, что в 1925—26 г. рост доходной части бюджета шел по линии налоговых доходов и притом преимущественно по надбавкам к госналогам.

В 1926—27 году, при той же общей линии роста, мы видим, что наибольший удельный вес доходов падает на отчисление от госналогов—31,1% при росте в 68,8%; надбавки к госналогам продолжают занимать крупный удельный вес 24%, но роста их уже не наблюдается, наоборот, налицо понижение абсолютной величины на 15,8%, что объясняется изменением в диференциации доходов. Местные налоги и сборы повышаются в удельном весе до 18,4% при росте в 97%. Доходы по сел. хоз., при понижении удельного веса, дают прирост всего на 5% [1].

Доходы по коммунальным имуществам дали крупный прирост на 100% и удельный вес их повысился с 6 до 9,6% [2].

Рост доходов по коммунальному имуществу вызван: а) по-

[1] Доходами от сел. хоз. за все бюджетные годы являлись: а) арендная плата от эксплоатации рыбных ловель в Петровских озерах и б) арендная плата за покосную площадь в лесах госфонда.

[2] По доходам от коммунального имущества и оброчных статей источниками являются сдача в аренду жилых и торгово-складочных помещений в муниципализированных домах и эксплоатация базарной площади.

вышением арендной платы в связи с возросшим спросом на помещения со стороны кооперативных организаций, чему послужило развитие торгово-промысловой деятельности кооперации; б) более хозяйственным использованием всего коммунального имущества, точным учетом его; в) развитием базарной торговли—увеличением доходов от площади.

Таким образом в 1926—27 году, при сохранении преимущественного значения за налоговыми доходами (надбавки и отчисления), мы имеем крупное повышение по местным налоговым источникам и некоторое повышение доходов по коммунальному хозяйству.

Нижеследующие таблицы рисуют удельный вес доходов за 4 года по характеру источников:

Ставки арендной площади по годам нижеследующие:

а) За 1923—24 г. сдача в аренду производилась без установления ставок — по договоренности; к тому же часть помещений пустовала за отсутствием арендаторов.

б) В 1924 — 25 г. были установлены твердые ставки:

для торговых помещений	. . .	1 р. 50 к. кв. саж.
„ складочных „	. . .	— „ 40 „ „ „
„ жилых „	. . .	— „ 10 „ „ „
в) В 1925—26 г. для торгов. „	. . .	2 „ 55 „ „ „
„ склад. „	. . .	— „ 68 „ „ „

Для жилых помещений—пропорционально получаемой зарплаты служащих (на основе постановления уика о квартирной плате).

г) Цены мест под торговлю на базарной площади в течение 1923—24 г. и 1924 — 25 г.: площадь сдавалась в аренду одному лицу по договору за 100 — 150 руб., арендатор же производил сбор за места под торговлю согласно таксы, установленной виком, в зависимости от вида торговли.

В 1925 — 26 г. установлены твердые ставки: для базарных палаток — 30 руб. в год и для постоянных палаток — 60 руб. в год и для временной базарной торговли разовой сбор от 50 коп. до 3 руб. в зависимости от вида торговли.

д) На 1926 — 27 г. для торговых помещений	—	4 р. 50 коп.
„ складочных „	—	— „ 85 „

Для жилых помещений также согласно ставок, установленных уиком. Места под торговлю на базаре:

постоянные палатки		100 руб. в год
временные „		50 „ „ „

и базарная торговля — разовый сбор от 25 к. до 1 руб.

Доходы.	1923 — 24 г. %	1924 — 25 г. %	1925 — 26 г. %	1926 — 27 г. %
От источников:				
Местных	100	57,4	55,5	59,3
Государственных . .	—	36,5	43,3	36,8
Прочих	—	6,1	1,2	3,9
Налоговых	—	65,1	70,9	73,7
Неналоговых	100	28,8	20,8	17,5
Прочих	—	6,1	8,3	8,8

Примечание. К доходам от госисточников отнесены: а) отчисления от госдоходов; б) отчисления от госналогов; в) пособия из госсредств.

К доходам от прочих источников отнесены: а) остатки; б) недоимки; в) пособия из фондов регулирования.

Остальные доходы отнесены к источникам местным.

В 1926—27 г. роль доходов от местных источников повысилась, но произошло это за счет налоговых доходов, при снижении удельного веса доходов от источников неналоговых.

Таким образом базой бюджета Горицкой волости являются налоговые доходы с постепенно возрастающим значением удельного веса их.

Неналоговые доходы крупного значения не имеют, их удельный вес постепенно снижается, при чем среди неналоговых доходов 1925—26 года главное место занимали отчисления от госдоходов (лесной доход) и разные поступления (штрафы), и лишь в 1926—27 г. несколько увеличились доходы по коммунальным имуществам и оброчным статьям.

Далее, для более полного выявления финансового состояния Горицкой волости надлежит сравнить указанные выше данные со средними данными по своду волостных бюджетов Кимрского уезда и Тверской губернии в целом.

Это и сделано в нижеследующей таблице, где приведены данные за 1925—26 г.:

Доходы.	По Тверской г. волостн. бюдж. %	По Кимрскому уезду волостн. бюдж. %	Горицкая волость %
От источников:			
Местных	31,5	58,5	55,5
Государственных . . .	60,1	30,8	43,3
Прочих	8,4	10,7	1,2
Налоговых	53,4	63,2	70,9
Неналоговых	27,2	18,6	20,8
Прочих	19,4	18,2	8,3

Данные эти показывают, что наибольший удельный вес доходов от налоговых источников, по сравнению со средними величинами по сводам губернскому и уездному, наблюдается в Горицкой волости, где, в соответствии с этим, низкий удельный вес неналоговых доходов. В то же время удельный вес прочих доходов, где учитываются пособия от госсредств, наиболее низок в Горицкой волости, что показывает меньший отпуск этой волости госвоспособлений (по Горицкой волости удел. вес госвоспособлений—1,7%, а по волостному своду Кимрского уезда—7,5%).

Но взамен этих воспособлений волости даются крупные суммы по отчислениям от госналогов, в результате чего удельный весь доходов от госисточников в Горицкой волости выше, чем по своду волбюджетов Кимрского уезда.

Теперь перейдем к расходной части волбюджетов.

В 1925—26 году наибольший удельный вес получили расходы по народному образованию—39,4% против 28,7% 1924—25 г., по здравоохранению—20,4% против 14,6% и сельскому хозяйству—9,2% против 3,5%, в связи с чем расходы по этим отраслям хозяйства получили наибольший прирост, а именно: по народному образованию на 402,9%, по здравоохранению на 407,8% и по сельскому хозяйству

на 863,1%. Крупный прирост расходов наблюдается и по содержанию дорог и дорожных сооружений и военному ведомству (161% и 180%), при чем удельный вес этих расходов не только не увеличился, но даже сократился в связи с общим ростом бюджета.

Необходимо отметить, что общеадминистративные расходы при росте их в 92,2% снизили по сравнению с 1924—1925 г. свой удельный вес наполовину (21,8% против 41,2% 1924—25 г.).

В 1926—27 году эти последние расходы продолжают дальнейшее снижение своего удельного веса (21,2%) при незначительном росте абсолютной величины в 14,2%. Удельный вес расходов по народному образованию также снизился до 38,2% и по здравоохранению—до 19,5% при незначительном росте абсолютных величин.

Наибольший прирост расходов наблюдается по сельскому хозяйству—133,2%, коммунальному хозяйству—212,1% и путям сообщения—114,5%, в связи с чем увеличивается и удельный вес всех этих доходов.

Если объединить все отрасли хозяйства, отнеся к первой адмрасходы, охрану общественного порядка и юстицию, ко второй—культурно-социальные, народное образование, здравоохранение и социальное обеспечение, к прочим—отчисление в фонды регулирования, чрезвычайные расходы и задолженность, а к 3-й группе—хозяйственно-производительной—отнести все остальные, то получим следующую картину:

Группы расходов.	1923 — 24 г. %	1924 — 25 г. %	1925 — 26 г. %	1926 — 27 г. %
1. Административно-судебные . . .	55,6	41,2	20,7	20,7
2. Культурно-социальные . .	38,7	43,5	67,6	57,7
3. Хозяйственно-производственные .	5,7	10,1	9,6	17,4
4. Прочие	—	5,2	2,1	4,2

Из этой таблицы можно усмотреть постепенное снижение удельного веса административно-судебных расходов при резком росте для 1926—27 г. расходов хозяйственно-производственных и некотором снижении культурно-социальных расходов в 1926—27 г., после значительного повышения за предшествующие годы.

Для сравнения сопоставим указанные выше данные за 1925—26 год с данными по своду волбюджетов Кимрского уезда и Тверской губернии в целом.

Группы расходов.	По волбюджету Тверской губернии. %	По волбюджетам Кимрского уезда. %	По Горицкой волости. %
Админ.-судебные	22,4	22,1	20,7
Культ.-социальные	66,0	66,9	67,7
Хоз.-производственные	10,8	9,5	9,6
Прочие	0,8	1,5	2,1

Таблица эта показывает, что удельный вес административных расходов по Горицкой волости ниже, чем в среднем по своду губернскому и уездному, но в то же время расходы культурно-социальные и хозяйственно-производственные находятся, примерно, на одном уровне.

Для суждения о том, в какой степени удовлетворяются потребности населения, надо установить внутреннее соотношение расходов—это усматривается из нижеследующей таблицы:

Расходы.	1923 — 24 г. %	1924 — 25 г. %	1925 — 26 г. %	1926 — 27 г. %
Зарплата	38,5	46,0	66,5	61,6
Строительство и ремонт	—	0,5	5,8	8,4
Прочие	62,5	53,5	27,7	30,0

Налицо снижение удельного веса зарплаты и рост расходов по ремонту и строительству.

Если сопоставить удельный вес зарплаты по Горицкой волости с удельным весом по своду бюджетов Кимрского уезда и по бюджету Тверской губернии в целом за 1925—1926 год, то мы получим:

Расходы.	Удельный вес.		
	По бюджету Горицкой вол. %	По своду бюдж. Кимрского уезда. %	По бюджету Тверской г. в целом. %
Зарплата	65,5	68,5	48,6
Прочие	33,5	31,5	51.4

Таким образом удельный вес зарплаты по Горицкой волости ниже удельного веса ее по своду волбюджетов Кимрского уезда. (Надлежит отметить, что удельный вес зарплаты по волбюджетам на много выше, чем по бюджету в целом.)

Почти полная стабилизация фонда зарплаты в 1926—1927 году, по сравнению с фондом 1925—26 года, дает основание заключить, что Горицкий вик правильно учел основные директивы по построению бюджета 1926—27 г.

Посмотрим теперь, как удовлетворялись потребности населения Горицкой волости.

При 12.312 чел. населения детей школьного возраста, исходя из среднего по РСФСР процента (9%), предполагается 1.100 чел. Отсюда процент обучаемости (учащихся 829 чел.) равен 75% при среднем по Кимрскому уезду 63,2% и по губернии—67%. На одного учителя приходится 35 учащихся, что ниже среднего по губернии, равного 39.

В волости имеется агропункт и ветпункт, а также больница, что является крупным достижением.

На один агропункт приходится 2.513 хозяйств при среднем губернском числе 4.045 хозяйств.

Стоимость учащегося в школах первой ступени рисуется в следующем виде:

Горицкая волость.		По волбюдж. Кимрского уезда.	По волбюдж. Тверской губернии.	По ЦП району.	По РСФСР.
1925—26 г.	1926—27 г.	1925—26 г.	1925—26 г.	1925—26 г.	1925—26 г.
20 р. 50 к.	24 р. 05 к.	23 р. 10 к.	19 руб.	18 р. 75 к.	15 р. 71 к.

В сумме расходов по школам первой ступени процент зарплаты следующий:

Горицкая волость.		По волбюдж. Кимрского уезда.	По волбюдж. Тверской губернии.
1925—26 г.	1926—27 г.	1925—26 г.	1925—26 г.
82,0	80,6	74,0	79,0

Первая таблица показывает, что стоимость учащегося первой ступени в Горицкой волости превышает соответствующую среднюю цифру, начиная от уезда и кончая РСФСР в целом, но в то же время процент зарплаты слишком высок, что находит объяснение в незначительной нагрузке учителя.

Стоимость ветпункта по Горицкой волости в 1925/26 году—2.333 руб. (зарплата 72%) при средней стоимости по Кимрскому уезду 1.896 руб., по Тверской губернии—2.500 руб., по Центрально-Промышленному району—2.212 руб. и по РСФСР в целом—2.237 руб.

В 1926/27 году стоимость ветпункта повышается до 3.853 руб., а процент зарплаты понижается до 50%, что дает основание заключить о лучшем снабжении ветпункта. Таким образом и в этой отрасли хозяйства мы имеем высокую стоимость содержания.

Стоимость агропункта в 1925/26 году по Горицкой волости—1.514 руб. (зарплата 64%) при средней стоимости по Кимрскому уезду 1.513 руб., а по Тверской губернии 1.284 руб., по Центрально-Промышленному району—1.722 рубля и по РСФСР—1.975 рублей.

В 1926/27 году стоимость агропункта повышается до 1.724 руб., а процент зарплаты снижается до 52,5%.

Процентное соотношение расходов по содержанию больницы (на 20 коек) по бюджету 1926/27 года, где на зарплату расходуется 38%, показывает, что распределение расходов по их назначению в текущем году удовлетворительное; действительно, процент расходов на продовольствие равен 19% и на приобретение медикаментов—22%.

В 1925/26 году положение было значительно хуже: так, процент зарплаты равнялся 51,2%, питания—24%, а на медикаменты не было предусмотрено никаких ассигнований.

В среднем по волостным бюджетам Тверской губернии на зарплату по лечебницам расходовалось в 1925—26 г. 45,6%, на продовольствие—13,8% и медикаменты—14,8%.

Удельный вес административных расходов по волости (для 1925/26 года—21,8% и для 1926/27 года—21,2%) не вызывает каких-либо серьезных замечаний, но нельзя не отметить, что стоимость содержания волисполкома, исчисленная по бюджету 1925/26 года в 7.969 руб., несколько высока, принимая во внимание численность населения волости и существовавший штат вика.

Высокая стоимость содержания волисполкома объясняется принятыми по бюджету ставками зарплаты. Так, при декретированной ставке зарплаты для членов вика в 38 рублей по бюджету предусмотрено 55 руб. 44 коп., для секретаря волисполкома—38 руб., предусмотрено 40 руб., для делопроизводителя 35 руб., предусмотрено 45 руб. 50 коп.

При высокой стоимости содержания вика содержание сельсоветов в 470 руб. должно быть признано также высоким, принимая во внимание штатный состав в 1 человека на каждый из шести сельсоветов.

Приведенные выше данные позволяют заключить, что в целом степень удовлетворения потребностей населения

Горицкой волости должна быть признана вполне удовлетворительной. Высота стоимости содержания учреждений волости позволяет вику, при правильном ведении хозяйства, улучшить снабжение.

Нижеприводимая таблица показывает размер расходов, падающих на одну душу населения по волбюджетам:

1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	По волбюджету Кимр. уезда.	По волбюджету Тверской губ.	Среднее по РСФСР.
47 к.	1 р. 10 к.	4 р. 02 к.	4 р. 66 к.	3 р. 50 к.	2 р. 65 к.	4 р. 60 к.

Таким образом можно констатировать, что удовлетворение потребностей населения Горицкой волости за 1925/26 г. выше среднего по волостям Кимрского уезда и почти в два раза превышает среднее по волбюджетам губернии, приближаясь к среднему по РСФСР (по уезду, губернии и РСФСР материал в последней табличке дается за 1925/26 г.).

В действительности душевое удовлетворение потребностей по Горицкой волости еще выше, если принять во внимание случаи добровольных самообложений на дело пожарной охраны и народное образование, каковые случаи имели место в волости.

Теперь остановимся на вопросе выполнения бюджетов.

При окончательном установлении твердости червонца (последние падающие дензнаки были ликвидированы в марте 1924 года), т.-е. начиная с бюджетного 1924/25 года, вик получил возможность вести правильную отчетность по выполнению своего бюджета.

По отчетным данным можно установить, что в 1924/25 г., при годовом назначении по бюджету по доходам 14.887 руб. и по расходу 13.588 руб., выполнено по квартальным сметам по доходам 18.068 руб., по расходам—17.707 руб. Это показывает, что в 1924/25 г. целый ряд доходных возможностей не был учтен и в то же время отдельные доходы оказались нереальными.

Превышение сметных предположений по расходам воз-

можно объяснить следующим: а) неполным удовлетворением по нормам некоторых статей расхода, б) отсутствием бюджетного навыка и неполным выявлением предполагаемых расходов, в) отсутствием твердой бюджетной дисциплины со стороны руководителей.

Выполнение бюджета следующего 1925/26 года рисуется такими цифрами:

По доходам	52.031 руб.	53 коп.	— 109,30%
По расходам	48.454 „	28 „	— 95,33%

Эти цифры убеждают нас, что положение с выполнением бюджета резко изменилось к лучшему, оно может быть названо даже, пожалуй, почти идеальным. Бюджетные навыки выросли, дисциплина упрочилась.

Приведенный анализ дает право на нижеследующие выводы:

1) волостные бюджеты при крупном их росте бездефицитны (за исключением 1925—26 г.);

2) база волбюджета—доходы от госисточников—реальна;

3) большой удельный вес доходов от госисточников и в частности доходов налоговых указывает на недостаточное внимание, обращенное на доходы от местных источников;

4) построение как доходной, так и расходной частей бюджета недостаточно реально; данные выполнения за 1924—25 г. показывают значительное превышение исполнительного против утвержденного годового бюджета, что устанавливает наличие недоучета доходов и отсутствие плановости в производстве расходов;

5) построение расходной части бюджета в целом не имеет существенных отклонений от нормы; соотношение расходов по отдельным отраслям хозяйства нормально; охват производственным планом нужд широких масс населения достаточно полон, в связи с чем душевое удовлетворение потребностей населения высоко; план хозяйства по бюджету 1926—27 г. предусматривает содержание учреждений волостного значения, удовлетворяющих массовые нужды населения;

6) бюджет носит преимущественно потребительский характер с высоким удельным весом зарплаты, при не всегда достаточном внимании, уделяемом расходам по улучшению качества обслуживаемой сети.

АРХИВЫ.

Зайдешь, бывало, в первые годы революции в исполком, возьмешь в руки какую-нибудь приготовленную к «исходу» бумажку, заглянешь на оборотную сторону и скажешь:

— А это что здесь?

— Архивы спасают,—бросит на ходу служащий волисполкома.

Попадешь в больницу на амбулаторный прием, посмотришь, на чем фельдшер «записывает» больных, и тоже не утерпишь, спросишь:

— Старым запасом живете?

Тот же короткий ответ:

— Архивы спасают...

Архивы «спасли» не только волисполком и больницу, но и суд и ряд других учреждений волости.

В 1917 году чистая бумага в волости была. В 1918 году ее было уже меньше. С 1919 года она почти исчезла, попадалась редко и стоила дорого. Не знаю, как волисполкому, но местной больнице уездный здравотдел запретил тратить суммы на покупку чистой бумаги для записывания больных, для завертывания порошков и пр.; разрешено было покупать самое минимальное количество для канцелярских нужд.

И в ход пошли архивы.

В делах нашего волисполкома я нашел опись, в которой обозначено, что архив бывшего волостного правления, перед самой революцией, заключал в себе разные «дела» с 1862 г. От всех этих «дел» теперь осталась только опись. Точно так же уничтожен архив страхового агентства и иных учреждений.

Я лично сознаю всю важность хранения архивных доку-

ментов, но обвинять своих земляков в вандализме не решусь: они, действительно, были в безвыходном положении—бумаги нет, а бесчисленное количество «бумажек» писать надо было. Деревня—не город, деревня писать лишнего не любит, в увлечении «бумажками» волостные советские работники неповинны, но жизнь, в лице многочисленных учреждений, из которых бо̀льшая часть была создана революцией, все же требовала немалого «бумажного производства». Ну, архивы и «спасали».

Вот после, когда бумага и в деревне появилась в изобильном количестве и учреждения снабжали сравнительно достаточными суммами на ее приобретение, тогда настало время решительно пресечь «спасательные» функции старых архивов.

Жалко, когда гибнут старые архивы, хотя бы и очень скромные, заурядно-провинциальные. Но уже совсем плохо, когда бесцеремонно обращаются с архивами революционного периода. Революционная эпоха—исключительно важная по своему историческому значению, и все документы, относящиеся к данной эпохе, почти не подвергнувшиеся еще научной обработке, нуждаются в сугубо-бережном к себе отношении. Вспоминаются слова М. Н. Покровского, произнесенные им в первом заседании 1-ой Всероссийской конференции архивных деятелей (29 сентября 1921 г.): «Задача архивного ведомства заключается не только в сохранении старых, но и в собирании новых документов. В этом отношении было сделано очень мало. Необходимо проявить особую энергию к собиранию документов, которые являются документами по истории революции» [1]. Хотя уже и появились соответствующие декреты и инструкции, предписывающие советским учреждениям и порядок и способ хранения документов, но тем не менее на местах все же происходила колоссальная растрата документов и именно тех, которые характеризуют нашу революционную эпоху. Вот для иллюстрации два первых попавшихся факта из моей «практики» (а я знаю немало случаев, подобных нижеописанным).

[1] „Архивное дело", вып. II, 1923 г., стр. 105.

В 1921 году, с мандатом за подписью члена коллегии Наркомзема, я обратился в Тверской губпродком с просьбою дать мне справку о количестве полученных с населения Тверской губернии натуральных налогов за 1918 и 1919 годы. Искали, искали то «дело», где имеются необходимые мне цифры,— «дело» куда-то бесследно сгинуло. И искали, скажу прямо, на совесть, но—никаких концов.

В 1923 году я не мог получить по уезду целого ряда крупных цифровых данных не за какой-либо отдаленный период, а за 1920 и 1921 годы. Мотив простой: произошло слияние уездов, учреждения переезжали, и куда «провалились» материалы, о которых я наводил справку, решительно никто не знал.

По всей Советской России фактов вроде указанных здесь, наверное, тысячи. Но им пора положить конец. Повторяю: все документы последних лет, как почти совершенно необработанные наукою, представляют собою исключительную ценность для науки, а следовательно, и для страны. Небрежное хранение архивов должно быть приравнено к тягчайшему виду должностных преступлений, а может быть, даже и к преступлениям государственным. Если мне скажут, что нужны не репрессии, а люди, которые понимают историческую важность архивов, что у нас всегда таких людей было мало и т. д., то я заранее согласен, что все это, действительно, так, и вместо угрозы наказанием лучше дать в каждое учреждение опытного и научно-подготовленного архивного работника. Но сколько их нужно для всей России?! Где вы возьмете этот контингент вот сейчас, в данный момент?! Такого готового контингента архивных работников у нас нет, а архивы—и главным образом архивы текущего периода—гибнут, можно сказать, ежедневно. В качестве экстренной меры борьбы с крупным злом я и предлагаю усиление репрессий за ненадлежащее обращение с теми сокровищами, которые, пройдя через горнило науки, могли бы быть использованными как теперь нами, так и после нашими потомками...

ИЗ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИИ ВОЛОСТИ.

Первая революция (1906 г.). Первые революционные выступления крестьян, происшедшие в нашей волости, относятся к 1906 году.

Нужно сказать, что ни до, ни после 1906 года никаких правонарушений на почве местных аграрных взаимоотношений у нас в волости не возникало, так как наиболее ценные для наших крестьян угодья—пашня и сенокос (в лесе особенной нужды мы не испытываем)—были почти всецело в руках крестьян (у дворян и у купцов этих угодий было всего лишь около 200 десятин). Промышленных предприятий—не только крупных, но даже хотя бы самой средней руки—в пределах волости никогда не существовало. Представители низовой горицкой администрации (старшина, урядник и др.) были, если можно так сказать, в меру спесивы и грубы по отношению к крестьянам, не выделяясь по этой линии какими-либо исключительными поступками. Следовательно, никаких, в узком смысле слова, местных, своих «горицких» причин, которые революционизировали бы крестьян, налицо не было. Таким образом подоплекою революционного брожения населения Горицкой волости были моменты общего значения, одинаково обрисовывающие положение крестьянства в любой волости какой угодно губернии тогдашней России: скверное материальное, правовое и моральное состояние крестьянства, независимо ни от каких местных условий, и горячее желание, подогреваемое волною широкого рабочего движения и беспорядков в военных частях, покончить раз навсегда с вековыми несправедливостями, угнетавшими трудовой народ.

Обстоятельства сложились так, что мне, автору этих строк, тогда еще юноше, пришлось не только принять непосредствен-

ное участие в революционных событиях волости, вылившихся в скромные формы, но и отчасти руководить ими. Поэтому, ведя речь о событиях 1906 года, связанных с горицким районом, мне придется на ряду с другими именами упоминать и свое имя.

Еще до 1906 г. я снабжал отдельных передовых крестьян волости разного рода и нелегальной (прокламации и пр.) и полулегальной литературой (вроде, например, изданий «Донской Речи» и др.) и вел с ними беседы на жгучие политические темы. Нелегальную литературу я доставал через группу петербургских студентов технологов, социал-демократов.

В конце весны 1906 года я сорганизовал в волости небольшой кружок, состоящий, помимо меня, из крест. д. Наумово А. И. Чистякова [1], его сына, учащегося среднего учебного заведения, Вани Чистякова [2], крест. с. Гориц А. И. Голубева [3], подростка лет 15—16 Шуры Киселева [4], крест. д. Овсевьево В. И. Захарова [5], пожилого человека, бывшего рабочего-металлиста. В задачи нашего кружка входило: организованное распространение всякого рода революционной и вообще «левой» литературы, разработка плана публичных выступлений на митингах, которые предполагалось созывать на территории волости, создание в отдельных районах волости сети самостоятельных кружков, где можно было бы вести как агитационно-революционную, так и культурно-просветительную работу. Общими же вехами в намечаемой нами деятельности было: полное выявление перед глазами крестьянских масс вредности и ненужности самодержавного строя, пропаганда идеи демократической республики на основе без-

[1] А. И. Чистяков умер у себя на родине в первые годы Октябрьской революции.

[2] Ваня Чистяков в 1907 г. поступил в одно из высших учебных заведений в Москве, где, однако, курса не окончил. Он умер от туберкулеза в возрасте 28 лет в г. Москве в первые годы после Октября.

[3] А. И. Голубев, которому в настоящее время лет под 60, живет у себя на родине, в с. Горицах.

[4] Шура Киселев погиб на фронте во время империалистической войны.

[5] В. И. Захаров, сейчас старик лет под 70, проживает у себя в дер. Овсевьево.

возмездной передачи всех и всякого рода земель трудовому народу. В числе средств, которые облегчили бы массам движение по пути, обставленному только что указанными вехами, наш кружок считал приемлемым и вооруженное восстание.

Никого из партийных людей на территории волости не было (я в политических партиях не состоял). Работою нашего кружка никто сверху не руководил. Мы, сплошь беспартийные, не были связаны ни с какой парторганизацией, которые, впрочем, навряд ли и существовали тогда у нас, в глухом уезде. Действовали мы на свой страх и риск и, как говорится, как бог на душу положит.

Наша работа, работа основного ядра, всячески облегчалась активной поддержкой некоторых представителей горицкой интеллигенции, которые в состав кружка хотя и не входили, но в известной мере сочувствовали нам. Среди этих лиц были: А. П. Жданов [1], В. В. Шохин [2], П. Е. Хохлов [3], А. И. Матвеева [4] и др.

Дело у нас закипело.

В конце июня и в начале июля в селе Горицах состоялось несколько многолюдных митингов. На последний митинг (9 июля) прибыли крестьяне даже из трех соседних волостей. Этот митинг протекал в присутствии станового пристава и 4 стражников, которые бессильны были его рассеять.

Вот как, в коротких словах, рассказывают о митингах в Горицах два отрывка, взятые мною из дела бывшей Московской Судебной Палаты, судившей меня за революционную работу [5].

Из показаний свидетеля урядника А. С. Васильевского [6]:

«...29 июня Большаков говорил, что надо послать требо-

[1] А. П. Жданов работает в настоящее время в с. Горицах в потребительской кооперации.

[2] В. В. Шохин учительствует в горицкой школе.

[3] П. Е. Хохлов заведывает почтово-телеграфным отделением в Горицах.

[4] А. И. Матвеева из д. Наумова, теперь пожилая уже женщина, проживает у себя в деревне, занимаясь крестьянским трудом.

[5] Дело № 314 за 1907 г. по обвинению крестьянина А. М. Большакова по 2 и 3 пунктам 129 ст. и по 107 ст. Уголовного Уложения. Дело хранится в Москве, в Архиве революции и внешней политики.

[6] Лист 99 указанного дела.

вание в Государственную Думу об отмене смертной казни, о полной амнистии политическим заключенным, о бесплатном наделении крестьян землею из государственных, кабинетских, удельных, монастырских и помещичьих земель, которые следует отнять... Толпа всему этому выразила одобрение и начала подписывать приговор. Я предложил толпе разойтись. Большаков сказал народу, чтобы меня не слушались, и толпа оттеснила меня от Большакова. А он стал говорить о восстании против власти... Тут же Большаков раздавал толпе брошюры... Большаков предложил крестьянам собраться 2 июля... 2 июля был громадный митинг. Под конец митинга Большаков предложил крестьянам собраться 9 июля, обещая тогда уже подробно потолковать о вооруженном восстании... 9 июля собралась на митинг тысячная толпа [1]»...

Цитата из судебного приговора [2]:

«...29 июня 1906 г. в с. Горицах, Корчевского уезда, Тверской губ., собралась громадная толпа. Большаков публично, с целью пропаганды, произнес перед собравшейся толпой народа речи, возбуждающие слушателей к учинению бунтовщических деяний и к неповиновению закону, так как в каждой своей речи он призывал крестьян поддерживать трудовую группу в Государственной Думе, приглашая с этой целью весь народ вооружиться против правительства и не повиноваться ему, а также не платить налогов... 2 июля 1906 года, в упомянутом селе Горицах, Большаков оказал дерзостное неуважение к верховной власти, публично произнеся перед толпой народа речь, в которой...»

Одним словом, и 2 и 9 июля всяческое «дерзостное неуважение» и пр.

Данные дела повествуют только о моих выступлениях на митингах в виду того, что другие товарищи на них не выступали.

По окончании митингов мы, члены кружка, приглашали крестьян на демонстрации, во время которых выбрасывали красные флаги и пели «Марсельезу».

---

[1] Митинги собирались в праздники, когда крестьяне были свободны: 29 июня — день Петра и Павла, а 2 и 9 июля были в 1906 г. воскресные дни.

[2] Лист дела 88.

А. И. Матвеева вспоминает об одной из этих демонстраций [1]:

«После митинга отправились по селу с красными флагами и пели «Марсельезу». К нам подошел пристав со стражниками и говорит: «такие песни петь нельзя, я арестую вас». Тут народ сказал: «уходи, пока цел, а то разорвем на две половины». И он ушел со стражниками прочь»...

Спустя несколько дней после митинга 9 июля прибывшим отрядом конных стражников, состоящим из 30 человек под командою исправника, я был арестован и отправлен в тюрьму. Ваня Чистяков, которого тоже предполагали арестовать, успел удрать в Москву.

Кружок наш распался.

Лишь один А. И. Чистяков, продолжая оставаться в пределах волости, вел революционную пропаганду, призывал крестьян к самым решительным действиям против правительства (дело было уже после разгона 2-й Гос. Думы и опубликования ею выборгского воззвания).

Вот, например, маленький отрывок из показаний свидетеля М. А. Минина по делу А. И. Чистякова, тоже, вслед за мною, судившегося Московской Судебной Палатой [2]:

«В течение июля и августа 1906 года Чистяков ругал государя и правительство. Он убеждал крестьян жечь помещичьи усадьбы, рубить их леса и отбирать казенные деньги»...

А. И. Чистяков беседовал с крестьянами обычно в одном из горицких трактиров, попивая чаек. Разговор велся с теми, кто приходил в трактир в качестве посетителей. А. И. Чистяков, совместно с А. И. Голубевым, распространил, уже после моего ареста, в пределах волости около 7 пудов «выборгского воззвания», раскладывая экземпляры этого воззвания ночью по полям деревень в снопы.

Осенью 1906 г. арестовали и А. И. Чистякова...

Наступавшая с конца 1906 года для всей страны черная

[1] Цитирую по материалам о 1906 годе Горицкого волполитпросветкома.

[2] Дело № 114 — 1907 по обвинению крестьянина А. И. Чистякова по 2 части 103 и 3 пункту 129 ст. Угол. Улож. Дело хранится в Москве, в Архиве революции и внешней политики. Цитируется лист дела 4.

ночь реакции потушила и в нашей волости, вспыхнувшие было там искорки революционного огня. Эти искорки снова разгорелись лишь через 20 лет, когда по всей стране ярким пламенем запылал костер Великой русской революции,—в 1917 году.

Вторая революция (Февральская, 1917 г.). В то время, когда в Петрограде в конце февраля 1917 года, грянул первый удар революционного грома, возвестивший начало длинной вереницы действительно величайших не только в русской, но и в мировой истории событий; когда в Петрограде царские министры, вчерашние властители страны, свозились на грузовых автомобилях в Таврический дворец; когда улицы и площади столицы захлестывали волны радостно манифестирующего народа,—любопытно, что происходило в это же самое время в нашем глухом провинциальном углу, лежащем в полусотне верст от ближайшей железнодорожной станции?

Приведу цитату из воспоминаний первого председателя горицкого временного исполнительного комитета, священника В. Ф. Кузьминского, человека с общественной жилкой и пользовавшегося у нас в волости известностью благодаря своему крайне либеральному образу мыслей, так не подходящему к его священнической рясе [1]:

«В самый день получения сообщения о государственном перевороте я по обыкновению направился в Горицы за получением газет. На пути мне попалась группа крестьян, сообщившая, что «солдаты взяли Питер и выгнали Николая II» и что «теперь идут на Москву». Когда я пришел в Горицы, то там было полное возбуждение: народ толпился кучами на площади, оживленно говоря о какой-то перемене. Но что и как—никто еще ничего не знал. Слышны были только отдельные отрывки и замечания:

— Война кончается!..

— Царя убили!..

— Родзянко [2] будет царем!..

[1] В. Ф. Кузьминский, предоставивший в мое распоряжение свои воспоминания, священствует в настоящее время в с. Мушине, Весьегонского уезда.

[2] Председатель последней Госуд. Думы.

— В Петергофе взорвали дворец!..

Наконец, когда получили с почты газеты, все выяснилось. Непонятное возбуждение перешло в восторженное состояние: все ликовали, чувствуя, что в России произошло что-то исторически-громадное.

Были и голоса сомнения в совершившемся: а правда ли?.. не ловушка ли?.. поосторожнее, братцы!..

Но... урядник отсутствует, старшина спрятался, и ни с какой стороны не видно грозной начальнической тучи.

Свобода!..

Вот у памятника [1] уже толпа. Все сбегаются. Через 2—3 минуты—полная тишина. Какой-то гражданин в шинели говорит о падении династии, изменнически предавшей страну, о золотых днях свободы, о крови братской, пролитой на улицах столицы... Взвивается красный флаг, и толпа поет «вечную память» борцам за свободу...»

Так закончился первый день свободы.

Наступил день второй.

Новая серия известий рассказывала уже не о Москве и Петрограде, а о ближайших к нам пунктах—о Твери и о Корчеве (уездный город):

— В Твери убит губернатор фон-Бюнтинг...

— В Корчеве сменили старую власть...

Задорно затрепыхался над толпою крестьян красный флаг. Собравшаяся толпа жаждала деятельности. Выкрикивались предложения:

— Арестовать старшину...

— Выбрать новую волостную власть...

— Братцы, споем, как пели в шестом году.

Последнее предложение встретило самое горячее сочувствие. Решили сейчас же спеть «про марсельезу». Но вышла остановка—никто не знал ни слов, ни мотива революционной песни. Дело в том, что молодежь и средний возраст, живавшие на фабриках и заводах и привозившие оттуда в деревню вместе с новыми идеями и песни о свободе,—все они были мобилизованы. Однако случай выручил:

---

[1] Памятник Александру II, ныне снятый, стоявший на площади села.

— Вон идет о. Виталий. Спросим у него.

— Ну, отец Виталий, уважь: запой нам «про марсельезу».

— Ишь вы чего просите. А подтягивать будете?

— Уж постараемся как-нибудь. Запевай!

В это время к толпе подошли кое-кто из учителей и разная другая сельская публика. «Марсельеза», которую затянул священник, была подхвачена еще десятком человек, знавших ее. Толпа же без слов гудела, как пришлось, мотив. А так как настроение у всех было праздничное, то и «Марсельеза» вышла великолепной—недовольных ею не было.

Арестовать старшину не пришлось—он куда-то исчез. Выбирать новую власть пока не стали—послали делегатов в уезд с наказом точно узнать про «все дела» и возвращаться скорее.

Делегаты вернулись через сутки с небольшим и оповестили всех, чтобы на 10 марта собирались в Горицы—приедет оратор из уезда и все расскажет.

10 марта в селе собралось народа столько, сколько не бывало даже в самые большие ярмарки. Представитель из уездного города действительно прибыл, оповестил собравшихся о том, что произошло в стране за две последних недели, выяснил, как мог, смысл революционных событий и предложил от имени уездного временного исполнительного комитета избрать таковой же комитет для волости.

Волостной комитет был избран на этом же сходе в составе 13 человек: свящ. В. Ф. Кузьминский, завед. почтово-телегр. отделением П. Е. Хохлов, учитель из местных крестьян Я. И. Гугунин, крестьяне: А. И. Чистяков, В. А. Харитонов, П. И. Некрасов и другие. Все крестьяне, члены комитета, были люди с средним достатком. Председателем комитета был избран свящ. В. Ф. Кузьминский.

Старшина, который уже к этому времени появился в волости, но арестован не был, так как горячая минута прошла, сдал комитету дела бывшего волостного правления.

Нужно сказать, что комитет в деле налаживания жизни на новых началах своей собственной инициативы не проявлял, а питался исключительно указаниями из г. Корчевы. Но работники волостного комитета чувствовали, что ни в

уезде, ни в губернии не было твердой руки, которая ввела бы работу низовой ячейки в русло определенного плана. Отсюда—вся работа комитета была какой-то расшатанной: много говорили, много спорили, принимали разнообразные постановления, но редкие из них проводили в жизнь.

Настроение крестьян к началу лета заметно изменилось: из восторженного, каким оно было ранней весною, оно стало каким-то недоумевающе-недоверчивым. Дело в том, что крестьяне ждали от революции на первых же порах ее развития всяческих благ: изобилия товаров, полного освобождения от всяких налогов и повинностей и пр. Вносили сумятицу в умы и прибывающие с фронта солдаты. Одни из них говорили: «войне конец», а другие—«надо доканчивать войну».

В ближайшее после пасхи воскресенье исполком созвал первый после своего избрания общеволостной сход. Народа на этот сход собралось столько, сколько никогда—ни раньше, ни после—уже не собиралось. Всем хотелось узнать:

— Ну, как же, наконец? Что будет дальше?..

Первые три вопроса повестки дня: слово председателя, доклад о работе исполкома и перевыборы волостного суда были заслушаны в более или менее спокойной обстановке. Началось обсуждение продовольственного вопроса. Стали выступать рабочие, прося поддержать голодающих на фабриках и заводах. Из группы более зажиточных и реакционно настроенных крестьян послышались выкрики по адресу рабочих:

— Себе 8 часов работы, а нам 24!..

— Если на фабрике голодно, идите в окопы!..

Большинство схода, прекрасно понимая, что если они встанут на сторону рабочих, то они должны будут дать им хлеба, предпочло итти на поводу у зажиточной группы и отмалчивалось.

Так хлеба рабочие и не получили.

Затем начались выступления солдат—сторонников и противников войны.

Хотя реакционная часть схода и выкрикивала тем, кто был против войны:

— Продались немцам!

— Долой!

Но так как у громадного большинства населения волости кто-нибудь да был в армии или, предполагалось, будет взят в первый же призыв, то сход в вопросе о войне уже не встал на сторону «вояк» и к мысли о необходимости скорее кончать войну отнесся с большим одобрением.

Лишь поздно вечером разошелся сход, продолжавшийся часов 10 под ряд...

К концу лета были проведены, на основании «Временного положения» о волостном земстве (утверждено правительством 21 мая 1917 г.), выборы в волостное земство.

Волостное земство окончательно сконструировалось к 30 сентября 1917 года, когда и приняло все дела от временного волостного исполнительного комитета.

Председателем волостной управы был П. И. Некрасов, входивший в состав исполнительного комитета. Через год этот человек сделался коммунистом, а в 1921 г. он был исключен из партии. Два других члена управы принадлежали к крестьянам-середнякам.

Формально волостное земство существовало у нас до 12 января 1918 г., когда состоялось последнее очередное собрание горицкого земства, постановившее, по заслушании доклада своего председателя о положении дел в губернии: «поручить местной волостной управе немедленно организовать местный совет крестьянских депутатов и выбранному последним исполнительному комитету, совместно с ревизионной комиссией, сдать все имущество и все дела волостного земства» (цитата из протокола).

Третья революция (Октябрьская). Здесь я скажу коротко лишь о первых этапах Октябрьской революции и опишу их только с их внешней стороны, так как подробное изложение истории третьей революции в Горицкой волости дано почти во всех других главах моей работы и в самых разнообразных разрезах.

Формально, как сказано, волостное земство просуществовало у нас до самого начала 1918 г., но фактически уже с ноября—декабря 1917 года наши земцы были бессильны и

в отношении ведения работы и в смысле проявления своей власти. Руководящее значение в волости приобрели группы, сочувствующие большевикам.

Если с марта крестьянство волости шло за социалистами-революционерами—одни более или менее сознательно, а другие просто зачарованные словами «земля и воля», то с ноября—декабря, когда деревня стала довольно густо насыщаться солдатами из фронтовых и тыловых частей, принесших с собою лозунг «долой войну», симпатии подавляющего большинства населения волости, которое не видело никакого смысла в войне, устало терять своих близких, жаждало свидания с оторванными военными событиями членами своих семей и, наконец, мечтало о том, чтобы поправить при помощи рук, занятых войною, развалившееся хозяйство,—симпатии всего этого населения были на стороне большевиков, бросивших лозунг «долой войну».

Сторонники большевиков стали собирать волостные собрания, которые в сущности и решали всякого рода вопросы, выдвигаемые жизнью. Земство же осталось в стороне, вне всякой связи с населением волости. В волостной земской управе шла лишь номинальная, бумажная работа: подготовлялись, по поручению уездной земской управы, разного рода доклады, в проведение которых в жизнь мало кто верил.

Еще до ликвидации волостного земства состоялись выборы в Учредительное Собрание. По губернии у нас было целых восемь списков, но в центре борьбы было только два списка: общий список социал-революционеров и губернского крестьянского съезда (съезд был в октябре 1917 г., до переворота)—№ 3 и список большевиков—№ 5. От всей Тверской губернии прошли в Учредительное Собрание 3 социал-революционера и 5 большевиков (совпадение с нумерацией списков!)—девятое место осталось вакантным, так как никакой список не имел необходимого числа голосов для получения целого места. У нас в волости соотношение поданных голосов было приблизительно таким же, как и в губернии: $3/8$ за с.-р. и $5/8$ за большевиков.

12 января 1918 г., как я уже сказал, волостное земство перестало существовать [1].

В январе же сорганизовался совет крестьянских депутатов, который, в лице исполнительного комитета, и принял 3 февраля все дела от волостной земской управы.

Председателем первого исполнительного комитета совета крестьянских депутатов был избран крестьянин-середняк, впоследствии, в 1919 г., принявший участие в дезертирском восстании, которое у нас было. Один из четырех членов скоро вступил в партию большевиков и в настоящее время он работает в Твери.

Исполком, помимо обыденной работы, свое главное внимание до осени 1918 года уделял двум вопросам: борьбе со спекуляцией торговцев и взиманию одновременного чрезвычайного налога с торговцев и спекулянтов (так называемая «контрибуция»).

К решению первого вопроса подходили довольно осторожно. Была создана специальная комиссия из 25 лиц, куда вошли представители от всех сельских обществ волости. Этой комиссии поручено было выяснить наличность мануфактурных товаров у всех торговцев волости и выработать определенные цены на эти товары. Комиссия выполнила свое задание, определив, что торговцы могут набавлять на свои товары 15% свыше тех цен, которые указаны в счете на товары. Но скоро оказалось, что некоторые торговцы спрятали часть своих запасов от учета комиссии; другие стали представлять фальшивые счета на товары, и таким образом регулирование цен не было достигнуто. Укрытые запасы были обнаружены во время обысков, дутые счета расшифрованы путем справок у оптовиков, и в результате у одних торговцев товар был отобран безвозмездно, а у других— с выплатою за него по твердым ценам.

Так была национализирована (и реквизирована) торговля нашей волости.

Кого обложить «контрибуцией» и на какую сумму—этим вопросом тоже занималась специальная комиссия. Был со-

[1] Корчевская уездная земская управа прекратила свое существование в конце января 1918 г., а губернская управа — в марте 1918 г.

ставлен список всех наших волостных «буржуев»,—их, считая торговцев и очень зажиточных крестьян кулацкого типа, оказалось 50 человек. Максимум обложения был 15.000 руб., а минимум 100 р. [1]. Но действительно удалось собрать с каждого отдельного «буржуя» максимум 6.000 руб., а минимум—100 р. Общая сумма сбора—45.770 руб. (намечено же было 97.800 руб.), при чем около 10.000 руб. было потрачено на суточные отряду красной гвардии, при помощи которой собирали «контрибуцию»—от добровольной уплаты «буржуи» отвиливали.

Во второй половине 1918 г. снова собирали «контрибуцию», при чем к выплате ее было привлечено, кроме торговцев и кулаков, и зажиточное крестьянство. К концу года собрали свыше 900.000 рублей.

С 1919 года работа волисполкома уже протекала более или менее нормально, если не считать восстания дезертиров, о котором я мимоходом уже упомянул и которое тоже составляло небольшой «этап» для нашей волости.

Как известно, в 1919 году по стране прокатилась волна больших и маленьких дезертирских восстаний. Подобное восстание «маленького» типа было и в Горицкой волости. Разразилось оно в начале июля месяца (по нов. ст.).

К июню в волости накопилось около 500 человек дезертиров, т.-е. в среднем на каждую деревню приходилось по шести дезертиров. Уездный военный комиссар предложил дезертирам явиться в село, чтобы просто «зарегистрироваться», обещав им недельный срок для добровольной явки. К сожалению, комиссар не сдержал своего обещания и сделал неудачную попытку арестовать явившихся.

После отъезда комиссара с небольшим числом задержанных дезертиров оставшиеся дезертиры, решив, повидимому, что «семь бед—один ответ», попытались «взять власть в свои руки». Главари, связавшись с двумя соседними волостями, объявили мобилизацию не только всех дезертиров,

---

1 „Контрибуция“ собиралась до конца июня 1918 г. Стоимость хлеба (пуд ржи) в 1918 г. была 350 р. — средняя годовая цена. Но, чтобы судить о реальном размере „контрибуции“, надо взять цену за первое полугодие, т.-е. 150 руб. за пуд.

ню и всех демобилизованных до 43 лет. Правда, последние на мобилизацию не откликнулись, а значительная часть дезертиров, убедившись, что заваривается недобрая каша, быстро попряталась по лесам, будучи таким образом вдвойне дезертирами, так как дезертировали и от дезертирской мобилизации. Из тех, кто не успел скрыться, была составлена команда, на обязанности которой лежало «сразиться», если это понадобится.

Состоялись выборы нового волисполкома. Председателем этого исполкома был избран бывший горицкий лавочник-мануфактурщик, владелец одного из десятка каменных домов в селе—И. В. Шохин, ныне уже покойный.

Через два—три дня дезертирская республика была упразднена прибывшим отрядом красноармейцев человек в 35. Во время обстрела села двое было убито—не из числа дезертиров, а случайные люди. Руководители восстания, в числе пяти человек, были арестованы, и двое из них, по приговору губчеки, расстреляны. Больше никто не пострадал. Новый председатель, избранный с нарушением ст. 64 конституции (нетрудовой элемент), был исключен из числа членов исполкома, но никаким репрессиям не подвергся.

Во время дезертирского восстания я жил в пределах волости, и все, что я описываю, все это происходило на моих глазах.

В дальнейшем никаких особых «заворошек» в нашей волости не было. Дело шло приблизительно так, как оно складывалось и в сотнях других волостей Тверской губернии, территория которой, как известно, не служила ни театром военных столкновений с белогвардейцами, ни ареной для каких-либо иных бедствий, вроде голода в Поволжье и пр.

Вот первые революционные (а также и контр-революционные) этапы октябрьского периода.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАЙМЫ.

1922 год.

Облигации хлебного займа среди крестьян нашей волости почти не были распространены—их имели единичные домохозяева. К хлебному займу в первое время его появления существовало даже некоторое недоверие.

Толковали:

— Что за заем?.. Хлебный!.. Никогда таких займов не бывало...

— Хлеб у нас сейчас по $4\frac{1}{2}$ миллиона за пуд, а «они» [1] предлагают покупать пуд по облигации за 3.800.000 рублей. Ишь, умники,—нашли дураков!..

— Коммунисты хитрые, тут какая-нибудь проделка...

— Прямое надувательство!..

Наступила осень. Пришло время везти продналог. Те, у кого были облигации займа, предъявили их при сдаче продналога вместо хлеба. Облигации взяли.

Тогда заговорили:

— Берут! Вот у Семена взяли, он сам сказывал.

— И у Ивана из Гориц тоже взяли.

— Братцы, выходит, мы прогадали?! Нельзя ли дело поправить—ведь рожь-то уж 8 «лимонов» [2], да еще по грязи надо в Кимры 50 верст тащить!..

Распространились слухи, что в Твери и в Москве еще можно купить облигации хлебного займа. Ловкие люди, желающие заработать на перепродаже займа, отправились и в Тверь и в Москву. Назад они вернулись быстро и, действи-

---

[1] „Они" — это, конечно, коммунисты.

[2] В деревне миллион часто называли „лимоном".

тельно, привезли небольшое количество облигаций, которые, с большой надбавкою, тут же в два—три дня и распродали.

К ним приставали:

— Есть еще?

— Нет, все.

— Что же мало везли?

Они огрызались:

— А вы думаете, очень легко доставать-то было?! Посмотрели бы, какие хвосты-то стоят! И то приехали бы с пустыми руками, да ладно нашлось «знакомство» к банковскому кассиру, кое-что зацепили...

Наше потребительское общество своевременно подписалось на 500 пудов займа. В декабре получило хлеб, продало его и выручило на этой операции хороший барыш.

— Вот, не прогадали,—с завистью говорили крестьяне о «потребилке»...

1923 год.

Еще с весны прошел слух, что и в этом году будет хлебный заем. Наша Тверская губерния отнесена к третьему району—значит, цена облигаций займа самая высокая. Когда облигации были еще по 28 руб. (в мае 1923 г.; цена указана в дензнаках 1923 г.), они к нам в волость не попали. Прислали их в первых числах июня,—казенная цена была уже по 40 руб. за пуд.

Крестьяне, узнав о присылке облигаций, бросились в село, чтобы купить их. Сразу образовались большие очереди. Удовлетворены были немногие.

Спрашиваю:

— Ну, как: купил по 40?

— Разве купишь? Расхватали все, кто был поближе. Служащие советские много взяли. Некоторые проворные ребята забрали облигаций пудов на 60—80, а им и пятой части не надо.

— Значит, не достал?

— Достать-то—достал. Пришлось заплатить вместо 40 по 50 рубликов, да и то едва упросил, да бутылочкой самогонки «подмаслил»...

В одной деревне председатель волисполкома (тов. Н. С. Хо-

рев) накрыл мошенника, продававшего крестьянам тоже «заем». Этот сметливый парень раздобыл откуда-то старую квитанционную книжку тверского отделения государственного банка и, обирая деньги, проставлял на квитанциях полученную сумму и «пуды», присовокупляя:

— Когда придет время сдавать продналог, предъяви мою квитанцию.

Эта проделка, конечно, свидетельствовала о популярности хлебного займа среди моих земляков.

Немного спустя к нам прислали уже достаточное количество облигаций, и крестьянский спрос на них был удовлетворен.

В нашей волости в 1923 г. было продано $4\frac{1}{2}$ тысячи пудов займа. Но многие, несомненно, купили облигации за пределами волости, главным образом в Кимрах, где наш район обычно совершает свои торговые операции: продает хлеб, масло, яйца, самогонку, «тихонько» спиленные бревна, из которых в Кимрах возведено несколько сот построек, и пр. Думается, что волость имела облигаций займа, так, пудов тысяч на 8, которыми покрывается около $\frac{1}{3}$ продналога за 1923 год.

В чьи руки попали в волости облигации займа? На этот вопрос можно ответить только на основании личных наблюдений, расспросов и пр. Мое впечатление такое: облигации попали в руки наиболее зажиточной части крестьянства. Беднейшее крестьянство не имело средств для их приобретения.

1924 год.

Заем, выпущенный в 1924 году, получил слабое распространение в волости, хотя приманкою для населения и служил ряд ценных выигрышей, которые могли получить счастливые люди из числа держателей займа. Причина слабой просачиваемости займа 1924 года в толщу крестьянского населения волости ясна: в 1924 году уже широко распространились денежные знаки твердой валюты и сохранять деньги от падения курса в облигациях займа не имело смысла, вкладывать же в заем свою свободную денежную наличность

население было не в состоянии в виду отсутствия последней.

1925—1926 годы.

Займы, выпущенные правительством за эти годы, как и золотой заем 1924 года, не получили широкого распространения среди населения волости. Причины те же: червонец—валюта твердая, а свободных денег нет. А если кой у кого из зажиточных крестьян и имеются некоторые излишние суммы—он отдаст их в ссуду сельскохозяйственной кооперации по 12% годовых. Обделает дело без возни—кооперация тут же, под боком.

ШКОЛА.

«Мы должны привлечь к управлению государством все трудящееся население. Никакое меньшинство, никакая политическая партия не могут построить социалистического общества; его могут построить только десятки миллионов рук после того, как они научатся все делать сами», так писал В. И. Ленин.

Рабочие и крестьяне десять лет назад взяли в свои руки власть и держат ее крепко. Но захват власти—это лишь один пройденный этап на пути социалистического строительства. В настоящее время мы преодолеваем второй этап—пытаемся поднять культурный уровень населения нашей отсталой страны. Когда мы справимся с этой задачей огромнейшей трудности, тогда-то именно «десятки миллионов рук» и «научатся все делать сами». А, научившись всему, массы трудящихся завершат великую революцию—построят то социалистическое общество, контуры которого, ясные и четкие, стоят перед нами и, в известной мере, воплощаются уже и в нашей действительности.

Если винтовка помогла трудящимся завоевать власть, то только школа поможет им произвести культурную революцию. Поэтому вполне понятно, что мы с большим вниманием должны остановиться на изучении школы. Посмотрим, какой она была в Горицкой волости в начале революции и какой стала теперь, через десять лет. Познакомившись с реальной школой, с такой, какая она есть, узнав ее недостатки и достижения, мы будем знать, куда нам надо итти в области школьного строительства.

Из рассмотрения в настоящей главе мы выделим в две отдельные главы: историю горицкой школы крестьянской

молодежи и характеристику профессиональных и личных идеалов детей-школьников. ШКМ—явление совершенно новое в республике, и о ней следует поговорить особо. Дети-школьники, наша смена и будущие мыслимые строители стопроцентного социализма, конечно, тоже требуют нашего нарочитого внимания и потому отдельной, хотя бы и небольшой, главы.

Педагог. Начнем с освещения положения учителя.

Возьмем в первую голову материальное положение педагога.

До войны, в 1913 году, средний заработок учителя земской школы, при готовой квартире (обычно—одна комната, редко—две), с отоплением и освещением, равнялся 30 руб. в месяц. Если учитель работал уже 10—15 лет, он получал несколько больше. На такое жалованье жить было трудно, особенно семейным учителям. Но почти каждый педагог нашей волости выписывал газету,—следовательно, получал элементарное осведомление о том, что творится на белом свете (холостые—те иногда и журнальчик какой-нибудь, вроде «Нивы», получали). Семейные, сильно урезывая свои потребности, все же давали детям некоторое образование—чаще среднее.

С наступлением революционного периода материальное положение учителя очень скоро ухудшилось. Дело началось с задержки выплаты жалованья. Так, в протоколе учащих волости от 14 января 1918 г. читаем, что они не получали от уездной земской управы содержания с ноября 1917 г. Надежды получить жалованье скоро тоже не было: управа доживала свои последние дни (она была ликвидирована в январе 1918 г.); события, происходившие в уезде, мешали правильному поступлению земских сборов. Потом эти перебои стали частым явлением, ежегодным; в 1921—22 учебн. году учителя, например, с 1 декабря по 1 августа получили лишь два раза по половине месячного оклада. Оклады эти, выдаваемые, как я только что сказал, далеко не аккуратно, были мизерными; лишь за последние три года они поднялись сравнительно высоко. Вот, впрочем, маленькая табличка зарплаты горицкого педагога и параллельно цены на рожь (за пуд):

Дата.	Средн. годов. зарплата в месяц.	Средн. годовая цена 1 пуда ржи.	Зарплата в пудах ржи.
1913 г.	30 руб.	— р. 95 к.	31,6
1920 „	3.230 „	10.000 „ — „	0,3
1923 „	440 „	60 „ — „	7,3
1924 „	23 „	1 „ 40 „	16,4
1925 „	31 „	1 „ 50 „	20,6
1926 „	35 „	1 „ 83 „	19,1

Перевод зарплаты на хлеб для 1920 г. и даже для 1923 г. имел значение. В этот период на первом плане был еще «кусок черного хлеба». Для позднейшего времени этот перевод уже утратил свое значение. В 1926 г. при повышении зарплаты в рублях (на 4 руб.) против 1925 г. она в пудах ржи упала (на 1,5 пуда). В 1926 г., как мы знаем, продукты питания вообще вздорожали, и вздорожание это на бюджете лиц, получающих такую скромную зарплату, как сельский педагог, отражается довольно сильно.

Квартира и отопление, как и прежде, являются бесплатным приложением к жалованью (с освещением дело обстояло плохо, теперь—лучше). За весь период революции каждый учащий нашей волости получил (в 1919—1920 гг.) по 4 арш. шерстяной материи (с прикладом на костюм) и по 20 арш. ситца. Паек выдавался: за 1917—1919 годы по общегражданской для волости норме, начиная с 1 п. 10 ф. ржи на едока в месяц и кончая (в 1919 г.) 30 фун., по цене, которая в общем в 10—15 раз была ниже рыночной; в 1920 г. паек почти совсем не выдавался; в 1921 г. вывернулся один месяц (сентябрь), когда каждому учащему выдали за небольшую плату 21 ф. муки, 2 ф. мяса, 1 ф. сахара и 2 кор. спичек, а за остальное время этого года выдавали по 11¼ ф. ржи в месяц на каждого едока семьи учителя; в 1922 году с населения волости было собрано (так называемое «добровольное» самообложение, по декрету Совнаркома от 15 сентября 1921 г.) и бес-

платно выдано каждому учащему по 9 пуд. ржи и по 6 пуд. картофеля за весь год. Так обстояло дело с пайком. Помимо указанного, учительство получило с конца 1920 года по осень 1921 года: за борьбу с неграмотностью по 1 ф. сахара, несколько фунтов (3—5) соли и столько же керосина; за участие в сельскохозяйственной переписи перед введением продналога—по 1 пуду муки, 2 ф. масла и 2 ф. сахара. Кроме пайка и отмеченных получений, учащие имели немного овощей с тех небольших огородов, которые были при школах и которые они, конечно, сами возделывали (но овощей этих в общем хватало семье учителя только на ½ года). У кого были коровы, того наделяли сенокосом, но сена далеко не всегда хватало на всю зиму [1].

Вот и все материальные ресурсы педагогов волости.

Как же все-таки учительство жило и выжило?

Надо сказать, что 15% учащих имели опору в своем крестьянском хозяйстве; они были и учителями и крестьянами-земледельцами. Эта категория нужды не видела. Затем, 25% учащих получали поддержку от своих родственников, у которых было хозяйство (дети зажиточных крестьян и духовенства). И эта категория, по совести говоря, большой нужды не знала. Вот остальным 60% пришлось туго. Выданная в 1919—20 годах мануфактура, разное носильное платье, белье, какие-нибудь дешевенькие серебряные или металлические часики и пр.—все это пошло к крестьянам в обмен на картофель и муку. Но менять вещи было делом нелегким. Местные крестьяне учителю, предлагающему мену, в большинстве случает отвечали так:

[1] В своей книге, касаясь разного рода явлений, я все время говорю только о Горицкой волости. Указанные цифры содержания, конечно, однообразны не для одной нашей волости, а для всего Кимрского уезда. Но только для уезда, а не для Тверской губернии. Так, в нашем уезде в июне 1923 г. учитель получил 1.223 руб., а его коллега, такой же учитель, работающий в Тверском уезде, за тот же июнь месяц получил только около 400 руб. Эта разница объясняется разницей уездных бюджетов: Кимрский уезд богаче местными средствами — он и платит больше. Но само собой разумеется, что подобное явление совершенно ненормально. В пределах районов, находящихся в одинаковых экономических условиях, оплата труда одного и того же рода должны быть тоже одинаковой.

— Я бы для тебя, Алексей Михайлович, с удовольствием. Даже так бы дал. Да нет, брат, ни хлеба, ни картошки. Не знаю, как сам дотяну до урожая.

Так отвечали не только те, кто действительно не знал, как он «дотянет», но и те, у кого заведомо были излишние запасы и кто эти запасы возил на продажу в город. А почему отнекивались,—дело ясное: ободрать Алексея Михайловича, работающего в течение ряда лет здесь же в волости, как-то неловко, совесть не позволяет; дать же ему продуктов в промен, не по спекулянтским, а по «божеским» ценам—обидно, жадность мешает (опять те же самые мысли: «Почему же я?»... и т. д.). Поэтому, чтобы променять какое-нибудь обтрепанное пальтишко на продукты, учителю надо было часто бегать верст за 25, где он был уже не «своим», а «чужим» человеком, и на этом основании его можно было (совесть позволяла) обдирать, как липку...

Жиров эта группа учителей почти не видала за всю первую половину революционного периода.

Дело доходило до того, что один многосемейный учитель пошел просить милостыню—не помощи просить, а именно милостыню собирать. И крестьяне подавали,—но по кусочку... А чтобы кто-нибудь разжалобился и дал сразу хотя бы фунтов 10—20 хлеба нищему учителю—этого не было. Отговаривались так:

— Почему же мне давать? Давать, так уж всем!

Ну, а «все» не давали [1]...

Были моменты, когда изголодавшееся учительство впадало в совершенное отчаяние,—тогда принимались резолюции вроде нижеследующей: «Мы, школьные работники Горицкой

[1] В одной из соседних волостей был такой случай: учитель (дело было в 1920 г.) с голодухи нанялся в пастухи, которые все время имели хороший заработок и кормежку: крестьянин скотину очень бережет, а пастуха боится — тот, если его плохо кормят, может в отместку угостить корову или лошадь, принадлежащую плохо заботящемуся о нем крестьянину, колом или камнем и испортить животное; пастух в деревне на положении зятя — ему лучший кусок. Вот и учитель, о котором я говорю, нанялся в пастухи. Но — увы! — он блаженствовал недолго: заботливое начальство, на основании декрета о трудовой повинности, скоро вернуло его в принудительном порядке к отправлению его прежних учительских обязанностей.

волости, будучи удовлетворены хлебным пайком в $11\frac{1}{4}$ ф. на едока, утверждаем, что таковой паек, при отсутствии других продуктов питания, каковых мы ниоткуда не получаем, является голодным пайком и существовать, а тем более работать на таком пайке физически невозможно. Мы решили воспользоваться драгоценным весенним временем и, прекратив школьные занятия с 10 мая, обратиться к личным заработкам и работать вне школы и тем обеспечить себя и свои семьи более сносным существованием, отдалив страшную минуту голодной смерти» [1]...

Государство в лице центральной власти, конечно, видело, что учителя голодают, но оно, только что выйдя из тяжелой полосы изнурительных войн (с Врангелем, с Польшей и пр.), могло дать учительству из своих ресурсов очень немного. В это время и появляется мною упоминавшийся декрет Совнаркома от 15 сентября 1921 г. о проведении среди населения добровольного самообложения на нужды просвещения. В частности с одной десятины пашни надо было собрать (такой расчет был сделан по волости): 5 ф. муки ржаной, $6\frac{3}{4}$ ф. картофеля, $1\frac{1}{8}$ ф. мяса и 8 золотников масла. Эти продукты дали бы возможность каждому школьному работнику (и школьным сторожам тоже) получить годовую норму: 9 пуд. муки, 12 пуд. картофеля, 2 пуда мяса и 6 ф. масла.

Среди крестьян, прослышавших о декрете, начались разговоры:

— У нас у самих ничего нет.

— У меня детей нет, мне на школу наплевать!

— За что давать? Они (т.-е. учителя) ничему ребят не учат.

И так далее...

Добровольно так и не собрали. Собрали принудительно, как я уже указал, каждому работнику по 9 пуд. ржи и по 6 п. картофеля, что и было выдано в 1922 году.

---

[1] Цитирую протокол Союза работников просвещения волости от 5 мая 1921 г. Необходимо учесть одно обстоятельство, подавляющим образом действовавшее на психику сельского учителя: он-то голодал, а крестьянская масса, среди которой он жил, ела более или менее сытно. Это все равно, что голодать в современном Ленинграде, видя в гастрономических магазинах окорока, колбасы и пр.

Вот горемычное житье-бытье нашего учительства за первые 5—6 лет революции. Если я случайно и позабыл о каких-нибудь пайковых крохах,—да не поставится мне это в вину. Общая картина ясна...

Лишь за последние годы, как видно из приведенной выше таблички зарплаты, материальное положение учительства стало улучшаться. Но все же оно и в настоящее время плохо—это видно по цене хлеба. Мы знаем, что по РСФСР учительство имело в 1926 году 47% от довоенного заработка, а металлисты—76%, а работники пищевкусовой промышленности даже более 100% от довоенного заработка. Учителя недоумевают:

— Почему именно мы, учителя, являемся какими-то пасынками у соввласти? Отчего отсутствует равномерное, по всему фронту трудящихся, поднятие зарплаты?..

Теперь пойдем дальше. Посмотрим, что учитель дал школе, как он усвоил новые методы преподавания, о которых так много говорили и говорят в столицах, и пр.

В этой области—скажу прямо—почти до 1924 года ничего не было сделано. Какой школа у нас в волости была до революции, такой (с маленькими оговорками) она и оставалась до 1924 г. Общая причина этого явления—слабая подготовка самих учителей. А заняться переподготовкой—под чьим руководством? У нас в провинции не было таких людей, от которых можно было бы получить сведения о всем новом, что творилось в области школьного дела. Но так как официальным руководителям уездного отдела народного образования неудобно было отговариваться незнанием по вопросам школьной реформы, новых методов и пр., то они давали такие разъяснения на те или иные недоуменные вопросы, что прямо оторопь берет. Раза два устраивались летние курсы для учительства в уездном городе. Власть, правда, приглашала в качестве лекторов на эти курсы даже кое-кого из работников высшей школы Москвы. Приезжие гастролеры говорили много умных слов и красиво закругленных фраз, но... но учительство разъезжалось с курсов опять-таки без всяких сведений о том, в чем же, наконец, сущность того нового, что надо внести в школу.

Маленькое отступление. Если я говорю о слабой подготовке сельского учительства в отношении восприятия и усвоения им новых начал, которые должны быть фундаментом действительно новой школы, то я отнюдь не считаю, что сельское учительство здесь далеко, далеко отстало от городских педагогов и даже от столичных. Так, например, среди ленинградских педагогов, как показала работа специальных испытательных комиссий, функционировавших в 1923 году (в 1923!), имелось изрядное число таких косных людей (с высшим образовательным цензом), которые были твердо убеждены, что суть, например, трудового метода—в столярничанье и пр.

Что же удивительного, если горицкие педагоги в 1922 г. и даже позже трудовой метод понимали так: «необходимо, чтобы умственный и физический труд в школьных занятиях переплетались между собою. В этом сущность трудового метода, который должен быть признан и проведен в школах» [1]. Итак, горицкие педагоги ядро трудового метода, подобно многим и многим из своих столичных собратий, усматривали в ручном труде (апостол трудового метода Кершенштейнер давно и много раз протестовал против такого понимания его метода). Горицких педагогов, как я убедился, сбивал с толку термин «труд». Что трудовое начало должно пониматься, как активное познание учеником окружающей действительности (пускай ученик «своим умом» доходит, но лишь под контролем педагога), пришедшее на смену старому, пассивному усвоению знаний (когда «зрячий»—учитель был поводырем «слепого»—ученика),—вот эта простая мысль о самодеятельности учащихся в области их умственного развития педагогической массой усвоивалась вначале туго и плохо.

Учителя и сами это понимали. В цитированном выше протоколе (от 16 апреля 1922 г.) читаю: «Переподготовка учащих необходима. Желательно создание педагогических кружков».

Эти «желаемые» кружки по переподготовке были созданы и с февраля 1923 г. действовали. В чем выразилась их деятельность? За 1923 год было прочитано 12 докладов на

[1] Протокол от 16 апреля 1922 г.

темы: 1) сущность марксизма, 2) происхождение мира, 3) сущность экономической науки, 4) сущность капиталистического строя, 5) от дикаря к коммунизму, 6) сущность социалистического строя, 7) развитие прав женщины, 8) сущность религии, 9) школа и религия, 10) школа в коммунистическом обществе, 11) рабочее движение на Западе и 12) кооперация. Нужно сказать, что все эти доклады (за исключением двух—трех)— простой пересказ какой-нибудь одной, довольно элементарной книжки, напр., по второй теме—известной книжки Бельше и т. д. Почему так скромно?—Книг не достать, да с большим материалом и справиться трудно. Но самое главное: почти все темы не для педагогической переподготовки. Причина опять-таки понятная: нет опытных методистов, людей новой закваски, под руководством которых можно было бы «переподготовиться». Таких методистов-то и в Ленинграде было тогда 2—3 человека, а откуда им взяться в провинции?!.

Однако со следующего 1923—24 учебного года горицкие педагоги в процессе своей переподготовки плотнее подходят к школе. Это видно из списка тем, послуживших им для докладов, обсуждавшихся на общих собраниях учителей. Напр., проработаны темы: 1) основной строй советской трудовой школы, 2) метод обучения грамоте по Флерову, 3) естественный метод обучения грамоте, 4) знакомство с методом обучения и воспитания по Монтессори, 5) трудовая школа по Кершенштейнеру, 6) школа по Гурлиту, 7) комплексный и экскурсионный методы, 8) система образования Крупской, 9) школа Шацкого и т. д.

Итак, по мере того, как трагически-тяжелая материальная необеспеченность учителя отходила постепенно в прошлое, он, этот незаметный сельский труженик, привыкший всегда добросовестно исполнять свой долг перед народом, оживал не только физически, но и духовно. Он почувствовал, как мы уже указали, непреодолимую жажду осмыслить все новое, особенно то, что непосредственно относится к делу народного просвещения, и передать это новое молодому и взрослому поколению волости. Но это действительная, настоящая, а не формальная переподготовка учителя, переподготовка, превращающая его из только учителя в советского общес-

ственного работника, могла совершаться, конечно, рука об руку с ВКП(б) в лице ее местной ячейки. Однако ячейка оказалась далекой от понимания сути момента и смотрела на работников школы с бюрократическим недоверием. Темной страницей в истории горицкой ячейки ВКП(б) будет такая, например, запись в протоколе школьных работников волости от 21 июня 1924 года: «Партийцы не принимают участия в работе коллектива школьных работников, хотя не раз коллектив этого просил и предлагал свой план для совместной работы; пренебрежение партийцев есть провинциальный пережиток, и его давно пора отбросить и помочь работать». Подобная местная школьная политика позднее, на Всесоюзном учительском съезде (январь 1925 г.), получила должную оценку из уст вождей ВКП(б).

В общем сейчас, в начале 1927 года, горицкому учителю работать нелегко, но он уже и втянулся в общественную работу и заинтересовался ею. Если сравнительно недавно, в период плохого материального и морального положения учителя, лишь отдельные горицкие педагоги выявляли живое отношение к своему делу, то теперь, наоборот, формально-сухо к своим обязанностям относятся одиночки, являющиеся исключением.

Чтобы нам было понятно общественное значение педагога в волости, укажем на некоторые виды работы, в которой он принимает самое деятельное участие: 1) агропропаганда, 2) кооперативная пропаганда, 3) громкое чтение, 4) стенная газета, 5) ликвидация неграмотности, 6) пионеры, 7) различные общества: МОПР, «Друзья детей» и др. и т. д.

А вот страничка из интимного дневника учителя-общественника, которая ярко и рельефно подчеркивает, какой действительно важной частью в общественном механизме волости является в настоящее время учитель, и дает понятие об объеме его работы вообще. Я привожу записи дневника только за одну неделю текущего учебного года, но все записи как за предыдущее, так и за последующее время в этом же роде.

Щадя скромность автора дневника, мы не называем его имени.

22/X. В 9 часов ушла в Горицы, пришла в 10 час. вечера:
1) Волостная конференция Рабпроса. Мое участие в ней: а) доклад уездной конференции, б) доклад о работе кружка; выбрана корреспондентом в „Учительскую Газету".
2) Собрание сельскохозяйствен. кружка,
3) Собрание бюро по переподготовке.
4) Лекция о скарлатине.

23/XI. 1) До 11 часов меняла книги подросткам.
2) С 11—3 час. волостная конференция молодежи.
3) С 5—8 час. кружок молодежи.
4) Беседа с крестьянами о том, как писать на конкурс „Тверская Правда" о сельск. хоз. 8—9 час.

24/XI. 1) Занималась одна с 4 группами до 3 часов.
2) Просматривала тетради.
3) С 6 час. до 1 часа беседа с волполитпросветорганизаторами о предстоящих районных делегатских собраниях и партсобрании.
4) До 2 часов ночи просматривала корреспонденции кр-н в газету.

25/XI. 1) Занятия с 4 группами до 3 часов.
2) Должно быть занятие с подростками вечером, но, в виду ужасной погоды, отменила.
3) Подбирала материал к занятиям.
4) Прочитала газеты. Легла в 3 часа.

26/XI. 1) Занималась с 4 группами до 3 часов.
2) Говорила с районным о нашей работе.
3) Подготовила доклад о ликвидации неграмотности к делегатскому собранию на 27.
4) Приделала конец к пьесе „Перед весной".
5) Поправила тетради учеников.
6) Читала газеты и легла в 2 часа.

27/XI. 1) Занималась с 4 группами до 12 часов.
2) Доклад о ликвидации неграмотности на делегатском собрании до 5 часов.
3) Кружок молодежи с 6 до 9 часов.
4) Чтение газет.

28/XI. 1) Утром составила план работы пионеров на декабрь месяц.
2) В 10 часов пошла с учениками на спектакль. Там было пение, игры и декламация.
3) Собрание марксистского кружка.

В заключение укажем образовательный ценз и стаж педагогов волости (сведения на 1 января 1927 г.):

Окончивших	педагогический техникум	4 челов.
„	учительскую семинарию	2 „
„	школу II ступени	5 „
„	епархиальное училище	5 „

Окончивших духовную семинарию		1 челов.
„ женскую гимназию		2 „
„ другие учебные заведения		4 „
Всего		23 челов.

Со стажем от 1 до 5 лет		7 челов.
„ „ „ 5 „ 10 „		5 „
„ „ „ 10 „ 20 „		9 „
„ свыше 20 „		2 „
Всего		23 челов.

Собственное крестьянское хозяйство имеют 4 учителя. У семерых крест. хоз. имеют родители. Остальные не имеют связи ни лично, ни через родных с крестьянским хозяйством.

Материальная обстановка школьного дела. Мы намеренно начали главу о школе не с описания материальной обстановки школьного дела, а с характеристики положения и облика педагога, так как считаем, что педагог является главным, основным элементом того целого, которое мы именуем школою. Теперь же рассмотрим материальную обстановку самого школьного дела.

Следует указать, что в связи с укрупнением волости (в 1922 и в 1924 гг.) к школам прежней Горицкой волости прибавилось еще 3 школы, где в течение последнего года обучалось около $^1/_5$ всех учащихся. Так как ни по плотности своего населения, ни по своим хозяйственно-культурным чертам присоединенные районы не отличаются резко от соответствующих условий, характерных для нашей волости вообще, то как-нибудь особо выделять и отдельно рассматривать школьное дело в прирезанных к волости территориях мы, конечно, не будем.

Какое цифровое выражение самых основных данных: количество школ, учащихся и учащих в них и % охвата школою детей школьного возраста?

Вот эти сведения:

Дата.	Школ.	Учащихся.	% охвата.	Педагогов.
В 1890 г.	6	225	22	7
„ 1914 „	10	550	54	12
„ 1921 „	14	1 050	100	29
„ 1924 „	15	756	65	21
„ 1925 „	15	739	63	21
„ 1926 „	15	829	70	24
„ 1927 „	15	817	75	23

По поводу этой таблицы необходимо дать некоторые объяснения.

При укрупнении волости мы получили 3 школы (за 1922 и 1924 гг.), но разница между 1921 и 1924 гг. по нашей таблице только на одну школу. В промежуток 1921—24 гг. две школы (из 14) на территории прежней волости были закрыты.

Теперь относительно процента охвата школою детей школьного возраста. При исчислении процента мы принимали во внимание число ребят к началу учебного года. Если же брать списки детей к концу учебного года, то % охвата снизится в среднем на 10—12%. Бросается в глаза громадный наплыв учащихся в школы в 1921 году и резкое падение их в 1924 году (если мы из 756 вычтем 150 чел. учащихся трех переданных волости школ при ее укрупнении, то получим цифру—ребята прежней Горицкой волости—606, которую и надлежит сопоставить с цифрою 1.050). Объяснение наплыва ребят в школы в 1921 году надо видеть з следующем. Еще в 1919 г. по деревням пошли слухи, что школьники будут бесплатно получать—кто говорил: сапоги, кто—одежду, а самые большие оптимисты утверждали «из верных источников», что и сапоги, и одежду, и даже «все прочее». В результате все ребятишки школьного возраста были мобилизованы своими родителями и отправлены в школы. Прирост школьников замечается уже в 1920 году—817 детей. А когда в 1920 году ребята, не получив, правда, сапог, одежды и «всего прочего», все же принесли домой по 5 аршин ситца, то к следующему 1921 году и был мобилизован весь школьный возраст волости. Родители толковали:

— Вот ситец выдали. Ведь раньше никогда ничего не выдавали. Наверное, сапоги и одежду будут в нынешнем году выдавать.

И с 817 число школьников дошло до 1.050.

Ребята опять получили ситец, но тут же появляется декрет (от 15 сентября 1921 года), притягивающий все население к материальным заботам о школе. Вот тут-то и пошли разговоры:

— А на что мне школа—у меня и детей-то нет... И т. д.

Когда на школу стали все-таки собирать и когда платить

пришлось все-таки (в бо́льшей мере во всяком случае) родителям, так как «все население», упоминаемое в декрете, ловко увертывалось от «добровольного самообложения», то количество учащихся на следующий же год сразу резко упало,— родители стали держать ребят дома, надеясь, что платить на школу тогда придется меньше.

Если мы возьмем 1926 и 1927 годы, то увидим снижение числа школьников (на 12 чел.) и повышение % охвата (на 5%). Здесь нет никакой ошибки: ведь цифра, выражающая % охвата, связана не с количеством учащихся, а с числом детей школьного возраста в данном районе.

11 наших школ—трехлетки. Только четыре трудшколы имеют по 4 класса. Обучение—бесплатное.

Что касается бюджета 15 школ, то дать его за все десятилетие совершенно невозможно. За первые годы вообще не было никакого бюджета, затем наступил период бюджетной неразберихи: ассигновывались одни суммы, выдавались другие, деньги расходовались не по прямому их назначению, отчасти давала средства волость, а отчасти—уезд и пр. В конце-концов отчетливый бюджетный материал мы имеем только за два последних года, который и даем с подразделением статей расхода на рубрики.

Расход.	1925 — 26 г.	1926 — 27 г.
Зарплата	12.527 руб.	14.448 руб.
Соцстрах	1.253 „	1.445 „
Местком	188 „	144 „
Канцелярские расх. .	210 „	200 „
Хозяйствен. расх. . .	940 „	1.427 „
Капитальный ремонт .	600 „	727 „
Учебная часть	1.022 „	1.012 „
Приобретен. инвент. .	250 „	390 „
Прочие расходы . . .	—	197 „
Итого	16.964 руб.	19.990 руб.

Средний расход на одного учащегося по линии трудшколы повысился с $20^1/_2$ руб. в 1925—26 г. до $24^1/_5$ руб. в 1926—27 г. Надо сказать, что в 1890 г. на одного учащегося общий расход у нас был 5 руб., а в 1917 году—11 руб. Эти рубли, конечно, довоенные, а за 1925—27 гг.—червонные. Но, подравнивая червонный рубль к довоенному, можно сказать, что трата на учащегося в настоящее время не меньшая, нежели в 1913 году.

Если мы возьмем школьные здания, то процент изношенности их по волости равен 50. Это, конечно, высокий процент и объясняется он тем, что новых школьных зданий за весь десятилетний период совершенно не возводилось, а капитальный ремонт стал производиться только за два—три последних года. Но во всяком случае каких-либо полуразвалин, с выбитыми стеклами, с протекающими крышами и пр. наши школы не представляют. Но общий их крупный недостаток—теснота и затем еще некоторые из них размещены в бывших церковных сторожках, полутемных помещениях. Возьмем, например, балдеевскую школу: учащихся—57, а классная комната (одна) с площадью в 154 кв. аршина, т.-е. меньше одной квадратной сажени на человека. А ведь в классе еще парты стоят—места свободного, значит, совсем нет. Но теперь еще в этом отношении все же лучше. Несколько же лет назад, когда некоторые школы, из-за ветхости своих собственных зданий, ныне приведенных в порядок, помещались в наемных избах, дело обстояло из рук вон плохо. Вот выдержки из протокола врачебного осмотра школ (протокол от 26 декабря 1920 года): напр., школа в дер. Паньсково находится «в наемном помещении—в маленькой избе (8 на 8 арш.), где занимаются 23 человека; тут же живет семья хозяина избы, происходит стряпня, стирка белья»; или школа в дер. Молоди: «в наемном помещении, которое по объему (9 на 9 арш.) совершенно недостаточно для 72 учащихся; здесь душно, темно, сыро, нет вторых рам; все ученики жалуются на головную боль», еще—школа в с. Балдееве, где «второй комплект учащихся занимается в церковной сторожке; здесь очень низкие потолки и настолько темно, что дети не могут писать и плохо видят текст, так что почти не читают». Мы ограничимся при-

веденными цитатами, хотя могли бы привести и еще несколько подобных выдержек.

С учебниками и учебными пособиями в начале революции дело обстояло совсем плохо. Теперь—значительно лучше, хотя все же ненормально. Так, книг для чтения только на 75% учащихся (на 4 учащихся 3 книги), а задачниками снабжены 50% учеников (на двух одна книга). Тетрадями, карандашами и перьями тоже снабжена только половина учащихся. Я, конечно, говорю о бесплатном снабжении и учебниками и канцелярскими принадлежностями. Так как родители некоторых учащихся приобретают своим детям все необходимое, то фактически дело по этой линии обстоит лучше, чем говорят вышеприведенные цифры.

В чем действительно ощущается крупный недостаток, так это в наглядных пособиях, в простейших приборах по естествознанию и в литературе для внеклассного чтения.

Балдеевская школа. Чтобы иметь некоторое представление об облике нашей горицкой школы, я коротко остановлюсь на очерке работы и школьного житья-бытья одной из 15 школ—балдеевской. Эта школа была у нас пионером по части перехода на новые рельсы и в области преподавания, и в сфере школьных порядков, и по линии обслуживания окружающей школу среды. Мало-по-малу другие школы волости, равняясь в большинстве случаев на балдеевскую, преодолели свою косность и в настоящее время почти ничем от нее не отличаются.

В балдеевской школе 60 учащихся обоего пола, в возрасте от 8 до 12 лет, разбиты на четыре группы (класса). Учащиеся имеют свое самоуправление, организованное таким образом: каждая группа выбирает своих представителей, которые все вместе образуют школьный комитет. Ребятишки относятся к своим обязанностям с большим энтузиазмом и страшно серьезно. И иногда они приносят существенную помощь школе. Вот пример: 11-летний мальчик из близлежащей деревни совсем отбился от рук; учительницы пытались подойти к нему и так и сяк,—мальчик, от природы умный, продолжает хулиганить и знать ничего не желает. Тогда учительницы решились передать его школьному комитету. Последний принялся

за дело горячо: завел переписку с отцом мальчика, имя мальчика, как лица, поведением своим позорящего репутацию школы, занесли на 2 недели на черную доску, указали мальчику, что, если его исключат из школы, он останется неграмотным и нарисовали перед ним картину житья-бытья неграмотного человека и т. д. В результате через два месяца хулиганивший и нежелавший до того учиться мальчик стал примерным и по поведению и по успехам. В школе имеется институт шефства взрослых учеников по отношению к младшим, а в старшем классе—наиболее успевающих по отношению к менее успевающим (к каждому ученику-шефу прикреплен определенный учащийся). Есть свой кооператив, во главе которого стоит правление из трех человек: дети вносят по 20 коп. членских взносов и покупают учебные пособия для своих членов; школьный кооператив находится в соглашении с местным отделением Сельпромсоюза, отпускающим ему все пособия с большой скидкой. Из среды учащихся избран состав двух комиссий: 1) редакционной и 2) санитарной. Редакционная комиссия подбирает материал для стенной газеты, сотрудниками которой являются исключительно учащиеся школы. Выпуск газеты обычно приурочивается к заканчиванию определенного круга занятий, и газета подводит как бы итог по известному циклу [1].

---

[1] Даю здесь в извлечении содержание одного из номеров школьной стенной газеты. Номер этот называется „Зимняя Деревня" и приурочен к началу зимы.

1) Передовая статья. Мы издаем зимнюю газету. Наша газета напоминает нам о зимней жизни в школе и в деревне. А это нам очень полезно, потому что знание это пригодится в жизни.

2) Законы и заповеди пионера (перечислены общеизвестные пионерские заповеди).

3) Порядки в школе. У нас в школе есть санитарная комиссия, которая следит, чтобы в школе не было больных, чтобы не ходили грязные, и следит за чистотой в ватере, еще — чтобы не было рваных. Вот как с ними поступают: если придет кто не в порядке, если грязные — вымоются, если рваный — зашьют. А если в ватере нагрязнено — чистят. Еще есть представительницы групп. Они должны знать все, что делается в группе, и если балуют — унять. Если есть паразиты, чтобы не было. Вот еще какие законы: если кто врет — на черную доску; подчиняйся школьным порядкам. И еще: не жадничать и быть друг с другом в дружбе. Паня Крылова.

Санитарная комиссия наблюдает за общим порядком, начиная с внешности учащегося и кончая санитарным состоянием школы. Благодаря существованию этой комиссии учащиеся балдеевской школы чисто вымыты, одеты если иногда и в плохонькую одежонку, но она у них аккуратно починена и пр. В конце декабря 1924 года при школе организован пионерский форпост (в начале 1925 г. такие форпосты открылись в двух школах волости). Довольно часто бывают общие собрания учащихся, где они сами и вполне самостоятельно делают доклады по ряду вопросов школьной жизни, производят вы-

---

4) Наш новый изобретатель аршинов. У нас в школе в IV группе появился новый изобретатель аршинов. У него в аршине 3,14 вершка. А это получилось потому, что много балует и работает мало. С. Филиппов.

5) Школьные кооперативы. Часто наша школьная работа хромает оттого, что у учеников долгое время нет карандашей или бумаги. А тут будет, что хочешь. Вереинские ученики организовали кооператив. Взносы членов 50 коп. в рассрочку. Управляется особым органом — правлением, выборным от кооперации. Товары привозят из сельскохозяйственной кооперации. Яша Гусев.

6) Школа крестьянской молодежи. У нас в волости есть школа. В школе устраивают по вечерам собрания; там, на собраниях, читают газеты, рассказывают, как надо обрабатывать землю, и еще, как надо ухаживать за скотом. На собрания ходят молодежь и мужики. Когда у нас в деревне не было школы, мужчины где-нибудь просиживали на поседках и ничего не получали полезного. На собрании же все что-нибудь узнают. Эту школу построил Иван Сергеевич Гусев. Н. Ежов.

7) Еще о школе крестьянской молодежи. В школе делают газеты стенные. Праздники устраивают, какие мы. И кроме этого, у них по четвергам бывают собрания. На этих собраниях читают газету „Безбожник". А молодежь берет книги для чтения, читают и рассказывают, а кто не понимает, тому опять снова дают перечитывать. Еще у них есть свой кооператив. В кооперативе продают бумагу, перья, резинки, краски и карандаши. У них помаленьку торговля развивается. Школа крестьянской молодежи взяла кормить быка из деревни Вереинки. Они ему сделали ясли. Им прислали разрешение купить корову. Кимры дают 300 руб. — корову купить и прокормить ее. Теперь они делают модель коровьих ясель и овечьих. Вот что они делают в своей школе.

8) Как женщина готовится к просвещению. Женщины теперь стараются не отставать от мужчин. Они теперь ходят на собрания в школу и там обсуждают вопросы. И вот у нас 10 декабря 1924 г. было делегатское собрание, и там делегатки говорили об избе-читальне. Они го-

боры в те или иные школьные органы и организации и т. д. Собрания эти довольно охотно посещаются родителями учащихся, и родители несколько удивленно, но с гордостью присматриваются к своим Ванькам, Митькам, Катькам, Наташкам и др., к этим совсем новым человечкам, которые как-то по-особому и рассуждают и действуют. Таковы формы общественно-школьной самодеятельности учащихся в Балдееве.

Но как балдеевские школьники «грызут гранит науки», т.-е., попросту говоря, как идет их учеба? Сами учащиеся проявляют бо́льший интерес к общественно-школьной жизни, мною уже описанной, нежели к изучению письма, чтения, счета и других премудростей. И руководительницам школы приходится умерять пыл учащихся к общественной жизни, разумно направляя его в сторону школьной премудрости. Само собою разумеется, что метод обучения ребятишек наукам не состоит в задавании им по книжке «от сих» и «до сих»,

---

ворили, что изба-читальня приносит большую пользу, и тут же соловьевские делегатки говорили, что изба-читальня им не нужна, потому что им некогда туда ходить. А им сказали: „А ваши мужики сознательнее вас, они хотят открыть". На собрании была филипповская баба, и она говорила, что раньше жилось лучше, потому что тогда товары давали взаймы. На собрании были некоторые делегатки неграмотные, а Ольга Ильинична сказала, что надо им выучиться, и их учить поручили ученикам, а другим дали книги, чтобы они читали. А. Константинов.

9) Какие работы зимой у женщины. Женщины зимой вот что делают. Как только отреплют лен, то всю зиму прядут, ходят по поседкам. Когда напрядут на тальку, то смотают. И так прядут тальку за талькой. Потом, когда напрядут, ткут, снуют, красят и потом уж, когда все это сделают, будут белить или шить. Но, кроме пряжи, у них есть еще домашние дела — они ухаживают за скотом. Но ни одна женщина никогда не возьмется за книгу или чего написать. Они не знают, что из книг вычитываешь что-нибудь. И еще не ходят по собраниям, говорят, что некогда, но это неправда — в субботу вечером не прядут, вот и время. Сходили бы на собрание, узнали бы многое. Вот возьмем пример: они ухаживают за скотом. Коровы доят очень плохо, а это все от плохого ухода. А читали бы книги да ходили бы по собраниям, узнали бы, как ухаживать. И еще очень многому научились бы. И тогда была бы жизнь светлая и ясная.

В приведенных статьях я исправил лишь кое-какие орфографические ошибки. В газете имеются, помимо приведенных, и еще статьи: 1) Как наши девушки относятся к балдеевскому кружку. 2) Чем занимается вересинская молодежь. 3) Удой нашей и заграничной коровы и др.

а направлен к пробуждению активности и инициативы мышления ребятишек и, если можно так выразиться, к разжиганию в них жажды знания.

При знакомстве с работами учеников балдеевской школы все же приходится установить, что основной метод проработки программного материала является смешанным, применяется экскурсионный метод, метод наблюдений, зарисовки, диаграммы.

Вполне возможно определить школу по методу занятий—иллюстративной.

Согласование комплексного материала с навыками проявляется еще в слабой степени. Элементы воспитательского воздействия значительно превалируют над образовательными.

В подробной записи о содержании пройденного материала, о методах проработки очень мало указывается на связь с техническими навыками. Подходя грубо к соотношению времени, затраченного на проработку той или другой темы комплекса и на выработку технических навыков, можно выразить это отношением 80% : 20%. Это обстоятельство сказывается и на ученических тетрадях: они полны темами, взятыми из современной жизни, но грамотность в них весьма страдает.

Так обстоит дело в балдеевской школе в отношении учащихся в ней. Но ведь новая школа должна быть местным культурным центром. Руководительницы балдеевской школы хорошо понимают это, и поэтому их работа не ограничивается только занятиями и возней со своими школьниками.

Школа балдеевская развивает работу и среди подростков и среди взрослых. Так, около школы группируются бывшие ученики ее, уже окончившие в ней курс. Они вместе со школой принимают деятельное участие в разного рода кампаниях, связанных то со «днем урожая», то с тем или иным революционным праздником и пр. Спектакли в школе, литературные утра, занятия в группе по обществоведению (имеется такая группа в 15 человек)—вот та плоскость, в которой идет работа с подростками.

За подростками идет взрослый молодняк (от 18 до 25 лет). С ними наиболее развитой формой работы являются спектакли, при чем они не только принимают в них участие в кач-

стве актеров, но пьесы предварительно с ними прорабатываются на предмет уяснения идеи пьесы и ее общественного значения. Кроме того, эта молодежь читает газеты, журналы и книги по сельскому хозяйству, пользуясь школьной библиотечкой. Среди молодняка таким образом имеются два кружка: театральный и по сельскому хозяйству.

За молодняком идет четвертая по счету группа (считая со школьниками)—бородачи. Они читают газеты, которые передаются по деревням школой, и заслушивают научные доклады, приуроченные к дням спектаклей, на которые бородачи ходят.

Так работает школа в с. Балдееве, и по типу этой работы налаживается дело и в других школах волости.

Мнения крестьян о школе. В настоящее время отношение массового крестьянства к школе можно назвать отношением выжидательным. Крестьяне видят, что школа за два—три последних года (когда под нее был подведен более или менее сносный материальный базис) здорово развивает их ребят, но в то же время у этих же самых ребят нет многого того хорошего, что давала прежняя школа: твердости в счете, грамотности в письме, четкости в почерке и пр. Поэтому многие крестьяне воздерживаются как от положительной, так и от отрицательной оценки школы.

Об отдельных моментах слышишь такие мнения:

— Учат одним балушкам. Бумагу да карандаши портят (рисование, диаграммы).

— Шляются по полям да лесам, только зря обувь дерут (экскурсии).

— Пахать да огород садить они и дома научатся (работы в школьных огородах).

— Против прежнего учат слабее (счет, грамотность, почерк).

— Раньше ученик старших почитал, а теперь идет и шапку тебе не снимает (отсутствие твердой дисциплины в духе дореволюционного времени).

Единицы, сетующие на отмену в школе преподавания «закона божия», замечают:

— Бога забыли, а Ленина чтут. Только и знают, что о Ленине твердят.

Отношение детей к школе и к учению лучше всего характеризуется такими фразами, которые частенько приходится слышать:

— Сегодня погода плохая, насилу дошел. Мама меня не пускала, а я убежал.

При отпуске на зимние каникулы раздаются обычно возгласы:

— У, как надолго, мы все забудем.

Чувствуется, что для ребят современная школа—не «казенное заведение», а родной дом, где им все понятно, все интересно.

ШКОЛА КРЕСТЬЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ (ШКМ).

Школы крестьянской молодежи—совершенно новая форма образовательной работы. Правильная целевая установка их способствует закреплению приобретенных знаний путем живого труда. Здесь учащийся не только учится, но и практически работает в хозяйстве своего отца и своей деревни. Вот эта необычно живая приспособленность ШКМ к условиям деревни и ее роста сделала очень много в смысле популяризации, укрепления и роста этих школ.

Несмотря на совсем короткий срок,—строительство школ началось только в 1924 г.,—по РСФСР мы сейчас имеем уже 500 школ. В 1925—26 г. учащихся было 34 тыс., осенью 1926 года принято еще 25 тысяч.

Из всего количества учащихся 25 процентов составляют девушки.

Интересен социальный состав школ.

Батраков—6,6 проц., бедняков—38,7 проц., середняков—47,2 проц., кулаков и проч.—4,8 проц., детдомовцев и детей рабочих—2,7 проц. В смысле более полного охвата бедняков и батраков, как видно из цифр, мы еще особо больших достижений не имеем. Объясняется это бедностью школ. Так, например, при 20 проц. школ совершенно нет общежитий, а 60 проц. не имеют стипендий. А так как основную часть и без того скудных школьных ассигнований занимает зарплата, то на все остальное почти ничего не остается.

И, однако, несмотря на всю свою бедность, школы крестьянской молодежи завоевали симпатии крестьян, широко развернули свою учебную и общественную работу. Об этом ярче всего говорят цифры. К примеру: 14 школ за 1925—26 учебн. год очистили 34.881 пуд зерна, 42 школы устроили

429 кормушек, 7 школ заложили 163 опытных участка и делянки, 5 школ перевели на многополье 6 деревень, 18 школ организовали 24 сельскохозяйственных кооперативных объединения, 32 школы открыли 16 вечерних с.-х. курсов для взрослых, 21 ликпункт и пр.

«Шекамята» [1], как крестьяне называют учеников, не только учатся, и не плохо учатся, но они сейчас же внедряются в хозяйство своего отца, в хозяйства своей деревни, подчас в хозяйства своей округи, внедряются и лично, и коллективно; все, что узнают в школе, буквально несут в жизнь и вследствие этого не только оплодотворяют ее, но и путем живого труда закрепляют свои приобретенные знания. Это поистине трудовая школа, и некоторая неожиданность этой трудовой школы заключается в том, что она так ладно приспособляется к крестьянскому хозяйству. И нередки случаи, когда агрикультурное воздействие школы на округ является более успешным, чем деятельность местного агронома.

Теперь перйедем к нашей горицкой ШКМ.

Зачалась она у нас так.

Задумал один наш учитель из местных крестьян, И. С. Гусев, строить в волости школу II ступени с общежитием для учащихся и достаточным количеством земли, доходы с которой, при обработке ее силами учащих и учащихся, и доставляли бы средства на покрытие главных расходов по школе. Еще в 1920 году приступил он к осуществлению задуманного. Сразу же выяснилось, что местная власть может помочь только одним—отвести на сруб делянку леса. Толкнулся к крестьянам. Заразил их своим энтузиазмом. Те решили:

— Обязательно поставим училище.

Но крестьянина надо знать. На сходе, в массе, он соглашается на многое и принимает на себя самые разнообразные обязательства, но когда дело доходит до исполнения обещанного, то... то тут и получается запятая.

Пришло время в лес ехать, деревья валить да возить. Начались разговоры:

— Делать—так всем, а здесь наших и полдеревни нет.

[1] По трем начальным буквам: ШКМ.

— А раз остальных нет, так мы-то что за дураки.

И так далее в этом роде.

С величайшим трудом, упрашивая, усовещивая, помогая сам, учитель кое-как заготовил необходимый материал и подвез его к тому куску земли, который он отвел под школу из своих земельных владений (учитель выделен на хутор).

Надо строить, а средств нет. Пошел учитель по волости с подписным листом собирать хлеб на постройку.

Многие упирались. Пришлось долго уговаривать, прибегая, смотря по человеку, к разнообразным аргументам— напр., хотя бы к таким:

— Раньше у нас по волости монахи на Афон собирали— ты подавал?

— Подавал.

— Но ты ведь на Афон, наверное, не собирался. Зачем же подавал?

— Для души.

— Вот и тут подпиши для души. Школа—это тот же Афон, от многого человека спасает...

Подписать-то подписались, но из обещанного доставили одну четвертую часть.

Расшевеливая и крестьян, и местный волисполком, и уездный отдел народного образования, после многих волнений и неимоверно тяжелого физического труда И. С. Гусев к концу 1924 года достиг таких результатов. На его хуторе «Зеленый шум» стояли уже новенькие постройки, в которых и была открыта первая в нашем уезде школа крестьянской молодежи, посещаемая 40 подростками. Но сперва для учащихся не было общежития, они жили в соседней деревне.

Любопытно узнать, что тов. Гусев, помимо земельной площади, отведенной им на своем хуторе под школу, кроме большого количества физического труда, затраченного на копанье разного рода канав, постройку и т. д., пожертвовал за эти годы из своего личного имущества на школу: 105 п. ржи, 70 ф. меда, шубу за 20 руб., поддевку за 15 руб., австрийскую шинель за 5 руб., другую шубу за 25 руб., овцу с 3 ягнятами, еще 10 пуд. хлеба, осеннее пальто, тужурку и брюки, молотильный барабан и пр. Не следует думать, что

все это пожертвовано от большого избытка. Здесь не избыток, а горячее желание отдать многое, чтобы достигнуть поставленной цели.

Если бы к энтузиазму тов. Гусева местные партийные и советские органы приложили в свое время свою хотя бы скромную помощь, то школа была бы и достроена и оборудована гораздо раньше конца 1924 года.

Так как ШКМ совсем новый, как было уже сказано, тип школы для нашей республики, то я позволю себе несколько задержаться на описании разнообразных сторон ее жизни.

Так как при организации школы самый тип ее еще не был достаточно выявлен, то потому и многие из условий, необходимых для ее построения, были совершенно упущены. Кроме двух небольших зданий, на хуторе тов. Гусева ничего не было: ни подходящего земельного участка, ни хозяйственных построек, ни необходимого инвентаря; не было также и денег, на которые можно было бы начать организацию учебного хозяйства школы и притом на голом месте. Отсюда и самая работа школы, принявшей программу ШКМ, больше носила характер теоретического изучения вопросов сельского хозяйства и мало чем отличалась от деревенской семилетки. Физиономия школы, как ШКМ, не была вполне выявлена ни для учащихся, ни для населения.

Вопрос организации необходимого для школы учебного хозяйства, хотя бы небольшого, при имеющихся на хуторе условиях разрешить и в будущем не представлялось возможным. А потому с первого же года пришлось думать о подыскании более подходящего места для школы. Таково же было мнение и губоно, представитель которого обследовал школу в первый год ее существования.

Решено было вновь выявить возможность организации школы в волостном центре—Горицах, т.-е. подыскать помещение, более соответствующее для этой цели, и земельный участок, на котором можно было бы повести организацию учебного хозяйства, ориентируясь на хозяйство крестьянина-середняка в отношении площади участка. Оказалось возможным приспособить под школу помещение бывшего волост-

ного правления, которое было занято страхагентством и лесничеством, а для учебного хозяйства использовать земельный участок горицкого агропункта, который не был использован по прямому назначению. Согласие на передачу школе земельного участка вскоре было получено, и с весны 1925 г. школа, еще находясь на хуторе тов. Гусева, приступила к его разработке. Перевод школы задерживался отсутствием денег на ремонт подысканного помещения, которых требовалось более трех с половиной тысяч. С переходом школы на уездный бюджет с осени 1925 года необходимая сумма была отпущена, а летом 1926 года был произведен ремонт подысканного в Горицах помещения и переведено одно из зданий, занимавшихся школою на хуторе.

1926—27 учебный год школа начала уже на новом месте и в условиях более нормальных, чем те, в которых ей приходилось существовать два года. Сейчас школа имеет довольно приличные классные помещения для всех трех групп с достаточным количеством школьной мебели, помещение для школьной библиотеки, общежитие человек на 15 учащихся с небольшой столовой и кухней и три квартиры для учащих и квартиру для сторожа. Недостает лишь хозяйственных построек, как-то: кладовой, погреба, двора и бани. Пока что вик, идя навстречу школе, предоставил во временное пользование школе три имевшихся у него старых сарая. Приобретен также и некоторый с.-х. инвентарь, машины и орудия. В данное время школа имеет 20 заступов, 20 шт. деревянных и железных грабель, по 10 кос и серпов, железный одноконный плуг, пружинную борону, окучник, веялку и соломорезку. И кроме того, школа получила после выселения имевшегося в волости бывшего помещика ручную молотилку, конные грабли, косилку и сакковский плуг.

За два года школе удалось запастись и некоторым учебным оборудованием: приобретены ряд наглядных пособий, необходимых для занятий по естествознанию и сельскому хозяйству, основные географические карты, элементарное оборудование и комплект реактивов для занятий по химии. За 1925—26 учебный год значительную помощь в этом отношении оказал Главсоцвос, предоставив разрешение закупить

за его счет наглядных пособий и учебников на 200 рублей. Правда, что сделано лишь начало в этом отношении, но все же хотя и небольшое оборудование дает возможность учащим оживить работу школы в смысле улучшения метода работы, позволяя, кроме применения элементов наглядности, демонстрации, применять иногда и исследовательские приемы работы.

Учебниками в настоящий момент школа также обеспечена вполне удовлетворительно, за исключением учебников по математике и сельскому хозяйству, которых имеется лишь не более как на 15% учащихся. Но в смысле соответствия учебников программам школы и вообще их качества дело обстоит далеко не удовлетворительно. Приноровленных для ШКМ учебников очень мало. Этот недостаток до некоторой степени устраняется наличием в школе порядочной библиотеки, которая, хотя в большинстве и состоит из мелких книг-брошюр, все же по содержанию исчерпывает почти все основные вопросы, затрогиваемые школьной программой. Во многих случаях приходят на выручку газеты и журналы, выписываемые за последний год школою в достаточном количестве. Из газет и журналов в школе имеются: «Крестьянская», «Беднота», «Правда», «Кимрская Жизнь», «Тверская Деревня», «Сам себе агроном», «Журнал крестьянской молодежи», «Крестьянский Журнал», «Крестьянка», «Наука», «Учись Сам», «Красная Деревня», «На путях к новой школе».

Так как школа строится, как непосредственное продолжение школы I ступени, то преобладающим возрастом учащихся является возраст от 12 до 14 лет. Наиболее соответствующим характеру школы возрастом был бы более старший возраст, примерно 14—15 лет при поступлении, но крестьяне считают нежелательным неизбежный в таком случае перерыв после школы I ступени в 2—3 года, полагая, что ребята дома за это время избалуются, отвыкнут от школы и все перезабудут, что получили раньше.

Большинство учащихся—дети крестьян-середняков Горицкой волости. Процент бедняков невелик, батраков же нет вовсе, хотя в волости и имеются районы, население которых состоит из батраков (пастухи). Кроме материальной необес-

печенности, поступлению батраков в школу мешает отсутствие соответствующей образовательной подготовки, так как в этих именно батрацких районах школы недостаточно обслуживают население и являются недоразвернутыми школами I ступени, имея трехлетний срок обучения или неполное число групп. Отсутствие стипендий в школе также не дает возможности привлечь большое количество детей бедняцкой части населения. Хотя вообще ШКМ и является детищем комсомола, но по Горицкой волости комсомол мало имеет связи со школой. Деревенский комсомолец, больше думает о том, как бы уйти в город, чем о получении знаний для улучшения своего крестьянского хозяйства. Комсомольцев, поступающих в школу, очень мало. Ребята вступают в комсомол после поступления в школу, на втором или третьем году пребывания в ней.

Основной целью занятий школы по сельскому хозяйству является выявление состояния местного сельского хозяйства, его недостатков и установление мероприятий и способов к их устранению. Главное внимание поэтому сосредоточивается на вопросах введения многополья, увеличения кормовых площадей путем улучшения лугов, клеверосеяния и разведения корнеплодов и на вопросах правильного содержания и кормления молочного скота. За отсутствием школьного хозяйства, практические работы, связанные с изучением этих вопросов, за истекшие два года проводились почти исключительно в хозяйствах самих учащихся. Ребята вели у себя по хозяйствам учет урожайности хлебов и трав, учет корма и получаемого молока. Некоторые добились применения в своих хозяйствах сильных кормов для молочного скота и перевели свой скот на правильное кормление по нормам. Почти все ребята производили у себя в хозяйствах посев корнеплодов, главным образом турнепса, сначала в огородах, а с весны 1926 года некоторые сеяли турнепс и в поле. Несколько человек перевели самостоятельно свое хозяйство на многопольный севооборот после того, как познакомились с этим вопросом в школе; занимались приготовлением компостного удобрения, применяя последнее на огороде. Все ребята в течение лета выполняли те или иные опыты по выра-

щиванию огородных и полевых растений, с точным учетом как проделываемой работы, так и получившихся результатов. Осенью 1926 г., по примеру прошлого года, была устроена выставка ученических экспонатов по сельскому хозяйству, посредством которой, вместе с учетом работы каждого ученика, подводился итог летней практической работы школы.

Работа учащихся в школьном хозяйстве до весны 1925 г. не была развернута в достаточной степени и ограничивалась лишь постановкой опытов на небольших делянках по выращиванию различных огородных овощей при различном удобрении, уходе, способах посева и обработки почвы.

Весной 1925 года, когда школе было дано разрешение пользоваться землей горицкого агропункта, был распахан из-под луга участок в 2 десятины для устройства на нем показательного многопольного севооборота, типичного для крестьянских хозяйств волости. Оставшаяся под лугом часть агроучастка, размером в 4 десятины, летом 1925 г. была скошена исполу силами учащихся и учащих, что дало возможность запастись на зиму кормом для купленной осенью коровы, которая была поставлена на правильное кормление по датским нормам. Кроме коровы, школа для практической работы учащихся по кормлению купила осенью 1925 г. на волостной с.-х. выставке породистого поросенка. Зимой удалось получить от Кимрского сельпромсоюза бесплатно сепаратор, что дало возможность познакомить ребят с его устройством и работой, пропуская молоко от школьной коровы и приносимое некоторыми из крестьян д. Вереинки. На лето 1926 г. сепаратор был отдан в прокат в одну из деревень волости, откуда имелись ученики. За неимением средств на обработку земельного участка в течение лета, весной пришлось продать корову с тем, чтобы оставшееся сено продать и на вырученные деньги нанять лошадь для обработки участка. Хотя школа все еще оставалась на хуторе, решено было летние практические работы (кроме домашних летних заданий) проводить в Горицах на агроучастке, который к этому времени уземуправление целиком передало школе. К двум десятинам, распаханным в 1925 году, было прибавлено еще ½ десятины подъемки и устроен опытный

огород в $^1/_8$ десятины. Весь участок был разбит согласно намеченного плана его использования и очищен от камней, которыми была усеяна вся его поверхность.

В будущем предполагается на этом участке, кроме основного 10-польного севооборота на $2^1/_2$ десятинах, устроить еще кормовой 10-польный севооборот на 1 десятине для сопоставления с предыдущим; устроить сад площадью в $^1/_2$ десятины, $^1/_2$ десятины же занять и под огород, а оставшиеся $1^1/_2$ десятины использовать, как луг, выделив из него некоторую площадь для постановки опытов по луговодству.

Некоторые работы, в осуществление намеченного плана, уже сделаны: поднята площадь под кормовой севооборот, расширена распашка под огород до намеченных размеров; с весны 1926 г. приготовлены ямы для яблонь, а осенью произведена посадка последних в количестве 30 штук; заложено 24 делянки на площади в 100 кв. саженей для постановки опытов, выявляющих действие минеральных удобрений на урожай луга. На полевом участке были поставлены опыты с удобрением суперфосфатом овса, ржи и картофеля.

Вся летняя практическая работа, как в поле, на огороде, а равно по уборке трав, проводилась силами учащихся и преподавателей путем регулярных звеньевых сборов учащихся. На звеньевые сборы отводилось три дня в неделю, причем каждому звену приходилось работать в неделю лишь один день. Это давало возможность ребятам легко справляться с работой в школьном хозяйстве, не особенно отрываясь и от домашних работ.

Для учета и проверки работ по летним заданиям в хозяйствах учащихся было проведено обследование их на месте путем посещения учащими хозяйства каждого ученика.

Для общего учета и проработки сезонных вопросов, относящихся к лету, устраивались каждое лето 2—3 общих конференции учащихся на срок в 2—3 дня. На этих конференциях подводился итог проделанной работе, давались указания на дальнейшее, проводились беседы и экскурсии по теме, поставленной для проработки на этот период. Таким путем школе удавалось проводить летние занятия в течение двух лет при посещаемости около 50%.

В силу незначительного возраста ребят, особенно младших групп, и отсутствия необходимых навыков для самостоятельной работы проведение серьезной общественной работы силами учащихся является делом весьма трудным. До сих пор эта работа школой в достаточной степени еще не организована.

В первый год (1924—25) главное внимание пришлось обратить на организацию внутришкольной жизни и постановку учебных занятий, что для работников школы, как для начинающих, было делом весьма нелегким. Организовали школьное самоуправление, в работу которого был втянут весь ученический актив; после занятий повели регулярную работу в ученических кружках—газетном и кружке «Безбожник», наладили регулярное издание стенной газеты—«На путях к новой деревне». Теперь газета издается уже третий год, вышло 26 номеров. А когда ребята приобрели некоторый навык самостоятельной коллективной работы, начали работу с населением, взявшись на первых порах за читку газет вслух для населения, устраивая таковую по вечерам два раза в неделю. За зиму 1925—26 года было поставлено шесть бесплатных спектаклей для населения. Крестьяне ближайших деревень приглашались на все собрания, проводимые школой в дни революционных праздников, а также и на учетные собрания, после проработки той или иной темы, если они заканчивались школьной выставкой, иллюстрирующей проработанную тему. Таких выставок за год было организовано 4. Все эти собрания посещались населением довольно охотно и обыкновенно в такой вечер школа была полна народом. Знакомясь ближе с характером и содержанием работы школы, многие из крестьян, относившихся раньше скептически ко всякому нововведению в школе, постепенно меняли свой взгляд на школу. А когда силами ребят была проведена разбивка на многополье 30 отрубов у крестьян д. Вереинки, то было положено начало и деловой связи с населением. Весьма довольны остались вереинские мужички, когда школа, за неимением собственного скота, взялась кормить и ухаживать за деревенским общественным быком и когда увидели разницу в результате по сравнению с прежней кормежкой

его по очереди. Предлагали было взять его и на вторую зиму, но так как и школьная корова стояла эту зиму на чужом дворе и стесняла хозяев, то удовлетворить их желание не представилось возможным.

В начале второго учебного года школа начала свою общественную работу участием в организации волостной с.-х. выставки. Эта работа во всех группах была тесно связана с классными занятиями по изучению состояния хозяйства волости. За работу по организации выставки при распределении премий школа получила печатный отзыв и небольшую с.-х. библиотечку. С осени же была начата, а весной продолжена работа по переводу на многополье крестьянских хозяйств в соседних деревнях. Учащиеся старшей группы сначала под руководством агронома, а потом совершенно самостоятельно ввели многополье почти на всех отрубных участках в деревнях: Березовец, Уголки, Никитское, Чухово, Кошкино, Кощеево, Авсевьево и Збыневля. Зимой в школе был открыт «красный уголок», где учащиеся, кроме читки газет вслух, ставили небольшие доклады на сельскохозяйственные и политические темы и вели занятия с неграмотными и малограмотными. При школе была организована ячейка ОДН, насчитывающая до 20 членов. В нее вошло и несколько крестьян соседней деревни. Ребята, члены ячейки, вели занятия с неграмотными, кроме Вереинки, еще в д. Уголках (в 1½ верстах от школы), а затем был ими организован ликпункт в дер. Филиппово (в 4-х верстах от школы). Некоторые ребята пытались проводить подписку на газеты и журналы; всего ими было завербовано 40 подписчиков. Часть учеников старшей группы участвовала в качестве технических секретарей при перевыборах сельсоветов и проводила собрания по организации комитетов КОВ.

С осени 1926 года работа пошла в том же направлении, что и прошлый год, с той лишь разницей, что для нее выделили отдельные часы из общего учебного плана и работу повели более организованно, объединив ребят в отдельные звенья по виду общественной работы. В настоящее время ученики ШКМ, по договору с горицким с.-х. товариществом, взяли на себя заведывание прокатно-зерноочистительным

СВЕДЕНИЯ О СОС

Годы.	По группам.				По полу.		По воз				
	I группы.	II группы.	III группы.	Всего.	Мальчиков.	Девочек.	11 лет.	12 лет.	13 лет.	14 лет.	15 лет.
1924—25	24	19	—	43	34	9	1	3	12	4	6
1925—26	25	17	11	53	40	13	—	6	17	10	7
1926—27	34	13	14	61	42	19	—	9	17	18	8

БЮДЖЕТ

Статьи расхода.	1924—25 г.	1925—26 г.
Зарплата	2296 р.	2998 р.
Канцелярские расходы	15 р.	15 р.
Хозрасходы	61 р.	219 р.
Приобретение инвентаря	—	300 р.
Капитальный ремонт	600 р.	3732 р.
Расходы по учебной части	600 р.	600 р.

ТАВЕ УЧАЩИХСЯ.

расту.				По социальн. положению.						По участ. в юндвиж.		По расстоянию от школы.				
16 лет.	17 лет.	18 лет.	19 лет.	Батраков.	Бедняков.	Середняков.	Зажиточн.	Ремеслен.	Служащ.	Пионеров.	Комсомольцев.	До 1 в.	До 3 верст.	До 5 верст.	До 10 в.	Свыше 10 верст.
5	1	—	2	—	6	35	—	1	1	12	8	1	11	9	7	5
9	3	1	—	—	7	45	—	1	—	11	21	2	20	13	12	6
4	3	1	1	—	9	49	—	1	2	35	13	6	22	20	4	9

ШКОЛЫ.

1926—27 г.	Примечание.
5257 р.	Кроме средств, отпущенных по волбюджету и по уездному, школой в 1924—25 г. получено от хозяйственных и других организаций на учебную часть 180 р. и в 1925—26 г.—на ту же цель 300 р.
25 р.	Расходы по учебной части в первые два года шли главным образом на оборудование учебного хозяйства школы.
710 р.	
500 р.	
—	
625 р.	

пунктом, приступили к работе в «красном уголке», недавно открывшемся при чайной-клубе горицкого потреб. об-ва, помогают библиотекарю в его работе и занимаются с неграмотными.

Правда, во всей работе школы еще много неверных шагов и ошибок и в организационном и в методическом отношениях. Во многих случаях работникам школы, не имеющим еще ни достаточной квалификации, ни опыта, приходится затрудняться в решении тех или иных вопросов. Да к тому же частый отрыв на проведение какой-либо общественной работы по советской, профессиональной или партийной линии отнимает массу времени, создает перегруженность и тем самым часто лишает возможности основательнее сосредоточиться на своей прямой работе. Но все же ШКМ — громадное событие хозяйственной и культурной жизни Горицкой волости. Она — будущий крестьянский университет волостного масштаба.

Заканчиваем очерк о ШКМ двумя табличками: о составе учащихся и о бюджете школы (стр. 260—261).

———

ИДЕАЛЫ ДЕТЕЙ.

«Дети—наше будущее». Это верно и в плохую и в хорошую сторону. Дети, сменив нас, с одной стороны, будут вынуждены нести все последствия наших ошибок («расплачиваться за грехи отцов»), а с другой стороны, они же пожнут и все плоды той колоссальной затраты энергии, которая брошена именно нашим поколением в борьбе за лучшую долю для трудящихся и обездоленных. Наши дети, став взрослыми, должны быть хорошими хозяевами жизни,— тогда они безболезненно изживут все последствия наших невольных просчетов и полнее насладятся всеми плодами наших тяжелых трудов по капитальному переустройству современной нам жизни. Само собой разумеется, что хорошими хозяевами жизни, с верным глазомером на события, с твердой рукой для дела и с ясной мыслью для выводов и обобщений, наши дети станут лишь в том случае, если мы сможем развернуть для них, пригнанную надлежащим образом к реальным условиям жизни и с правильной установкой на определенный социальный идеал, глубоко продуманную систему воспитания и образования.

Но пока что ни наша семья, ни наша школа еще не слажены таким образом, чтобы в полной мере и именно так, как надо, обслуживать наших ребят по линии воспитания и образования. Однако, несмотря на это, попытаемся теперь же подметить, о чем мечтают дети в области своих профессиональных и личных идеалов.

Кем они хотели бы быть? На кого они желали бы походить?

Конечно, дать исчерпывающий ответ на поставленные вопросы — задача и большая и трудная. Разрешение ее по

силам не одному, а многим исследователям, которые должны будут прежде всего заняться собиранием соответствующего массового материала, а затем уже его обработкою [1].

Мы, стремясь хотя бы отчасти обрисовать идеалы ребят изучаемой нами Горицкой волости, провели во всех 15 школах волости осенью 1926 года такую анкету среди учащихся (в качестве письменной классной работы): 1) Кем бы мне хотелось быть в будущем? Почему именно им и 2) На кого бы мне больше всего хотелось быть похожим из тех людей, кого я видел, или о ком слышал, или читал? Почему именно на него?

Наша анкета охватила 285 детей (165 мальчиков и 120 девочек), т.-е. 35% всех школьников волости. Всех учащихся опросить не представилось возможным. Так, почти совсем выпали дети самых младших возрастов, которые или совсем еще не умеют писать, или едва-едва царапают буквы и отдельные слова и др. По возрастным группам опрошенные дети распадались (берем в относительных числах) на такие категории:

8 лет.	9 лет.	10 лет.	11 лет.	12 лет.	13 лет,	14 лет.	Возраст не обозначен.	Всего.
0,7%	7,3%	21,1%	28,7%	25,5%	7,6%	0,7%	8,4%	100%

Ответы на первый из формулированных выше вопросов характеризуют профессиональные, а ответы на второй—личные идеалы школьников.

[1] В культурных странах Европы и в Америке энергично принялись за изучение детских идеалов. Внимание ученых обращено почти исключительно на детей-школьников, которых и опрошено, с целью выяснения их идеалов, чуть ли не миллион. Результаты опросов подвергнуты тщательной обработке. У нас, в России, работы по выявлению детских профессиональных и личных идеалов были впервые поставлены в 1912 г. До настоящего времени обстоятельному обследованию подвергнуто сравнительно скромное количество детей (около 8.000), при чем обследование проводилось и проводится по разнообразным программам, что затрудняет сравнительную обработку материалов.

При разработке наших материалов ответы мальчиков и девочек мы выделяем в особые, отдельные группы, а мотивы (ответы на вопросы: почему именно им? почему именно на него?) приводим в подлинных выражениях авторов ответов—ребятишек.

Вот сводка мотивированных ответов на первый вопрос анкеты (см. стр. 266—268).

При поверхностном же ознакомлении со сводкою бросается в глаза, что только 2,9% мальчиков и 6,8% девочек выразили желание заниматься в будущем тем же трудом, каким занимаются их родители, и подавляющее большинство местного населения—земледелием, но и то с оговоркой: хочу быть культурным крестьянином, хорошей крестьянкой. Кстати отмечу чрезвычайно интересный момент: как мне удалось точно установить, все ребятишки, желающие крестьянствовать, принадлежат к семьям, уже ведущим улучшенное хозяйство с многопольем, с кормлением скота по нормам и пр. Следовательно, разумно построенный крестьянский труд способен внушить детям любовь к себе и стать для них идеалом.

Но подавляющее большинство опрошенных школьников не хотели бы крестьянствовать. Почти все они мечтают видеть себя или ремесленниками (сапожник, портной, кузнец, портниха, башмачница и т. д.), или людьми определенной специальности (учитель, агроном, художник, учительница, врач и т. д.). И лишь незначительный процент ответивших называют в качестве своей желательной профессии такой неясный род занятий, как, например, велосипедист, комсомолец, коммунист, барыня.

Что означает это желание большинства деревенских ребят раскрестьяниться, если можно так выразиться?

Конечно, здесь играет роль и детская наивность, сказывающаяся в оценке незнакомых для крестьянских ребятишек отраслей труда. Что труд земледельца тяжел, это они знают и по своему собственному опыту (дети в деревне рано начинают принимать участие в тех или иных хозяйственных работах), и по ежедневным отзывам своих родителей. Но зато всякий другой труд представляется им и

I. Ответы мальчиков.

Кем бы мне хотелось быть в будущем?	Количество в %%.	Почему именно им?
1. Сапожником	19,9	Всегда с работой. В тепле. Ест каждый день хорошо. Много зарабатывает.
2. Учителем	12,3	Уменьшить безграмотность. Легкая жизнь. Всегда в чистом воздухе. Здесь будешь знать грамоту. Работа денежная. Чтобы всегда был ученый народ. Нравится.
3. Агрономом	7,6	Любовь к сел. хозяйству. Желание научно вести хозяйство. Научить верить в науку, а не в бога. Нравится измерять землю. Большой заработок.
4. Лавочником	7,1	Ест каждый день баранки и пряники. Много денег. Легкая работа.
5. Портным	5,3	Сиди да машинкой верти. Работа на одном месте. Заработок большой.
6. Охотником	4,1	Теплое платье из меха. Ест мясо. Много заработка.
7. Техником	4,1	Улучшить хозяйство. Помогать другим. Много зарабатывают.
8. Столяром	2,9	Нравится работа.
9. Кузнецом	2,9	Знакомый труд. Недостаток кузнецов. Облегчить труд крестьянину. Большой заработок.
10. Художником	2,9	Любовь к рисованию. Узнать, как делаются печатные картины. Большой заработок.
11. Культурным крестьян.	2,9	Вести хорошее хозяйство с многопольем. Для того, чтобы хозяйство приносило доход, а не убыток.
12. Землемером	2,4	Нравится мерить землю, составлять планы. Приносить пользу народу. Большое жалованье.
13. Писарем	2,4	Чистая работа. Любовь к письму. Много денег. Ест хорошо.
14. Барышником	2,4	Езда на хороших лошадях. Мена и продажа. Много денег.
15. Инженером	1,8	Мало работать. Дела денежные. Нравится проводить электричество.

Кем бы мне хотелось быть в будущем?	Количество в %%.	Почему именно им?
16. Поступить в город .	1,8	Нежелание работать землю, жить в деревне. Желание жить в городе, а без должности там не прожить.
17. Плотником	1,8	Нравится работа.
18. Валяльщиком	1,1	Сезонная работа, а потом гуляй.
19. Печником	1,1	Нравится работа.
20. Колбасником	1,1	Хорошо живут. Легкая работа. Много зарабатывают.
21. Рабочим	1,1	Интересуюсь в машинах. Малое крестьянское хозяйство не сможет всех содержать.
22. Булочником	1,1	Много денег.
23. Мясником	1,1	Нравится колоть скот.
24. Велосипедистом. . .	1,1	Нравится.
25. Матросом	1,1	Кататься в море и по другим водам.
26. Хозяином	0,6	Люблю хозяйничать.
27. Счетоводом	0,6	Работать 8 часов.
28. Фельдшером	0,6	Много денег.
29. Пастухом	0,6	Много денег. Кнут да рог не сломит бок.
30. Летчиком	0,6	Делать аэропланы. Хорошо летать.
31. Зав. Зоосадом . . .	0,6	Наглядеться на зверей.
32. Разносчиком	0,6	Ходи да торгуй.
33. Комсомольцем . . .	0,6	Читают газеты.
34. Коммунистом	0,6	Читать газеты и книги.
35. Солдатом	0,6	Стрелять.
36. Слесарем	0,6	Нравится работа.
	100%	

II. Ответы девочек.

Кем бы мне хотелось быть в будущем?	Количество в %%.	Почему именно ею?
1. Учительницей	31,9	Легче жить. Учиться дальше и передавать другим свои знания. Учить добру. Изгонять неграмотность. Жить в городе. Много зарабатывать.
2. Портнихой	31,9	Легче жить. Нравится работа.
3. Крестьянкой хорошей.	6,8	Работать на воздухе, в поле. Умело вести хозяйство. Работать землю.
4. Прислугой	3,4	Иметь средства к жизни.
5. Башмачницей	3,4	Легче работа, чем в крестьянстве. Большой заработок.
6. Заготовщицей	3,4	Получать много денег. Знать заготовку товаров.
7. Агрономшей	2,5	Любовь к хозяйству.
8. Лавочницей	2,6	Живет богато.
9. Кассиршей	2,6	Легче, чем в крестьянстве. Нравится считать деньги.
10. Ученой	2,6	Быть полезной совгосударству. Все знать.
11. Фельдшерицей . . .	1,7	Лечить народ.
12. Художницей	1,7	Любовь к рисованию. Заработок.
13. Фабричной	1,7	Жить в городе. Жизнь крестьянская худая.
14. Докторшей	0,9	Нравится лечить.
15. Спекулянткой . . .	0,9	Большие деньги.
16. Лесничихой	0,9	Измерять землю.
17. Барыней	0,9	Ничего не делать.
18. Инженеркой	0,9	Быть многознательной и получать много денег, чтобы прокормить себя и всех трудящихся.
	100%	

легким и заманчивым—например: портной—сиди да машинкой верти, лавочник—ешь каждый день баранки да пряники и пр. Но, помимо только что отмеченных наивно-детских мотивов, ребятами в их стремлении раскрестьяниться руководит, безусловно, желание иметь квалификацию. Они чувствуют и понимают, что труд элементарный дает во всех отношениях ничтожные результаты (и хозяйство не улучшишь, и другим не поможешь, и заработаешь мало). И вот ребята,—возможно даже мало осознавая свой порыв, инстинктивно,—пытаются вырваться за черту обычного, издавна привычного житья-бытья («как отцы и деды жили»). Этот протест детей против элементарных форм труда, их устремление к квалификации является, по моему мнению, ярким показателем, что они, ребята, народ не пассивный, что каждый из них носит в себе большой заряд активности. А активность—необходимое и, пожалуй, самое главное условие для тех, кто хочет быть строителем жизни. Еще раз подчеркну то, о чем была уже речь: в крестьянских хозяйствах, поставленных на культурную ногу несколько лет назад и теперь уже дающих и моральные и материальные результаты своей улучшенной постановки дела,—там встречаются дети, ничего не имеющие против крестьянского труда. Я уверен, что через несколько лет, когда скажутся результаты начавшегося перехода нашей волости к высшим формам ведения хозяйства, процент ребятишек, не желающих отходить от своего крестьянского хозяйства, сильно вырастет по сравнению с тем, что мы имеем теперь по нашей анкете.

Основания, в силу которых дети хотели бы быть в будущем или тем, или другим, самые разнообразные. Здесь имеет значение и общая обстановка, в которой протекает та или иная работа: тепло, чистый воздух, восьмичасовой рабочий день, жизнь в городе и пр.—14% всех ответов. Немалую роль играет повышенный заработок, связанный в представлении крестьянских ребят с определенными профессиями: твердая и резкая мотивация: «большой заработок», «много денег» и тому подобное фигурирует в ответах 37% всех опрошенных. Многим просто нравится намечаемая ими для себя работа,—они так и говорят «нравится»—19% от-

ветов. Некоторых влечет к избираемому труду любознательность: «узнать, как делаются печатные картины» (художник), «интересуюсь в машинах» (рабочий), «желание научно вести хозяйство» (агроном), «быть многознательной» (инженерка) и т. д.—таких ответов 8%. Кое-кто при выборе профессии исходит из чувства альтруизма: «помогать другим», «облегчить труд крестьянину», «прокормить себя и всех трудящихся» и пр.—подобных ответов 3%. Все остальные ответы (их 19%) выявляют самые пестрые мотивы, среди которых имеются и курьезные и странные: «наглядеться на зверей» (зав. зоологическим садом), «нравится колоть скот» (мясник), «ничего не делать» (барыня) и т. д.

Теперь познакомимся со сводкою мотивированных ответов на второй вопрос нашей анкеты.

Вот эта сводка (стр. 271—273).

Если мы произведем соответствующий подсчет, то убедимся, что окружающая среда дает личные идеалы для 60% мальчиков и для 61,1% девочек, вожди Советской России являются идеалами для 24,7% мальчиков и только для 7,9% девочек и идеалы из областей иных — для 15,3% мальчиков и для 31% девочек.

Только что приведенные цифры говорят, конечно, о большой связанности идеала деревенского ребенка с местной средой. Это естественно и понятно.

Из идеалов, образ которых почерпнут из окружающей среды, у мальчиков выделяется агроном М. В. Градусов (15,5% всех ответов), который играет известную роль и у девочек (6,9%). Дети чрезвычайно чутки к тому, что делается кругом них. М. В. Градусов энергично, не за страх, а за совесть работавший в Горицкой волости в течение нескольких лет [1], истинный советский агроном, поднимающий хозяйство волости не только сказом, но и показом, приковал к себе внимание ребятишек. По его мысли трехполка

[1]) До 1 октября 1926 г., когда должен был покинуть должность вследствие трений с завед. уездным земельным управлением Жугриным, мало смыслящим в области сельского хозяйства, но волею судеб призванным им руководить в уезде. Об этом я писал в „Известиях“ от 30 октября 1926 г. (статья „Дела деревенские“).

I. Ответы мальчиков.

На кого бы мне больше всего хотелось быть похожим из тех людей, кого я видел, или о ком слышал, или читал?	Количество в %%.	Почему именно на него?
1. *Идеалы из окружающей среды* (родители, родственники, знакомые):		
На отца	2,9	Не пьяница. Не курит. Дома никого не обижает. С соседями живет дружно. Мне нравится его лицо.
На брата	1,7	Не пьет вина. Не ругается худыми словами. Не курит. Больно смирен.
На дядю	2,9	Служит в Ленинграде. Тяжела крестьянская работа, а на фабрике легкая. Не хочу работать по крестьянству.
На учителя	8,2	Хороший человек. Ласковый, умный.
На учительницу . . .	4,7	Красивая. Расчетливая. Ласковая.
На агронома М. В. Градусова	15,5	Его все любят. Не пьет вино. Не курит. Свое агрономическое дело знает хорошо. Хорошо меряет поля. Распределяет землю. Простой человек. Зарабатывает порядочно денег.
На техника П. А. Галкина	9,4	Хороший человек. Много знает. Техники умные, ласковые и ни над кем не насмехаются.
На других лиц	14,7	Хороший человек. Хорошо работает. Много получает жалованья.
2. *Вожди Советской России:*		
На Ленина	15,9	Слышал о том, что Ленин хороший человек. Красивый. Старательный. Умный. Ласковый. Он защищал угнетенных и бедняков. Очень любил детей. Много всего знал. Чтобы быть на легком месте, как Ленин жил. Хоть немножко на Ленина быть похожим. Чтобы быть умным и хорошим. У маленького Ленина красивые кудри и лоб.

На кого бы мне больше всего хотелось быть похожим из тех людей, кого я видел, или о ком слышал, или читал?	Количество в %%	Почему именно на него?
На Калинина	2,9	Научный человек. Получает много жалованья. Большой вождь всего мира. Заведывает Россией. Умным живется легче.
На Троцкого	2,4	Он помог крестьянам и рабочим. Умным живется легко и весело. Образованный человек.
На Буденного	1,1	Нравится его жизнь. Хорошо стреляет.
На других вождей . .	2,4	Хороший. Красивый. Умный. Образованный. На большой должности.
3. *Писатели:*		
На Демьяна Бедного .	1,1	Он может хорошо сочинять стихи про попов.
4. *Ученые:*		
На Ломоносова . . .	2,4	Красивый. Хороший. Культурный человек.
5. *Прочие ответы:*		
(На инженера, рабочего и др.)	11,8	На инженера, о ком читал, он катается на велосипеде. На заводского рабочего, я люблю и уважаю рабочих. Мне хочется быть красивым. Мне хочется быть похожим на одну барышню, которую я видел в Кимрах, она торговала арбузами и пр.
	100%	

II. Ответы девочек.

1. *Идеалы из окружающей среды:*		
На маму	5,2	Хозяйка хорошая. Добрая. Ласковая. Ни с кем не ругается.
На брата	1,7	Умный. Все может делать.
На тетю	2,6	Умная. Красивая.
На учительницу . . .	34,4	Красивая. Вежливая. Умная. Добрая. Хорошо учит.

На кого бы мне больше всего хотелось быть похожей из тех людей, кого я видела, или о ком слышала, или читала?	Количество в %%	Почему именно на него?
На агронома М. В. Градусова	6,9	Хороший человек. Учит крестьян, как вести хозяйство. Приносит пользу сельскому хозяйству. Его все любят.
На других лиц	10,3	Старательный человек. Очень красивая. Очень нравится. Хорошо считает деньги. Хорошо шьет платья. Очень полюбилась.
2. *Вожди Советской России:*		
На Ленина	6,2	Ученый. Боролся за лучшую жизнь. Он правил всем миром. Очень ученый. Хочу быть похожей на трехлетнего Ленина, потому что он с малолетства был сознательный.
На Крупскую	1,7	Стоит за власть советов, т.-е. за рабочих и крестьян. Борется с деревенской бедностью и невежеством.
3. *Ученые:*		
На Ломоносова . . .	2,6	Красивый. Первый ученый. Смелый.
4. *Прочие ответы:*		
(На самого себя, на барыню и др.)	28,4	Мне ни на кого не хочется быть похожей, мне нравится быть такой, какая я есть. На барыню, потому что барыня хорошо живет и ничего не делает. Хочу быть красивой, мне нравятся красивые. Хочу быть ласковой и доброй ко всем, ни с кем не ругаться. Мне хочется быть в мастерового человека, например, в учителя, потому что он не бывает на тяжелой работе. На тех людей, которые трудятся. На ученого, который наблюдает над разными странами. На карликов, которые приезжали в Корчеву в театр — они красивые. На цыганку, потому что мне нравятся ее глаза и разговор. На делегатку, которую видела на картинке. Мне хочется быть похожей на тех людей, которые бывают люди деловые.
	100%	

превращается в многополье и, смотришь, та же самая площадь земли дает уже значительно бо̂льшую продукцию, чем совсем еще недавно, и тятька малыша похваливает «Михайлу Васильича»; корова, та же самая Буренка, при кормлении ее по весу начинает доить вдвое больше, и мамка не раз помянет добрым словом того же «Михайлу Васильича». Мальчишка или девчонка все это и видят и слышат. Вывод ясен: «Эх, кабы и мне быть таким, как Градусов».

Местный школьный работник для 12,9% мальчиков и для 34,4% девочек является личным идеалом. Большинство педагогов волости—женщины; может быть, этим обстоятельством и можно объяснить бо̂льшую их популярность именно среди девочек.

Вожди Советской России, как подчеркивают вышеприведенные данные, пользуются большой популярностью среди малолетнего населения деревни. Их не только знают по именам, но четверть всех ответивших на анкету мальчиков берет вождей за свои личные идеалы. Для девочек вожди в относительно меньшем числе случаев являются личными идеалами: вожди в подавляющем числе случаев мужчины, и поэтому нет ничего удивительного в том, что они в бо̂льшей мере привлекают к себе внимание мальчиков. В рассматриваемой рубрике как для мальчиков, так и для девочек на первом месте—В. И. Ленин.

Любопытно отметить, что и мальчики и девочки из ученых называют только одного Ломоносова. Биография гениального ученого, рассказывающая о мытарствах мальчика Ломоносова, повидимому, делает его имя особенно близким и дорогим для деревенских ребят.

Среди других ответов имеются курьезные. Так, один мальчик желает быть похожим непременно на некую «барышню», которую он видел в Кимрах (уездный город) торговавшей арбузами. Почему эта «барышня» поразила воображение мальчика—это останется неразгаданной тайной. Некоторые девочки желают походить на карликов, на цыганок и пр. Но есть и очень любопытные ответы, останавливающие на себе внимание. Например, одна из девочек хочет быть самой собою—от души пожелаем ей сохранить свое соб-

ственное лицо. Вообще люди трудолюбивые, деловые и в частности рабочие становятся идеалами для немалого числа ребят и т. д.

Разнообразны мотивы, заставляющие детей выбирать для себя тот или иной личный идеал. Часто приходится сталкиваться в ответах на указание симпатичных черт характера того реального человека, который мыслится идеалом, например: добрый, ласковый, смирный, не насмехается и пр. Делаются ссылки на ум и обладание знаниями: ученый знает свое дело, хорошо меряет поля и т. д. Указания на хороший заработок при определении личных идеалов встречаются редко. Образ В. И. Ленина, к памяти которого дети относятся с задушевной теплотой, приобретает в глазах и мыслях ребят некоторые легендарные черты: «правил всем миром», «с малолетства был сознательный» и пр.

Заканчивая наш маленький очерк, мы высказываем пожелание о постановке работ по производству массового обследования деревенских и городских школьников на предмет выявления их профессиональных и личных идеалов. Само собой разумеется, что это обследование надо произвести по единой и очень несложной программе. Думается, что результаты обследования были бы глубоко интересными.

ПОЛИТИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА.

Придавая громадное значение политической и агитационно-просветительной работе среди масс населения, советская власть декретом от 12 ноября 1920 года вводит эту работу в русло организации, создав для руководства ею Главный политико-просветительный комитет (Главполитпросвет), входящий в состав Народного Комиссариата по Просвещению. По пункту 10 указанного декрета, на местах, при наробразах (отд. народн. образов.), вплоть до уездного наробраза, создаются соответствующие отделы. И ныне, по действующему «Положению» о Наркомпросе РСФСР (от 5 октября 1925 г.), Главполитпросвет состоит в ведении того же Наркомпроса, при чем в «Положении» прямо упомянуто, что в число задач Главполитпросвета входит «также руководство организацией и постановкой политико-просветительной работы, специально обслуживающей деревню (избы-читальни, народные дома и пр.)».

Так как политико-просветительная работа является декретированной советской работой, то даже и в пределах волости она обслуживается работниками, находящимися в штате, получающими жалованье и обязанными периодически представлять в уезд отчеты о своей деятельности. Отчеты эти представляют собою ответы на довольно сложную анкету, предусматривающую все мелочи и понуждающую отчитывающегося выявить эти мелочи в соответствующих цифрах.

Если бы поддаться соблазну и начать подсчитывать из года в год все колонки цифр, то у нас получилась бы даже целая брошюра, изобилующая цифровым материалом. Хотя все отчеты волостного политпросветкома у меня под рукою, но я воздержусь от бухгалтерских выкладок в области учета

политпросветработы. Ведь для нас важны не канцелярские цифры, а результаты политпросветработы. Я понимаю ясно, отчетливо понимаю смысл целого ряда цифр в сфере хозяйственной жизни: скажем, в 1926 году в Горицкой волости клевером засеяно около 500 дес. На основе этой цифры, исходя из средней урожайности клевера, можно построить некоторые вполне реальные перспективы на 1927 год. Эти перспективы могут не оправдаться только в исключительных случаях—при наличии стихийных бедствий и пр. За цифрой по линии экономики всегда что-то стоит. А возьмем, например, один из отчетов (за 1924—25 г.) политпросветработы в волости. Вот одно местечко: «За отчетный год проведено 19 кампаний с организацией 197 собраний, где поставлено 345 докладов и обслужено 19.534 человека». Ведь здесь самое важное в следующем: с чем пошли домой эти 19.534 «обслуженных» гражданина, прослушавшие 345 докладов? Может быть, эти 19.534 человека получили вполне доброкачественную политико-просветительную пищу на состоявшихся 345 докладах, а возможно, пища была такова, что лучше бы 19.534 человека сидели дома, а 345 докладов лучше бы совсем не делать. Цифры отчетов как раз про это-то, самое для нас интересное, и не расскажут. Поэтому все громоздкие цифры оставим в стороне. Если мы и будем пользоваться кое-какими цифрами, то только такими (и не обязательно из отчетов волполитпросветкома), которые, по нашему мнению, действительно о чем-то говорят.

Но нужно, толкуя о результатах политпросветработы, принять во внимание и еще одно обстоятельство: нет никакой возможности выяснить, что именно дала для поднятия политического и общего просвещения населения волости работа волполитпросвета и что дали другие источники: чтение газет, беседы с окружающими и пр., и пр.

Самое лучшее, нам думается, дать несколько четких фактов, которые помогут нам составить известное представление об общем культурном облике горицкого крестьянства, без учета того, что и откуда он воспринял.

Карта (см. в конце книги) показывает нам, что проделано в волости на 1 января 1927 года в области землеустройства

и агитработы [1]. По этой линии, не только до революции, но даже и года 3—4 назад у нас почти ничего не было. Все, что сделано, сделано за последние годы. Конечно, честь и слава тем советским работникам, под руководством которых вся эта работа проделана, но все же, не будь массы культурно подготовлены к проведенным мероприятиям, никакой ревностный агроном и землемер не смогли бы свершить того, что они свершили! Вот факт, говорящий о большом культурном сдвиге.

Волость за 1926 год получила 103.000 экземпляров газет, за которые население платит, каждые 3—4 дома выписывают газету, чего до революции и в помине не было [2]. Новый факт, свидетельствующий о крупном культурном достижении.

Если вы прислушаетесь к языку крестьян того поколения, которому теперь не свыше лет 45 (говорю о мужчинах), то сразу же заметите, что обиходный язык обогатился многими и многими выражениями, которые какой-нибудь десяток лет назад считались несомненными признаками речи людей развитых. И следует сказать, что выражения эти, подчас не совсем правильно произносимые (в смысле ударения или в смысле перестановки букв в том или ином слове), употребляются вполне к месту, выявляя то понятие, какое именно им и надлежит выявлять. Это опять-таки плюс по линии общего культурного развития.

А возьмем церкви—они, еще так недавно, даже в начале революции, усердно посещаемые, пустуют, пустуют безнадежно. Многие праздники «аннулируются» крестьянами и пр. в этом же роде [3]. И это говорит не о затемнении мозгов.

Я привел наиболее крупные факты. О многих других говорится в разных отдельных местах моей работы.

Но имеются моменты и совсем иного порядка. Эти факты другого порядка рисуют нам общую грубость нравов деревни и отсутствие чувства гражданственности у ее населения.

Приведу, в качестве примера, небольшую выдержку из газеты «Тверская Деревня» (издается в г. Твери), из номера

[1] Цифры см. в главах: „Скотоводство", „Земледелие" и „Кооперация".

[2] См. главу „Служба связи".

[3] См. главу „Религия, церковность, духовенство".

от 30 декабря 1926 г., из заметки «Горицкие насильники наказаны»:

„22 декабря с. г. выездная сессия Тверского губсуда в г. Кимрах разобрала дело об изнасиловании в д. Марфино, Горицкой вол., Кимрского уезда, девушки Е. двумя деревенскими хулиганами, Лепешкиным (из д. Татищево) и Подойкиным (из д. Авделиха). Дело это характерно в том отношении, что изнасилование несчастной девушки, находящейся сейчас в тяжелом состоянии на излечении в одной из больниц г. Ленинграда, произошло в праздник на деревенской улице, на глазах у многих подростков и взрослых (картина преступления установлена судом). Марфинские граждане наблюдавшие сцену изнасилования, вели себя настолько позорно, что никто из них даже не вздумал заступиться за потерпевшую. А когда суд некоторых из граждан д. Марфино вызвал свидетелями по этому делу, то они, желая выпутать нагло отрицающих свою вину хулиганов Лепешкина и Подойкина, пытались всячески сбить суд с верной дороги. Особенно отличились своим враньем свидетели Василий Багрянов и комсомолец Петр Куликов, — последний заслужил даже выговор от председателя сессии.

Однако ни хулиганы-насильники, ни их друзья из Горицкой ячейки комсомола не смогли замазать истину в этом деле. Умелая постановка вопросов председателем сессии тов. Скобелевым и участие в деле тов. А. М. Большакова, защищавшего интересы потерпевшей девушки, отчетливо выявили всю картину преступления. В результате каждый из насильников получил от советского суда по 3 года лишения свободы".

Ужас этого дела не в том, что в пределах волости нашлось два негодяя-насильника, а в обстановке, при которой это насилие было совершено. О факте изнасилования, во всех его гнусных подробностях, знали десятки степенных крестьян, которых обычно называют хорошими людьми, но никто из них не захотел быть свидетелем на суде, а те немногие, попавшие все же свидетелями, старались прикрыть насильников. Мотив такого образа действий — «наша хата с краю», «дело не нас касается» и т. д. Не встали на защиту потерпевшей ни селькоры, имеющиеся в волости, ни комсомол, ни парт'ячейка, ни тот же волполитпросвет. Ведь никакой циркуляр—ни по партийной, ни по линии просветработы—не предписывал провести кампанию по борьбе с изнасилованиями. Ну, и не собирали собраний, не читали докладов и не «обслуживали» в этом отношении граждан. Больше чем грустно, но так...

Местный судья, образно выражаясь, так характеризует праздничное времяпровождение многих и многих из со-

става населения волости: «производительность мордобития растет» [1]. Мы вообще не противники поднятия производительности, но рост подобной «производительности» решительно не одобряем. Кроме того, заметьте: даже судья, коммунист, человек действительно сознательный, говорит не об оскорблении действием, а о битье «морд». Какую громадную политпросветработу необходимо провести в волости, чтобы хоть судья-то увидал у людей не «морду», а лицо, человеческое лицо.

Думается, что все это огрубение (мы могли бы привести немало фактов вроде только что указанных)—следствие невероятно жестоких войн: империалистической и гражданской. Ведь воевали сплошь 6 лет—с 1914 до 1920 года. Понемножку отойдем. Пройдет еще год—два, и мы в волости сплошным фронтом станем поднимать производительность нашего сельского хозяйства, а не «мордобития». Первое и интереснее и выгоднее [2]. Но чтобы это было скорее, как можно скорее, надо, несомненно, очень и очень серьезно поставить в волости политпросветработу. Изба-читальня должна быть крестьянским университетом. Избач—это вторая самая ответственная должность в волости (первая, я считаю, предвик). Избачу необходимо быть человеком энергичным, способным объединить около избы-читальни весь местный интеллигентский и крестьянский актив. И избач в то же время должен быть человеком развитым, способным руководить работою крестьянского волостного университета. А у нас в волости (да и только ли у нас!) избачи—едва оперившиеся комсомольцы, которые почему-то быстро сменяют друг друга. Ни авторитета у них, ни самой элементарной политической и общественной грамотности [3]. Исчезни завтра в волости избы-читальни и «красные уголки», население даже и не заметит катастрофы. А посмотришь в отчеты: цифры, цифры, цифры. В глазах пестрит. Десятки тысяч «обслуженных» сотнями докладов граждан...

[1] См. главу „Суд, преступность, правосознание".

[2] См. в главе „Земледелие" о высоте урожайности у крестьян, ведущих культурное хозяйство.

[3] Соответствующие заметки помещены в уездной газете „Кимрская Жизнь".

ВЕТЕРИНАРИЯ.

Всем нам прекрасно известно то громадное значение, корое имеет скот в крестьянском хозяйстве, особенно рабочий и крупный рогатый скот. Это значение отражается и в правовых нормах и в бытовом правосознании крестьянских масс. Например, кража со взломом, когда ценность похищенного может достигать очень крупной суммы, карается, по пункту «б» ст. 180 Уголовного Кодекса, лишением свободы со строгой изоляцией до двух лет, а за кражу лошади или коровы (по пункту «в» той же 180 ст. Угол. Код.), хотя бы ценность украденного и была сравнительно невысокой (например, корова, стоящая рублей 45), закон наказывает виновного лишением свободы на срок не ниже двух лет с конфискацией части имущества. Ну, а сами крестьяне, стоит им только поймать конокрада, бьют его жестоко, часто избивают до смерти—подобное отношение к конокраду считается чуть ли не святым обычаем. У всех читающих газеты на памяти (дело было в 1926 г.), когда несколько десятков крестьян под самой Москвой, около станции Пушкино, сожгли живыми трех цыган, лишь заподозренных в конокрадстве (только заподозренных). И когда мы говорим, что у того или иного крестьянина совсем нет скота или что он безлошадный, мы представляем его себе совершенно беспомощным в своем хозяйстве, каким-то несчастным бедняком.

Из только что сказанного, сказанного коротко и бегло, явствует вся важность для крестьянина правильной организации ветеринарии, пекущейся о крестьянском скоте.

У нас в настоящее время вся ветеринарная организация находится в ведении Народного Комиссариата Земледелия и рабстает под его руководством на основах принятого

ВЦИК'ом 4 ноября 1923 г. ветеринарного устава. Следовательно, ветеринария связывается с деятельностью сельскохозяйственных органов (там, где она по тем или иным причинам еще не успела связаться, она должна связаться) и регулируется законом,—в этом большое преимущество советской ветеринарии по сравнению с дореволюционной.

Теперь обратимся непосредственно к изучаемой волости и познакомимся с организацией в ней ветеринарного дела.

Ветеринарный пункт в Горицкой волости открыт был в с. Горицах в 1907 г. со штатом одного ветеринарного фельдшера.

Оборудование этого ветпункта было очень просто: в наемном домике, в одной комнатке, была размещена аптечка с незначительным инструментарием, а в другой помещался ветфельдшер, работа же по приему больных животных проходила на открытом воздухе. В таком положении ветпункт оставался до 1913 г.

В 1913 г. горицкий ветеринарно-фельдшерский пункт был переименован во врачебный, с назначением первого ветврача Заварина и при наличии ветфельдшера. С приездом врача начались некоторые улучшения: под аптеку было снято более просторное помещение, хотя и ветхое, был пополнен инструментарий и приспособлен сарай (не отепленный) под приемный манеж на случай неблагоприятной погоды, с одним источником света—воротами.

Отсутствие отчетных материалов по горицкому ветпункту в архиве уезда и волости до 1914 года не позволяет высказаться точно о работе ветпункта и его материальном положении. Но одно то, что, судя по сохранившемуся в уезде отчету земского совещания от 1914 г., последнее принимает ориентировочную цифру годового приема больных животных по горицкому ветпункту в 200 голов, говорит за незначительную работу ветпункта, тем более, что никакой другой работы, работы общественного характера, не велось. Из этого же отчета видно, что расход на ветпункт выражался в 1914 г. в следующем:

жалованье врачу с квартирными	1.109	р.	72	к.	в	год.
„ фельдшеру	444	„	—	„	„	„
содержание ветамбулатории	233	„	04	„	„	„
на инструментарий	140	„	—	„	„	„
„ борьбу с эпизоотией сибирской язвы	121	„	—	„	„	„
„ печатание бланков и плакатов . . .	42	„	—	„	„	„
Итого	2.089	р.	76	к.	в	год.

Мы видим, что в этот счет годового содержания пункта не входит стоимость медикаментов, которые отпускались натурою из уездной ветамбулатории, и поэтому учесть их в рубле почти невозможно.

Итак, на одну голову принятого больного животного (без учета медикаментов) тратилось у нас в волости в 1914 г. 10 р. 44 коп. (принято 200 голов).

В 1916 году ветпункт был временно закрыт за отсутствием ветперсонала и открылся 18-го февраля 1918 г., с приездом ветфельдшера Ганина с военной службы. Под ветпункт было предоставлено другое здание, очень ветхое, с комнатой под аптеку и двумя комнатами под квартиру ветфельдшера. Затем 25-го февраля 1918 г. прибыл ветврач Никольский. Опять возник вопрос о помещении для приемного манежа и стойл для стационарных больных животных. Вопрос этот был поднят на волостном собрании и разрешен положительно—весь дом, в котором помещались аптека и квартира фельдшера, был передан в распоряжение ветпункта и, кроме того, было предложено вику отпустить 500 руб. безвозвратно и еще 500 руб. заимообразно на пополнение инструментария. Уже в апреле 1918 г. имелся приемный манеж, хотя ветхий, но теплый, с тремя стойлами, инструментарий был достаточно пополнен.

В связи с устройством лечебницы удалось добиться пополнения штата на одного служителя, каковой штат (врач, фельдшер и служитель-санитар) не изменился и до настоящего времени. В 1919 г. для ветпункта был передан сарай, который и оборудован под изолятор, где и проводилось лечение чесоточных животных (чесотка получила широкое распространение в связи с приводом в волость лошадей с фронта). На ремонт и оборудование изолятора 1.000 руб. было полу-

чено от вика и 2.281 руб.[1] от Корчевского уездного ветеринарного отдела. Непригодность ветхого здания ветлечебницы для дальнейшей работы становилась очевиднее с каждым днем. Поэтому 18/VII 1920 г. комиссией, в составе двух представителей от уездной власти, горицкого вика и ветпункта, ветлечебница признана негодной к дальнейшей работе в ней в виду ветхости, и вынесено постановление о необходимости возведения следующих зданий: 1) ветлечебницы с восемью стойлами, 2) изолятора, 3) скотобойни, 4) случного пункта, 5) дровяника, 6) квартир для врача, фельдшера, двух служителей и конюха, 7) теплого сарая для коров служащих, 8) сарая для сена, 9) колодца, 10) помойной ямы и 11) ограждения вокруг ветпункта. На возведение перечисленных сооружений испрашивались и соответствующие средства.

Не дожидаясь результатов ходатайства, вик приступил к заготовке лесоматериала, камня, извести, песка и кирпича для указанных выше построек, и к осени был сделан фундамент под помещение ветлечебницы, на чем работа и остановилась, так как ни губерния ни уезд средств не ассигновали. 1921 г. показал, что дело с постройкой окончательно затерлось, так как Корчевской уездный исполнительный комитет разрешил кирпич фундамента разбирать и передал его, вместе с лесом, для школы в 2-х верстах от с. Гориц. Надо было изыскать средства, чтобы немедленно приступить к постройке ветлечебницы, пользуясь готовым материалом, почему ветврачом Никольским, человеком чрезвычайно энергичным и любящим свое дело, был предпринят поселенный обход волости с призывом о добровольных взносах на постройку ветлечебницы, что имело успех, и весною 1922 г. было поставлено новое здание ветлечебницы, правда, без стойл за отсутствием лесо-

[1] Эта сумма и предыдущая — в денежных знаках соответствующих годов. Суммы эти совсем невелики, даже ничтожны, если мы вспомним что средняя годовая цена пуда ржи в Горицах на вольном рынке была в 1918 г. 350 р., а в 1919 г. — 2.400 р. Суммы эти имели значение лишь в том случае, если на них приходилось приобретать что-либо по твердым ценам у того же государства, их выдавшего (твердая цена ржи в 1919 г. — 53 руб.).

материала. Так как в связи с переходом ветврача Никольского в конце 1922 г. из горицкого ветпункта в г. Кимры поступление добровольных взносов на постройку ветпункта прекратилось, то уезду (дело-то уже было затеяно) пришлось отпустить средства на внутреннюю отделку ветлечебницы и на стойла, почему в 1923 г. удалось закончить ее и поставить отдельно сторожку. Изолятор остался на прежнем месте и подлежит переносу на территорию ветпункта. В таком положении состояние помещений горицкой ветлечебницы остается до настоящего времени. Отметим кстати, что с 1922 г., после ухода врача Никольского, сменилось уже три ветврача, один фельдшер и 3 служителя.

Как же работал ветпункт за революционный период? Короткий и выразительный ответ нам дадут цифры (не забудем, что в 1914 г. было принято 200 голов больных животных):

Дата.	Первичных больных.			Повторных больных.			Всего.	Стационар. дней.
	Лошадей.	Рогат. скота.	Проч.	Лошадей.	Рогат. скота.	Проч.		
В 1918 г. (с марта)	1.428	160	21	487	39	—	2.135	180
„ 1919 г.	2.261	538	39	477	100	3	3.418	528
„ 1920 „	2.592	640	71	396	152	3	3.854	767
„ 1921 „	3.173	509	49	195	52	7	3.985	296
„ 1922 „	2.070	341	30	228	542	3	3.214	78
„ 1923 „	1.537	221	133	229	51	67	2.238	149
„ 1924 „	1.292	496	247	295	196	19	2.545	753
„ 1925 „	1.828	691	261	287	103	9	3.179	391
„ 1926 „	3.124	1.040	442	488	56	4	5.154	254

Мы видим, что обращаемость за помощью в ветпункт растет. Некоторый сбой наблюдается в 1923 и в 1924 г., объясняемый, после назначения С. Д. Никольского в конце 1922 г.

заведывающим уездным ветеринарным подотделом, перебоями врачебной работы (врачи менялись, и участок пустовал). С 1925 г. дело опять налаживается.

Чрезвычайно любопытно указать частоту обращаемости населения за ветпомощью, в зависимости от радиуса, и провести сравнение с соответствующими материалами по РСФСР [1]. Возьмем 1926 г.:

	По Горицкой вол.	По РСФСР.
Обращения района до 5 верст вокруг ветпункта составляли по отношению ко всем обращениям	45%	42%
Района от 5 до 10 верст	36%	28%
" " 10 " 15 "	15%	18%
" свыше 15 верст	4%	12%
	100%	100%

Приведенные цифры указывают на необходимость строить ветлечебницы с радиусом не свыше 10 верст.

Как велико было количество заразных заболеваний животных? Возьмем погодные данные:

1918 г.	158	случаев.
1919 "	289	"
1920 "	306	"
1921 "	327	"
1922 "	284	"
1923 "	293	"
1924 "	296	"
1925 "	142	"
1926 "	110	"

Заразные болезни (большинство — чесотка и мыт) наибольший процент к общему числу заболеваний дали в 1923 г.— 13% и наименьший в 1926 г.—2%.

Вообще же заболевания крестьянского скота вызываются главным образом неумелым за ним уходом (держится скот в холодных дворах и пр.), неправильным кормлением и неразумной эксплоатацией его. А из этого положения вытекает необходимость для нашего ветеринарного и агрономического

[1] По материалам НК РКИ РСФСР — см. ст. В. Гуськова „Ветеринарное дело". „Известия", от 2-го октября 1926 г.

персонала вести широкую просветительную работу среди населения за мероприятия по охране животноводства. Надо предупреждать болезни, тогда они будут изжиты—это принцип и советской медицины и советской ветеринарии. На этом пути, пути верном, горицкая ветеринария и агрономия и стоят, хотя надо сказать, что здесь, конечно, работы, как говорится, выше головы—на многие и многие годы.

В заключение очерка дадим справку о заработной ежемесячной плате ветперсонала, в ходивших тогда дензнаках, и попутно приведем справку о средних годовых ценах на пуд ржи в Горицкой волости:

Дата.	Врач.	Фельдшер.	Служитель.	Средн. годов. цена ржи.
Октябрь 1918 г. . .	750 р.	480 р.	425 р.	350 р.
Октябрь 1919 г. . .	3.150 „	2.110 „	1.314 „	2.400 „
Июнь 1926 г. . . .	6 150 „	4.260 „	1.971 „	10.000 „
Сентябрь 1921 г. . .	220.558 „	175.610 „	96.951 „	.90.000 „
Май 1923 г.	520 „	390 „	180 „	100 „
Май 1924 г.	29 р. 70 к	22 р. 68 к.	13 р. 50 к.	1 р. 42 к.
Январь 1925 г. . . .	50 „ — „	27 „ 50 „	13 „ 50 „	1 „ 48 „
Июль 1926 г. . . .	70 „ — „	35 „ — „	17 „ 50 „	1 „ 83 „

Уровень зарплаты (зарплата за все годы при готовой квартире, дровах и освещении; до 1923 г. полагался к ней довольно скромный паек) растет, но он еще, конечно, далеко не достаточен. Однако, несмотря на низкую зарплату, горицкий ветперсонал, как показали цифры, характеризовавшие его работу, исполнил свой долг, давая все время максимум работы.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ.

Труд крестьянина — чрезвычайно тяжелый труд. Наивысшего напряжения он достигает в «страдную пору», когда деревня буквально работает «от зари до зари». Все основные работы (пахота, косьба, молотьба) производятся деревней в ручную (много ли у нас сел.-хоз. машин!), т.-е. при затрате большого количества физических сил. Поэтому заботы о здоровье крестьянства требуют особенного к себе внимания.

Вот под этим углом зрения мы и посмотрим, как обстоит дело с здравоохранением в нашей деревне вообще и в изучаемой нами Горицкой волости в частности.

До октябрьского переворота медицина у нас ведалась не одним, а рядом учреждений, работавших в разбивку, без всякого единого плана. Само собой разумеется, что подобное положение вещей вредно отражалось на организации лечебной помощи населению. Кроме того, все существо досоветской медицины заключалось в том, что медицина получше существовала для богатых, медицина похуже—для бедных. Всякого рода санатории, курорты, грязе- и водолечебницы и проч.—все это было доступно только для буржуазии. Никаких предупредительных мер для общей охраны здоровья населения почти не существовало. Трудящийся человек мог рассчитывать только на то, что его подлечат кое-как, чтобы снова бросить в круговорот эксплоатации.

Красный Октябрь изменил коренные основы организации лечебной помощи в нашей стране. Прежде всего заведывание всем лечебным делом было объединено в одном учреждении—в Народном Комиссариате Здравоохранения. Затем—что чрезвычайно важно—медицинская помощь

трудящимся и вообще оздоровление населения были поставлены во главу угла всей работы Наркомздрава.

Однако целый ряд подчас невероятно тяжелых препятствий мешал и до сих пор мешает полному осуществлению всех мероприятий, намеченных Наркомздравом в области борьбы за здоровье населения страны.

Одним из таких препятствий являлась гражданская война, ломавшая налаживание дела медицинской помощи населению. Второй, пожалуй, еще более серьезной причиной, отвлекавшей силы и средства Наркомздрава от выполнения плановых работ, были эпидемические заболевания, с особенной остротой вспыхивавшие в течение революционного периода. Благоприятной почвой для развития заразных болезней, охватывавших массы населения, были, с одной стороны, гражданская война, когда отступавшие войска Деникина и Колчака бросали десятки тысяч заразных больных без всякой помощи, больные же передавали заразу окружающему населению, а через последнее она расползалась по всей стране. С другой стороны, и голод 1921—1922 г., когда началось беженство с мест миллионов истощенных людей, переполнявших пути сообщения, тоже помог развитию эпидемий.

В качестве иллюстрации развития в стране заразных болезней возьмем только одну из них—сыпной тиф:

	Заболеваний на 10.000 жителей.
1911 год	8
1918 „	22
1919 „	365
1920 „	294
1922 „	109
1924 „	8

Мы видим, что сыпняк прямо свирепствовал в период 1919—1922 гг. И только с 1924 г. заболевания сыпным тифом свелись к довоенной цифре—8 на 10.000 заболевших жителей.

Но в настоящее время эпоха гражданской войны давно миновала, и эпидемии окончательно утихли. Как же обстоит дело теперь с народным здравоохранением?

И хорошо, и плохо.

Хорошо—в городах, особенно в крупных городах (Москва,

Ленинград и др.). Здесь к услугам трудящихся (они все застрахованы) бесплатная лечебная помощь лучших специалистов, бесплатное лекарство, подчас изготовленное по сложным рецептам, бесплатное лечение радием, лучами Рентгена (если это необходимо) и пр. Если горожанин трудящийся нуждается в климатическом лечении, к его услугам сравнительно густая сеть санаторий на Кавказе, в Крыму и в др. местах. По линии предварительных мер по охране здоровья трудящегося горожанина имеются: многочисленные дома отдыха, строгий надзор за жилищными санитарными условиями и пр. Я уже не говорю о том, что за время своей болезни застрахованный (а рабочие и служащие все застрахованы) получает жалованье, присвоенное его должности; беременные женщины имеют отпуск за 2 месяца до и на 2 месяца после родов,—конечно, тоже с сохранением содержания; роды обычно происходят в специальных заведениях, на белье родившемуся выдается пособие (30 руб.) и затем пособие на кормление новорожденного выдается в течение 9 месяцев (по 7 р. 50 к. в месяц). Все эти мероприятия и многие другие, мною не перечисленные, способствуют действительному охранению здоровья горожан.

Плохо в деревне. Об оплате за время болезни или до и послеродового периода, о пособиях на новорожденных и пр. там и говорить не приходится. Лечение у специалистов, радий, лучи Рентгена и т. д.—это все идет мимо деревни. Но в каком положении находится элементарное лечебное дело в деревне?

Доктор А. И. Мискинов пишет в сборнике «Лечебное дело в РСФСР» (см. его статью «Состояние сельской участковой врачебной сети»): «Прошлый строй нам оставил в наследство громадное неравенство лечебной организации, обслуживающей крестьян, в сравнении с городским населением. До сих пор это неравенство не только не уничтожилось, но еще более усилилось».

Последняя фраза не должна порождать каких-либо недоумений. Хотя лечебная организация строится и расширяется в деревне, но в городе это проделывается более быстрым темпом, и поэтому деревня, естественно, отстает.

Вот некоторые цифры по РСФСР:

	Город.	Деревня.
1 больничная койка на	150 жителей.	2.000 жителей.
1 врач на	2.000 „	35.000 „
Распределение врачей	90%	10%

Как видим, неравенство громадное! Особенно бьет в глаза распределение врачей: только 10% всех врачей работает в деревне! В сельских местностях пустуют врачебные участки, а в городах масса безработных врачей. Нелепое положение! Всякого рода отговорки: трудно работать в деревне, там ничего нет и т. д.—чепуха. У нас, в Горицкой волости, две женщины-врача в тяжелый период 1917—1922 г. создали больницу. Они это сделали потому, что хотели это сделать. Но об этом ниже.

Я несколько задержался на общем очерке вопроса о положении у нас дела с здравоохранением, чтобы подчеркнуть всю болезненность этого вопроса по отношению к деревне. Будем надеяться, что после опубликования «Положения» об основах построения нормальной волостной организации здравоохранения (см. «Известия ВЦИК», № 4, за 1926 г.) и финансового укрепления волостного бюджета деревня в ближайшие годы подвинется вперед в области своего здравоохранения.

Теперь перейдем непосредственно к Горицкой волости.

Больница в волости существовала еще задолго до революции. За последнее десятилетие перед войною, благодаря энергичной работе доктора Дорофеева, население привыкло обращаться за лечебной помощью в больницу, относясь к медицинскому персоналу с полным доверием. В 1913 году доктор Дорофеев перешел на службу в Рязанскую губернию, в больнице за короткое время переменилось несколько врачей, с которыми были какие-то незадачи, и организация лечебного дела в волости стала быстро падать. Наибольшего падения лечебное дело достигло за период с 1916 по октябрь 1917 г., когда во главе больницы стоял зауряд-врач Кочановский. Этот молодой человек относился без всякого интереса к своим обязанностям, вел себя для врача довольно странно,—например, в перевязочной, которую необходимо со-

держать в исключительной чистоте, обычно вешал свое верхнее платье, приходя в больницу, и пр. Больные избегали ложиться в больницу, предпочитая пользоваться амбулаторной помощью, зная, что амбулаторию ведет популярный среди населения фельдшер «Митрий Матвеич» (умер в 1923 г.). В результате, покидая по предложению уездной земской управы службу в Горицкой больнице, Кочановский, к октябрю 1917 г., оставил не больницу, а нечто, что может быть названо «мерзостью и запустением»: ни инструментов (не было даже скальпелей), ни белья, ни инвентаря,—одни лишь грязные, уныло-пустые палаты...

С 1 октября 1917 г. во главе разоренной и дискредитированной перед населением больницы встает молодая, всего лишь с одногодичным стажем, женщина-врач [1]. Через несколько месяцев к новому врачу приезжает ее друг, тоже женщина-врач, и обе женщины начинают совместно работать (интересно—до 1919 года они получали только один оклад, т.-е. каждая по $1/2$ оклада). Их работа продолжалась до марта 1922 г., когда оба врача, по семейным обстоятельствам, должны были покинуть Горицы [2].

$4 1/2$ года деятельности новых врачей были своего рода эпохой для лечебного дела в волости. Период с 1918 по 1922 г.—самое тяжелое, самое трудное время, но тем не менее больница буквально оживает. Благодаря заботливости врачей появляются и обстановка для операционной, и инструментарий, и белье, и инвентарь. За всем этим много, много раз по осенней слякоти и зимней стуже, на крестьянских клячах таскались врачи за 75 верст (в один конец) в губернский город и вылавливали вещи из того фонда, который создался при ликвидации госпиталей Всер. Зем. Союза (их было около 60 в губернии), при чем подчас сами и запаковывали и гру-

[1] В силу настоятельного желания врача, о которой сейчас пойдет речь, человека исключительной скромности, я не опубликовываю ее фамилии.

[2] Второго врача, приехавшего позднее, Софии Михайловны Дамберг, всю свою жизнь посвятившей служению деревне (характерно: частной практикой она никогда не занималась) и науке, уже нет в живых — она трагически погибла в Ленинграде 15 декабря 1924 года. Умирает человек, но вечно живет труд его, отданный им на пользу общества...

зили на подводы больничное добро. Врачи сумели организовать добровольную финансовую помощь больничному делу как со стороны населения Горицкой волости, так и соседней—Красновской вол. (ныне упразднена), взяв на себя обязательство обслуживать в некотором объеме и эту волость по линии лечебной помощи. Уже к концу 1918 года больница имела, вместо штатных 20, полное оборудование, с запасом белья и пр., на 60 коек. Больница обставилась, работа закипела. Особенно больница прославилась по всему округу своей хирургической работой—более или менее серьезных операций (под наркозом) за 4½ года было сделано свыше 1.000. Иногда за отмеченный период больница стояла вот-вот накануне закрытия: не было продовольствия, не было медикаментов, не было топлива (хотя кругом леса). Но «хотеть—это мочь», сказал кто-то. И неистощимая энергия врачей брала верх над острой нуждой—медикаменты выцарапывались у здравотдела, продовольствие появлялось, дрова подвозились.

Вот незабываемый для нашей волости пример того, как много, несмотря на всеобщую кругом разруху, может сделать энергия только двух женщин.

28 февраля 1922 г. все имущество больницы по акту было сдано местному волисполкому, возглавляемому тогда Н. С. Хоревым (партиец), и завхозу больницы Федотову, так как новый врач еще не прибыл в Горицы.

Что принял вступивший в исполнение своих обязанностей в июне 1922 г. врач А. И. Игнатьев, нам не удалось выяснить, так как архив больницы в 1924 г. сгорел. Но уже к концу 1922 г. от полного оборудования на 60 коек, от прекрасно обставленных операционной и перевязочной, обильно снабженных в конце февраля 1922 г. инструментами, были только жалкие остатки. Кто-то успел растащить многое из больничного добра.

При враче Игнатьеве больница быстро сошла «на нет». С навыками и опытом работы в полковом «околотке» (до 1922 г. Игнатьев был на военной службе), с неумением и нежеланием подойти к населению, Игнатьев сразу скомпрометировал себя рядом неудачных операций, особенно в обла-

сти гинекологии. Вместо того, чтобы серьезно отнестись к самому себе, попытаться пополнить большие прорехи своего медицинского образования, Игнатьев, с большой самоуверенностью, продолжал свои неудачные опыты по части лечения. Население, привыкшее за пять предыдущих лет к совсем иному отношению к своему здоровью, конечно, быстро отшатнулось от больницы, предпочитая или ехать за лечебной помощью в г. Кимры, за 45 верст (те, кто посознательнее), или же «пользоваться» у «бабушек», совсем исчезнувших при прежних врачах и вновь народившихся при Игнатьеве. Кроме неудачного лечения, появилась и небрежность врача к выполнению своих самых основных обязанностей: приемы и обходы врача часто отменялись, дисциплина служащих, которых врач употреблял для обслуживания своего хозяйства (об этом было несколько заметок в уездной и губернской газетах), падала и пр. Все описанное происходило на глазах и ком'ячейки и волисполкома, и они—ни звука.

К счастью для населения волости, Игнатьев, обладавший большой коммерческой жилкой, решил переменить профессию врача на профессию мельника. Стал вместе с братом строить у нас же в Горицах паровую мельницу. Тут уж пошло полное манкирование своими обязанностями, и в 1924 г. Игнатьев был уволен. При Игнатьеве между прочим сгорело здание амбулатории и аптеки.

К осени 1924 г. поступил в Горицы новый врач—Успенский. Работа снова стала налаживаться. Но, к сожалению, врач Успенский прослужил в волости только год (по семейным обстоятельствам переехал в Ржев).

К этому времени дела по мельнице у доктора Игнатьева пошли совсем плохо: кооперация наша открыла в Горицах свою паровую мельницу, успешно конкурируя с доктором-мельником. Игнатьев закрыл мельницу и снова превратился в участкового врача Горицкой больницы (с осени 1925 г.). «Бабушки» опять ожили, «пользуя» население такими «испытанными» средствами:

Куриным пометом—от воспаления легких.

Испражнениями человека—от трахомы.

Толченым стеклом—при желудочно-кишечных заболеваниях (прием внутрь).

Мочей ребенка—от испуга.

Паром с зерен лука на горячих угольях—от зубной боли.

Помоями—от родимчика и т. д.

Правда, недавно двух «бабушек» судили и выслали из пределов волости. Оставшиеся пока что попритихли.

От описания внешних условий больничного дела перейдем к некоторым цифрам и характеристике заболеваний населения.

Вот цифры по работе больницы:

Дата.	Количество амбулаторных больных.	Число дней, проведенных коечными больными в течение года в больнице.	Среднее количество коечн. больных на каждый день.
1912	12.393	8.915	23
1916	9.780	230	0,7
1917	10.322	952	2,6
1918	16.262	9.637	27
1919	16.715	15.026	42
1920	19.142	17.001	47
1921	16.874	18.118	50
1922	9.176	757	2
1923	10 570	4.962	12
1924	13.110	5.337	13
1925	12.947	5.564	16
1926	14.233	5 943	16

Не будь в больнице старослужащих фельдшеров, прием амбулаторных больных, несомненно, сразу упал бы за период смены врачей и пр.

По материалам, относящимся к расцвету работы больницы (октябрь 1917—март 1922 г.), можно дать следующую характеристику заболеваний среди населения волости.

В виду отдаленности от города наблюдаются многочисленные запущенные хирургические случаи, напр.: грыжи всех видов (паховые, бедряные и др.), выпадение матки и пр.

В области ремонта своего здоровья при помощи хирургии я знаю несколько любопытных эпизодов. Один старик из дер. Якимцево, 67 лет от роду, страдал паховыми грыжами: одна из них у него была врожденной, а другая приобретена 45 лет назад. Был совершенно неработоспособным. В 1920 году сделал себе операцию. Спрашиваю его:

— Как же ты, дедушка, решился? Ведь 45 лет терпел?

— Да уж больно докторицы-то у нас хороши. Всех на ноги ставят. А мне помирать-то еще не хочется...

Другой старик (из д. Вереинка) страдал в течение долгих лет водянкой мошонки, при чем опухоль у него была громадная—достигала колен. Когда умер его сын, единственный работник (в 1920 г.), явился в больницу:

— Делайте мне операцию. Работать надо.

И сделали. И стал работать.

Зная страхи пожилых деревенских людей перед операцией («зарежут»), мы должны признаться, что случаи, подобные только что описанным, свидетельствуют о действительно полном доверии населения к работавшим в больнице врачам.

Из обычных заболеваний надо отметить остро-кишечные расстройства, часто наблюдаемые после праздников (охлаждение желудка пивом и более жирная, нежели в будни, пища). Много простудных заболеваний, особенно после праздничных гулянок и весенних полевых работ (потение и охлаждение). У слабых детей, недостаточно питающихся,—рахит. Ножовые ранения, побои с кровоподтеками (результаты пьяных драк). За 1917—1918 г. довольно часты были родовые заболевания после вмешательства деревенских повитух. Но довольно скоро подобные случаи исчезли, так как женщины стали приезжать родить в больницу, где редкий день не было рожениц. Туберкулез и сифилис, как распространенные явления, отсутствуют в волости.

В период военного коммунизма часто устанавливались факты отравления солью, привезенной со стороны (какие-то мышьяковистые соединения). Соли тогда не было в волости, за ней ездили далеко (в Москву, например), платя за 5 ф. соли до пуда ржи.

Возвратившиеся с фронта нередко имели туберкулез легочный уже в тяжелых стадиях.

Приносили с фронта и сифилис, которым и заражали всю семью, до грудных детей включительно.

За период 1919—1921 гг. вспыхивали эпидемии, державшиеся месяца по 3. Так как больница быстро изолировала заболевавших, то эпидемии скоро тухли. Заносили эпидемии мешечники. Были: испанка, сыпняк, брюшной тиф.

Дать цифровые данные по отдельным видам заболеваний до 1924 г., к сожалению, в виду гибели больничного архива (сгорел) и архива уездного здравотдела (материалы до 1922 г. потеряны при перевозке их из Корчевы в Кимры, куда переводился уездный центр), невозможно. Поэтому приходится ограничиться вышеприведенными замечаниями.

За пéриод 1924—1926 года мы имеем такие цифры по движению заразных заболеваний:

Дата.	Тифы.	Коклюш.	Грипп.	Трахома.	Туберкулез.	Сифилис.	Другие.
1924	29	239	643	24	65	21	120
1925	37	14	753	41	137	21	23
1926	7	44	523	22	41	13	6

Содержится больница на средства волостного бюджета. Нормы расходов на питание и медикаменты существовали такие (из расчета на каждую из 20 штатных коек, предполагая, что они заняты круглый год):

	1925—26 г.	1926—27 г.
В день питание больного	30 коп.	30 коп.
„ „ медикаменты	15 „	12 „
На одно посещение медик. амбулатор.	10 „	8 „

Теперь перед волостью стоит задача отстроить сгоревшую амбулаторию и аптеку.

По линии охраны здоровья детей в 1925 году в волости, в одной из деревень, были организованы летом детские ясли. Этот опыт, вследствие несоответствия своему назначению заведывающего, был совсем неудачный. В 1926 году (тоже летом) ясли на 30—40 ребят были открыты в другой деревне с новым составом служащих. Результат прекрасный, крестьяне были чрезвычайно довольны. Ясли содержались на средства волостного бюджета.

Больше в отношении здравоохранения у нас в волости пока ничего не сделано.

СЛУЖБА СВЯЗИ.

Для деревни, с ее плохими дорогами и с поселениями, отстоящими от волостного центра иногда на 8—10—15 верст, хорошо налаженная и правильно действующая служба связи имеет громадное и хозяйственное и культурное значение.

Посмотрим, что дало революционное десятилетие в области организации в нашей волости службы связи.

До революции в с. Горицах существовало почтово-телеграфное отделение. Почта приходила дважды в неделю. Чтобы получить или сдать корреспонденцию, приобрести марки и пр., за всем этим надо было непременно итти в с. Горицы. И нередко в страдную рабочую пору деревни, более удаленные от с. Гориц, недели по три, а то и по месяцу были оторваны от своих близких, живущих на стороне,—ни носить письма, ни ходить за ними было некогда.

В настоящее время волость, кроме почты и телеграфа, имеет и телефон, соединяющий ее с Корчевою, бывшим уездным центром, и через Корчеву—с г. Кимрами и пр.

Почта, правда, приходит попрежнему дважды в неделю, но зато налицо большое достижение: вся корреспонденция (деньги, письма, газеты) дважды же в неделю доставляется на дом всем адресатам. Одно конное и два пеших почтовых кольца [1] выполняют работу по доставке корреспонденции

---

[1] Передвижная почта бывает двух родов: кольцевая и прямая. При кольцевой почте агент делает круговой маршрут: отбыв, например, из Гориц, он, посетив ряд деревень и двигаясь все вперед, снова прибудет в Горицы. При прямой, трактовой почте агент, добравшись до конечного пункта, возвращается обратно через те пункты, где он уже побывал. Кольцевая почта открыта с 20 февраля 1925 г.

по деревням волости. У этих же почтальонов можно и покупать марки и сдавать им письма. Содержание этих трех колец обходится 70 руб. в месяц (50 руб. конное и по 10 руб. пешие кольца). Но, помимо почтальонов, в 19 пунктах волости можно приобретать марки, а для писем в районе волости существует 10 почтовых ящиков.

Познакомимся с работою агентства в цифрах, сравнив ее с работою довоенного периода.

В год.	Волостью получено:		
	Писем [1].	Газет.	Бандеролей.
1913	37685	30840	1728
1918	46862	24138	1092
1920	25458	5550	63
1922	3684	2484	нет
1923	3028	2060	106
1924	7387	24630	174
1925	15524	58817	534
1926	11964	103447	624

Большое, сравнительно с мирным временем, получение писем в 1918 г. объясняется присылкою таковых от солдат (эти письма уже в период войны пересылались бесплатно) из воинских частей, а также от наших военнопленных из-за границы; например, от последних получено 2.058 писем. Интересно отметить, что в период бесплатной для всех граждан пересылки писем,—а к этому времени относится и 1920 год,—писем волость все же получала меньше, нежели

[1] Письма мы считали только простые и заказные. Казенные пакеты, которых получается ежегодно несколько тысяч, не считались.

в мирное время, меньше на 33%. Объяснение: в 1920 году немного народа из волости жило на стороне, следовательно, с меньшим количеством и переписка велась. С введением же снова платности корреспондирование против мирного времени резко падает: на 90%—в 1922 г., на 92%—в 1923 и т. д. и на 68%—в 1926 г. Выходит, что и в 1926 г. волость все еще мало, по сравнению с 1913 г., получает писем. Здесь опять главный гвоздь в отсутствии развития отхожих промыслов.

Наша таблица указывает нам на грустную картину падения цифры получаемых газет за 1920—1923 гг. В 1920 г. получалось все же 5½ тысяч экземпляров—газеты получались бесплатно виком, избою-читальнею и пр. Когда же они стали платными, то цифра получаемых экземпляров газет сразу упала против даже 1920 года. Так как волисполком получал в 1922—1923 гг. три газеты—«Известия», «Экономическую жизнь» и «Тверскую Правду», что составит в год, в круглой цифре, 900 экземпляров, то, следовательно, на всех жителей волости за 1922—1923 годы остается 3—4 подписчика. Зато за 1924 год отмечается резкое повышение получаемости газет, что объясняется, во-первых, окончательною выработкою типа газеты, которая по своему содержанию интересна для крестьян, а по языку понятна для них («Крестьянская Газета», «Беднота») и доступна по цене, и, во-вторых, широкой пропагандой газеты среди населения. Если мы возьмем цифру получения газет за 1913 год, то она значительно выше соответствующей цифры за 1924 год. Но тем не менее можно смело утверждать, что в 1924 г. газета в волости в большей мере читалась массою, нежели в 1913 г. Дело в том, что в 1913 г. почти все газеты получались у нас не крестьянами, а духовенством, местными торговцами и служащими.

Цифры за 1925 и 1926 года говорят о колоссальном росте получения газет. В настоящее время одна газета выписывается 3—4 крестьянскими дворами.

Раз мы заговорили уже о газетах, то любопытно знать, какие же именно газеты и какие журналы получает волость. Укажем данные по трем рубрикам: произведения печати, по-

лучаемые учреждениями, служащими и крестьянами, по двум датам: на 1 июля 1925 и на 1 января 1927 года:

Название газет.	На 1/VII 1925.			На 1/I 1927.		
	Учрежден.	Служ.	Крест.	Учрежден.	Служ.	Крест.
„Правда“ (москов.)	4	3	1	16	5	1
„Известия ВЦИК“	5	8	3	17	1	—
„Беднота“	16	10	30	9	2	21
„Крестьянская Газета“	3	2	57	5	—	78
„Безбожник“	—	2	4	3	1	8
„Тверская Деревня“	6	3	71	5	—	41
„Кимрская Жизнь“	—	—	—	9	14	93
„Тверская Правда“	4	2	1	3	1	3
„Лапоть“	—	—	—	3	1	7
„Селькор“	—	—	—	—	2	9
„Радиогазета“	—	—	—	—	1	—
„Сам себе агроном“	—	—	—	3	—	9

Кроме только что названных, волость получает газеты и журналы и других названий. Так, в конце 1926 г. волость получала газет и журналов 41 названия.

Что касается бандеролей, то преобладающее их количество по каждому году падает на рекламы и различные проспекты. Мы видим, что с 1923 г., когда разнообразные торговые и промышленные предприятия встали в городе на достаточно твердую ногу, они уже нащупывают, как район сбыта своих товаров, и нашу волость.

Чрезвычайно интересно учесть получение волостью денег (по переводам и денежным письмам). Возьмем четыре года: 1913, 1924, 1925 и 1926.

Дата.	Всего получений.	На сумму.	В среднем на 1 получ.
В 1913 г.	6736	316988 р.	47 р. 06 к.
„ 1924 „	738	30646 „	41 „ 50 „
„ 1925 „	1745	52337 „	29 „ 99 „
„ 1926 „	1834	69223 „	37 „ 74 „

И до революции и теперь деньги через почтовое агентство получали и получают не только крестьяне, но и различные учреждения и предприятия. Сколько приходится на долю одних и сколько на долю других—учесть точно по техническим соображениям не представляется возможным. Но, по словам заведующего агентством П. Е. Хохлова, служащего у нас чуть ли не сорок лет, приблизительно половина получений и сумм приходится на адресатов—крестьян. Поэтому все же можно сделать вполне правильный вывод: наша волость вообще лишилась притока значительных сумм, составлявших заработки ее населения, находящегося на отхожих промыслах. Раньше эти заработки были больше, а нынче они много скромнее.

Работа телеграфа как раньше, так и теперь сравнительно слаба по своей напряженности. Для рядового населения это средство связи дорого и им пользуются главным образом государственные и общественные учреждения. В 1913 г. отправлено 577, а получено 1.158 депеш, а в 1926 г. отправлено 672 и получено 785 депеш.

Деятельность агентства по передаче населению волости различных, извне идущих, отправлений гораздо интенсивнее вообще и интереснее для исследователя, нежели работа агентства по передаче изнутри волости посылаемых отправлений. В области только что упомянутых операций имеют особый интерес сведения по линии денежных сумм, уходящих через агентство из волости:

Дата.	Всего отправлений.	На сумму	В среднем на 1-го отправл.
В 1913 г.	3058	188 130 р.	61 р. 52 к.
„ 1924 „	775	96299 „	124 „ 26 „
„ 1925 „	1310	247858 „	189 „ 20 „
„ 1926 „	1782	257836 „	144 „ 70 „

Мы видим, что сумма отправленных в 1926 г. денег превосходит почти в полтора раза соответствующую сумму за 1913 г. Отправителями денег в ничтожном числе являются частные лица. Отправители—преимущественно государственные и общественные учреждения и организации.

На первый взгляд непонятно, почему, собственно говоря, отправляется такая уйма денег, когда в 1913 г. их отправлялось вдвое меньше. Во-первых, значительные суммы отправляет управление лесничества, которое находится в с. Горицах, но обслуживает целых шесть волостей (отправляет деньги за проданный лес). Так как все леса как в нашей волости, так и вокруг ее до революции были частными, то раньше никакого лесничества, конечно, и не существовало. Если же население покупало у частных владельцев лес, то обычно не на срез, а с землею, а подобные сделки совершались в городе, у нотариуса; там же, в городе, и деньги за лес платили. Во-вторых, горицкая кооперация, из осторожности, деньги за товары посылает в города (главным образом в Тверь) почтою. В дореволюционное же время горицкие торговцы, обороты которых были довольно значительны, или возили сами деньги в город (сами хозяева, деньги их собственные, а не общественные) в уплату за товары, или же платили их агентам торговых фирм, приезжавшим в Горицы.

После сделанного пояснения рост сумм, отправляемых из Гориц, становится понятным.

Писем (простых и заказных, без казенных пакетов) через агентство отправлено: в 1924 г.—6.269, в 1925 г.—12.810, в 1926 г.—12.936 (сведений за 1913 г. не имеется).

Следует отметить, что, помимо своих прямых профессиональных обязанностей, агентство продает гербовые марки, литературу, принимает подписку на газеты и пр.

В заключение необходимо упомянуть о связи через агентство населения волости с государством по линии передачи населением денежных излишков на сбережение государству. При почтово-телеграфном агентстве как раньше, так и теперь имеется сберегательная касса.

До революции, в 1916 году, вкладчиков жителей волости в горицкой сберегательной кассе числилось 2.750 человек с вкладами на общую сумму около 1.200.000 руб., при чем 75% этих вкладов были сбережениями крестьян, а 25%—сбережениями местных торговцев, духовенства и др. Сравнительно большая сумма сбережений объясняется крупными присылками денег в деревню лиц, ушедших на заработки в город (металлисты, состоящие по случаю войны на учете на заводах, получали там по 200—300 руб. в месяц), и хорошим урожаем льна, проданного по высокой цене. Теперь в сберегательной кассе (она открыта 13 января 1924 года): в 1924 г. не было ни одного вкладчика, в 1925 г.—два вклада на 111 руб., в 1926 году—12 вкладов на 1.336 руб. Сумма вкладов совсем мизерная—у населения мало свободных денег, а если что и есть, то население отдает эти суммы в ссуду кредитной кооперации, которая платит бо̀льший процент, нежели сберегательная касса. Между прочим кое-кто из крестьян говорит:

— Было бы справедливо, если бы правительство выплатило мелким вкладчикам то, что они потеряли при конфискации государством средств сберегательной кассы...

Весь штат агентства—три человека: заведывающий, его помощник и сторож. Заработная плата всех троих в месяц—136 руб. Интересно указать, что зарплата на 50% покрывается прибылью агентства от выполнения им его побочных обязанностей: подписка на газеты, продажа литературы и пр. дают агентству ежемесячно приблизительно по 70—80 руб.

СУД, ПРЕСТУПНОСТЬ, ПРАВОСОЗНАНИЕ.

Дореволюционная деревня по своим обыденным делам, как гражданским, так и уголовным, судилась или в волостном суде, или же у «господина земского начальника». Только крупные гражданские дела или же, сравнительно редкие, тяжкие преступления заставляли деревню итти за судом в город.

Волостной суд, на основании временных правил от 12 июля 1889 г., состоял из четырех лиц, избиравшихся крестьянами данной волости и утверждавшихся в своем звании местным земским начальником. Этот суд разбирал все (за небольшим исключением) гражданские иски на сумму не свыше 300 руб. и, без ограничения цены иска, все споры и тяжбы о недвижимом имуществе, входящем в состав крестьянского надела; из уголовных дел он разрешал лишь маловажные: оскорбление словами и действием, мотовство или пьянство, влекущее расстройство хозяйства, кражи, если цена похищенного не превышала 50 руб., и по всем этим делам суд мог подвергать виновного или аресту до 30 дней, или же штрафу до 30 руб. Все решения волостного суда, судившего, кстати сказать, только крестьян, можно было обжаловать у земского начальника.

Суд земского начальника был не коллегиальным, как волостной суд, а единоличным. Земский начальник, как известно, на должность свою местным населением не избирался, а назначался правительством из лиц дворянского сословия. Он судил как крестьян, так и всех других лиц, проживающих в его участке, по делам гражданским—до 300 руб. (потравы, порубки и еще кое-какие дела—до 500 руб.), по делам уголовным—приблизительно тот же круг дел, как и у преж-

них мировых судей. Обжаловать решение суда земского начальника можно было в уездный съезд земских начальников.

Вот характеристика вышеназванных судов, сделанная В. М. Гессеном на основании многочисленных трудов местных комитетов, обсуждавших в 1902 году среди целого ряда других вопросов и вопросы деревенского правопорядка:

«Независимо от чрезмерной широты компетенции волостных судов, в связи с совершенным отсутствием правильного в них судопроизводства, недостатки крестьянской юстиции усугубляются крайне неудовлетворительным личным составом волостных судов. В огромном большинстве случаев волостные судьи полуграмотные. Влияние на них иногда единственного твердо грамотного человека, волостного писаря, громадно, а что не всегда это влияние направлено к строго надлежащему правильному решению дела, доказывать тем, кто имел дело с волостными судами, не приходится. Далее, случаи подкупа, решения дел за водку встречаются сплошь и рядом. Между тем не следует забывать, что иногда волостные суды решают дела, по цене далеко превышающие не только компетенцию призванных наблюдать за ними земских начальников, но и уездного члена суда, притом дела очень сложные, особенно по наследованию» [1].

«Немногим лучше волостного суда суд земских начальников. Обилие лежащих на них административных обязанностей, плохая их юридическая подготовка, невольно приобретенная привычка к административным приемам действия, взгляд на тяжущихся, как на своих подчиненных, делают из земского начальника плохого судью. Как бы ни смотреть на институт земских начальников с точки зрения административной, как орган судебный он уронил доверие населения к суду и закону» [2].

Февральская революция, как и везде в России, смела и у нас в волости только что описанные суды, бывшие поистине насмешкою над идеей суда.

---

[1] Ст. В. М. Гессена „Основы правопорядка" (сборн. „Нужды деревни", т. I, 1904 г., стр. 68).

[2] Там же, стр. 68—69.

По законам временного правительства, в деревне в качестве низшей судебной инстанции предполагалось ввести институт мировых судей, которые должны были быть избранными на свои должности уездными собраниями земских гласных. Таковые судьи и были избраны для всего нашего уезда земским собранием в ноябре 1917 года [1], но октябрьский переворот помешал им вступить в исполнение своих обязанностей.

Собственно говоря, у нас в волости с весны 1917 года и по 1 апреля 1918 года, когда появился первый народный судья—представитель рабоче-крестьянского правосудия, никакого официального судебного учреждения не было. Нарушение права и порядка каралось или органами милиции, или отдельными собраниями граждан, иногда протоколировавшими свои постановления.

Вот, для примера, две выдержки из подобных протоколов:

«Мы, нижеподписавшиеся, граждане селения Якшино, собравшись сего числа (26 октября 1917 г.), по заявлению гражданина нашего селения Якова Антонова на детей гражданина Стоянцевской волости, деревни Петухова, Алексея Лидинкина, уличенных в краже денег из шкафа 20 рублей,—постановили: обратиться в Горицкий комитет о выселении Лидинкина из селения Якшино, так как Алексей Лидинкин временно проживает в селении Якшино». — Волостной исполком уважил просьбу якшинских граждан.

Следующая выдержка характернее. Она докладывает нам, что некий гражданин уже приговорен своим селением к определенному наказанию, но односельцы преступника обращаются к высшей инстанции—к общему волостному сходу, чтобы закрепить свое постановление и провести его в жизнь.

Пункт 11 протокола общего собрания граждан волости от 17 декабря 1917 года гласит: слушали: «Доклад постановления от граждан села Дуброва о наказании И. М. Тузова»; постановили: «Наказать Ивана Тузова к заключению в тюрьме на три месяца к отбыванию в г. Корчеве, согласно постановления граждан села Дуброва».

---

[1] Наша уездная земская управа существовала до января 1918 года.

Несмотря на существование народного суда с 1918 года, на более или менее твердую почву это учреждение революционного времени становится с 21 октября 1920 года, когда издается «Положение о народном суде». По этому «Положению» судья, отправляя правосудие, действовал: 1) или единолично (рассмотрение дел в порядке бесспорного производства, проверка законности содержания лиц под стражей в местах заключения своего района, наблюдение за производством дознания милицией), 2) или с двумя народными заседателями (все дела, за исключением некоторых уголовных, особенно важных) и 3) или с шестью заседателями (важные уголовные дела: тяжелые раны, увечье, изнасилование, разбой, поджог, подделка денежных знаков и пр.). Решения народного суда в кассационном порядке могли быть обжалованы в совет народных судей.

Следующей ступенью в устройстве революционного суда было «Положение о судоустройстве», принятое 31 октября 1922 г. 4-й сессией ВЦИК'а 9-го созыва. И по этому «Положению» судья может разбирать дела и единолично и с народными заседателями. Единолично судья разбирает лишь некоторые маловажные дела, но недовольная его решением сторона может требовать, чтобы единолично решенное дело было вновь пересмотрено совместно с народными заседателями. Коллегиально судья судит только с двумя заседателями—6 отменены новым «Положением». Целый ряд серьезных дел (убийство, грабеж, разбой и др.) отошли от народного суда, перейдя в ведение губернского суда. По уголовным делам ныне действующий районный народный суд может приговаривать к заключению до двух лет со строгой изоляцией или к штрафу до 300 руб. золотом. По гражданским же делам он рассматривает иски до 1.000 руб. золотом. Обжаловать приговор народного суда можно в губернский суд.

Из сказанного явствует, что вся страна покрыта сетью одинаково устроенных судов. Точно так же одинаковы для всего населения государства и те начала, которыми руководствуется суд при рассмотрении тех или иных дел. Эти начала: революционная совесть граждан, отправляющих

правосудие, и писанные нормы права (уголовный кодекс и прочее).

Если русские люди еще в XVII веке возмущались неравным отношением суда к лицам разных сословий и общественных групп и требовали, как формулировано их требование в предисловии к знаменитому Уложению 1649 года, «чтобы Московского Государства всяких чинов людем, от большего и до меньшего чину, суд и расправа была во всяких делах всем равна», то таковым же пристрастно-сословным был в России суд для крестьян до самой революции. Только теперь, с падением сословных перегородок, пал и принципиально несправедливый сословный суд.

Но принципы—принципами, а любопытно знать, в каких условиях пришлось судебным деятелям работать, хотя бы у нас в волости, и как именно они работали, как судили и рядили моих земляков?

Об общих материальных условиях, в которые был поставлен суд, как учреждение, дает понятие маленькая выдержка из доклада судьи 6-го района Кимрского уезда (наш район) в высшую инстанцию (доклад от 13 ноября 1922 г.):

«Ставится вопрос: как может существовать работник нарсуда и быть продуктивен для дела, когда он занят лишь одной мыслью, как приобрести себе пропитание для того, чтобы существовать?» [1].

И дальше:

«Положение канцелярии самое безотрадное—отсутствуют самые необходимые принадлежности. В виду отсутствия топлива работа почти невозможна».

Приблизительно так обстояло дело с самого начала революционного периода (иногда немного лучше, а иногда и еще хуже) до конца 1922 года. И только в 1923 году условия, коротко обрисованные в только что цитированных отрывках доклада, отходят в прошлое: канцелярия снабжается всем необходимым, персонал начинает получать сравнительно хорошие ставки, сравнительно, конечно. Вот размер этих ставок помесячно:

---

[1] Даже в 1922 г. жалованье не выплачивалось под ряд 5 месяцев.

Дата.	Судья.	Секретарь.	Делопроизв.	Сторож (курьер).
В 1923 г. (в июле, при цене хлеба по 100 р. пуд) [1] .	6090 р.	922 р. —	737 руб.	492 р. —
„ 1924 г. [2]	70 „	35 „ —	22 „	11 „ —
„ 1925 „	70 „	38 „ 50 к.	22 „	12 „ 75 к.
„ 1926 „	70 „	44 „ —	28 „	14 „ 40 „

Но и в настоящее время, несмотря на значительное улучшение общих условий работы суда, имеются еще некоторые моменты,—среди них есть и довольно серьезные,—которые желательно было бы изжить.

Какие же это моменты?

Наш нарсуд обслуживает две волости, Горицкую и Калининскую, с общим количеством населения около 29.000. Эти две волости или весь судебный участок состоят из 12 сельсоветов. Нарсуд помещается в центре района, в с. Горицах, а районы подведомственных ему сельсоветов находятся от камеры суда на расстоянии:

до 10 верст	4	сельсовета с количеством	жителей	9850 чел.
от 10 „ 15 „	2	„ „ „	„	2515 „
„ 15 „ 20 „	2	„ „ „	„	5653 „
„ 20 „ 25 „	2	„ „ „	„	5830 „
„ 25 и свыше	2	„ „ „	„	5145 „

По населенности район нарсуда нельзя назвать большим, особенно, если мы будем сравнивать его с населенностью участков нарсуда в городах. Здесь все дело в разбросанности и удаленности от камеры суда многих селений. Ясно, что работа нарсуда в районах, находящихся от камеры за 15—20 верст, будет уже слабей. Мы же видим, что за 15 и свыше верст живет целых 73% всего населения судебного участка.

Горожанин, незнакомый с условиями деревенского быта, скажет:

[1] В денежных знаках 1923 г.

[2] С 1924 г. зарплата уже в червонных рублях.

— Что за беда! Судья может устраивать выездные сессии, и тогда эти 73% населения сразу придвинутся к камере нарсуда.

Выездная сессия, если даже она проводится при самых благоприятных условиях, сама по себе уже есть явление ненормальное и совсем не разрешает целого ряда трудностей, существующих для населения при обширности судебного участка. Например, если камера недалеко, то граждане чаще будут обращаться в суд за разрешением своих правовых конфликтов. Ждать же выездной сессии, чтобы подать судье заявление,—и долго, да и неизвестно, когда она бывает, или гражданину некогда пойти на сессию, а через день—два сессия, смотришь, уже отбыла и пр.

При плохих сельских дорогах, отнимающих массу времени на передвижение [1], и при всем желании судьи не очень-то часто можно устраивать выездные сессии. А весною так у нас и совсем бездорожица. И судья весною отправляется в выходную сессию, т.-е. пешком за 25—30 верст (в Калининскую волость).

Судье выдается на разъезды и командировки 10% зарплаты, т.-е. 7 руб. в месяц. Сама поездка на сессию и проживание вне дома в период сессии—все это стоит дорого и в 10% с зарплаты не укладывается.

За 1924 г. в районе Калининской волости было 50 дней судебных заседаний, в 1925—45 дней и в 1926 г.—60 дней. Это очень большая нагрузка для судьи, но все же это совсем немного для населения отдаленного района. И для деревень, отстоящих далеко от камеры нарсуда, даже при сравнительно пониженной обращаемости их к услугам нарсуда, все же образуются пробки из дел.

Необходимо уменьшить радиус судебного участка с 35 хотя бы до 20 верст.

Еще серьезный момент, который надо поскорее изжить,— это недостаточная оплата труда народных заседателей.

Нарзаседатель в зимнее время получает за судебное заседа-

[1] Вот пример скорости передвижения в наших краях: от Гориц до Твери, при расстоянии в 75 верст, едут на крестьянской лошади 20 часов (с остановками в пути для отдыха лошади).

ние от 40 до 60 коп., а в летнее — от 60 к. до 1 рубля. Нарзаседатели вызываются не только из ближайших, но и из дальних деревень—за 15, 20 и более верст, и вызываются на 2—3 дня (да на дорогу надо положить время). Низкая оплата ставит в тяжелые условия мало обеспеченные слои нарзаседателей. И малоимущее крестьянство старается как-нибудь уклониться от заседательства в суде. Таким образом право трудящихся участвовать в отправлении правосудия превращается для экономически слабых в неприятную обязанность.

В настоящее время нарсуд снабжается на казенные средства «Собранием узаконений» по СССР и РСФСР, журналами «Советская Юстиция» и «Рабочий Суд». Хорошо было бы выдавать нарсудам собрание кодексов, а главное—систематизированные комментарии по различным правовым вопросам. Разъяснительных материалов накопилось большое количество, но многие из них существуют в разбросанном виде. Весь этот материал в том или ином виде надо дать судье в руки, без него он очень и очень часто чувствует себя страшно беспомощным.

Затем надо как-то лучше наладить дело с вручением повесток. Если их посылать почтою, то они приходят только до центра соседней Калининской волости дней через 15 (здесь виновато направление почтовых трактов). Поэтому пользоваться почтою невозможно. Их вручают через волисполкомы. Но по этой линии хромает аккуратность их доставки адресатам. И многие дела, за неявкою то сторон, то свидетелей, срываются и откладываются.

Теперь от характеристики обстановки судебной работы перейдем к рассмотрению самой судебной работы нарсуда.

Сперва остановимся на цифровом материале, при чем цифры даем только те, которые относятся к судебной работе, связанной исключительно с Горицкой, изучаемой нами, волостью. Будем помнить, что мы интересуемся Горицкой волостью.

В отчетности о работе суда и вообще в его делопроизводстве за период до 1922 г. путаница громадная. Но, роясь в делах нашего районного суда и выявляя из этих дел все, что относится только к Горицкой волости, могу привести такие цифры для моей волости:

Дата.	Окончено дел:	
	гражд.	уголовн.
1918 год . . .	33	38
1919 „ . . .	37	33
1920 „ . . .	30	86
1921 „ . . .	32	106
1922 „ . . .	29	112
1923 „ . . .	72	261
1924 „ . . .	138	542 [1]
1925 „ . . .	219	209
1926 „ . . .	246	160

Обозревая приведенные цифры, следует не забывать, о чем упоминалось в предыдущих главах, что Горицкая волость дважды подверглась укрупнению: в 1922 и в 1924 гг.

Цифры, указанные в таблице и выражающие число оконченных гражданских и уголовных дел, относятся к Горицкой волости в ее доукрупненных границах.

Вот расшифровка указанных цифр для 1920 года (здесь приводятся не только оконченные, но все дела, находившиеся в 1920 г. в производстве).

1.— Уголовные дела:

должностные преступления	1
спекуляция	10
убийства	2
кражи	16
побои	35
оскорбления	21
поджоги	1
др. преступления	24

2.— Гражданские дела:

исковые „	32
бракоразводные „	10
др. дела	2

[1] Из 542 дел 298—это дела о порубках. В 1924 г. было нечто вроде кампании по привлечению порубщиков к ответственности—отсюда количество уголовных дел сразу подпрыгнуло вверх.

За последние годы появляются в производстве новые виды дел: о неуплате продналога (их немного), «самогонные» дела (порядочное количество) и др.

Нижеприводимая табличка расскажет нам о преступности волости, начиная с 1923 г. Эта табличка дается мною отдельно от только что приведенной таблички за 1920 г., так как дать одну общую табличку невозможно в силу того, что по «Положению о судоустройстве» от 31 октября 1922 года ряд наиболее серьезных дел, как я уже говорил, отошел на разбирательство в губернский суд (убийства и др.). Для таблички я беру не все уголовные дела, находившиеся с 1923 г. в производстве, а только оконченные, и виды преступных деяний указываю в процентах к общему числу дел, что необходимо сделать, принимая во внимание укрупнение волости (абсолютные числа ничего бы не выражали).

Вот эта табличка:

Дела.	1923 г. %	1924 г. %	1925 г. %	1926 г. %
Налоговые	4,4	0,9	0,9	2,9
Порубки	35,6	47,8	11,9	—
Взяточничество . .	0,6	1,9	1,4	—
Самогонные	16,1	14,8	2,9	—
Имуществ. преступления (кражи и пр).	3,1	7,1	7,2	1,5
Все другие преступления	40,2	27,5	75,7	95,6
	100	100	100	100

Табличка показывает нам, как резко изменился характер разбираемых в суде в уголовном порядке дел за последние четыре года.

Сделаем некоторые пояснения по отдельным рубрикам.

С налоговыми делами—без особенно сильных колебаний. Дела о порубках с 1925 г. дают бросающееся в глаза пони-

жение по отношению ко всем иным уголовным делам, доходя в 1926 г. до 0%. Если, на основании этого нуля процентов, читатель скажет по адресу населения волости: «вот хорошо, кончили они губить лес», то—увы!—он ошибается. Лес хищнически истребляется во-всю, десятки подвод ежедневно и посейчас (осенью и зимою) возят ворованный лес из пределов волости в г. Кимры, где его и продают на базаре. Но дело в том, что в 1925 г. один из агентов лесной стражи, пытавшийся задержать лесокрадов, был убит ими. С тех пор и представители лесничества и милиция смотрят сквозь пальцы на расхищение лесов, и поэтому дел о порубке не возникает и в суд не поступает. Взяточка существует, но живет осторожненько, с оглядочкой. Самогонку варят за последние два года, действительно, в значительно меньшем, нежели прежде, количестве. Гонят ее преимущественно для собственного употребления—ну, а это уж не очень-то строго преследуется. С имущественными преступлениями затишье—воруют, правда, гораздо меньше. Рубрика «все другие преступления» колоссально выросла. Рубрику эту заполняют почти сплошь дела о нанесении побоев, драки.

Следует коротко остановиться на вопросе о хулиганстве, махровым цветком распустившемся в деревне.

Местный судья в августе 1926 г. чрезвычайно метко и образно выразился в одном из своих докладов:

— Производительность мордобития растет.

Да, ужасно растет в деревне «производительность мордобития». «Морды» бьют, как говорится, «почем зря». Хулиганство, от сравнительно невинных озорных штучек (кинуть поленом в стену дома, сбить шапку с мимо идущего) до высококвалифицированных, омерзительных деяний (например: публичное изнасилование девушки) главным образом развертывается зимою, на «посиделках». На этих «посиделках», если парни только орут в уши девушек самые распахабные частушки, то это ничего, это значит, что все идет «по-хорошему», как надо. Довольно часто бьют кого-нибудь.

Расскажу об одном отвратительном факте.

В самом конце 1924 г. в д. Марфино были «посиделки». Два парня из соседних деревень, Подойкин и Лепешкин, вы-

манили одну девушку из дома, где были «посиделки», на улицу, потащили ее в конец деревни и там, около одного из домов, на деревенской же улице, изнасиловали девушку. Когда девушку тащили, то все это видели десятка два деревенских подростков обоего пола (в возрасте 14—17 лет) и они бежали за несчастной, увлекаемой хулиганами девушкой. Но бежали не для того, чтобы помешать гнусному деянию, а чтобы «посмотреть, как это будут делать». И, действительно, смотрели! Изнасилованная девушка находится в настоящее время в полупарализованном состоянии, что случилось с нею на почве сильного нервного потрясения, и положение ее признано ленинградскими профессорами (проф. Гизе и др.) безнадежным (родственники перевезли ее в Ленинград). Дело о хулиганах-насильниках в декабре 1926 г. разбиралось в Тверском губсуде. Насильники приговорены каждый к трехгодичному лишению свободы.

В одной из помещенных выше табличек, где указано количество оконченных по волости судебных дел, имеются цифры по линии гражданских дел.

Посмотрим (дадим табличку в относительных числах), какие гражданские иски вчиняли граждане волости. Сведения даем с 1923 года.

Иски.	1923 г. %	1924 г. %	1925 г. %	1926 г. %
О расторжении браков	18	9,0	7,0	5,6
„ выселении	4,2	4,5	0,5	1,6
„ потравах	7,0	3,0	5,0	3,3
„ нарушении договоров	—	41,3	46,1	30,0
„ зарплате	11,1	10,0	10,0	5,7
„ признании отцовства	1,4	0,7	1,0	—
„ содержании	4,2	3,0	1,8	6,4
„ наследстве	10,0	0,7	—	—
„ семейно-имуществ. разделах	5,6	3,0	5,5	4,0
Другие виды	38,5	23,8	23,1	43,4
	100	100	100	100

В только что приведенной табличке особый интерес представляют две рубрики. Иски о расторжении браков падают: к вступлению в брак обе стороны стали относиться серьезнее, этот момент наблюдается в деревне. Но самое-то главное здесь в другом: если муж без особых оснований «выгонит», как говорят у нас в деревне, жену из дома, то с него суд потом присудит платить бывшей жене на содержание. Поэтому мужская половина не очень-то рьяно «выгоняет» своих жен. И жены знают, что если они легкомысленно покинут мужа, то суд им на содержание не присудит, а придется им жить на хлебах у своих родителей. Родители же смотрят на замужнюю дочь, как на «отрезанный ломоть», и не очень-то охотно снова примут в дом выданную дочь. Значит, и жены живут, хотя иногда и «терпят». Вторая наиболее интересная рубрика—это иски о нарушении договоров. С развитием экономических отношений в деревне и с усложнением их растет количество всякого рода заключаемых договоров. А вместе с тем растут и споры о нарушении договорных отношений. Суду приходится тратить немало времени на разбор подобных дел.

Ну, а как судили? Чуткой или не чуткой была революционная совесть, которой руководствовался суд, постановляя свои решения?

На такой вопрос, конечно, трудно ответить. Хаять судейскую совесть мои земляки не хаяли, но и хвалить суд воздерживались—находили, что:

— Слабо суд поставлен: строгости мало. А если и приговорят которого вора в тюрьму, то, смотришь, он, немного погодя, опять уже на свободе—амнистия, говорит, вышла.

Нужно сказать, что крестьяне смешивают с амнистией и иные моменты, например, досрочное освобождение, применяемое по нашему законодательству к лицам, «обнаруживающим исправление», которые могут, на основании досрочного освобождения, покинуть дом заключения (тюрьму), отбыв лишь половину указанного в приговоре срока заключения.

Временное освобождение некоторых заключенных на летние полевые работы, или отпуски им для посещения родных,

предоставляемые за хорошее поведение, тоже осуждаются крестьянами:

— Осудили, так и сиди. На то и тюрьма, чтобы в ней сидеть. А то только баловство одно: летом вора отпустят—поработай, мол, а зимой опять кушайте готовые, казенные харчи; с супругой захотелось повидаться—пожалуйте вам отпуск на три дня или на неделю. Кому такая тюрьма будет страшна?!

Мы знаем, что и досрочное освобождение и отпуска, которые, кстати сказать, никакого отношения к суду не имеют, вытекают из основного принципа, на котором построена вся наша система наказания: не мстить, а исправлять. Но крестьянин в эти тонкости не вникает и все смешивает в одну кучу: и условное осуждение, и досрочное освобождение, и отпуска. Он все это подытоживает одной фразой:

— Слабо суд поставлен.

Что касается упомянутого мною основного принципа нашей системы наказания: не мстить, а исправлять, то должен сказать, что он противоречит правосознанию крестьянина:

— Горбатого одна могила исправит. Наблудил—должен быть наказан.

Интересна точка зрения крестьян на брак: брак должен быть припечатан как можно крепче. Я уверен, что многие, после регистрации брака в волисполкоме, венчаются в церкви именно (может быть, и не всегда осознавая это) для того, чтобы припечатать свой союз. Для крестьянина брак есть в известной мере и хозяйственный акт, и всякое расторжение, разрушение этого акта наносит урон интересам хозяйства крестьянина. На присуждение алиментов крестьянин смотрит, как на факт, ведущий к разорению двора.

Волнует крестьян и точка зрения нашего Земельного Кодекса на принадлежность всего имущества хозяйства (земля, постройки, скот и пр.) всем членам двора. А членами двора считаются все проживающие в нем члены семьи. Обычно глава семьи считает, что имущество его, нажито им. И когда отец делится с сыном и последний получает следуемую ему по закону часть имущества двора, то отец все же внутренне считает, что это «не по-божески». А когда приходится отде-

лять невестку, которая иногда и года не прожила в доме (раз она вошла в дом, она—полноправный член двора), то тут уже у крестьянина полное непонимание того, что происходит.

Любопытно выявление правосознания крестьян народных заседателей при обсуждении в совещательной комнате мер социальной защиты по отношению к некоторым преступлениям.

Если подсудимый виновен в порубке или выгонке самогона, то нарзаседатели всегда стоят за самое незначительное наказание. Если же речь идет о краже со взломом, то наивысшее наказание, полагающееся за это преступление по ст. 180, пункт «б»—заключение со строгой изоляцией на срок до двух лет, кажется им очень милостивым. Такое отношение крестьян к упомянутым преступлениям и понятно: лес считается своим, самогон гонят из своих продуктов, ну, а кража со взломом—беда для крестьянина («заберутся в амбар—пол-урожая сразу унесут»)...

В заключение скажем, что зал заседания народного суда мог бы быть аудиторией для воспитания крестьянских масс. Каждое судебное заседание, при серьезно-продуманной постановке назначенных к слушанию дел, могло бы дать окрестному населению много нового и чрезвычайно поучительного. Судья, который пожелает быть не только чиновником-судьей, но и живым общественным работником, может скоро добиться того, что зал заседания будет ломиться от публики, пришедшей сюда не исключительно «по своим делам», но и поучиться, как надо жить и как жить не надо.

Увы, в Горицах ничего этого нет. А жаль!..

НАШИ КОММУНИСТЫ, КОМСОМОЛЬЦЫ И ПИОНЕРЫ.

Коммунисты. Нашими коммунистами я называю всех тех лиц из населения нашей волости, которые состояли или состоят в ВКП. Из них часть вступила в партию через местную ячейку, другие стали членами ВКП на фронте или в городах. Одни работали в качестве партийных людей тут же, на глазах своих земляков, в волости или в уезде; остальные—далеко от родных мест. О всех этих лицах я собрал самые подробные сведения, поскольку, конечно, это было возможно. Может быть, несколько человек, сделавшихся партийными на стороне и давно порвавших всякую связь с нашими местами, и остались мною неучтенными. Целью же написания настоящего маленького очерка служит желание выявить тот материал, какой дала ВКП наша волость. Я постараюсь ответить на вопросы: когда преимущественно мои земляки собирались под знаменем ВКП, когда это знамя покидали и почему его покидали; как работала местная партийная ячейка и пр. Ведь каждая волость—это ручеек, может быть, очень незначительный сам по себе, но вместе со многими другими, себе подобными, такие ручейки образуют крупные партийные артерии, слияние которых с более могучими городскими потоками и образует в конце-концов единое русло—Всесоюзную Коммунистическую Партию с ее перевалившими за миллион членами (считаю с кандидатами).

Сперва приведу нижеследующие таблички.

№ 1.—Из населения волости:

Вступило в ВКП(б):			Выбыло из ВКП(б):		
в 1917 г.	5 чел.	7%	в 1917 г.	0 чел.	0%
„ 1918 „	19 „	27%	„ 1918 „	2 „	4%
„ 1919 „	22 „	31%	„ 1919 „	11 „	22%
„ 1920 „	12 „	17%	„ 1920 „	10 „	19%

в 1921 „	4 чел.	6%		в 1921 „	14 чел.	27%
„ 1922 „	3 „	4%		„ 1922 „	6 „	12%
„ 1923 „	0 „	0%		„ 1923 „	1 „	2%
„ 1924 „	3 „	4%		„ 1924 „	0 „	0%
„ 1925 „	0 „	0%		„ 1925 „	2 „	4%
„ 1926 „	3 „	4%		„ 1926 „	5 „	10%
Итого	71 „	100%		Итого	51 „	100%

Один из товарищей, вступивший в ВКП в 1918 г., работал и до революции с большевиками.

№ 2.—Из числа указанных 71 человека:

крестьян	32 чел.	45%
рабочих	24 „	34%
других[1]	15 „	21%
Итого	71 „	100%

№ 3.—За выбытием 51 чел. осталось в ВКП:

крестьян	7 чел.	35%
рабочих	9 „	45%
других	4 „	20%
Итого	20 чел.	100%

Рабочие оказались наиболее устойчивым элементом.

№ 4.—Из числа 51 чел. выбыло:

добровольно	38 чел.	75%
исключено	13 „	25%
Итого	51 „	100%

№ 5.—Из 71 чел.:

мужчин	68 чел.	96%
женщин	3 „	4%
Итого	71 „	100%

№ 6.—Из 71 чел. образовательный ценз имели:

низший	64 чел.	90%
несколько больший	4 „	6%
средний	3 „	4%
Итого	71 „	100%

№ 7.—Из 71 чел. работало по советской или общественной линии:

в волости или уезде	35 чел.	50%
за пределами уезда	20 „	28%
совсем не работало	16 „	22%
Итого	71 „	100%

[1] Под „другими" я разумею детей духовенства волости, учительства и пр.

До революции за политические преступления из 71 члена ВКП только один понес наказание (администр. высылка и 2 мес. тюремного заключения).

За что были исключены 13 человек? Некоторые—за шкурничество: например, в 1921 году была мобилизация партийных на польский фронт, два члена партии вдруг «заболели»; врачи, призванные к одру «болящих», установили притворство; этих «товарищей», конечно, немедленно изгнали из ВКП. Третьего «вычистили» за то, что он оказался бывшим городовым, четвертого—за то, что до революции судился за конокрадство. Некоторых исключили за некоммунистическое поведение (пьянство, спекуляция), одного—за должностные преступления.

Почему уходили из ВКП? Это один из любопытнейших вопросов.

Вот мой земляк—рабочий-путиловец. В 1917 году по семейным обстоятельствам он оставил завод и приехал к нам в волость. На заводе он был передовым рабочим, ездил в качестве делегата от рабочих с подарками на фронт и пр. Из ВКП он ушел в 1921 г., так как в тот момент он был, по его мнению, левее покойного тов. Ленина и не мог переварить «поправения» ВКП, вступившей на путь новой экономической политики. Но, спустя некоторое время, этот «страшно» левый человек открыл в нашем селе лавку и, поскольку мог, пожинал плоды новой экономической политики. Но, увы, бывшему коммунисту не повезло в роли красного купца, и он, прогорев, в 1924 г. закрыл свою лавку. Так как этот бывший путиловец—человек развитой, то он, когда еще торговал, чувствовал себя не совсем удобно и порой изрекал:

— В этом естестве (т.-е. торговцем) мне к путиловцам являться нельзя—прибьют...

Вот другой тип. Человек совершенно несознательный. Дядя его—коммунист и член волисполкома. Дядя приспосабливает к коммунизму и племянника, чтобы дать ему, как коммунисту, местечко служащего в исполкоме. Но вот дядя, про которого дознались, что он был городовым, вылетает и

из исполкома, и из партии. Племянник тоже уходит из партии—ведь надежда на теплое местечко пропала!

Есть ряд лиц, которые сделались коммунистами на фронте. Демобилизовавшись, иные из них уже не записывались в местную ячейку. Делалось это главным образом под влиянием родных, при чем аргументация родственников носила самый разнообразный характер. Мне, например, известны такие аргументы, которые действовали на малоустойчивого коммуниста:

— Смотри (говорит отец или мать), вот ты пришел из армии. Баба у тебя уж затяжелела. Скоро и родит. Слышно, что у вас, у коммунистов, крестить-то ребенка нельзя.

— Да, не полагается. Да и к чему? Предрассудок,—довольно бойко отвечает сын-коммунист.

— Дурак! Ты бы подумал со своей башкой: народ в волости весь крещеный, а твой один нехристем будет! Да ведь нас засмеют, на нас пальцем показывать будут. Это еще в городе подходит, где люди в одном доме живут и друг друга не знают, а у нас этакий обычай не годится. Здесь все как на ладоше, потому и поступать надо всем на один лад.

Или:

— Что тебе в крестьянстве твой коммунизм даст! Может быть, завтра война будет с Англией или там с другой державой. Других-то пока еще призовут, а тебя-то, партийного, в первую голову погонят. Тебе не надоело на фронтах-то быть? Ты там по фронтам шляться будешь, а мы здесь за твою партийность своим хребтом отдувайся—работай на твою семью!..

Вот разные такие родительские или женины «увещавания», повторяемые изо дня в день, переходящие сперва в легкие, а потом и в крупные ссоры, в конце-концов достигают своей цели: коммунист-фронтовик превращается в беспартийного крестьянина.

Другая категория покинула ряды партии потому, что «крестьянское хозяйство не позволяет состоять в партии».

Я знаю одного бывшего матроса, энергичного местного партийного работника. Из партии он ушел в 1921 году, вер-

нувшись с врангелевского фронта, куда был мобилизован, как партийный. В деревне у него бедное хозяйство, жена и пятеро маленьких ребят. Этот товарищ рассказывал мне:

— Пришел я с фронта. Семья последнюю краюху хлеба доедает. Без меня в хозяйстве произошло много упущений, где же бабе со всем справиться, да ее я кстати еще и беременной оставил. Вот такое мое хозяйственное положение, а уком (уездный комитет партии) хотел меня на партийную работу мобилизовать. Подумал я, подумал, да и ушел из партии, т.-е. пришлось уйти,—поправляется он.

Другой, вышедший из партии «из-за крестьянства», поведал:

— Я человек, как вы знаете, небольшого развития. Но все же, по мере сил, кое-что, как партийный, делал. Делал потому, что время позволяло—я с братом не был еще в разделе. В прошлом году разделились мы. Надо было свое хозяйство налаживать. Работать, как партийный, я уж совсем не могу—некогда. Надо или в партии быть, или свое хозяйство вести. Ну, и решил выйти из ячейки...

Вот трое других. Они служащие волисполкома, в 1919 г. одновременно вступили в ВКП, пробыли в ней ровно две недели и вместе ушли из партии. Виновником их вступления в партию был уполномоченный укома, допустивший такую отсебятину:

— Кто хочет служить в исполкоме должен быть партийным!

Тогда, не долго думая, эта троица (один из них—бывший волостной писарь, прослуживший в этой должности свыше 30 лет, другой—бывший бухгалтер одного из ленинградских заводов и третий—бывший фельдшер) поспешила записаться в местную ячейку.

— Почему же вы ушли?—спрашиваю я одного из них.

— Причина у всех одна. Сделались мы партийными и думаем: надо почитать Бухарина—книжка-то под руками была. Собрались как-то вечером, начали читать, а там такое по религиозному вопросу написано, что хоть святых из дома выноси! Ну, и выписались по религиозным убеждениям...

Все эти три лица продолжали и по выходе своем из пар-

тии благополучно служить в волисполкоме, потому что, как технические работники, они были безупречны.

В 1919 году у нас в волости было небольшое восстание дезертиров. Порядок был восстановлен прибывшим отрядом красноармейцев. Но до прибытия отряда дезертиры устроили облаву на местных коммунистов, и последним пришлось скрываться где попало. После этого восстания двое товарищей, опасавшихся за свою жизнь, вышли из партии.

Один товарищ, вступивший в партию в 1919 году, в 1920 году, будучи председателем уездного исполкома, вышел из партии по мотивам невозможности для него подчиняться некоторым требованиям партийной дисциплины [1].

Причины выхода из партии некоторых других моих земляков я, к сожалению, не в состоянии был выяснить.

Теперь следует сказать несколько слов о нашей волостной ячейке ВКП(б), в которую входили и входят не только коммунисты из состава населения Горицкой волости (их я, как уже упоминал, называю «нашими» коммунистами), но все члены партии [2], проживающие и работающие на территории волости.

Численный состав ее в 1918 г. был 18 человек (остальные коммунисты нашей волости числились в других ячейках), потом он дошел до 33 человек, а к средине 1923 г. снизился до 4 человек. Члены ячейки в 1923 году: пред. волисполкома, судья, начальник милиции и казначей волисполкома [3]. В 1924 г. членов ячейки было уже 15 человек, при чем трех членов дал ленинский призыв (в ленинский призыв заявлений о желании вступить в партию было 10, но уважено из них было только 3). В 1925 г. было 23 человека. К концу 1926 года в составе ячейки числилось только 20 человек [4].

---

[1] Тов. Н. Г. Дмитриев.

[2] Говоря „члены партии", я включаю сюда и кандидатов в партию.

[3] Начальник милиции и судья — не из состава населения волости.

[4] Вот более подробные сведения о составе горицкой партъячейки на 1 октября 1926 года:

Членов ВКП—5 чел., кандидатов—15, а всего 20 человек; мужчин—19, женщин — 1; в возрасте до 26 лет — 4 чел., от 27 до 36 лет — 11 чел. свыше 36 л. — 5 чел.; с партстажем от 1918 г. — 1 чел., от 1919 г. — 2 чел. от 1920 г. — 1 чел., от 1923 г. — 2 чел., от 1924 г. — 2 чел., от 1925 г. — 9 чел. и от 1926 г. — 3 чел.

К сожалению, из 20 человек состава ячейки только 8 человек—коренные жители волости, а остальные 12—элемент пришлый. Говоря сейчас о деревенской ячейке, интересно отметить, что из 20 человек лишь 10 знакомы с ведением крестьянского хозяйства, т.-е. знакомы как следует, сами могут его вести. Из 10 понимающих толк в крестьянском хозяйстве только 7 человек принимают в нем непосредственное участие, а из этих 7 лишь трое возглавляют свое хозяйство; четверо же занимают в хозяйствах второстепенное положение.

Как в 1926 г., так и за прошлое время члены ячейки, занятые служебными обязанностями, никакой специальной и планомерно проводимой культурно-просветительной работы в волости не вели (отдельные эпизодические выступления в счет не идут).

— Не было времени и не было соответствующих сил,— говорят члены нашей волъячейки.

Пристально присматриваясь к членам партъячейки нашей волости в течение ряда лет, я должен сказать, что какой-либо особой популярностью среди населения волости они не пользуются [1]. Отношение к ним равнодушное: «есть они—ладно, не будет их—тоже ладно».

Почему же так? Идет десятый год со дня октябрьского переворота, и вдруг—«и так ладно, и этак ладно!»

Причины отмеченного явления просты и ясны.

Коммунисты моей волости не связаны с массами. Они—начальство, которое полагается всегда слушать, иногда—бояться. Но и только.

Коммунист всегда имеет какую-либо должность, получает жалованье и норовит уже за плугом не ходить. А как плуг оставил, то ты уже не крестьянин, не свой брат-мужик.

Крестьянин—он прежде всего хозяин. Добиться действительного доверия и настоящего уважения местный коммунист может у крестьянства только тогда, когда этот местный ком-

[1] За исключением тов. О. И. Вороновой. Но тов. Воронова вступила в партию лишь в конце 1924 года. Она завоевала себе популярность еще раньше, как школьный работник. В 1925 г. тов. Воронова покинула пределы волости, перейдя на службу в другой уезд.

мунист ведет свое собственное хозяйство не через пень колоду, а образцово. Я совершенно уверен, что если бы только один коммунист из всей горицкой ячейки поставил свое собственное хозяйство на должную высоту, об этом скоро узнали бы не только в волости, но и за ее пределами. И коммунисты приобрели бы необходимый им вес. И ячейка стала бы руководительницею общественного мнения в волости, чем она до настоящего времени не является.

Крестьяне, возвращаясь с какого-либо собрания, где кто-нибудь из коммунистов «по долгу службы» бойко призывал поднимать сельское хозяйство, справедливо замечают:

— Чем на словах призывать, взял бы плуг в руки да и показал, как лучше надо делать. Если у меня родится на десятине 50 пуд. ржи, а у оратора уродится 60, я поверю ему и буду по его образцу поднимать хозяйство. Образец нужен, а не слова.

Деревенский коммунист должен не отрываться от своего хозяйства в погоне за советским жалованьем и не вести хозяйство спустя рукава. Надо непременно сочетать общественную работу с хозяйничаньем.

У нас в волости за весь период революции не было ни одного коммуниста, который был бы заправским хозяином, а коммунистов скверных хозяев было немало, даже больше, чем нужно. Отсюда—и отсутствие связи с массами и равнодушное отношение к коммунистам.

Особенно любопытно отметить, что за все время своего существования волостная партъячейка почти ни разу не обсуждала вплотную, по-серьезному, вопросов, связанных с поднятием местного сельского хозяйства. И это, конечно, не удивительно: ведь в 1926 г. из 20 членов ячейки только трое были крестьянами-хозяевами в полном смысле этого слова, а были годы, когда в составе ячейки не насчитывалось и трех-то хозяев! Представим себе фабричную рабочую партъячейку, где подлинных рабочих всего лишь 12—15%. Само собой разумеется, что при подобном составе рабочая ячейка лишь изредка и, понятно, не углубленно может заниматься обсуждением производственных вопросов, касающихся данной фабрики. Такую же картину мы наблюдаем и в деревне,

Выше я сказал, что отношение населения волости к местным коммунистам равнодушное. Это верно в смысле основного фона. Но на этом фоне нередко выявляются черты и определенно отрицательного отношения к коммунарам, чему способствуют вполне основательные факты.

Приведу здесь некоторые из них, относящиеся к последним годам.

В 1924 г. появился в нашей волости новый человек—член партии С. О. Васильев, занявший место ответственного секретаря вол'ячейки. В ноябре 1924 года этот, неведомый нашим крестьянам, Васильев под давлением партъячейки проводится в председатели правления горицкого кооперат. потребит. общества. В качестве председателя правления Васильев держался, как выражаются крестьяне:

— Гордо.

— С ним, брат, много не поговоришь.

Проорудовал Васильев в кооперации свыше полутора лет. В результате его деятельности обнаружен ряд мошенничеств и подлогов. В августе 1926 г. он вылетел из кооперации с возбуждением против него уголовного преследования.

И крестьяне говорят:

— Посадили к нам в кооперацию коммуниста, а он нас обчистил...

Или вот еще два штриха иного рода, к уголовщине отношения не имеющие, но тоже способствовавшие внедрению в крестьянские массы отрицательного отношения к коммунистам.

Дело было в январе 1926 года. В Горицах заседал пленум только что избранного волостного съезда. После окончания работ по вопросам волостного хозяйства некоторые из участников съезда—крестьяне—попросили разъяснить им, что происходило на XIV партсъезде, в чем суть расхождения между партией в целом и оппозицией? [1]

Подобный интерес крестьян к жизни партии, насчитывающей в своих рядах свыше миллиона членов (с кандидатами)

---

[1] Этот вопрос был задан крест. дер. Веренки Григорием Русаковым, человеком сознательным и вполне советски настроенным.

и имеющей громадное влияние во всех областях жизни нашей страны, конечно, вполне естественен. И любой толковый партиец, правильно понимающий смычку партии с крестьянством, должен был бы только порадоваться поставленному вопросу и дать на него, по силе возможности, исчерпывающий ответ.

Но не так думал один из наших партийцев, отвечавших на вопрос. Он стал говорить о том, что партийные дела до крестьян вообще отношения не имеют, а в частности это вопрос такого большого масштаба, что не на скромном волостном съезде его поднимать; на волостном съезде надо заниматься маленькими, местными делами.

Такая отповедь обидела крестьян.

Второй случай был на том же съезде и вот какой.

Узнав из информационного отчета одного партийца, сделанного на съезде, о постановке в г. Твери памятника Ленину, который обошелся в 50.000 руб., один из присутствовавших членов съезда заметил, что ближе к заветам Ленина, крестьянством уважаемого, было бы не тратить 50.000 р. на установку каменной статуи, а построить на эти деньги постоянный мост через реку Тверцу. Соорудив же мост, прибить на нем доску с указанием, что этот мост сооружен, как памятник покойному Ильичу.

Как видите, крестьянин ничего ни глупого, ни контр-революционного не сказал. Однако в ответ ему посыпался горох трескучих фраз вроде:

— Неужели нам жалко на памятник Ленину 50.000 р. и т. д.

Бестолковщина ответа партийца, а, главное, явное и несправедливое заподозревание крестьянства в том, что оно не желает почтить память Ленина, вызвали раздражение среди крестьянства.

Все такие факты, из кучи которых я привел только частичку, не могут воспитывать в крестьянских массах положительных чувств по отношению к коммунарам.

В заключение зададим такой вопрос:

— В какой мере члены горицкой волъячейки подготовлены к тому, чтобы взять на себя культурное руководство в волости?

Ответом на этот вопрос служат факты, указывающие, в какой мере основные работники ячейки сами разбираются хотя бы в круге явлений самых злободневных, самых важных для каждого партийца (да и не только для партийца!).

В Горицах с 7 по 11 марта 1926 г. работала контрольная комиссия губкома под председательством тов. Александрова.

Комиссия спрашивает основного работника ячейки, бывш. ответственного секретаря ее, уже называвшегося мною, С. О. Васильева (цитирую протокол):

— Какие вопросы стояли на XIV партсъезде?

Ответ Васильева:

— Газет не читал и не помню.

Ответ трагический...

Теперь понятно, почему ячейка идет не впереди населения волости, а плетется в хвосте или, в лучшем случае, где-то с боку, сама по себе...

В 1926 году я слыхал, как в волости, под балалайку, пели про нашу ячейку песенку, начинавшуюся такими словами:

„Коммунисты, что вы спите
В партъячеечке своей!
Или просто не хотите
Вы открыть своих очей?..“

Комсомольцы. Изучая свою волость, я полагаю, что не взрослые партийцы, а именно комсомольцы могут сыграть в жизни ее большую роль. Взрослых партийцев и численно малю на почти полтора десятка тысяч жителей волости, и большинство из них—люди не местные, пришлые и чуть ли не все члены волъячейки заняты службою и живут в селе Горицах и пр. Комсомольцев же и по числу немало, и все они почти сплошь из горицких деревень, живут не кучею в селе, а, наоборот, разбросанно по всей волости и работают они в крестьянском хозяйстве плечо к плечу с своими однодеревенцами, на глазах у которых они выросли. Но эта значительная роль комсомола в жизни волости мыслится мною пока что в будущем, когда комсомол получит надлежащее руководство в своей работе и твердую дисциплину в свои ряды.

Познакомимся с тем, как обстоит дело с комсомольцами в настоящее время.

До 1924 года у нас в волости не было комсомольцев.

Когда эта организация только, только народилась, крестьяне имели о ней довольно смутное представление. Так, один односельчанин осенью 1924 г. спрашивал меня:

— Скажи, пожалуйста, что это за партия—комсомольцы?

Объясняю.

— Так, так... Это значит те, которые в Горицах в мячик ногами играют?

В вопросе чувствуется ирония. Поэтому считаю необходимым оправдать «игру в мячик ногами»:

— Игра в мячик ногами—эта игра по-английски называется футбол. И у нас ее так называют. Пускай молодежь играет в футбол—плохого тут ничего нет. Ведь сам знаешь, что делают парни в свободное время—горланят похабные частушки под «тальянку».

— Что говорить! Знамо, лучше уж в этот... как его там, мячик-то ногами,—благожелательно соглашается сосед.

Когда же я рассказал, что комсомольцы вот недавно два утра косили бесплатно у бедных крестьян, что они собираются иногда и читают вместе газеты и книжки, что они даже сами раз в месяц составляют рукописную газету, которая вывешена в чайной потребительского общества, мой собеседник выразил свою большую симпатию молодой организации.

Надо сказать, что одно из самых первых публичных выступлений наших комсомольцев было совершенно неудачным.

Так, едва сорганизовавшись, в пасхальную ночь 1924 года, когда вокруг горицкой церкви двинулся крестный ход, комсомольцы пытались сорвать его пением «Интернационала». Сорвать не сорвали, а скверное впечатление от этой выходки у крестьян оставили. Впрочем, и сами комсомольцы и ячейка ВКП(б) скоро осознали ненужность и вредность подобных выпадов против религии...

К осени 1924 г. комсомольцев в волости было не больше 50, а к январю 1925 года число их удвоилось. Среди комсомольцев девушек имелось всего лишь 5.

К началу 1926 г. комсомольская ячейка насчитывала уже 126 чел. и из них 16 девушек. В течение 1926 года ячейка в числе членов не увеличилась, но количество девушек снизилось до 10, из которых 5 из самого села Гориц и 5 из разных деревень.

В то время как волостная партъячейка за 10 лет своего существования собрала под свое знамя всего лишь 20 человек, из которых, как было сказано, 12 чел. пришлые для волости люди, комсомольская ячейка только за три года своего бытия успела объединить уже 126 чел., и все они, за исключением единиц, местные люди. Какими причинами объясняется наплыв членов в ВЛКСМ?

Ответить звонкой фразой, сказать, что молодежь идет в комсомол в силу своего революционного настроения,—это было бы неверно или, пожалуй, верно в отношении отдельных лиц.

Вот, например, зимою 1925 года в одной из пяти комсомольских ячеек волости—в ново-никитской—было собрание беспартийной молодежи с комсомолом. Секретарь горицкой ячейки Корягин в таких ярких соблазнительных красках расписал привольную жизнь комсомольцев, что на этом же собрании сразу 5 человек записались в ряды комсомола и их тут же приняли. Но по прошествии 3 месяцев четверо из пяти вновь записавшихся, убедившись, что никакой манны с неба на них не сыплется, вышли из комсомола. Таким образом отсутствие внимательного приглядывания к каждому вступающему ведет к разбуханию ячейки ВЛКСМ.

Или вот факт. Приемная комиссия спрашивает (дело тоже было в 1925 г.) парня Поснова из д. Наумова: чего ради он идет в комсомол?

Ответ:

— Может быть, в писаря попаду.

Поснов был откровенен, и комиссия его не пропустила, но ведь более хитрые так не ответят и потому проскальзывают.

Многие на мой вопрос о цели вступления в комсомол отвечали, запинаясь:

— Имя комсомольца носить модно.

Активность подобных «модников» ничтожна. Вот, например, комсомолец И. Синюшкин из дер. Авделихи: ему пришел комсомольский билет из волъячейки ВЛКСМ, надо притти за полверсты в ново-никитскую ячейку и забрать билет, а Синюшкин четыре месяца собирается за ним зайти и все не может удосужиться.

Отличается ли комсомольская молодежь в своей массе выдержанностью поведения от беспартийной молодежи волости?

К сожалению, нет. Комсомольцы подчас ведут себя даже хуже беспартийных.

Например, очень и очень немало среди комсомольцев и выпивающих, и отчаянных драчунов. Они всегда начинают драку. Как драка, так крестьяне говорят:

— Вон комсомольцы дерутся.

Секретарю горицкой ячейки, драчуну и дебоширу Корягину, многое сходило с рук. Но, наконец, его скандалы стали совершенно нетерпимыми и над ним, 22 августа 1926 г., устроили показательный товарищеский суд. Суд постановил ограничиться занесением «подвигов» Корягина в его личное дело. Пьянство, дебоширство и недисциплинированность горицкого комсомола неоднократно отмечались уездной газетой «Кимрская Жизнь» (см. за 1926 год №№ 45, 57 и др.).

Чем объясняется подобная распущенность?

Многими, конечно, причинами.

Тут—и моральная неавторитетность местных руководителей комсомола. Вот, например, фигура Долгова, бывшего секретарем волкома ВЛКСМ до августа 1926 г. Надо было ему итти по призыву в Красную армию осенью 1926 г. Не охота служить армейцем. Шлет письмо т. Родионову, секретарю уездного комитета комсомола: нельзя ли пристроиться на какие-либо курсы, чтобы только освободиться от военной службы. Радионов передает письмо на рассмотрение уездного бюро комсомола и Долгова снимают из нашей волости.

Может ли такой тип, как огня боящийся красноармейской шапки, обладать каким-либо моральным авторитетом, необходимым для руководства молодежью?!..

Надо учесть и слабость работы по поднятию сознательности среди комсомольцев.

Так, в отчете волкома ВЛКСМ за 1926 г. читаем, что работа по политчиткам сильно хромает в виду недостаточной подготовленности руководителей, которые были политически мало развиты и не имели опыта в этой работе.

В результате, когда комсомол, возглавляемый плохими руководителями и сам плохо подготовленный, пытался начать работу среди беспартийных, то она проходила в ничью. Тот же отчет говорит о работе комсомольцев зимою на общественных посиделках: «об этой работе много говорили, но мало сделали».

Пока работы комсомола в целом у нас не видно. А из среды комсомольцев выделяются лишь отдельные личности, которые, сделавшись комсомольцами, сравнительно далеко шагнули вперед, создавая новый тип советского крестьянина-интеллигента. В д. Русилово один комсомолец создал у себя ликпункт и обучил грамоте 12 неграмотных крестьян. Несколько комсомольцев хорошо работают по распространению печати среди населения волости и пр.

Хочется, чтобы комсомольцы наши снискали популярность и любовь населения волости, поработав над преобразованием ее подчас совсем дикого быта. А над бытом, действительно, надо много и много поработать. Взять хотя бы поведение мужской молодежи в праздники: парни перепиваются самогонкой, матершинничают на каждой фразе, орут отвратительные, мерзкие по содержанию песни, грубо и глупо куражатся над девушками и пр. И поэтому страшно жаль, когда наблюдаешь, как драгоценная энергия юного, только, только встающего еще на ноги объединения молодежи тратится довольно часто зря—на скандалы и пьянство.

Пионеры. Они появились в волости осенью 1924 г. Первый отряд организовался в с. Горицах из 15 человек. Привычный для глаза горожанина красный галстучек замелькал и в нашем глухом углу. К концу года число пионеров дошло до 52, из них форпост в 20 человек возник сперва при школе в с. Балдеево, а в начале 1925 г.—еще в двух школах волости. К 1927 г. в волости было уже 6 отрядов с 190 ребятишками.

Крайне любопытно отметить, что крестьяне напряженно

следят за пионерским движением, и один неверный шаг в этой области может скомпрометировать среди местного населения все дело. Один крестьянин говорит:

— Чтобы эти пионеры не сделались шпионерами. Вон один горицкий пионер пошел и заявил куда следует, что его отец самогонку гонит. Таких шпионеров-пионеров нам не надо.

Я не имел возможности проверить, имел ли место факт, указанный крестьянином, но само собой разумеется, что пионерское движение должно и будет развиваться совсем в иной плоскости.

В общем, по моим наблюдениям, дети восприняли свое пионерство как-то гораздо серьезнее, проникновеннее, нежели молодежь свое комсомольство. У ребят нет ни карьерных соображений по линии пионерства, ни чванства своим званием пионера. Чувствуется, что дети ощущают свое пионерство, как порог к новой жизни. Ну что же, от души пожелаем:

— Будьте готовы, дети!..

ЦАРСКАЯ ВОДКА, САМОГОНКА И СОВЕТСКОЕ ВИНО.

В последний год до войны, в 1913 г., из лавок Тверской губернии было продано 1.598.286 ведер вина, что составляет ⅔ ведра на душу, считая даже и младенцев. Следовательно, каждый гражданин, без различия пола и возраста, заплатил в 1913 году в казну за водку 5 руб. 27 коп. По нашей волости население заплатило в 1913 г. за водку (жителей тогда было 7.173 чел.) 37.801 руб. 71 коп., или, в переводе на рожь (цена ей в 1913 году была 95 коп. за пуд), 39.686 пудов (а продналог с нашей волости, например, за 1922 год в ржаных единицах—34.031 пуд. 39 фунт.; любопытно сопоставить эту цифру с расходом на водку). Но, помимо водки, деревня пила и самодельное пиво (заводское пиво, хотя у нас в волости было 5 мест его продажи, мы не будем учитывать— крестьянин пил его редко, оно было продуктом потребления местной интеллигенции и деревенских богатеев). Пиво варилось, как и сейчас варится, в праздники: на пасхальной неделе, на масленице и еще, самое меньшее, раза три в год (а в иной деревне—и 4 и 5)—в престольные (праздник по приходу) и в другие праздники. На каждое хозяйство в расход на пиво (солод, хмель) надо класть на одну варку 2 пуда ржи, а на весь год (пять варок)—10 пуд. Таким образом в 1913 г. у нас в волости (было 1.137 хозяйств) в течение года тратилось на пиво 11.370 пуд. ржи. А всего в жертву «зеленому змию» в 1913 г. было принесено всей волостью, считая в пудах ржи, 51.056 пуд. ржи, т.-е. ⅔ чистого урожая ржи всей волости (под рожью в 1913 г. было 1.687 дес., высев—10 пуд. на дес., урожайность средняя за пятилетие 1912—1916 гг. сам-5,4; таким образом валовой уро-

жай—91.098 пуд., а чистый, отняв 16.870 пуд. на семена,—74.228 пуд.).

Сейчас мы учли лишь то, что можно было учесть. Но всякие упущения в хозяйстве, происходящие вследствие пьянства крестьянина,—их трудно вывести в рубле. А деревенские пожары, которые вспыхивали от окурка или спички, брошенных куда попало пьяным человеком? А сколько в деревнях было драк—редкий праздник обходился без драки; а уж если дрались, то дрались жестоко, с остервенением, увечили друг друга, иногда и убивали. Ну, да всего не перескажешь, что делалось под влиянием «зеленого змия»...

Наступила война 1914 г. Казенки закрыли, водка исчезла из обихода деревни. Правда, в протоколе местного волостного земского собрания от 30 ноября 1917 г. читаю: «распитие крепких напитков в чайных лавках воспретить, о чем известить содержателей чайных, с отобранием от них подписок». Эти крепкие напитки, распивавшиеся по чайным, были: денатурат, политура и пр., но они расценивались дорого, да их было и мало, так что можно смело пройти мимо этого явления, не учитывая его. Деревня в период войны перешла на пиво. Сперва без водки праздник был не в праздник:

— Эх, нехватает чего-то,—поговаривали наши крестьяне.

Грянула революция,—сперва Февральская, а потом Октябрьская,—а казенки все не открывали. Деревня стала уже основательно забывать водку. И в деревне стало как-то тише: вывелись пьяные драки, уменьшилось количество пожаров, с женами стали обходиться лучше. А почти 40 тысяч пудов ржи, которые раньше шли на покупку водки, находили себе лучшее применение.

Так в нашей волости дело обстояло до 1921 года.

С начала 1921 года стали поговаривать, что в соседних волостях «гонят» самогонку. Кое-кто во время разных поездок и на праздниках уже успел ее попробовать. Делились впечатлениями:

— Дух нехороший, но пить все же можно.

— Ну, а раз пить можно, то надо и нам заняться!—порешили наиболее сметливые.

Проведали, как это «дело делается». Приспособили котлы, трубки и, кто в бане, кто на гумне, открыли «заводы»— сперва исключительно «для собственного потребления». Под большим секретом угощали друг друга. Самогонка очень нравилась, и «дело» стало быстро развиваться.

К этому времени, т.-е. в 1921 году, кимряки, известные на всю Россию сапожники, как раз стали оправляться после той общей хозяйственной разрухи, которая придавила и их в 1918—20 гг.

В 1918—20 годах кимряки, бывало, ездили по нашим деревням со своими сапогами, вымаливая за пару обыкновенных мужских сапог пуда 3—4 ржи (были случаи—отдавали и за 1½ пуда). Понемногу они встали на ноги, закипела работа, заработки их увеличились. Не кимряки уже ездили с сапогами, а за ними к ним надо было приезжать. Цена сапог стала быстро расти, и к августу 1923 г. пара сапог расценивалась уже в среднем в 15 пуд. ржи.

Но сапожники всегда славились своей исключительной любовью к «зеленому змию», а кимряки в особенности. И поэтому, как только «дела поправились», кимряки снова стали ревностными поклонниками несколько забытого в первые годы революции, любезного их сердцу «змия». А раз имеются «потребители», то всегда найдутся и «поставщики». «Спрос родит предложение». И в нашей Горицкой волости самогонные заводы стали расти, как дождевики в ненастную пору.

Вот в каких выражениях описывает местный доморощенный поэт-крестьянин П. Павлов из д. Рябинкино (в своей поэме «История самогонки») переход от «собственного потребления» самогонки к продаже ее «на сторону». Настасья, жена Назара, говорит своему мужу, указывая на «продукт»:

— Свез бы в город продавать.
— „Знаешь ты: за это строго!“
— У тебя знакомых много,
Можешь только им продать, —
Никому не увидать! —
Так советует она,
Благоверная жена.
— „Ох, Настасья, я боюсь!

Вдруг да с нею попадусь?“
— Чай, за первый раз не строго.
Ну, отдашь, будя, немного!
Поезжай же, говорю,
Я еще тут заварю...
Назар долго колебался,
Наконец-то он собрался:
Самогонку захватил,
В Кимрах продал,
Кое-что купил.
Самогонка там в цене,
Угодил Назар жене —
Привез ситцу ей на юбку.
— Ну, спасибо, молодец,
Что послушал, наконец.
Ну, вот видишь! А боялся!
Я гнала, — ты упирался.
Коль нашел хороший сбыт, —
Так Настасья говорит, —
То вози-ка самогонку
Раз в неделю, потихоньку.
Начинай-ка посмелей!
А Назар ответил ей:
— „Эх, жаль, поздно я хватился!
Кабы раньше потрудился —
Чай бы пили с сахарком
Поутру и вечерком!“.

Продавать самогонку было очень выгодно. Гнали ее из плохой картошки, с добавлением небольшого количества муки и солода. Впрочем, приведем расчет: если взять 1½ меры картофеля, 8 ф. муки и 6 ф. солода и прибавить дрождей (дрожди свои, пивные), то можно, сделав то, что надо, выгнать 15 бут. среднего качества самогонки. Все упомянутые продукты стоили в июле 1923 г. 100 милл. рубл., а 15 бут. самогонки—900 миллионов. В прошлом, конечно, цены были другие, но соотношение между затраченным «капиталом» и прибылью оставалось приблизительно то же самое.

Итак, «дело» закипело. Гнали и на продажу и для себя. Сколько за это время переработано в волости картофеля и хлеба на самогонку, учесть, конечно, невозможно. Надо сказать, что в 1922 году, в эпоху расцвета у нас «самогонного дела», самогонку гнали почти в каждом хозяйстве

волости. Среди «заводчиков» надо различать три категории. Одни гнали изредка и главным образом «для себя», т.-е. для того, чтобы самим выпить и в деревенский праздник попотчевать своих гостей. Другие гнали почти исключительно на продажу. Среди этих «коммерсантов» имеется группа зажиточных крестьян, которая производит и продает самогонку с целью обогащения. Про таких слышишь:

— Он разбогател от самогонки! Чего у него нет? Все есть.

Другая часть «коммерсантов» гонит и продает самогонку «по нужде».

Вот пример. Местный народный судья разбирал «самогонное» дело. Обвиняемая—вдова красноармейца, на руках у которой четверо детей. Судья спрашивает:

— Гнали для себя или на продажу? [1].

— Куда, родной, для себя! На что она нам? Вот налог надо платить, соли купить не на что. Заработать на стороне негде, да и работать некому: как от детишек уйдешь?

И перед судьей развертывается картина действительной и большой нужды, помочь которой не знаешь чем и как.

Спрашиваю у судьи:

— Как же, оправдали вы бабу?

— Оправдать нельзя. Приговорил ее к условному наказанию. Объяснил, что если в течение 3 лет попадется еще раз, то будет отбывать наказание по двум приговорам.

Случаев вроде только что описанного у нас в волости немало.

— Податься некуда,—говорят крестьяне.

Действительно, раньше промышляли льном, а теперь это дело упало—революция застопорила вывоз волокна за границу (в 1914 г. в волости под льном было 740 десятин, а в 1924 г., когда еще производилась продажа самогонки на сторону, в волости, после ее укрупнения,—всего лишь около 540 дес.). Раньше у нас ходили на отхожие промыслы—на фабрики и заводы, высылая в деревню часть заработков, а теперь многие наши фабричные и заводские по-

---

[1] Если гонят для себя, то ответственность по закону слабее, нежели в том случае, когда гонят на продажу.

неволе сидят дома (в 1913 году волость получила по почте около 160.000 рублей, а за 1924 г., последний год массового производства самогонки на продажу,—около 15.000 р., при чем надо учесть ценность рубля 1913 года [рожь—95 к. за пуд] и ценность рубля 1924 г. [цена ржи в среднем за год—1 р. 40 к. за пуд]).

Относительно запрещения гнать самогонку слышатся такие рассуждения:

— Производство самогонки стоит дешевле пива. Почему же ее запрещают гнать даже и для своего употребления, а пиво варить разрешают?

— Мы пьем,—нас преследуют, а власть пьет,—ей ничего...

Нужно сказать, что под термин «власть» для крестьянина подходят все, кто занимает в волости те или иные должности: тут и члены волостного исполкома, и служащие исполкома, и лесничий, и врач, и др.,—одним словом, все советские служащие волости.

Мне рисуют картину, как пьянствуют некоторые советские служащие. Действительно, скверно. Оставив в стороне нормы закона, преследующие выделку и распитие самогонки, будем судить, как говорится, «по-человечески»:

— Можно выпивать?

— Можно.

— А пить?

— Тоже можно.

— А напиваться?

— Если это тебе нравится, то и напиваться можно. Выпивай, пей, напивайся—это твое частное дело.

— Чего же нельзя?

— Нельзя спиваться, т.-е. пить до такой степени, когда пьянство твое наносит уже ущерб тем обязанностям, какие ты, как гражданин республики, выполняешь. Если ты земледелец и из-за пьянства во-время не вспашешь и не засеешь поля—это уже плохо. Если ты врач и самогонка заставляет тебя забыть, когда надо посетить твою больницу,—это уже стыдно. Если ты лесничий, и когда к тебе мужик приходит похлопотать о лесе на подрубку сарая, а ты, любитель са

могонки, спрашиваешь у него: не принес ли он самогонки,— это уже преступно.

К глубокому сожалению, в деревне не столько среди крестьян, сколько среди интеллигенции и полуинтеллигенции наблюдается непомерное пьянство (мы, конечно, не имеем в виду всех советских служащих буквально). До известной степени это пьянство (оно не только в нашей волости, я наблюдал его и в других губерниях)—продукт военных и революционных передряг. Известно, что чем интеллигентнее натура, тем более тонкой и более хрупкой нервной системой она обладает. Интеллигенции пришлось, начиная с 1914 г., многое пережить, события были необыкновенные, из ряда вон выходящие—не даром и война и наша революция называются великими. И вот нервы многих и очень многих не выдержали. Чтобы продолжать жить, надо было подбадривать истрепанные нервы. Таким подбадривающим средством и является алкоголь, хотя бы и в виде самогонки. Один врач, перенесший все ужасы фронта, а с 1919 года ведя полуголодное существование со своей семьей, принявшийся за энергичную организацию лечебного дела в уезде, сильно пьющий, так мне прямо и заявили:

— Спиваюсь. Знаю, что спиваюсь. Чувствую, что нехорошо—и семья, и здоровье плохое. Но поделать ничего не могу—физиологическая потребность...

Это говорилось в 1923 году. В 1924 г. врач допился до неприличия—и его пришлось убрать с административного поста. Дали ему другое место. Но врач продолжал пить. В 1925 г. появился ряд заметок о «веселом» докторе в тверских газетах, что, как будто бы, несколько привело «в себя» пьющего человека—в 1926 году я встречался с этим врачом и он был уже куда сдержаннее по линии своей «физиологической потребности». Повидимому, не всякое пьянство является непременно физиологической потребностью. Кое-что, а может быть, и немало, возможно будет объяснить и личной распущенностью. А физиологическая потребность, как мы это и отметили, будет здесь играть роль лишь «до известной степени»...

«Рекорд высоты» для «зеленого змия» по нашей волости

падает на 1922 год. Тогда пили не только в нарочитые праздники, пили и в будни (конечно, не летом—в сенокос, а зимою). Стали пить женщины и даже дети.

Разговариваю с ребятишками, из которых самому старшему не более 10 лет:

— Ну, как, ребята, самогонку пьете?

Кто, оказывается, «только раз попробовал», а кто—и не раз и не два.

— Он,—указывают мне на шестилетнего карапуза,—как нахлещется, так в драку со всеми лезет!

— Кто же ему дает пить?

— В гостях подносят.

— А отец что же?

— Отец ничего. Отец сам ее уважает...

Праздники под влиянием самогонки стали шумливыми. Дерутся парни, дерутся мужики. Про одного рассказывают, что он в пьяном виде бьет отца и мать. Другой, когда пьян, выгоняет из избы, несмотря на зимнюю стужу, всю семью, и последняя ночует у соседа и т. д.

С «зеленым змием» энергично борются. Милиция составляет многочисленные протоколы и отбирает «аппараты», суд штрафует «заводчиков». Служащие милиции даже материально заинтересованы в этой борьбе: они получают известную прибавку к своему жалованью из штрафных за самогонку сумм. Сперва (в 1922 г.), когда борьба с самогонкой была ударной задачей, штрафы были очень крупными: доходили до стоимости лошади. Под влиянием крупных штрафов «самогонка сократилась», как поведал мне один «спец» по этому делу, добавив:

— Теперь ее гонят уже осторожненько: или те, кто до денег жаден, или у кого нужда велика. Все остальные бросили—разве кое-кто и то на большой праздник.

— Ну, а кто же чаще попадается: те, кто до денег жаден, или другие?

— Другие. Жадные-то наспециализировались. У них везде «рука».

Однако «ударность» борьбы миновала, и самогонка опять стала расползаться. В 1923—24 г. она стала вполне бытовым

явлением: например, справить праздник без самогонки как-то «неловко»: гости «осудят»...

Милиция, я сказал, борется с «зеленым змием». Но ведь и чины милиции—«люди-человеки», иногда и они «изнемогают» в борьбе, и, смотришь, кто-нибудь летит за четвертной, посланный чином милиции, в «известное место», где всегда «есть». Поэт, которого я цитировал выше, так кончает свою поэму о самогонке (поэма довольно длинная):

А те, кто с ней борьбу ведут,
Те так же аппетитно пьют —
Ее уничтожители,
Ее же потребители...

Спрашиваю судью:

— Вот вы судите совместно с народными заседателями. Как они относятся к таким делам? Проявляется у них энергичное желание бороться с этим злом?

— Слабо. Наверное, сами по этой части не без греха. Обычный размер штрафа по самогонному делу, на который соглашаются заседатели, 5—8 руб. золотом. Максимум, но это исключение, 25 руб. золотом.

В 1924 г., как единственный случай, был штраф в 200 р. На такую сумму был оштрафован священник из с. Русилова (нашей волости), у которого нашли некоторое количество самогонки. Обвиняемый указывал на то, что он, производя перестройку, нанял для этого плотников. Последние же, среди других условий (заработная плата, какого рода харчи и пр.), потребовали, чтобы им в течение периода работы подносили и самогонки. Таким образом самогонка, по словам священника, была изготовлена для плотников.

Приведу здесь некоторые цифры по линии борьбы милиции с тайным винокурением в волости, каковая борьба более или менее энергично началась лишь с 1923 года:

	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Возбуждено дел	55	58	62	15
Отобрано аппаратов . . .	29	22	8	5
„ самогонки ведер	24	7	215	1

Так как борьба с самогонокурением велась главным образом или путем случайного накрытия самогонщиков, или же об-

наружения их вследствие указания граждан, то приведенные цифры я считаю мало показательными. Сравнительно большое количество конфискованной самогонки в 1925 году (215 ведер) объясняется специальными выездами милиции в «праздничные» деревни, где самогон для угощения ожидаемых гостей изготовлялся чуть ли не в каждом доме. В «праздничных» деревнях, как ни прятали самогонку при виде внезапно появляющейся милиции, ее все же удавалось отбирать в значительном количестве. Но эти выезды практиковались почти только в 1925 году и поэтому не являются характерным приемом в борьбе с самогоном.

С поступлением в продажу «русской горькой», когда основной потребитель горицкой самогонки—сапожник-кимряк—изменил самогонке, выделка ее на продажу значительно сократилась. Продавать ее внутри волости было почти некому, так как каждый и сам умел ее варить. Но самогонка все же продолжает здравствовать и поныне. Причины этого: 1) дороговизна советского казенного вина, 2) уменье населения гнать самогонку, техника выделки которой значительно усовершенствовалась за последнее время:

— «Рыковке» не уступит,—с гордостью хвастаются «производители».

Как отнеслось население к введению «русской горькой»?

По-разному.

Некоторые, особенно из числа трезвенников, рассуждают так:

— Коммунисты говорили, что они никогда не согласны спаивать народ, а вот теперь «русскую горькую» выпустили— сперва на 20, потом на 30, а теперь и на 40 градусов. В «горькой» есть алкоголь, а алкоголь затемняет ум человека. Значит, к крестьянской темноте прибавили еще плюс. В газетах пишут, что мы с алкоголем должны бороться путем агитации. Но зачем же было выпускать «горькую», а потом бороться с нею? И царское правительство много раз писало, что оно учредило монополию, чтобы бороться с пьянством. Нехорошо это.

Или:

— Умер Ленин и нарушили его завет—пустили водку в народ.

Реальные политики говорят другое:

— Заграничные народы образованнее нас, а в книжках пишут, что они пьют больше нашего. Даже вот недавно я на листочке от календаря читал, сколько приходится спиртного на каждого англичанина, на норвежца и на других. Прямо ужас. Нас тоже трезвенниками не сделаешь. Так попросту и без затей: давай хорошую водку по полтиннику бутылка. Государство пользуйся, и мужик получай удовольствие!

Горицкий поэт, которого я уже называл, в начале 1926 года сочинил в честь советского вина специальное стихотворение. Будь наш поэт человеком предприимчивым, он непременно продал бы свое стихотворение Госспирту в качестве рекламы.

Поэт поучительно говорит:

„Не для того вино, чтоб упиваться,
Не для того, чтоб все пожитки пропивать,
Не для того, чтобы всегда им баловаться,
А для того, чтобы на пользу применять!
Частенько человек вино злом называет,
Но я в вине не нахожу сего.
Меня вином никто не обливает, —
Поэтому я не боюсь его!
И сахар зло, коль будешь объедаться,
Получится недобрый результат.
И должен человек сознаться:
В вине-то сам бывает виноват!“..

Если от поэзии перейти к цифрам, то получим такие данные.

С 1 октября 1925 г., когда «русскую горькую» впервые стали продавать в Горицах, по 1 января 1926 г. было продано вина 399 ведер, или по 133 ведра в месяц.

С 1 января 1926 г. по 1 января 1927 г. продано 1.700 ведер, или по $141\frac{1}{2}$ вед. в месяц.

Душевое потребление будет $^{1}/_{7}$ ведра на душу вместо $^{2}/_{3}$ ведра мирного времени. Но если принять во внимание, что в праздники крестьяне, вместе с пивом своего изготовления, пьют самогон, а казенным вином только «балуются» (дорого), то станет ясным, что эта $^{1}/_{100}$ ведра на душу не выражает собою реального потребления алкогольных напитков населением волости.

Нужно заметить, что вином начала у нас торговать потребительская кооперация. И торговала в течение целого года: с 1 октября 1925 г. по 1 октября 1926 г. Торговала и в лавке и в своей чайной.

На мой вопрос:

— Почему кончили торговать водкой?

Кооператоры мне отвечали:

— И прибыль от нее небольшая, а главное—не наше это дело, пускай Госспирт торгует.

Госспирт же в июле 1926 г. открыл в Горицах свой магазин.

— Вот опять казеночку открыли,—подмигивали мужички, проезжая мимо новенькой вывески Госспирта, соблазнительно зазывающей их внутрь уставленной бутылками лавки.

Правда, пока опыт продажи «хлебного» в деревне еще невелик, но мне уже не раз приходилось слышать о случаях «пропивания» 40—50 руб. отдельными крестьянами из бедняков. Продаст телку или лен в городе, зайдет выпить, встретит приятеля—ну, и пойдет дым коромыслом.

Один из крестьян, совсем малозажиточный хозяин, пропивший рублей 30, сетовал:

— При самогоне слабому человеку все же было лучше. Приехал я, например, в город—чуть-чуть достал самогону в трактире, а больше продавать опасались. А теперь водку хлещи в трактире свободно, хоть с утра до ночи. Разве тут слабый человек удержится?!..

Эх, «зеленый змей»! Долго ты еще не сгинешь, должно быть!..

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ.

В Москве в феврале месяце 1925 года, на восьмом году Великой Российской революции, какой-то чудак профессорского звания читал, как сообщала московская «Правда», лекцию на тему: «Человек ли женщина?».

Я не знаю, из каких отборных идиотов состояла аудитория этого профессора, не знаю, признает ли сам почтенный лектор женщину человеком, или же для него вопрос этот пока еще не выяснен, но во всяком случае могу сообщить, что мои земляки в нашей глухой Горицкой волости уже давно (может быть, лет 200—300, а то и больше) перестали сомневаться в человечности женщины. Следовательно, московский профессор к нам со своей лекцией может не приезжать—у нас слушать его дураков не найдется.

А вот в Белоруссии в середине 1924 года был официально зарегистрирован в районном исполкоме такой документ:

«1924 г., июня 19 дня. Я, гражданин деревни Дубровки, Новосельнянской волости, Калининского у., Ковалев С. П., заключаю нижеследующий договор с гражданкой А. С. Романенко в присутствии волуполномоченного по работе среди батрачества, тов. Карпекина, на следующих условиях:

1) Я, Ковалев Сергей, обязуюсь Романенко Анну держать у себя, считая своей женой с 1924 года.

2) Я, гражданка Романенко Анна, изъявляю свое согласие быть женой у вышеуказанного гражданина сроком на 3 года.

3) Я, Ковалев, считаю Романенко Анну своей женой и обязуюсь за таковой ухаживать, как именно за своей женой, сроком на 3 года.

Подписи: муж—Ковалев, жена—неграмотная, волуполномоченный по работе среди батрачества Карпекин.

Правильность сего свидетельствует новосельнянский вик. Предвика (подпись)».

Документ самый настоящий, даже гербовая марка к нему приложена.

Мы, горицкие, считаем женщину не только за человека, о чем я уже заявил, но и не смотрим на нее так, как на крепостную, которую можно покупать и в работницы и в жены (все вместе—очень удобно) на какой угодно срок, даже на 3 года.

Однако, несмотря на то, что мои земляки-мужчины видят в женщине существо вполне такое же, как и они сами, обладающее, как и они, как будто бы такими же точно правами, невзирая на явный прогресс по сравнению с Москвою и Белоруссией, женщина у нас в волости задвинута все же на какой-то второй план.

Почему?

Конечно, не потому, что она мало работает. К слову сказать, в отношении времени крестьянка работает не только не меньше, но даже, как показало одно специальное обследование, больше крестьянина. Вот любопытная табличка, рисующая нам распределение времени крестьянина и крестьянки за год в часах [1]:

	Крестьянин.		Крестьянка.	
	В часах.			
1. Труд.				
Производственный и иной труд	2.256		1.926	
Домашний труд	622		2.279	
Ходьба и езда на работу, повинности, сношение с рынком и пр.	356		137	
		3.234		4.342

[1] Материал, приводимый в таблице, основан на обследовании 82 бюджетов, с учетом времени 228 душ. Эти 228 душ — крестьяне в 5 уездах Воронежской губ. Работа по обследованию произведена в июне 1923 г.

82 бюджета — это, конечно, страшно, до смешного мало для такой грандиозной страны, как СССР. Но „лиха беда — начало". Начатое товарищем Струмилиным дело (материал для таблицы заимствован из книги С. Струмилина „Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922 — 1923 г.", изд. 1924 г.), имеющее первостепенную важность, должно развернуться в ближайшем будущем в ряд широких обследований, что в результате, несомненно, даст много любопытного и поучительного.

2. Отдых.				
Бездеятельный отдых и нераспределенное время	1.668		627	
Еда	516		577	
Развлечения	285		261	
Религия	121		173	
		2.590		1.637
3. Сон.		2.936		2.781
Всего		8.760		8.760

У нас в волости женщина работает тоже чрезвычайно усердно—вплоть до пахоты (во время войны, например, когда мужчин угнали на фронт). Но в силу целого ряда бытовых условий, действовавших в течение многих веков, деревенская женщина все же и теперь, на десятом году революции,—далеко не полноправный член даже в семье, не говоря уже о сфере общественной жизни.

Вот некоторые из тех глубокомысленных рассуждений, которые выявляют обычную точку зрения, к сожалению, многих и многих моих земляков-мужчин на женщину:

— Баба—она баба и есть...

— Одно слово—баба...

— У бабы волос долог, а ум короток...

Пожалуй, это не только точка зрения мужчины, но и многие из женщин на себя смотрят точно так же. Поэтому, когда собирается, например, деревенский сход, а «мужик» (хозяин дома) находится в отсутствии, жена отсутствующего не всегда пойдет на сход представительницею от своего хозяйства. Если есть сынишка, хотя бы лет 13—14, мать посылает его:

— Иди ты, Ванятка, на сход.

— Да я, мамка, лучше в городки. Ты бы сама шла.

— Иди, иди, скаженный! Ты—мужик, а я, чай, баба.

И Ванятка не спорит. Понимает, что если он—«мужик», а мать—«баба», то на сход итти нужно именно ему. Идет. И игра в городки откладывается...

Однако время берет свое.

В 1924 году Красный Октябрь добрался в нашей волости и до женщины.

У нас появились делегатки.

Мужчины — одни, встревоженные мифическим «новым бабьим правом», другие вследствие консерватизма—дружным фронтом ополчились на делегаток:

— Бездельницы!

— Трепалки!

И т. д.

Даже некоторые из женщин же, наиболее несознательные и злобствующие, обещали делегаткам:

— Все ухваты об вас переломаем...

Но вот прошел и 1924, и 1925, и 1926 год. Срок небольшой, всего лишь три года.

В дореволюционной дремотной деревне в трехлетний период, конечно, ничего не могло бы выявиться в «тяжкой бабьей доле». Не совсем то, что было раньше, в деревне теперь, когда год идет за десятилетие, а иной—и за четверть века.

Познакомимся с некоторыми цифрами, иллюстрирующими участие женщины в различных отраслях советского строительства.

Дата.	Состав по половому признаку членов:							
	Сельсоветов.		Волсовета.		Вика.		Ревкомис. вика.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
В 1923—24 г.	43	1	15	—	3	—	не было	—
„ 1924—25 „	94	28	37	7	3	—	—	не было
„ 1925—26 „	112	12	37	2	4	1	66	2

Количество женщин-делегаток:

в 1924 году	124 чел.
„ 1925 „	95 „
„ 1926 „	75 „

Делегатское движение пока не охватывает всей волости. Оно распространено в районах двух (Русиловском и Бал-

деевском) сельсоветов. Обслужить районы остальных сельсоветов пока нет сил.

Из кадров делегаток избираются судебные заседатели народного суда, члены школьных советов и пр.

Всматриваясь в цифры, мы видим, что в наибольшем количестве женщины наши принимали участие в советском строительстве в 1924 году. Позднее, год от года, цифры падают. Чем объяснить это явление? Здесь дело вот в чем. Когда в конце 1923 и в начале 1924 года была развернута работа среди женщин, то всей душой этой работе отдалась одна из самых передовых и энергичных школьных работниц волости О. И. Воронова (из балдеевской школы). Ей, пользующейся большой популярностью среди местного населения, а особенно среди женской части его, удалось сразу втянуть в область советского строительства немалое число деревенских женщин. Но в 1925 г. тов. Воронова, работавшая у нас несколько лет, покинула волость, переехав в соседний уезд (замуж вышла). Ее отъезд, естественно, был ударом для совсем еще молодого женского движения в волости. Некоторые из женщин, шедшие за Вороновой, только за нею, отошли в сторону, значительно снизив общее количество делегаток (со 124 до 75). Весь этот эпизод безусловно доказывает, что тот или иной товарищ, беззаветно отдавшись работе, может сделать чрезвычайно много. Но все же и без тов. Вороновой—я, зная нынешние кадры горицких делегаток, могу это утверждать—женское движение у нас не сойдет на-нет. Я совершенно уверен, что к концу 1927 года делегаток в волости будет значительно больше 75. Серьезные и основательные теперешние делегатки сделают свое дело.

В обоих районах было проведено в каждом собраний: в 1924—5, в 1925—16 и в 1926—14; кроме того, были устроены волостные женские конференции: в 1924 г.—1, в 1925 г.—2 и в 1926 г.—2. На собраниях ставился ряд докладов, примерно, на такие темы: 1) задача женщины в советском строительстве, 2) брачное право, 3) охрана материнства и младенчества, 4) роль женщины в кооперации и др.

Кроме волостных конференций и районных собраний устраи-

ваются и более интимные собрания—по селениям. Здесь женщины, встречаясь друг с другом в тесном кругу своих знакомых и товарок, становятся более словоохотливыми и откровенными. И чего, чего не наслушаешься тут о той «тяжелой женской долюшке», про которую так много поется в заунывных русских песнях...

Хотя и до сего дня женщина в деревне стоит еще за спиною у мужика и не вышла с ним на одну линию, вровень, но все же чувствуется, что веками забитая и задавленная работою женская масса всколыхнулась, взбудоражилась. Ясно, что она стоит на пороге чего-то для себя большого и нового.

Я укажу сейчас на курьезную мелочь, но эта мелочь очень характерна.

Жена «лает» мужа за «приверженность» последнего к самогону.

— Ты у меня «зеньки»-то брось наливать. Теперь из Москвы нам вышло новое бабье право: ежели муж глотает самогон без совести, то с таким разводиться, а хозяйство все отходит на жену. Вы же, такие-то голубчики, на все четыре стороны...

Конечно, десять лет назад мужик бы прямо убил свою бабу, если бы она осмелилась с ним «так» разговаривать. А теперь не только слушает, но, по совести говоря, и побаивается этого неведомого «бабьего права»:

— А ведь, в самом деле, чего-нибудь не вышло бы,—раздумчиво говорили мне некоторые из любителей «наливать зеньки».

ПОСТРОЙКИ И БЛАГОУСТРОЙСТВО.

Постройки. В январе 1926 г. в залах Академии Художеств, в Ленинграде, была устроена выставка: «Крестьянское жилище Северо-Западной области» (планы, фотографии, картины и проч.). Одна из комнат выставки была специально отведена под проекты жилых, хозяйственных и общественных построек обновленной деревни. Именно этот отдел и притягивал к себе публику и разочаровывал ее.

Почему притягивал,—конечно, понятно:

— В каких архитектурных формах наши строители мыслят обновленную деревню?

Ну, а когда обозреватели выставки оканчивали ознакомление с экспонатами, трактующими строительство обновленной деревни, то почти все раздумчиво и кратко изрекали:

— Н-да... Нечего сказать...

Действительно,—нечего сказать. Я сам, например, видел чертеж и изображение такого архиготического исполкома, что если бы где-нибудь шалые люди построили подобный исполком, то, наверное, все бы крестьянские лошаденки пугались его. А жилые избы со службами, избы-читальни, дома крестьянина, пожарные сараи и проч.! Сплошь что-то или пряничное («русский стиль»), или же революционно-нарядное убожество.

Так было на выставке в Ленинграде.

В конце 1926 года я осматривал в Москве действительно великолепный Политехнический музей. В отделе сельского хозяйства, среди других экспонатов, выставлены две модели: старая деревня и—напротив—новая деревня. Модель старой деревни—это наша нынешняя деревенская стройка. Модель новой деревни, очень большая, искусно сделан-

чая, с речкой и пр.—это агропункт, совхоз с общежитием, различные промышленные предприятия, связанные с сельским хозяйством (маслодельный завод и др.), обширнейшие скотные дворы и «дом коммунаров». Модели же обыкновенного крестьянского двора с избою и службами, двора, который будет стоять в наших деревнях, наверное, полсотни, а то и больше лет (пока деревня не доползет до «дома коммунаров»),—его я не нашел в красиво-игрушечной обновленной деревне.

— Не правда ли,—странно?..

Повидимому, мысль строителей, пытающихся разрешить проблему крестьянского двора, совершенно оторвана от реальных хозяйственных основ жизни деревни. Отсюда и получается: и архитектурный пряник, и нарядное убожество, и анекдотический «дом коммунаров».

И вот я полагаю, что совсем не бесполезно коротко рассказать в этой главе о деревенской стройке, проиллюстрировав ее соответствующими чертежами, и попутно коснуться и некоторых бытовых черт, связанных с жильем. Здесь же придется сказать два—три слова и о благоустройстве деревни, чтобы не возвращаться к этой теме где-нибудь в другом месте.

Прежде всего приведем данные о соотношении разного рода построек в волости.

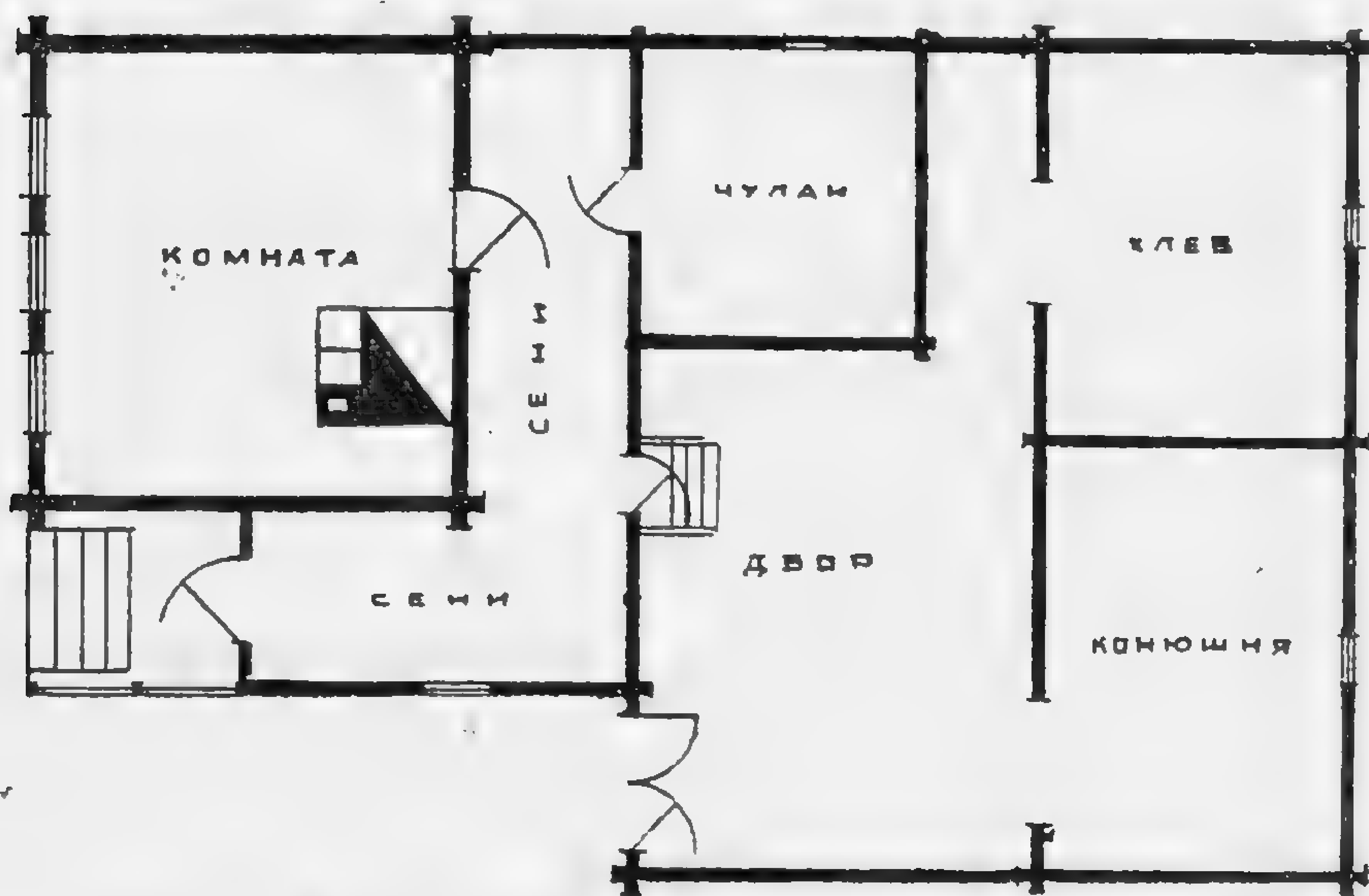
Так, на 100 жилых домов приходится: дворов—94, хлевов—85, сенных сараев—123, амбаров—57, бань—8 и гумен с ригами—41.

К только что приведенным цифрам необходимо сделать небольшое пояснение. Так, в волости на 100 хозяйств со скотом приходится 95; отсюда ясно, что не всякое жилье имеет двор, который предназначается главным образом для содержания скота. Еще меньше, нежели дворов, приходится на каждую сотню жилых домов—хлевов; хлевы особенно нужны тем хозяйствам, где имеется мелкий скот, например, овцы, а овец некоторые хозяйства, вообще обладающие скотом, и не держат. Сенных сараев, как мы видим, много больше, чем домов; дело в том, что имеется немало хозяйств с сенокосом далеко от деревни, в пустошах, и такие

хозяйства обычно имеют по два сарая: один около дома, а другой на территории отдаленного сенокоса. Беспосевных хозяйств в волости совсем мало—на каждые 100 хозяйств не больше 3; но не все посевные хозяйства имеют полевой посев—некоторые из посевных хозяйств ограничивают свой засев усадьбою (засаживают, например, ее картофелем), и ясно, что подобным посевным хозяйствам амбары не нужны—нечего в них хранить; но, с другой стороны, конечно, и не всякое хозяйство с полевым посевом имеет амбар—рожь, овес и проч. кой у кого сберегаются по домам. Вот бань так совсем немного; правда, в среднем можно считать, что каждая баня обслуживает семьи двух домов (или строят бани вместе, или моются в бане «по-соседски»), но все же и 16 бань на 100 семей (домов) мало; подавляющее большинство населения моется или, вернее, парится в печке (кстати: почти все бани устроены «по-черному», т.-е. не имеют

№ 1.

План крестьянского двора и однокомнатной избы.

МАСШТАБ-1/2 СМ = 1АРШ.

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 АРШ

трубы для выхода дыма). Гумен с ригами меньше, нежели амбаров,—часто на одном гумне молотят и два и три хо-

зяйства (платят владельцу гумна помощью в его молотьбе, а нередко молотят на чужом гумне бесплатно).

Теперь познакомимся с планами жилых и хозяйственных построек, по своим размерам и устройству наиболее типичных для Горицкой волости. Все наши восемь чертежей (№№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8), приведенные здесь, настолько понятны, что не требуют никаких пояснений. Заметим лишь, что чуланы (по-местному они называются «сильники») летом служат в качестве спальни, а зимой исполняют роль кладовых.

Не безынтересны хотя бы и скудные сведения о количестве разного типа жилых построек в волости.

Дадим эти сведения:

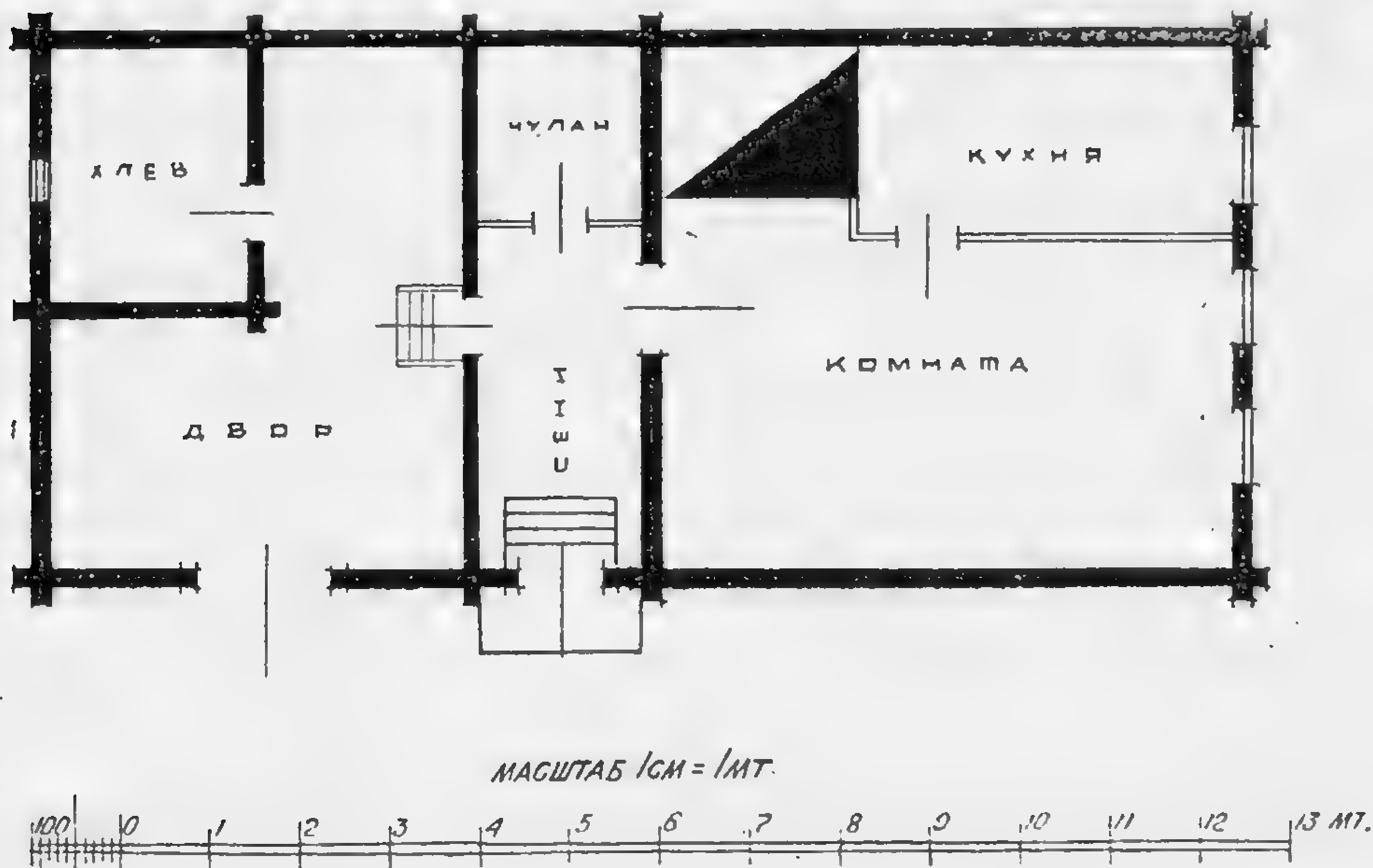
1. Домов с отдельной кухней (черт. № 3)	8%
„ с кухней за переборкой (черт. № 2)	38%
„ однокомнатных (кухня не отделена, черт. № 1)	54%
Итого	100%
2. Домов с капитальными четырьмя стенами (но переборки в этих домах возможны)	80%
Домов с капитальными пятью стенами (в этих домах возможны еще дополнительные переборки)	20%
Итого	100%
3. Домов с дополнительной одной, двумя и т. д. комнатами (если кухня и отделена — она за комнату не считается)	23%
Домов без дополнительных комнат (кухня — не в счет).	77%
Итого	100%

Только что приведенные несложные таблички показывают нам, что большинство жилищ и с точки зрения элементарных гигиенических правил и с точки зрения удовлетворения примитивных культурных потребностей распланированы скверно. Например, отдельную кухню имеет только 8% жилищ: переборка, отгораживающая кухню (38%), лишь отчасти спасает остальную часть избы от некоторой кухонной грязи, но не от чада и вредных испарений (переборка или не до потолка, или щелястая и почти всегда без дверей), которые сопутствуют приготовлению пищи (особенно зимою, когда нагревается много воды для скота). А бо́льшая поло-

вина жилищ даже не имеет и частичной защиты от кухонной грязи—переборки; таких домов 54%. Или—домов с допол-

№ 2.

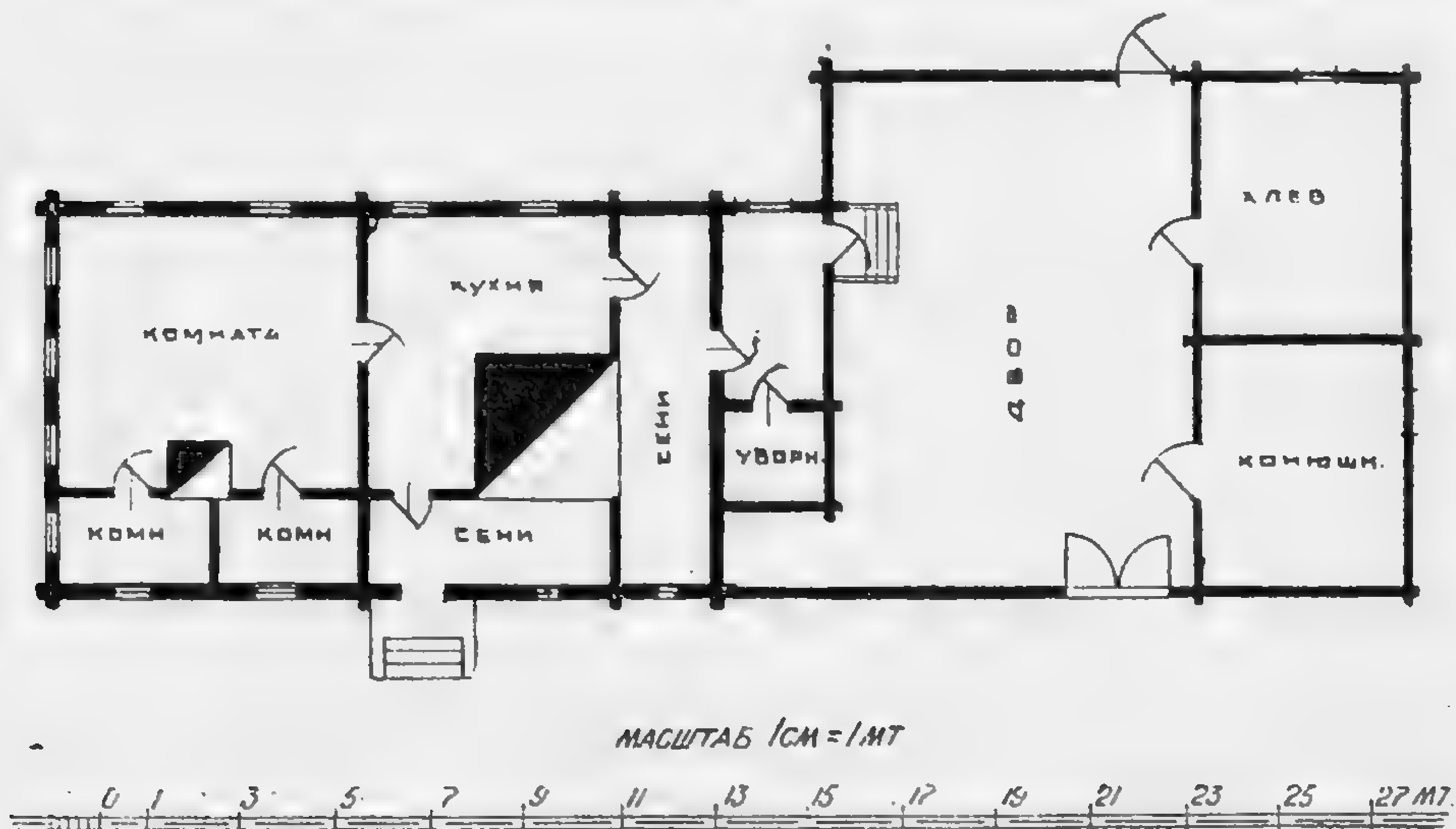
План крестьянского двора и избы с кухней за переборкой.

нительными комнатами только 23%. Следовательно, живущие в доме, часто не одна, а две и три супружеские пары (домохозяин с женою и женатый сын или сыновья), ютятся в одной комнате.

№ 3.

План крестьянского двора и избы с отдельной кухней.

Можно отметить, что за период революции по линии планировки жилищ наблюдается сдвиг в сторону ее улучшения: так, кухня в новых домах почти всегда отделяется переборкой, а иногда переборкой же отгораживаются и дополнительные комнаты.

Жилищный быт. Перейдем к изучению внутренности жилья крестьян Горицкой волости.

По этой линии мы не располагаем большими массовыми данными: различные обмеры—площади пола, окон, кубатуры; обследование жилищного быта—какая обстановка, как и где спят и проч. Собрать подобные данные, скажем относительно всех хозяйств волости, было бы, конечно, чрезвычайно интересно. Но это уже особая, специальная задача. Мы ограничимся лишь попыткою дать некоторое представление о ряде моментов, имеющих отношение к жизни населения в их жилищах.

Дадим сведения по 117 хозяйствам, которые составляют немногим меньше 5% всех хозяйств волости.

Из этих 117 хозяйств: 44—бедняцких, 54—середняцких и 19—зажиточных. Степень экономической мощности хозяйств определялась нами по размеру платимого ими сельхозналога, а главным образом на основании личного знания хозяйственного положения этих 117 семей. Все данные приводятся мною применительно к среднему хозяйству каждой из трех экономических групп.

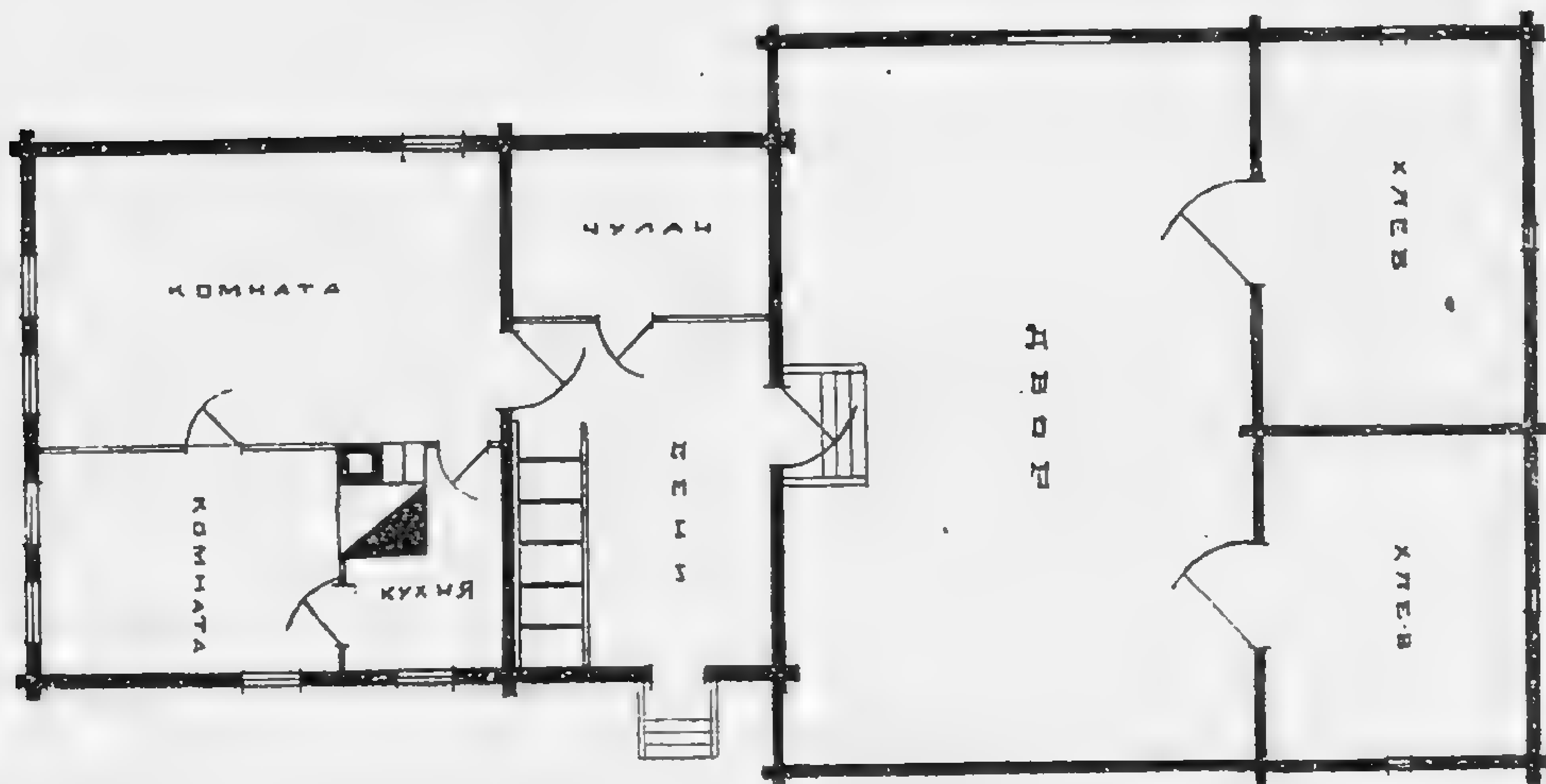
Хозяйства.	Площадь пола дома (без русской печки).	Кубатура дома.		Световая площадь по отнош. к площади пола.
		Общая.	На 1 чел.	
Бедняцкое	4,2 кв. саж.	5,4 кв. саж.	0,9 кв. саж.	1/10
Середняцкое . . .	7,1 „ „	10,9 „ „	1,4 „ „	1/8
Зажиточное	13,1 „ „	21,2 „ „	2,4 „ „	1/9

Если мы возьмем гигиенические скромные нормы кубатуры (3 куб. сажени на человека) и световой площади (площадь

окон должна быть не менее $^1/_8$ или $^1/_9$ площади пола), то убедимся, что нормальная кубатура отсутствует в домах

№ 4.

План двора и трехкомнатной избы.

МАСШТАБ-½ см = 1 АРШ.

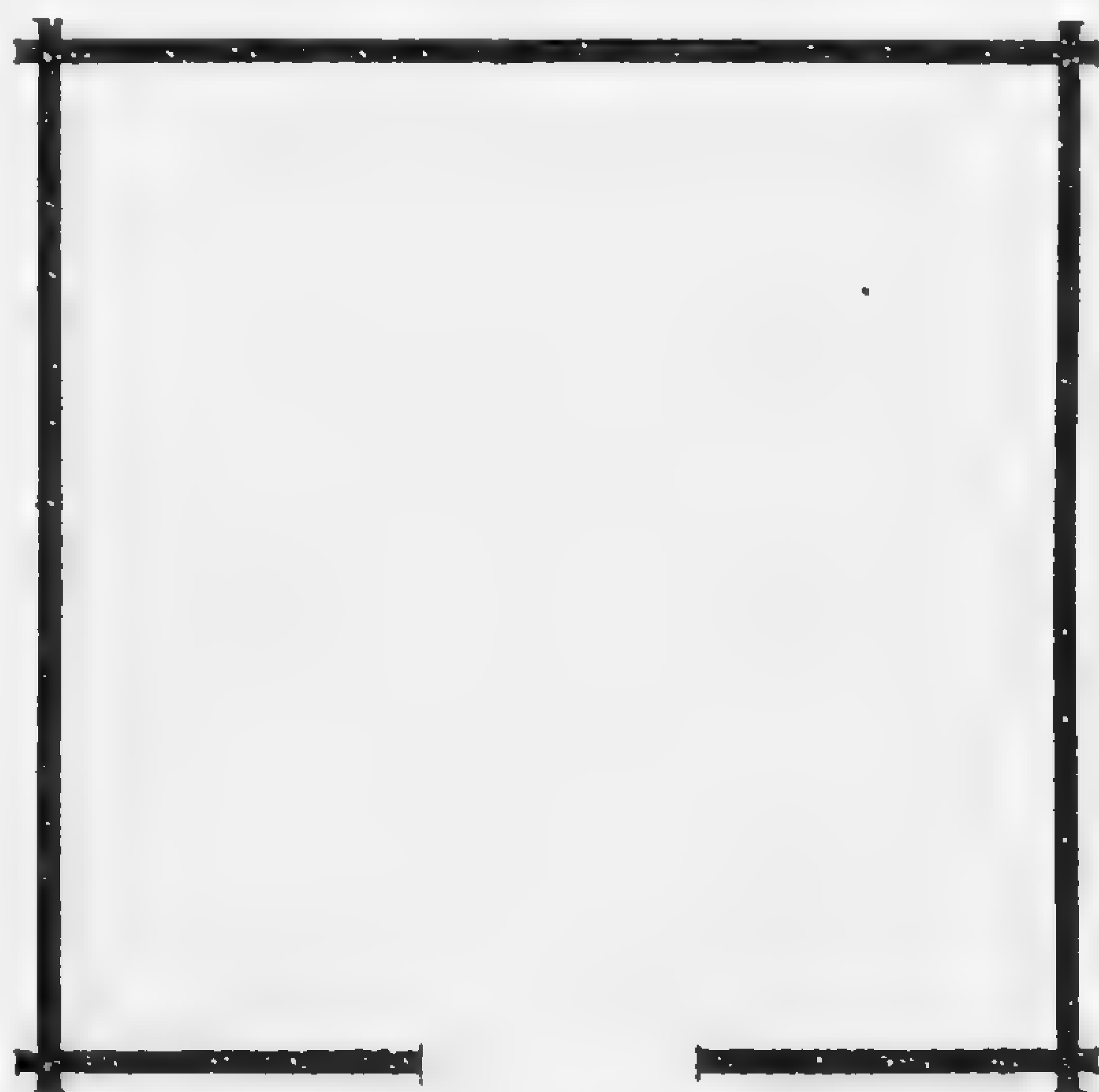

всех хозяйств и лишь в последней группе налицо нормальная световая площадь.

Из просмотра соответствующего материала, подкрепленного личным наблюдением, мне удалось установить, что подавляющее большинство жилых домов волости имеет не больше 8 куб. саж. внутренней кубатуры и не больше 7 кв. саж. площади, но немало изб было и с меньшей кубатурой и площадью. В волости в 1926 г. было $2^1/_2$ тыс. хозяйств с 12.000 едоков, т.-е. в среднем на каждую семью приходилось по 5 человек. Следовательно, если взять избу с восьмисаженной кубатурой, то и в

№ 5.

План сарая для сена.

МАСШТАБ - 1 см = 1 АРШ.

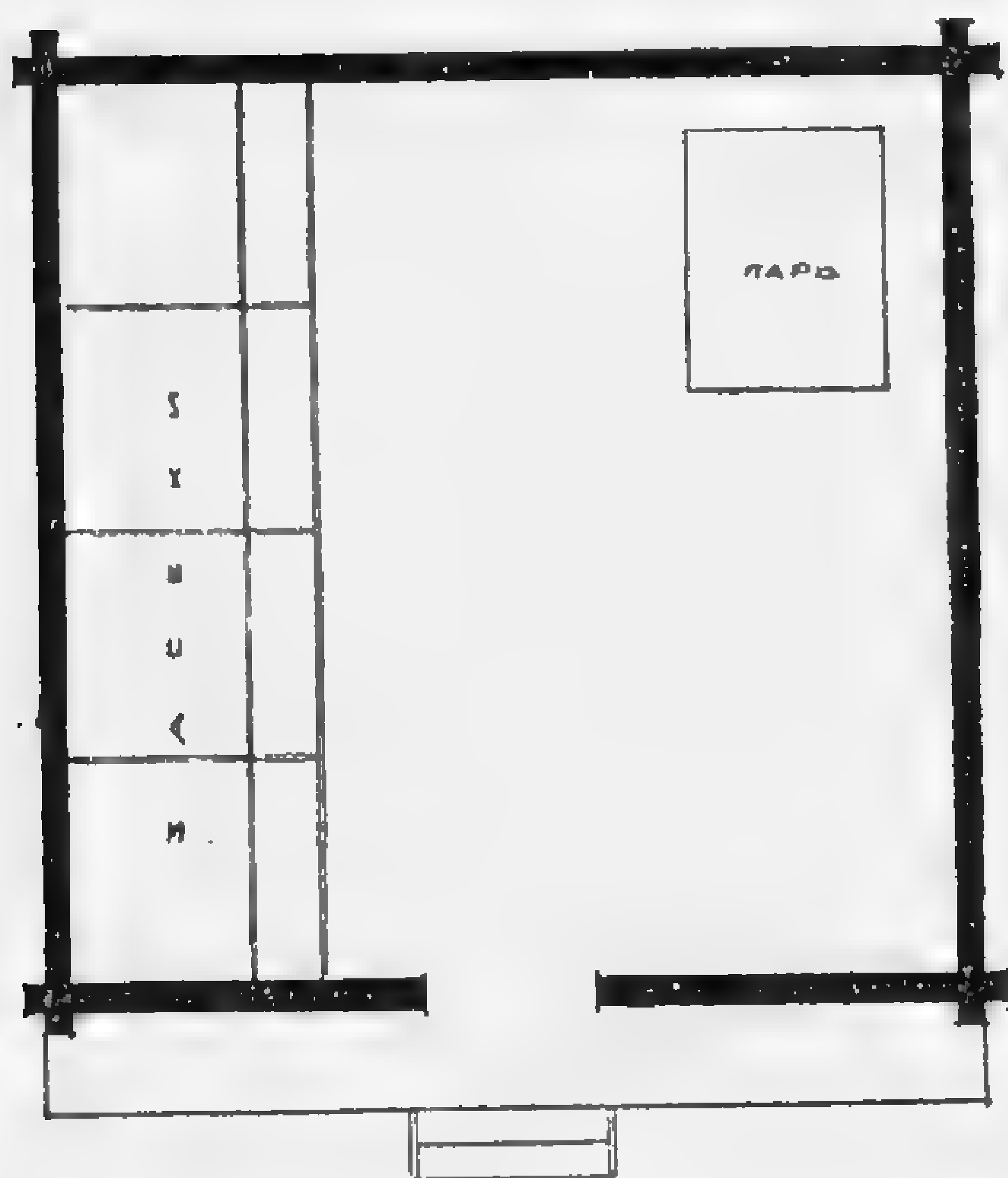

этом случае кубатура на человека будет всего 1,6 куб. саж., т.-е. почти вдвое меньше нормальной.

Правда, летом, когда спят в чуланах и в сенных сараях, когда окна открываются, воздуха, так сказать, хватает. Но с осени и до начала лета дело совсем скверно, так как средняя кубатура много ниже нормы. Форточки в окнах деревенских домов встречаются как довольно редкое исключение. Поэтому изба проветривается только через открывающуюся при вхождении в избу и при выходе из нее дверь и при топке печки, через трубу.

№ 6.

План амбара.

МАСШТАБ - 1СМ = 1АРШ.

При наличии немногих и маленьких окон («чтобы тепло не уходило») в громадном большинстве домов и со световой площадью тоже плохо, она отстает от нормы.

Почти никто из крестьян не представляет себе полезности для здоровья людей достаточного количества чистого воздуха и дневного света в жилье. Зимою воздух в избах бывает несносно спертым: накурено, сушатся портянки, издающие острый запах пота, испарения, чад, сопутствующий приготовлению пищи, нередко запах от мелких животных (теленок, ягнята), которых, только что родившихся, некоторое время выдерживают в избе, и пр. Понятно, конечно, как должно все это отражаться на здоровье обитателей изб.

Ознакомимся с иными условиями жизни населения в своих домах по тем же 117 хозяйствам. (См. табл. на стр. 363.)

Держат ли в избе скот зимою?

В течение зимы, в продолжение недель 3—4, держат скот в хозяйствах всех трех типов.

Из беглого просмотра только что приведенных данных мы видим, что быт избы всех трех групп хозяйств, несмотря

Обстановка.

Бедняцкое хозяйство.	Середняцкое хозяйство.	Зажиточное хозяйство.
Стол, висячий шкаф, одна скамейка, 2 табурета, залавок (узкий кухонный стол), лавки по стенам, занавесок нет, картин нет, иконы, маленькое зеркало, полки, сундучки, керосиновая лампочка.	Стол, а то и два, шкаф, 3 скамейки, залавок, лавки по стенам, занавесок нет, 1 картина (часто изображение Ленина), иконы, зеркало, полки, сундучки, кровати, часы, лампы.	По нескольку столов, скамей и стульев, залавок, лавки, шкаф, а то и не один, картины (пейзажи, портреты вождей), иконы, зеркало, занавески (не у всех), полки, сундучки, иногда — обои, кровати, часы, лампы.

Где и как спят.

Бедняцкое хозяйство.	Середняцкое хозяйство.	Зажиточное хозяйство.
Спят на полатях (настил из досок на расстоянии $^3/_4$—1 арш. от потолка), спят на полу на постельниках (матрацы из соломы), спят на лавках; простыней нет, наволочки на подушках ситцевые (редко их моют), на день обычно постели убираются.	Спят, как население бедняцких хозяйств, но некоторые размещаются на кроватях в отдельных комнатах.	Спят, как население бедняцких хозяйств, но также и на кроватях; имеются редко меняемые простыни. Для спанья—отдельные комнаты.

Где и как умываются.

Бедняцкое хозяйство.	Середняцкое хозяйство.	Зажиточное хозяйство.
По утрам умываются из кружки (поливают друг другу). Больше днем не умываются. Раз в неделю парятся в печке.	Умываются из рукомойника. Раз в неделю моются в бане или в печке.	Умываются, как население середняцкого хозяйства. Парятся в печке и пользуются баней.

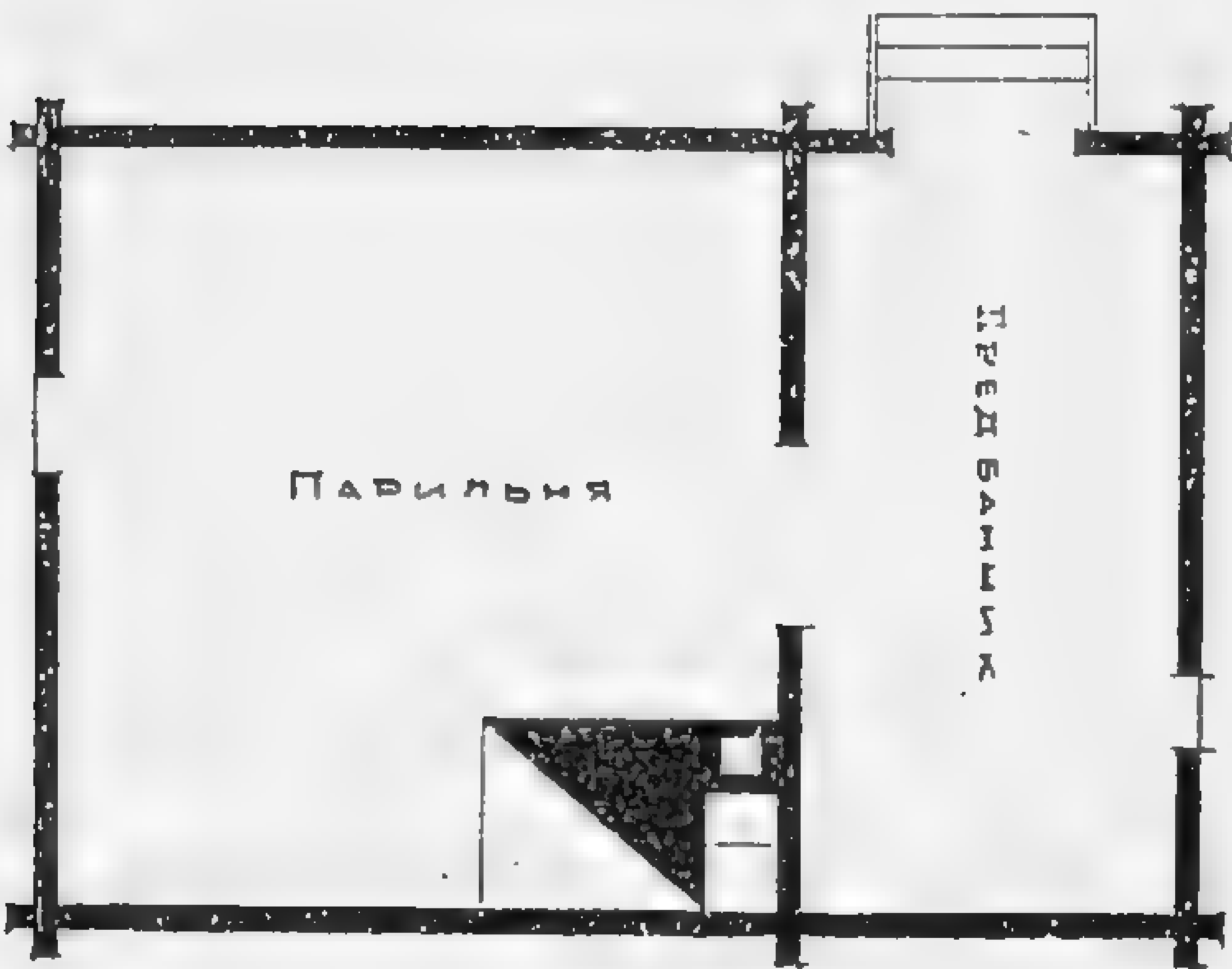
на различие их друг от друга по степени экономической мощности, не носит черт резкого отличия и в общем довольно примитивен.

Следует сказать два слова о знаменитой русской печке, в которой готовят, моются и на которой охотно спят по зимам старики.

Она занимает площадь от $1\frac{1}{2}$ до 2 квадр. саж. Сложена из кирпича, хотя в период революции, в виду отсутствия кирпича, появилось немало глинобитных печей. Печка русская устроена нерационально: много потребляет топлива и плохо держит тепло. Последнее объясняется тем, что русская печь не имеет оборотов и поэтому как следует не прогревается. Крестьяне как-то и не думают, что русская печка может быть устроена лучше.

№ 7.

План бани.

Благоустройство селений. Теперь, не увлекаясь излишними подробностями, поговорим об общем благоустройстве деревни.

Деревни изучаемой волости, как показывает ниже приводимая табличка, небольшие:

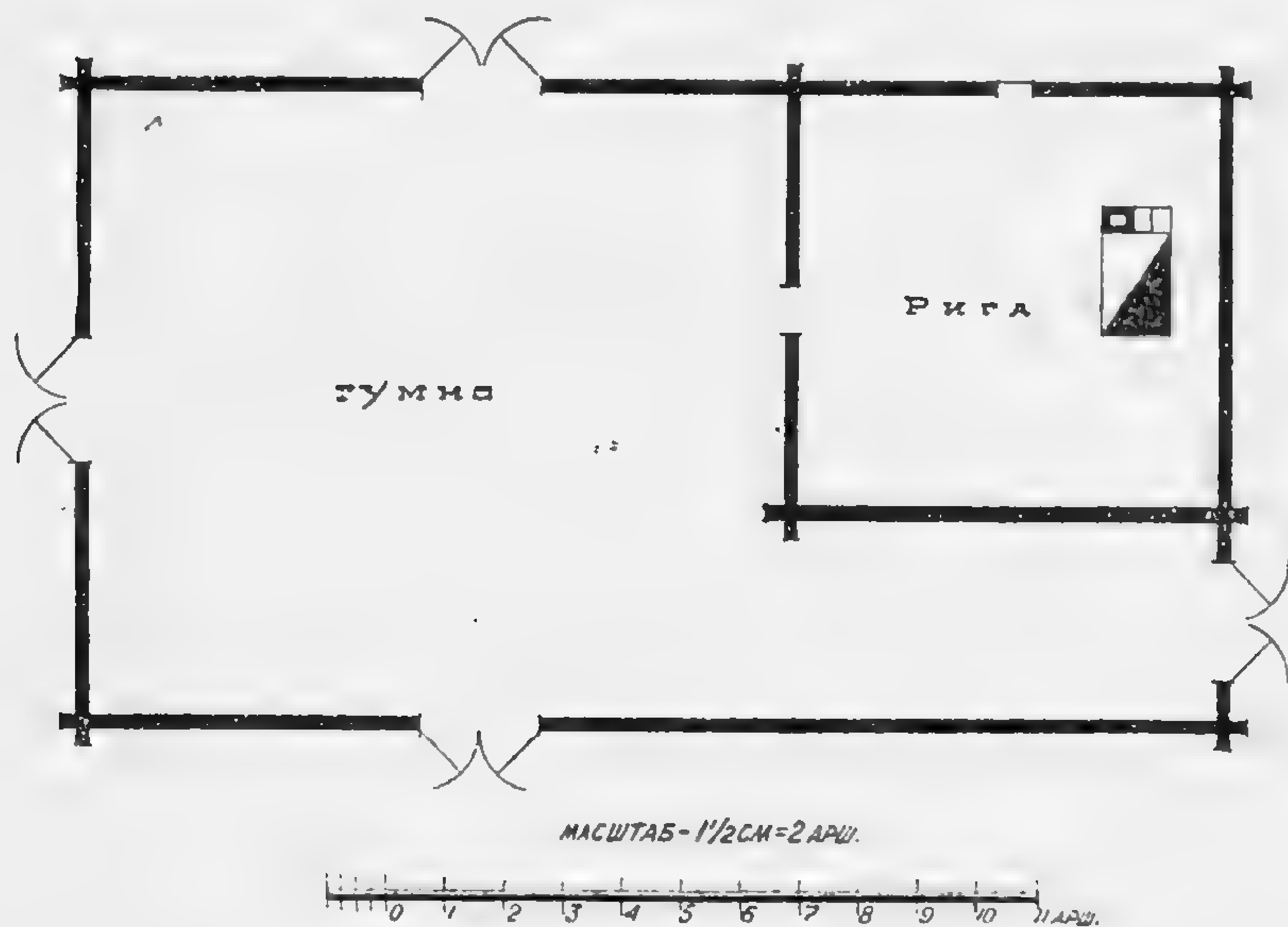
Селений, имеющих до 10 дворов	11%
„ „ от 10 до 15 дворов	16%
„ „ „ 15 „ 20 „	23%
„ „ „ 20 „ 30 „	18%
„ „ „ 30 „ 50 „	24%
„ „ „ 50 и более „	8%
Итого	100%

Надо сказать, что двор состоит (как видно из чертежей) из дома (избы) и прислоненного к нему двора в собственном смысле этого слова. Во дворе, имеющем крышу, содержится скот и в большинстве дворов устраивают хлевы, отгораживают конюшню для лошади. Крестьянин помещение

для скота держит почти под одной крышей со своим жильем, чтобы зимою, во время суровых холодов, легче было ухаживать за скотом и вообще наблюдать за ним. Избы и

№ 8

План гумна с ригой.

дворы крыты обычно соломой, реже дранкой и, как исключение, железом. Те же службы, которые надо посещать ему реже,—амбар и сенной сарай—он отставляет от двора сажен на 35—40. И, наконец, службы, куда он заглядывает совсем изредка,—гумно с ригою—ставятся от дома сажен на 75—125.

Таким образом каждое селение состоит из двух линий домов (два посада), расположенных друг против друга; за каждой линией домов идут еще по линии построек амбары и сенные сараи и, наконец, за ними—еще обычно уже одна линия (на стороне одного какого-либо посада) гумен и риг деревни.

Дома у нас ставятся гнездами, по два дома. Между гнездами разрыв сажен в 6—8, обычно засаженный деревьями. Посад же от посада отставлен сажен на 20—25 (ширина деревенской улицы).

Посредине селения идет дорога, около которой расположены колодцы. В самой же деревне обычно имеется небольшой пруд—водопой для скота.

Благоустроена ли наша деревня в отношении предупреждения больших пожаров? На этот вопрос следует ответить положительно. Широкая улица и проулки и деревья служат хорошими предупредительными мерами против широкого распространения огня. Кстати отметим, что и само население проявляет бо́льшую, нежели в дореволюционное время, осторожность в обращении с огнем. Так, до революции у нас в волости ежегодно горели деревни—несколько десятков крестьянских дворов платили дань «красному петуху». Если же мы возьмем новейшие материалы по горимости (архив страхагентства), то убедимся, что, например, за три последних года по волости сгорело:

Дата.	Число пожаров.	Сгоревших дворов.	Сенных сараев.
В 1924 г.	7	—	10
„ 1925 „	6	7	14
„ 1926 „	10	2	24

За три года сгорело всего лишь 9 дворов (т.-е. изб и дворов).

Что касается мер непосредственной борьбы с огнем, то она ведется главным образом пожарными дружинами. Их у нас в волости 12, при чем только одна из них существует с 1912 г., все же остальные—с 1925 г. (8) и с 1926 г. (3). Пять из 12 дружин имеют пожарные сараи (для хранения инвентаря). На 12 дружин имеется: 3 пожарных машины, 11 пожарных труб, 2 гидропульта, 14 рукавов, 11 бочек, 24 багра, 11 топоров, 4 крюка, 19 ве́дер.

Пожарный инвентарь очень скромный. Но и он находится в плачевном состоянии. Так, рукава все еще довоенные и уже сопрели, ненадежные. Пожарные трубы все неисправны. Все машины и трубы не имеют зимних ходов, а большинство из них—и летних.

Количество дружинников во всех дружинах 300 человек. Но в большинстве своем это публика случайная, не спаянная никакой дисциплиной. Вот, например, как вербуются дружинники и как они посвящаются в свои обязанности:

— Тебя, Иван, в пожарные дружинники записали.

— Ладно.

— Ты, смотри, в случае пожара—тово...

— Ладно.

При наличии описанных условий если бы в волости вспыхнул большой пожар, то борьба с ним была бы затруднительной. Во всяком случае все эти машины, рукава и бочки мало помогли бы.

Дело с водой (колодцы и пруды), которая так необходима при тушении огня, тоже обстоит неважно: пруды запущены, колодцы маловодны.

Надо произвести серьезный смотр нашему пожарному фронту.

Теперь коснемся чрезвычайно важного вопроса по линии сельского благоустройства—водоснабжения.

Выше я говорил, что население деревни в массе своей не отдает себе отчета в пользе для здоровья чистого воздуха и дневного света. То же самое и с водою. На загрязненность и на неподходящий химический ее состав население не обращает никакого внимания. Пьют, что придется.

В волости 80% селений с 95% всех жителей не пользуются текучими водами. Это уже само по себе плохо.

Главным образом население для себя и для скота пользуется водою колодцев и прудов. Колодцев в волости 1102, т.-е. в среднем на 1 колодец приходится 2,25 домов (или на 4 колодца 9 домов). Прудов—148, т.-е. в среднем на каждое селение—1,4 пруда, а фактически почти во всех деревнях по одному пруду и только в немногих по два.

Из колодцев воду черпают каждый своим ведром, при чем ведра снаружи грязные, так как ставятся на землю и вообще где попало. Как исключение, колодец имеет особую бадью, прикрепленную цепью к журавлю колодца. Срубы колодцев в большинстве случаев неисправны: прогнили, покрыты плесенью. Вследствие этого срубы пропускают загрязненную

воду, просачивающуюся из верхних слоев почвы. Так как при постройке колодца грунт около него не поднимается, то почти все колодцы расположены в низинах—почва быстро оседает от постоянно проливаемой воды. Следовательно, грязь из соседних с колодцем участков территории смывается сюда, в эти низины, и в конце-концов попадает в колодезную воду. Чистятся колодцы совсем редко—чистят колодец почти всегда только в тех случаях, когда он настолько заплывет от грязи, что воды в нем становится уже совсем мало.

Повидимому, большинство желудочных заболеваний у населения, а в особенности у детей происходит от употребления скверной воды (в деревне ведь пьют некипяченую воду).

Пруды содержатся в отвратительном состоянии. Чистили их у нас основательно и повсеместно в 1920 году, когда, вследствие необыкновенно жаркого лета, почти все они пересохли до дна. Ну, уж раз подошел такой случай, что пересохли—почистили. В пруды весною и летом, во время дождей, смывается вся грязь с поверхности деревенской улицы. Летом в прудах полощут разные грязные тряпки, портянки и проч. Так как пруды маловодны, то вода в них по летам загнивает. Такую вот воду и пьет скот вечером, приходя с пастбища, и утром, уходя в поле (зимою скот поят подогретой колодезной водой). Как может влиять на здоровье скота подобный водопой,—понятно и без пояснений.

Можно было бы поговорить еще на ряд тем, тесно связанных с благоустройством деревни, но мы, бегло коснувшись лишь главных из них, пройдем мимо всех остальных.

ЧАСТУШКИ.

Частушка, коротенькая—в 4—6 строчек—песня, является чрезвычайно любопытным документом, характеризующим быт и нравы той среды, где она родилась или живет. Я, правда, не ставил своей задачей собрать буквально все частушки, которые складывались или распевались за последнее десятилетие в Горицкой волости, но думаю, что пройти совсем мимо частушки я все же не имею права. Поэтому я приведу здесь несколько десятков из числа пятисот записанных мною частушек, что даст нам возможность получить некоторое представление о настроениях и переживаниях населения волости.

Должно заметить, что коротенькие «стишки» появились в деревне еще лет 50 назад,—на это указывает покойный Г. И. Успенский в отношении губерний центрального района. Но энергичная борьба частушки с длинной песнью старого склада развернулась в деревне только на рубеже XX века, т.-е. лет 25—30 назад. Эта борьба привела к скорой и прочной победе частушки.

Почему частушка стала повсеместно и быстро распространяться у нас в деревне не 100 лет, а всего лишь четверть века назад? Что знаменует собою частушка?

Известно, что именно к концу прошлого века хозяйственные отношения в деревне из более или менее однородных стали чрезвычайно сложными: появились многообразные формы аренды, широко стал практиковаться наем рабочей силы; отдельные сельскохозяйственные районы стали отчетливее проводить специализацию в своей деятельности, изготовление продукта на широкий рынок стало расти и т. д. Все эти явления, вместе взятые, привели к расщеплению, прежде экономически однообразной (до известной степени, конечно),

массы сельского населения. Процесс расслоения деревни, на базе быстро меняющихся хозяйственных отношений, шел усиленным темпом. Но расслоение деревни, естественно, порождает и классовую борьбу среди отдельных ее слоев. Эта борьба между прочим выковывала индивидуальность, личность, освобождая последнюю от всех пут и давления коллектива.

И вот старая, длинная песня, продукт безличного творчества многих поколений нашей старой деревни, уступает место частушке, являющейся созданием всегда какой-либо определенной личности, порожденной новыми экономическими отношениями в деревне.

В частушке личность стремится возможно полнее проявить себя: выразить свое чувство и настроение, сказать свое слово по поводу того или иного события. Но так как калейдоскоп событий быстро меняется, чувства и настроения, вспыхивая, скоро гаснут, чтобы вспыхнуть уже иными огнями, то отсюда и недолговечность частушки. Эти песенки складываются и умирают, можно сказать, ежедневно.

Старинные длинные песни имели каждая свою мелодию. Они были немыслимы без музыки. Частушка хотя и поется (собственно говоря, выкрикивается), но с музыкою она связана чрезвычайно слабо. Связана, пожалуй, своей рифмою, которая, впрочем, не всегда строго соблюдается.

Но так как частушка все же песня, а пение—прерогатива молодости, в жизни которой большое место занимает любовное чувство, то нет ничего удивительного, что подавляющее большинство частушек—это любовные песенки. Мужские—погрубее, женские частушки—более нежные. А так как женщина больше живет чувством, нежели мужчина, то женские любовные песенки по числу преобладают над мужскими.

Начнем с женских частушек, рассказывающих нам о многообразных моментах и оттенках любовного чувства от его зарождения до счастливого или печального финала—выхода замуж за любимого человека, разлуки с ним и пр.

Девушка полюбила. Но он, ее избранник, не знает об этом. Надо, не роняя своего достоинства, известить «кровочку» (любимого) о зародившемся чувстве:

Какая у кровочки рубашка,
Такую кофточку сошью:
Он скорее догадается,
Что я его люблю.

Девушка полюбила незнакомого парня и счастлива, когда, наконец, знакомится с ним:

Сердце ныло, сердце ныло, —
Теперя успокоилось:
С кем душа моя желала,
С тем я познакомилась.

Возникшее чувство, такое интимное, тщательно прячется от чужого глаза:

Не глядите подозрительно
На девушку меня, —
Все одно вы не узнаете,
В кого я влюблена.

Брось, кровинка, эту моду —
Середь улицы встречать.
Посторонние увидят, —
Что я буду отвечать?

И девушка шумливо выражает свою радость, когда ей удается скрыть от окружающих проявление любовного чувства ее милого:

Под пяткой — мороз,
Под другою — ветер.
Меня милый целовал —
Никто не заметил.

Любовь—это большое счастье, громадная радость. Показывать чужим ее не хочется, от них ее даже прячут. Но эту радость надо запечатлеть в каких-то действиях, создать как бы памятник своему счастью. И девушка надумывает:

Под окошком распашу —
Березку с елкой посажу,
Расти березка, елочка —
Ходи почаще, кровочка!

Вспыхнувшая любовь, развиваясь, нередко превращается в сильное, глубокое чувство, которое никто и никакие силы не властны потушить:

Я тогда тебя забуду,
Ухажер мой миленький,
Когда вырастет на камушке
Цветочек беленький.

Дали волю любить Колю,
А теперь стали ругать.
Упустили камень в воду —
Тяжело его достать.

Счастливая в любви девушка иногда не прочь,—может быть, только перед самой собою,—самодовольно похвастаться:

У меня коса большая,
Сама заплетается.
У меня залетка Шура, —
Он за мной гоняется.

Без милого скучно, томительно, его ждут с нетерпением:

На окошке три цветочка:
Белый, алый, голубой.
Обуяла меня скука
Без тебя, мой дорогой!

Милый лучше всех, краше всех—таков закон любви:

Наше поле с вашим рядом, —
Наше плодороднее.
Все ребята хороши, —
Милый благороднее.

Все ребята идут в куче —
Посмотрю, который лучше.
Лучше нету никого,
Кроме кровки моего.

Но тревога, иногда беспредметная, нередко омрачает безоблачность чувства любви:

Запевай, подружка Маня,
Я не буду запевать.
За мое за ретивое
Что-то стало задевать.

Ты сыграй повеселей,
Дорогой кровиночка,
Чтоб от сердца отвалилась
Горя половиночка!

Погляди, милый, на небо.
После неба — на меня:
Как на небе тучки ходят,
Так и сердце у меня.

Или—тревожится девушка, думая, что милый, может быть, редко ее вспоминает, а, возможно, и готовится бросить:

Вспоминаешь ли, кровиночка,
В неделюшку разок?
Вспоминаю я кровиночку
Кажинный вечерок.

Дорогая дорожиночка,
Не брось меня любить.
Конечно, я найду другого,
Но только мне вас не забыть.

Если кто свободен от любовных тревог, так это девушка легкомысленная кокетка, для которой любовь—веселая забава. Такой девушке ничего не страшно, никаких тревог для нее не существует:

Не форси ты, мой хороший, —
Не останься в дураках —
Много, много такой швали
Перешло в моих руках.

Про измену мне сказали, —
Ленту желтую вплела.
После этой я измены
Еще лучше завела.

Ты, хорошенький кровиночка,
Изменой не стращай —
Спустя времечко маленечко
Сама скажу „прощай“!

Дорогую рыбу ела —
Дорогого судака.
Всю я зиму канителила
Такого дурака!

Такая ветреная девушка любит, как говорится, направо и налево:

Через поле — люблю Колю,
Через два — я Ванечку.
Через пять — люблю опять
Дорогого Санечку.

Я любила Колю летом —
Он ходил ко мне с конфетам.
Еще Ванечку зимой, —
Садился рядом он со мной.

На том конце, на том посаде
Два колодца новые.
Два залетки [1] воду носят —
Оба чернобровые.

Но это, в сущности говоря, не любовь, а забава или флирт, как говорят в городе. Любовь же, кроме тревог, о которых мы говорили, переживает нередко тяжелые кризисы, омрачаясь ссорами, ревностью:

Хорошо и весело,
Кровиночка, играете.
Только одно нехорошо —
Вторую завлекаете.

Милый Коля, ваша воля —
Хоть ходи, хоть не ходи.
Тебя сбивает одна барышня —
На это не гляди.

Расхорошенький кровиночка,
Перестань куражиться.
Не ходила я к тебе,
Не набивалась, кажется.

Однако размолвки, вызываемые чувством ревности или ссорами по иным причинам, оканчиваются часто благополучно—примирением:

Ходила я по бережку,
Ходила я по талому.
Мне кровиночка сказал:
Давай гулять по-старому.

---

[1] „Залетка", „кровинка", „дорожиночка" и пр.—это все наименования любимого.

Сами девушки не всегда ладят между собою. Причина раздора—«кровочки»:

Подружка моя,
Чаю не заваривай.
Моего залетку
К себе не заманивай.

Иногда эти нелады имеют иную, отнюдь не прямую, а косвенную любовную подкладку: в деревне поколение уже сравнительно пожилых девушек (около 25 лет от роду), почему-либо еще не вышедших замуж, всячески мешает гулять молоденьким девушкам, заботясь о том, чтобы молоденькие не отбили у них возможных женихов. Молоденькие поют по адресу своих более зрелых подруг:

Нынче вышли права:
Старых девок на дрова.
Двадцати пяти губить.
А семнадцати любить.

На столе лежит пирог,
На залавке — каша.
Стары девки помрут, —
Будет воля наша.

Но самое печальное и самое ужасное—это когда приходит конец любви:

Дорогой, у нас с тобой
Серьезно получилося:
Была горячая любовь,
Теперя изменилося.

Все бы песенки я пела,
Все бы веселилася, —
Кабы прежняя любовь
Назад бы воротилася!..

Я не верила подружке,
Что подружке дружка жаль.
А теперь и я поверю —
Подошел со мной случай...

Вы разрежьте мое сердце,
Изрубите на куски,

И скажите моему милому:
Пропала от тоски.

Маруся ненаглядная
Лежит в гробу нарядная,
На глазах по два орла [1] —
Через Колю умерла.

Трагически дело кончается уж не так часто. Обычно любовь двух молодых существ приводит к сватовству:

С крыши капала вода —
Милый спрашивал года:
Милка, сколько тебе лет?
Венчаться можно или нет?

Меня миленький посватал,
Всю семейку рассказал:
Дома двое, третий я,
Четверту сватаю тебя.

Однако в деревне, пока что, не всегда девушка бывает просватана за того, за кого она хотела бы: кое-где силен еще гнет родительской власти:

Сидит папаша за столом,
Разливает горький ром [2].
Пропивает меня, девочку,
Навеки в чужой дом.

Если «с милым рай и в шалаше», то когда приходится итти за немилого, неприглядность «шалаша», где надо будет век вековать, выступает с особенной силой:

Просватали меня —
В доме три окошка.
На дворе всего скота —
Курица да кошка.

Просватали меня
В дом деревянный.
Свекровь — ведьма,
Свекор — окаянный.

---

[1] Мертвым кладут на глаза, чтобы лучше закрылись веки, медные деньги — обычно большие царские пятаки с орлами.

[2] „Ром" пущен в частушке для стиля — „папаша", конечно, хлещет самогон.

Все же веяние нового времени чувствуется в деревне. Не всякую-то девушку можно просватать куда угодно. Например, если девушка не желает выходить замуж далеко от родной стороны, то она прямо заявляет:

Купи, тятька, машину,—
На машине буду шить.
Не отдавай далеко замуж,—
Все одно не буду жить.

И тоже—не просватаешь за кого угодно. Девушка прямо указывает родителям, кто ей люб:

Дай, мамашенька, пилу —
Я рябинушку спилю.
На рябине алый цвет,—
Мне понравился сосед.

На прогоне, в большом доме
Обещался замуж взять.
Погляди, родная мамэнька,
Хорош ли будет зять.

И решительная девушка знает, что ей следует сделать, чтобы, если понадобится, преодолеть сопротивление родителей, не одобряющих ее выбора:

Негде кофточки повесить —
Я повешу на двери.
Меня здесь не повенчают,—
Пове́нчают во Твери.

В цикле любовных частушек имеются и такие песенки, в которых сквозит опасение некрасивой девушки быть совсем обойденной любовью на пиру жизни:

Кабы в эту воду меду —
Вода бы сладкая была.
Красоты бы мне побольше —
Я бы славная была.

Не богатого я дома,
Не почетного отца.
Еще больше я горюю —
Некра́сива лицом я.

Некрасивой я родилась,
Некрасива я и есть.
Некрасивую я молодость
Не знаю, как провесть.

Имеются также и любовно-шутливые частушки:

Мимо нашего окошка
Пробежал теленочек.
Я за хвостик ухватила —
Думала миленочек.

Все приведенные частушки, подавляющее большинство которых и по настоящее время распевается девушками нашей волости, совершенно не связаны как будто бы с любовными переживаниями и настроениями девушек, полюбивших комсомольцев, коммунистов. Эти персонажи отсутствуют в частушке.

Правда, коммунистов в Горицкой вол. никогда не было много, а комсомольцы появились всего лишь в 1924 г., но все же в любовных песенках девушек упоминаются и те и другие. Эти песенки, которых не так-то много, я и приведу сейчас (конечно, девушка понравившегося ей комсомольца или коммуниста нередко титулует просто «кровинка», «миленок» и пр., т.-е. пользуется привычной, освященной традициями, терминологией):

Коммуниста любить —
Надо переродиться:
Надо в церковь не ходить,
Богу не молиться...

С коммунистами гулять —
Надо выраженья.
Болит сердце, болит грудь,
В голове круженье.

Мой залетка комсомолец,
И я переменилася —
Две недели с половиной
Богу не молилася.

Мой залетка комсомолец,
Комсомолка буду я.
Он не верует ведь в бога,
Но не верую и я.

Комсомол идет,
Лента красная.
С комсомолом гулять —
Вещь опасная.

Изгороду городила,
Изгороду новую.
Комсомольца полюбила,
Разудалу голову.

Мой залетка комсомолец,
А я беспартейная.
Потому у нас любовь
Идет канительная.

Кое-кто из наших горицких девушек по линии любовных чувств заявляют притязания не только на каких-то комсомольцев или рядовых партийных работников, а поднимай выше:

По своей-то красоте
Я вполне уверена:
Если Троцкий не возьмет,—
Выйду за Чичерина.

Тов. Троцкий как будто бы вне опасности—он человек женатый, а вот тов. Чичерину, повидимому, не сдобровать: наша горицкая девушка—это тебе не Чемберлен какой-нибудь!..

Парни, как я уже говорил, гораздо скупее девушек в выявлении своих нежных чувств. Привожу здесь несколько любовных песенок парней:

Что, гармошка, не играешь—
Или втору в тебе нет?
Что ты, милка, не встречаешь—
Или дома тебя нет?

Эх, играй, гармонь моя,—
Сегодня тихая заря.
Сегодня тихая заря —
Услышит кровочка моя.

Все листочки и кусточки
В сентябре завянете.
Отдадут меня в солдаты —
Девушки, вспомянете!

Эх, милашечка моя,
Поднимается война.
На войну меня угонят —
Ты останешься одна...

———

На вороненькой лошадке
Сяду покатаюся.
Моя милашка замуж выйдет—
Сиротой остануся.

———

Что ж, кровинка, не горюешь,
Черны платьица не шьешь?
Повезут меня в солдаты,—
Провожать-то в чем пойдешь?..

От серии любовных песенок перейдем к частушкам, отражающим те или иные настроения, связанные с событиями политического характера (масштаба местного или общероссийского). Следует заметить, что в первые годы существования советской власти частушка была довольно широко использована (иногда совершенно бессознательно) контрреволюционными элементами деревни, которые, при посредстве анонимной частушки, могли безнаказанно выявлять свои враждебные по адресу соввласти чувства. Само собою разумеется, что в частушках этого периода (до нэпа) много злобно-насмешливого, даже злопыхательного.

Когда на горизонте появлялись белые—Юденичи, Деникины и др., деревенская контр-революция распевала:

На елке иголки качаются,
Советская власть кончается.

———

Я на бочке сижу,
А под бочкой — мышка.
Скоро белые придут,—
Коммунистам крышка.

Но белые не приходили, а отходили. Тогда контр-революция пыталась соблазнить деревню «сладеньким»:

Советская власть —
Баба квасу напилась.
Хоть бы худенький царек,—
Пили б с сахаром чаек!

Однако и на такую приманку, как чаек с сахаром, «не клевало». Контр-революция принимается глумиться над красной армией, которая, действительно, была в очень тяжелом положении около 1919 г.:

Сидит Ленин на березе,
Держит серп и молоток,
А его товарищ, Троцкий,
Гонит роту без порток.

и высмеивает тяжелое положение городских рабочих в первые годы революции:

Ходит Ленин по деревне
С красной сумкой на боку.
„Вы подайте, ради бога,
Пролетарскому полку“.

Ленин Троцкому сказал:
Пойдем, Троцкий, на базар,
Купим кобылу карею —
Накормим пролетарию...

Когда в местном исполкоме происходили перебои с выдачей пайка, контр-революция науськивала, при чем слышались в этом науськивании ноты самого бесшабашного анархизма:

В комитете хлеба нет.
Чем народ питается!
Мы Некрасова[1] зарежем,
А Рычков[1] удавится!..

Бога нет, царя не надо.
Комиссаров разобьем,
Красну армию разгоним —
Муку сами мы возьмем!

Когда милиция подкарауливала по дорогам спекулянтов с хлебом и отбирала хлеб (к сожалению, не всегда сдавая его в исполком), спекулянтский лагерь пел:

Коммунисты черти, черти,
Коммунисты дьяволы!
Выходили на дорогу,
Спекулянтов грабили.

[1] В 1919—1920 гг. Некрасов был милиционером в волости, а Рычков — членом вика.

Красная армия, как я уже сказал, в свое время переживала тяжелое положение—голодала, была полуодета. Честно выполнять свой тяжелый красноармейский долг и продолжать нести службу в армии было не каждому по плечу. Многие дезертировали. Появились дезертиры и у нас в волости. Их переписывали, ловили:

Приехал комиссар —
Дезертиров записал.
Они не являются —
По беседам шляются.

Дезертиры, дезертиры!
Дезертирам горюшко:
Красна гвардия в деревню —
Дезертиры в полюшко...

Дезертиров становилось все больше и больше. Они смелели и хвастливо пели по адресу ловивших их отрядов:

Товарищи, товарищи,
И мы не хуже вас —
У нас ножички наточены,
Товарищи, для вас!

Наконец, в 1919 году, в волости вспыхнуло восстание дезертиров. Под деревней Вереинкой произошел бой между силами дезертиров, числом до 300 человек, и красноармейским отрядом в 35 человек. Дезертиры были разбиты и бежали. Девушки насмешливо запели:

Как в Горицкой волости
Происходят новости:
Под Вереинкой идет бой —
Дезертиры все домой!..

Девушки продолжали высмеивать дезертиров:

Купи, маменька, на кофту
Красного мне кумачу —
С коммунистом гулять буду,
С дезертиром не хочу.

Мне купили кофту белую
И сказали: „не марай“.
Еще раз мне повторили:
„С дезертиром не гуляй“.

Осмеиваются брюки-клёш, в которых щеголяют здешние франты. А так как клёш первоначально культивировался матросами, среди которых особенно много коммунистов, то последним и достается:

Коммунисты, коммунисты,
Что наделали!
Бабьи юбки на клёш
Переделали!

Попадает матросам за кронштадтское восстание:

Ах вы, клешнички,
Что наделали!
Были красные,
Стали белые!

Из соседней деревни в местную ячейку записывается пастух, скоро исключенный из ячейки. Запели:

Ах вы, шали, мои шали,
Зеленые кисти!
Раньше были пастухи —
Теперь коммунисты!..

До введения единого налога существовало много мелких. Собирали: рожью, картофелем, маслом, яйцами, шерстью, мясом и пр. Это многообразие, соответствовавшее определенному историческому моменту, раздражало крестьян, и те, случалось, отказывались от уплаты, подозревая местную власть в «придумывании» налогов. Вот такой эпизод, отмеченный в двойной частушке (частушка «с ответом»):

К нам приехал Свистунов[1],
Говорит нам ясно:
„Привозите в комитет
Яица и масло".
    А крестьяне отвечают
    Тоже очень ясно:
    „Вам не будет в комитет
    Ни яиц, ни масла"...

Ныне контр-революционная частушка вымерла в деревне, так как отпали питавшие ее настроения.

[1] Представитель волостной власти.

И вы нередко услышите:

Эх, яблочко,
С боку зелено!
Нам не надо Николая,
Давай Ленина!..

Когда в деревне закипело «самогонное дело», появились и соответствующие частушки:

Едет Ленин на телеге,
Я за ним вдогонку:
Разреши, товарищ Ленин,
Выгнать самогонку.

Мне хотели запретить
Самогоночку не пить.
Какие запретители —
К чорту не хотите ли!

Самогоночку варила,
Самогоночку гнала.
Сама в Кимры отвозила —
Спекулянточкой была!

Я у милого была —
Пила самогонку.
Я простую не пила —
Пила перегонку...

В 1924 году в волости народилось комсомольство. Частушка встретила его приветливо:

Меня маменька ругает,
Что я богу не молюсь,
А я маменьке сказала:
Комсомолкой запишусь.

В комсомолки записаться
Мама не позволила.
Я залетку своего
Только опозорила.

Уговаривал залетка,
Уговаривал дружок —
Запишися, дорогая,
В комсомольский во кружок.

Я, мальчишка, записался
В комсомольский во кружок.
Буду зиму просвещаться,
А на лето — пастушок.

Мы, вереинские девчоночки,
Нигде не пропадем:
Мы читать, писать умеем.
В комсомолочки пойдем.

Я на плиточке стояла,
Плиточка горячая.
Я девчонка-комсомолка —
Дело подходящее[1].

В 1925—1926 годах появилось немало антирелигиозных частушек:

В облаках пророк Илья
На коне катается.
Интересно знать, друзья,
Чем там конь питается?

Хоть ты, колокол, гуди,
Коли хочешь — тресни.
Мне в народный дом итти
Много интересней.

Повыкидывала б я
Образов иконницу.
Ах ты, маменька моя,
Идолопоклонница!

Не буди, мамаша, в церковь —
Я не богомолочка.
Я теперя — РКП,
Стала комсомолочка.

Лучше я буду с Петрухой
Книжки разные читать,

[1] Девушки воспевают комсомольство, многим из них хотелось бы быть комсомолками, но лишь единицы из них пока „осмеливаются“ вступить в комсомол. В этом повинны и условия среды и слабая активность комсомольской организации.

Чем с мамашенькой-старушкой
В церкви свечи зажигать.

Бог уехал за границу,
Не приедет 40 лет.
Богородицу святую
Он отправил в лазарет.

Деревенское хулиганство, как и всякое иное явление, тоже нашло свое отражение в частушке:

Меня били-колотили
В два цепа, в четыре гири,
А я, мальчик, не дрожал —
Поскорей вынул кинжал.

Нас и хают и ругают —
Мы и хаяны живем.
Мы и хаяны-отчаянны
Нигде не пропадем.

Отворяй, отец, ворота,
Сын отчаянный идет.
Грудь разрезана кинжалом,
По рубашке кровь течет.

Режьте, бейте, ребятишки,
Нынче легкие суда:
Вместо каторжной работы
Во Твери нова тюрьма...

В своем очерке я привел 102 частушки, выбирая наиболее характерные. Но их, под взвизгивание фальшивящей «тальянки», распеваются многие сотни и ежедневно создаются все новые и новые...

ОБЫЧАИ.

В каждой местности имеются свои обычаи, своего рода готовые формы, в которые и отливается жизнь населения того или иного района. В этой небольшой главе я, конечно, не стану описывать всего того великого множества обычаев, которые наблюдаются в Горицкой волости и штампуют выявления жизни ее населения. Я возможно короче скажу лишь о посиделках, деревенских праздниках, свадьбах и похоронах.

Посиделки (поседки, беседы) предназначены для деревенской молодежи. Они устраиваются ежедневно, в течение всей зимы, поочередно в тех домах, где имеются девушки. На посиделки девушки приходят с пряжей. Сидят, прядут. Парни своей деревни и желающие из соседних деревень тоже приходят сюда же. В эту же избу набиваются и подростки (до 16 лет)—«посмотреть, как гуляют». Сходятся часам к 6—7 вечера. В небольшую избу набивается и 30 и 40 человек народа, а то и больше. Работа девушек прерывается танцами; на какой-нибудь квадратной сажени—двух лихо отплясывается кадриль. Парни и мальчишки-подростки почти беспрерывно курят. Все присутствующие взапуски щелкают семечки—скорлупа толстым слоем покрывает пол. В избе нестерпимая духота—лампа едва горит. Беспрерывный шум и визг: пиликает гармоника, вскрикивают девушки, которых совсем бесцеремонно хватают парни, со всех сторон раздается самое грубое сквернословие. Оканчиваются посиделки около 2—3 часов утра. Такие посиделки—обычное времяпровождение зимою подавляющего большинства молодежи волости.

Праздники. В каждой деревне волости в течение года бывает 4—5—6 праздников, которые празднуются с особой

торжественностью: варится домашнее пиво, гонится самогонка, наезжают гости-родственники, приходят «гулять» крестьяне окрестных селений и пр.

Готовиться к празднику начинают за несколько дней: моют избы, стирают занавески, половики и пр. Дня за два «ставят», т.-е. варят пиво—обычно на середняцкое хозяйство ведер шесть [1]. На середняцкое же хозяйство «выгоняют» ведро самогона [2] или—это уже бедно—полведра. Покупают разной снеди, напр. (беру тоже середняцкое хозяйство): 30 ф. муки крупчатки, 30 ф. мяса, 5 ф. селедок, 4 ф. сахара, $^1/_8$ ф. чая, 1 ф. изюма, 2 ф. сах. песка, 20 ф. подсолнухов («чтобы погрызть»), 2 ф. компота и еще разной мелочи [3]. «Справить» праздник обходится около 25 р. для хозяйства средней зажиточности. Деньгами тратят, конечно, меньше, так как многие продукты, напр., солод для пива и самогонки, картофель и мука для. самогонки и пр., имеются в хозяйстве.

Утро праздника посвящено стряпне. Если в доме имеются свободные женщины, они идут в церковь (мужчины перестали ходить). Гости начинают съезжаться часам к 10 утра. Их тотчас же угощают закуской, пивом и самогонкой. Затем появляется священник, который служит по избам или по дворам молебны (теперь далеко не каждый дом принимает священника). Часов в 12 дня садятся обедать, при чем праздничный обед бывает чрезвычайно обильный и «хороший тон» требует, чтобы блюд («перемен») было возможно больше. Вот меню обеда: 1) мясные щи, 2) суп мясной (так и едят два первых), 3) каша гречневая, 4) каша пшенная, 5) кисель, 6) молочная лапша, 7) рисовая каша, 8) яичница с молоком, 9) крупенник, 10) сдобные лепешки, 11) сладкий суп. Кушают все, конечно, из одной чашки и каждый из гостей—все одиннадцать, а то и больше блюд. За обедом пьют пиво и самогон.

---

[1] Для изготовления 6 ведер пива необходимо: 3 ф. хмеля, $1^1/_2$ пуда солода, 10 ф. муки, $^1/_2$ ф. дрождей, 2 ф. сах. песка и 1 ф. изюма. Все это стоит (по ценам 1926 г.) 9 руб. 30 к.

[2] Для изготовления одного ведра самогонки необходимо: 3 меры картофеля, 15 ф. солода, 1 ф. дрождей, 20 ф. муки. Все это стоит 6 руб. 50 коп.

[3] Все эти продукты оцениваются рублей в 12.

Пьют спиртные напитки и дети, начиная лет с 5. Обед продолжается долго, часа 2. Спустя часа 3 после обеда пьют чай и снова закусывают: селедки, студень, пироги, булки. Вечером ужинают. За стол сажают обычно только родных, но вообще же в гости может приходить всякий, даже незнакомые. Всем подносят пиво, а в иных домах—и самогон.

Молодежь танцует кадриль, летом—на улице, а зимою—в чьей-нибудь избе. Девушки в течение праздничного дня обычно несколько раз переодеваются в разные платья—показывают свои наряды. Играет гармоника, распеваются или частушки, или же «длинные» песни: «Карие глазки», «Провожала меня мать», «Рабочий марш» и др.

К вечеру, когда все перепьются, вспыхивают ссоры, оканчивающиеся часто драками.

«Гуляют» в праздники часов до 3 ночи. На другой день, особенно у мужиков и парней, нещадно болят головы. Жадно ищут, где бы опохмелиться...

Свадьба. Брак для крестьянина—это не только событие в его личной, в узком смысле этого слова, жизни, каковым он является обычно для горожанина. Крестьянин подходит к браку и с точки зрения интересов своего хозяйства. Будущая жена должна быть сильной, здоровой девушкой—только сильная и здоровая она сможет быть настоящей помощницей своему мужу в его физически тяжелой работе. Желательно, чтобы она обладала покладистым нравом,—с такой легче ужиться близким родным жениха (родителям его, сестрам, братьям), с которыми женящийся парень живет еще не в разделе. А в хозяйстве ужиться—это много значит, это значит, что работа совместная пойдет дружно, споро. Опять-таки со стороны интересов хозяйства немаловажное значение имеет, что принесет с собою невеста в дом в качестве приданого—в деревне каждый пустяк имеет свою цену. Невеста тоже «хозяйственно» подходит к браку: взвешивает достаток хозяйства жениха, сколько на ее долю падет работы, если она будет членом данного хозяйства, и пр.

Благодаря всему только что отмеченному, а также и традиционно-приниженному положению женщины в деревне (это еще не отошло в прошлое) крестьянский брак состоит из

ряда предварительных (главным образом) и последующих формальному заключению брака эпизодов или стадий, которые, вместе взятые, обозначаются на языке деревни термином «свадьба».

Обычная деревенская свадьба, такая, какой она дожила до сегодняшнего дня, представляет собою цепь отдельных—мы их сейчас назовем—событий, протекающих в строгой последовательности одно после другого:

1. Сватовство.
2. Осмотр хозяйства жениха.
3. Богомолье.
4. Вечеринка у невесты.
5. Девичник.
6. Парничник.
7. Венчанье и первый день свадебного пира.
8. Второй день свадебного пира.

Эта распространенная у нас в волости схема старинных свадебных обычаев, доживших до наших дней, иногда разбивается или, вернее, добавляется вклинивающимися в нее еще некоторыми моментами. Об этих моментах я скажу в своем месте. В приведенную выше схему я их не вставлял, так как они встречаются лишь изредка и лишь в немногих пунктах волости. Революционная эпоха добавила к схеме «расписывание» в вике (регистрация брака), которое происходит в период между вечеринкой у невесты и девичником. Но в виду того, что акт регистрации брака протекает без какого-либо намека на обрядность и в совершенно будничной для жениха и невесты обстановке, то я «расписывание» и не включил в схему свадебных обрядов.

Свадьбы «играют» в деревне зимою, когда у крестьянина время свободное. И почти все свадьбы происходят в «мясоед»—в период от Крещенья (6 января) до начала масленицы. В «мясоед» по церковным правилам можно венчаться. А до и после «мясоеда», в течение довольно продолжительного времени, церковь не совершает обряда бракосочетания. Справлять же свадьбы весною, летом или осенью крестьянам некогда.

«Сватовство» состоит в том, что в деревню, где проживает намеченная девушка, едет жених со своими родителями и с

крестным или дядей. Останавливаются у кого-нибудь в этой деревне и просят хозяина дома пойти к родителям невесты и объявить им о приезде сватающихся. Если невеста и ее родители, узнав от пришедшего к ним соседа, кто именно приехал, пожелают принять приехавших, то объявляют им об этом через того же соседа, а если не желают принимать, то посылают «отказ» прибывшим (причины: заведомо не подходящая партия, жених заведомо не нравится невесте и пр.), и те уезжают или во-свояси, или же свататься к другой невесте.

Предположим, сватающиеся принимаются.

Невеста спешно наряжается. Ставится самовар, на стол подаются баранки, конфеты, тщательно сберегаемые для «такого случая». Когда необходимые приготовления закончены, то только тогда посылают за приехавшими, которые тотчас же приходят. Их сажают за стол угощаться. Дом невесты мгновенно наполняется жителями деревни. Все, от мала до велика, сбегаются «смотреть», как держит себя жених, как нарядилась невеста, что поставлено на стол, как вообще пьют и едят сваты. Население деревни присутствует лишь в качестве зрителей. Но эти зрители развлекают себя горячим обсуждением ряда вопросов, имеющих самое тесное отношение к происходящему у них на глазах событию: подходящая ли пара жених и невеста, отдадут замуж или дело не сойдется и пр. За столом жених с невестою разговаривают о разных безразличных вещах. Родные же их степенно беседуют о погоде, о своем хозяйстве и т. д. Вот и чай попили. Посторонние расходятся. Жених с невестою с полчаса катаются вдоль деревни. Потом снова пьют чай и жених с родными уезжает, приглашая родителей невесты к себе «дом смотреть» [1].

На другой день после сватовства родители невесты (а если их у нее нет, то близкие родные) едут осматривать хозяйство жениха. Им показывают все: дом, постройки, скот, инвентарь. А они про себя прикидывают, стоит ли в такой

[1] Когда сватающиеся уезжают из деревни невесты, то девушки этой деревни привязывают к саням сватов веник — приезжие гости, уезжая, разметут дорогу женихам и к другим девушкам деревни.

дом отдавать невесту или нет. Затем приехавших угощают чаем. Если родители и близкие невесты, с своей точки зрения, считают хозяйство жениха хорошим, то они начинают разговор о приданом—спрашивают, сколько и чего жених потребует за невестой. Жених, если невеста, к которой он ездил свататься, ему не нравится, запрашивает намеренно большое приданое, чтобы ему отказали, и тогда все дело расстраивается. Просто отказаться от невесты считается неприличным. Если же невеста нравится жениху, то приданое, по своей ценности, спрашивается более или менее подходящее. Вообще размер приданого такой: кое-что из вещей (перина, пара подушек, одеяло, платье и белье невесты) и денег от 10 р. до 100 руб. Когда размер приданого объявлен, начинается жестокий торг: торгуются, как на базаре, за каждую тряпку, за каждый рубль денег. Как только столкуются окончательно о приданом, то обычно назначают и день свадьбы—так недели через две после осмотра хозяйства жениха.

Опять-таки на второй же день после ознакомления с хозяйством жениха назначается «богомолье», происходящее у невесты. Жених уже не только с родителями, но и с сестрами, братьями приезжают в дом невесты, куда сходятся и съезжаются близкие родные невесты. Посторонних пока не впускают в избу—они, прильнувши к окнам, смотрят извне на то, что происходит в доме. А в доме родные невесты на все лады расхваливают ее. Затем все встают и молятся богу. Помолившись, гости усаживаются за стол, при чем жениха с невестой усаживают в красный угол, под образа. В это же время в избу пускают всех желающих, и изба до отказа набивается деревенской публикой, для которой все происходящее—большое развлечение. На стол подаются и чай, и самогонка, и пиво, и всякая снедь: булки, жареное мясо, студень и пр.

В некоторых деревнях волости после «богомолья», дня через два, справляют «пропой» невесты, во время которого отцы жениха и невесты «бьют по рукам». Отец жениха (один) приезжает к отцу невесты, изрядно выпивает, затем ударяет по рукам, закрепляя таким образом сватовство. Битье по ру-

кам, собственно говоря, знаменует собою продажу невесты. Эта мирная коммерческая сделка, несомненно, сменила собою «умыканье», похищение невесты, имевшее место во времена глубокой древности. Чрезвычайно любопытно отметить, что на это «умыканье» есть некоторые намеки в отдельных эпизодах упомянутого «пропоя». Так, когда отец жениха, попрощавшись с родителями невесты, уходит из избы, то женщины деревни, именно женщины, нападают на отца жениха: отовсюду (из углов, с печки, с полатей, из дверей, ведущих в подполье) бросаются в уходящего вениками, ухватами, сапогами и пр. Бросают «по-серьезному», желая причинить боль. Поэтому отец жениха, еще до начала нападения, предусмотрительно поднимает воротник тулупа, чтобы как можно лучше предохранить от ударов голову, и старается как можно скорее, не мешкая, проскользнуть в дверь. Эта демонстрация враждебного отношения женского пола к чужчуженину действительно намекает на те давно отошедшие от нас времена, когда девушку надо было защищать от похитителя-врага, члена обычно иного племени или рода.

После «богомолья» и «пропоя», где таковой справляется, у невесты устраивается вечеринка. К ней собираются ее подруги. Приезжает жених и привозит гостинцы: конфеты, орехи, пряники. Угощает ими девушек. Девушки садятся за стол и играют в карты. Проводя так несколько часов, все расходятся.

Кое-где в районе волости, после вечеринки у невесты, бывают еще (так через день—два после вечеринки) «побывушки». «Побывушки» (от слова «побывать») состоят в том, что к невесте приходят ее подруги (только они) и рассматривают ее приданое и те подарки, которые заготовлены невестой для одаривания родни жениха во время свадебного пира (конечно, их приготовляют заранее; это—ситец на рубашку, платье, полотенца). Во время «побывушек» и невеста и ее родные настраиваются на грустный лад, что и понятно, так как осмотр приданого и подарков напоминает о близком замужестве и связанном с этим отъезде девушки из родного дома. Показав все своим подругам, невеста поет, обращаясь к ним:

„Подойдите-ка, милые подруженьки,
Не стойте-ка вы за стенами за дубовыми,
За дверями за стеклянными!
Приходите-ка сюда в большое место,
В большое место во почетное!
Как прознали вы, проведали
Про мое горе великое,
Про мое житье грустное?
Аль доносят вам ветры буйные,
Аль сказали вам люди добрые,
Что запоручили мою буйную головушку
За поруки-то за крепкие,
За замки-то за личинные?
Запоручил ее родной батюшка
Да еще ли то родная матушка!
Вы послушайте, подруженьки,
Что я буду просить-то вас кучиться:
Что придет ли к вам весна красная, лето теплое,
Расцветут ли все алы цветы,
Пойдете вы гулять во зеленый сад,
Будете рвать вы алы цветы —
Постарайтесь сорвать и мой алый цвет.
Принесите его к моей матушке —
Пусть поставит его на окошечко,
Пусть глядит да любуется —
Я не буду больше алым цветом"...

Этой песней «побывушка» и заканчивается.

Накануне дня венчанья невеста устраивает «девичник»—последний вечер девушки-невесты, который она проводит со своими подругами-девушками.

Еще днем в день «девичника» подруги невесты отправляются в лес и рубят там небольшую елочку. Елочку украшают лентами, бантами, а на верхушку ее прикрепляют куколку или уточку. Елочку приносят вечером в дом невесты, ставят на стол и зажигают на елке несколько, прикрепленных к ее веточкам, свечей. Красиво наряженная елочка—это символ девичьей красы выходящей замуж девушки-невесты.

Невеста в этот вечер одета в белую кофточку и в черную юбку и черный платок.

Все подруги и невеста садятся за стол и угощаются—пьют чай, пиво, едят булки.

После угощенья начинается пение песен.

Сперва поют:

„Собрала Анна (или другое имя) подруженек своих,
Посадила она по лавочкам всех.
Сама села повыше[1] всех,
Призадумала она думушку покрепче всех.
— Вот вам, девушки, девичник мой.
А на утро-то разлучник[2] мой —
Разлучает меня тятенька родной,
Еще родная маменька!"

После этой песни одна из подруг невесты начинает расплетать косу невесты. Девушки, под плач невесты, поют «песню о косе»:

„Растопляйся-ка, банюшка,
Порасплачься-ка, Манюшка,
О своей русой косе,
О русой косе — девичьей красе!
Расплетут твою косыньку,
Разделят ее на шесть доль,
Заплетут ее на два плетня,
Наденут новый сборничек,
Новый сборничек — повойничек"[3].

Если невеста—сирота, если у нее, скажем, нет отца (а если нет и матери, то в песню, рядом с именем отца, приставляют и имя покойной матери невесты), то на «девичнике» еще поют (после «песни о косе»):

„Течет речка, не колышется, —
Сидит Маня, не усмехнется.
На что же ей смеятися?
На что же радоватися?!
Собрались гости, соехались.

[1] Сесть „повыше" — сесть в почетном углу, под образами.

[2] Здесь слово „разлучник" употребляется в смысле дня разлуки, расставанья.

[3] Повойник закрывает только волосы замужней деревенской женщины. Девушки его никогда не носят. Теперь, впрочем, в наших краях и замужние женщины его тоже редко носят, покрывая голову вместо повойника просто платком. Но платком голову обязательно покрывают: быть „простоволосой", т.-е. не покрывать волосы платком, считается для женщины неприличным.

Только нет одного гостя, —
Что родимого-то батюшки,
Михаила Ивановича!..
Дорогой ты братец-батюшка,
Николай да Михайлович!
Поди-ка ты во конюшенку,
Оседлай-ка ворона коня,
Поезжай-ка ко божьей церкви,
Приударь-ка в большое колоколо,
В большое колоколо заунывное.
Расступися, мать сыра-земля!
Расколися, гробоза доска!
Ты восстань-ка, родный батюшка, —
Нарядить-то меня есть кому,
А благословить-то некому..."

Расплетая косу невесты, подруга ее вынимает из косы украшавшие ее ленты. Невеста раздает ленточки своим подругам на память—ей они не нужны, так как замужние женщины не вплетают в волосы лент.

Невеста плачет навзрыд, прощаясь со своим девичеством. Мать невесты тоже плачет—завтра она отдаст дочь в чужой дом, и неизвестно, какая доля ждет ее детище. Бабья же доля в деревне не из легких. Подруги утешают, как могут, невесту и прощаются с нею—и обычно сами плачут при этом. Прощаются с дочерью, как с девушкой, и ее родители. Невеста, проводив подруг до сеней, возвращаясь в избу, поет:

„Разодвиньтесь-ка, добрые люди!
Допустите меня до родимого тятеньки
Да до моей родимой матушки!
Подсеклися у меня резвы ноги,
Опустились у меня белы руки,
Запеклось у меня ретиво сердце,
Головушка с плеч свалилася,
Воли девичьей я лишилася.
Отгуляла я зори вечерние,
Отоспала я зори утренние,
Отпела я песни веселые!
Навалилась на меня заботушка великая,
Заботушка великая — работушка тяжелая,
Жизнь будет невеселая..."

В «девичник» же, после ухода подруг невесты, в дом невесты приезжают дружки от жениха с подарками невесте: привозят белил, румян, зеркало, пряник большой, каравай белого хлеба и девушкам гостинцы. Зовут невесту получить все это. На зов выходят подруги невесты, снова появляющиеся, и одна из них говорит:

— Мы за нее.

— А где же Аннушка (если так звать невесту)?— спрашивают приехавшие дружки.

Им отвечают:

— Ходила в лес за помелом. Там ее снегом замело. А мы день целый выручали, лопаты поломали, сапоги поизодрали. Хотите—новые купите, хотите—старые почините, либо—денежки заплатите.

Девушки получают деньги и уходят.

Подарки от жениха принимаются родными невесты. А сваха в свою очередь выносит дружкам для передачи жениху подарки от нареченной: рубашку верхнюю, шарф, платок, кисет, пояс, 5—7 полотенец, и просит передать все это «князю» (жениху).

Этим «девичник» и заканчивается.

Накануне же дня венчанья и у жениха бывает пирушка для его товарищей—«парничник» (от слова «парень»).

На «парничнике» просто веселятся, выпивают. Никаких особенных песен тут не поется. Соблюдается только такой традиционный обычай: жених со стаканом пива в руке встает и, обращаясь к своему самому близкому товарищу, произносит:

— Дорогой товарищ, выйди-ка сюда.

Тот выходит на середину избы.

— Вот что: стаканчик-то пивца выпей, а с меня молодецкую честь сними.

Товарищ выпивает пиво, и молодецкая честь считается снятой.

Слов немного. Сцена коротенькая, а посмотришь в углу, в толпе любопытных, какая-нибудь сердобольная тетка Матрена слезу утирает и шепчет:

— Сняли честь-то молодецкую...

Утром, в день венчанья, за невестой приезжают дружки от жениха и привозят невесте шаль и шубу. На шубе из иголок сделан крест—это, чтобы какая-нибудь колдунья не испортила невесту, когда та поедет к венцу. Один из дружек вызывает сваху принять цветное платье, невесту одеть и в большое место[1] посадить. Сваха отзывается:

— Я стряпала торопилась, в свахи норовилась. На улице кричат: «едут дружки», а у меня в руках ухваты да клюшки. Хотела помыть руки, да нечем.

Дружки дарят ей мыло.

Сваха одевает невесту, а дружек угощает чаем.

Когда невеста одета, родители готовятся благословлять ее иконой. Это—самая тяжелая минута. Настроение безъисходной грусти готово охватить всех присутствующих, но ловкие дружки, обычно залихватские краснобаи, разбивают настроение горя и грусти своими обращениями ко всем присутствующим, начиная с родителей невесты:

„Домовитый батюшка (следуют имя и отчество),
Домовитая матушка (то же),
Встаньте на лыжи, подвиньтесь поближе.
Стаканчик пивца выпейте, а дочь к венцу
Благословите ехать
Через чистые поля, дремучие леса
К божьему дому, колокольному звону
В божий дом войти, на подножье встать,
Свят-закон принять, крест-евангелие целовать".

К мужикам:

„Господа-миряне N-ские крестьяне!
Ваше дело в кабак ходить вино пить да жен бить,
А не по свадьбам ходить да людей судить!"

К старухам:

„Старые старушки, запечные воркотушки!
Не ваше бы дело по свадьбам ходить да людей судить.
Ваше дело в квашне торчать да на мох ворчать".

К молодым бабам:

[1] „Большое место"—под образа.

„Молодые молодушки, Дарьи, Маланьи, ночные пташки!
Не ваше бы дело по свадьбам ходить да народ судить.
Ваше дело по хлевам ходить, подолы мочить,
Телят поить да заочно свекровь бранить“.

К девушкам:

„Красные девицы, пирожные мастерицы,
Сметанные лакомницы, яичные пагубницы!
Не ваше бы дело по свадьбам ходить да народ судить.
Ваше дело румянами харю натирать,
Лбы лощить да отцовские дома тащить“.

К ребятишкам:

„Маленькие девчонки, плохие юбчонки,
А ваше дело в няньках сидеть, за детьми глядеть“.

„А вы маленькие ребятки, синенькие заплатки,
Остренькие колпачки, — сами будете мужички.
Не ваше бы дело по свадьбам ходить да народ судить.
Ваше дело кнуты вить да собак бить“.

Невесту увозят в церковь венчаться.

Выехав из своей деревни, невеста бросает носовой платок—горе бросает.

Из церкви все направляются в дом жениха, где и пируют во-всю.

Когда молодые входят в дом, их обсыпают овсяным зерном, «чтобы зернышки родились, чтобы детушки водились».

На свадебном пиру, перед подачей мяса на стол, хозяин проделывает сцену «убийства быка». Кто-нибудь из родных, согнувшись, с пустым горшком под полою и прикрытый рогожей, входит в избу. Хозяин провозглашает:

— Вот, гости дорогие, как рад вам хозяин,— целого быка бьет на угощенье!

«Бац» по горшку поленом. Горшок—вдребезги; тот, кто его держал, убегает, оставив на полу рогожу (шкуру быка).

У иных, вместо сцены «убийства быка», происходит стрельба холостым зарядом в заслонку печи—это хозяин бьет дичь для гостей.

После этой процедуры гостям подается на стол мясное блюдо.

Девушки на свадебном пиру каждой паре супругов, начиная с молодых, поют короткое «величание», например:

„Ты, дубовый стол, постукивай!
Николай, государь, послушай,
Михайлович, догадайся —
Ты за Манюшку постарайся.
А ты, Манюшка, покорися —
Ты Николаюшке пониже поклонися".

Один из «величаемых» супругов, в благодарность за «величание», подает девушкам стакан пива, куда бросает 15—20 к. Девушки выпивают пиво и отвечают:

„Мы стакан пива выпили,
Золотую казну вынули.
Благодарим тебя, хорошенький (ая),
Благодарим тебя, пригоженький (ая),
На твоем большом подарочке!"

Первый день пира окончен.

На утро соседи и гости идут будить молодых. Тут и ряженый поп с крестом из соломы, с рукомойником вместо кадильницы. Вместо молитв каждый из участвующих старается сказать какую-нибудь прибаутку.

На второй день молодые и все гости пируют, развлекаясь, как говорится, кто во что горазд, у родителей невесты.

Здесь молодые остаются гостить на 3 дня.

Похороны. Останавливаться на описании похорон я не буду—ритуал похорон не заключает в себе каких-либо особых обычаев. Упомяну лишь об одном обычае, связанном с деревенскими похоронами,—об обычае «причитания».

Высказывать сожаление об умершем только плачем считается для близких родных покойника неприличным. Необходимо «причитать», «голосить», «вопить в голос». Это значит: или под влиянием минуты импровизировать нараспев, или же «вопить» определенные старинные слова. В настоящее время больше импровизируют—старина стала забываться. Здесь я приведу одно старинное «причитание» девушки или женщины, которая уже лишилась матери, а теперь потеряла и отца:

„Светел ты мой месяц, родимый батюшка!
Не думала, не гадала я с тобой расстаться, раззидеться,
Постигла тебя кончинушка скорая.
Не осветит меня светел месяц,
Не согреет меня красно солнышко,
Не встретит родной батюшка,
Не пожалеет родимая матушка!
Осталась я, сиротинушка кругля, горькая!
Растоскуюсь я, сиротинушка, разгорююся:
Кому я скажу слово тайное?
У кого спрошу совета доброго?
Кто меня, сиротинушку, встретит, приласкает?
Зарастут все тропочки-дороженьки в дом родительский!
Скажи, мой родимый батюшка, когда ждать тебя
в дорогие гости?
По утру буду ждать ранехонько,
По вечеру буду ждать позднехонько...
Светел месяц, родимый батюшка,
Что я буду просить у тебя:
Пойдешь ты, мой батюшка, во сыру-землю, на тот свет,
Будешь ты, мой батюшка, ходить по тому свету,
Встань ты, мой батюшка, на той на пути на дороженьке,
Где ходят родители праведные.
Не пройдет ли моя родимая матушка?
Передай ей поклон от меня, от сиротинушки..."

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВНОСТЬ, ДУХОВЕНСТВО.

Помню, когда в девятьсот пятом или шестом году мне приходилось говорить с моими земляками на политические темы,—они слушали меня охотно. Земляки с интересом входили в детали той «хитрой механики», при помощи которой господствующие классы, дворянство и буржуазия, опутывали «узами неудобоносимыми» городской пролетариат и беднейшее крестьянство. Бывали иногда лишь некоторые неловкости, когда не совсем почтительно коснешься непосредственно «особы» его величества. Тут кто-нибудь из пожилых мужиков, смотришь, и заметит:

— А ты бы того... полегче... Он, государь-то, может, и не знает про все эти дела. Его тоже, может, обманывают...

Но в конце-концов не только пожилые,—про молодняк и говорить нечего,—но даже и старики соглашались, что, пожалуй, царь-батюшка, уж и не так прост, как кажется на первый взгляд, что скорее он с «ними», а не за «нас».

Про «политику» говорить можно было, и слушали, повторяю, охотно. А вот, если заведешь речь о религии,—тут твоя аудитория настораживалась, и, минуту назад расположенные в твою пользу, собеседники твои как-то внутренне подбирались, хмурились и угрюмо роняли:

— Насчет этих делов ты, брат, перестань. Не нами установлено, а стариками. Ты вот о политике толкуй, а про религию не моги...

Так тогда думали у нас в деревне, и по всему видно было, что так думали крепко.

Бывал я в воскресенье за обедней в церкви. Церковь—почти полна народом. По правую руку—мужики и парни, по левую—бабы и девицы. Правда, усердно молились или те, кто был в

годах и кому поэтому предстояло в недалеком будущем предстать «перед страшным судилищем Христовым», или же те, кто был «при капитале» и надеялся его еще немножко «приумножить». Девицы—те больше занимались демонстрацией своих нарядов. Парни же на девушек засматривались. Ну, а мелюзга—та попросту норовила шалить, и только усердно раздаваемые со стороны старших подзатыльники и щелчки внушали ей «страх божий».

Священники у нас бывали разные. Были и трезвые, степенные, пользовавшиеся уважением своей паствы. Попадались и такие горькие пьяницы, которые, при обходе с молебнами деревень, где были праздники, теряли напрестольный крест. Одного помню—так он не только был пьяница, но и ужасный драчун: напьется и лезет с мужиками в драку. Мужики терпели, деликатничали, а потом начали молотить своего пастыря—и пастырь стал не так дерзок на руку... Одни священники были очень хозяйственными и даже промышляли отдачею денег взаймы—под хороший процент, конечно, и под верное обеспеченье. У других, наоборот, хозяйство как-то не клеилось... Но так или иначе, а «батюшка» сам за сохою не ходил, всю церковную землю, которой он пользовался, обрабатывал наемным трудом. Скотина на дворе у священника была откормлена—ей перепадало немало хлеба от изобилия, собираемого с пасомых в петров пост, в успенский, в великий и пр.

Наступила революция 1917 года. Один революционный год шел за другим. Под влиянием необычайных событий и реальных условий нового быта духовный облик крестьянина менялся. В его сознании и даже в подсознательной области его бытия происходили какие-то сдвиги. Многое из прежнего идейного богатства его летело куда-то в пропасть. Выкристаллизовывались какие-то новые идеологические ценности. Описать сейчас этот процесс духовного перерождения крестьянина, мне кажется, пока еще невозможно. Рано. Процесс этот, можно сказать, почти только начал обозначаться. Как он будет протекать, во что выльется—покажет будущее. И от тех, кто хочет делать будущее, в этом отношении многое зависит. Этого не следует забывать.

Когда именно сформируется окончательно новый духовный «тип» крестьянина, мы не знаем, но во всяком случае крестьянин уже и теперь во многом по-иному, чем прежде, реагирует на то, с чем ему приходится сталкиваться. Есть новые черты и в его отношении к религии, к церковности, к духовенству. Эти новые черты иногда с трудом вылезают из всякой тины привычного, прежнего. Нарастанию нового мешает человеческая косность, особенно сильно выявляемая именно в крестьянском быту. Подчас новое принимает такой облик, что невольно становишься втупик и недоумеваешь: действительно ли это новое или же давнишнее-давнишнее, почти архаическое?

С лета 1922 года в церковной жизни произошел целый ворох всем известных перемен: патриарх Тихон удалился «на покой», появились разных оттенков обновленцы; Тихон попал под арест и был привлечен к ответственности за контр-революционные деяния, потом Тихон покаялся перед советской властью в своих прегрешениях и был освобожден; затем обновленцы начали ссориться друг с другом и т. д.

В Ленинграде—и зимою 1922 г. и в первую половину 1923 г.—было немало лекций и диспутов по церковным и религиозным вопросам. Правда, на заводах мало интересовались этими вопросами, но часть интеллигенции и буржуазного типа публика валом валила и на лекции и на диспуты.

Всю зиму 1922—23 года я жил в Ленинграде и, сознаюсь, на диспуты и лекции по религиозным вопросам ходил и отнюдь не жалею: обогатился большим количеством любопытнейших наблюдений. Под впечатлением все же крупного интереса части ленинградской публики к делам церковным я решил, отправляясь в 1923 году в свою деревню на сенокос, заехать обязательно в Москву, чтобы там побеседовать и с патр. Тихоном, и с митрополитом Антонином (руководитель группы «Возрождение»), и с прот. Красницким («Живая церковь»)—хотел узнать церковные новости, так сказать, из первых рук и, по приезде в деревню, поделиться ими с моими земляками—я был совершенно уверен, что они горячо интересуются тем, что переживает православная церковь или, пожалуй, вернее—церковные верхи.

Побывал в Москве, повидался с иерархами и с целым коробом самых свежих церковных известий, приехал в деревню.

Спрашиваю:

— Ну, что у вас тут говорят о Тихоне?.. И вообще вы здесь за кого?.

— Ты о каком Тихоне?

— Да о патриархе.

— А что с ним?

— Как что?.. Разве не слыхали, что он 16 июня (1923 г.) написал свое покаянное заявление председателю Верховного Трибунала, что его уже освободили из-под стражи—ну, и все такое прочее?!.

— Ничего не слыхали.

Мне даже не верится. Однако продолжаю свой допрос:

— Ну, а вы сами-то за кого? За Тихона или за обновленцев? А если за обновленцев, то за каких именно: за Возрождение, за Живую церковь или же за Союз древлеапостольских общин?

— И обновленцев твоих не знаем.

Я искренно удивляюсь:

— Да что вы! Там, на церковных верхушках, сейчас кипит бой не на живот, а на смерть. Один лагерь кричит, что верующие всей России с ним, другой—утверждает обратное. С кем же вы?!. Если вам что-нибудь неясно, я могу прочесть доклад о том, что происходит теперь в области церковной жизни.

— Мы ни с кем. Мы сами по себе. А насчет доклада,— спасибо, но не стоит тебе трудиться, пускай их «паны дерутся». Ты лучше расскажи, если есть желание, что слышно о продналоге: меньше или больше будет, чем в прошлом году? Кстати не слыхал ли, проезжая через Кимры, почем соль,— вся вышла, надо ехать за ней...

По правде говоря, я обескуражен, но все же считаю долгом себя утешить:

— Это низы верующих. Поговорю-ка я с «отцами».

Встречаюсь с представителями духовенства (у нас в волости семь приходов).

Они осведомлены очень слабо о том, что делается на

«верхах»: знают, что Тихон освобожден, что он служит—и больше ничего. Даже все то, что писалось по церковному вопросу в «Известиях», им неизвестно, так как газеты духовенством не выписываются—дороги. Правда, есть возможность и бесплатно почитать газеты, хотя бы в волисполкоме, который получает три газеты, но, повидимому, и у духовенства нет горячего интереса к тому, что творят их архипастыри разных оттенков.

Задаю вопрос:

— Вы кому подчиняетесь?

— ВЦУ (Высш. Церк. Управл.).

— Ну, а симпатии ваши: ВЦУ?.. Тихон?.. Антонин?[1]. Духовное «лицо» осторожно осведомляется:

— А вы сами как?

— Я в этих делах швах. Мое дело—сторона.

— Мы пока нейтралитет держим. Кто победит—увидим. Тогда и выберем. Поспешность полезна лишь при ловле блох,—наставительно замечает «батюшка».

— Ввели вы новый стиль? Что у вас нового в обиходе церковных служб?

— Стиль у нас старый. И в службе все по-старому.

Итак, ни у сельского населения, ни у сельского духовенства нет ни малейшего интереса к тем разногласиям, о которых наперебой толкуют кучки верующих горожан и их вожаки.

Захожу в церковь... Пусто-пусто... Одинокие фигуры старух и две-три женщины помоложе. И это не в будние дни—в будни служб церковных в деревне не бывает.

Навожу справки у священников:

— Много народа бывает в церквах?

— Какое! Совсем перестали ходить. Только женщины еще заглядывают, а то хоть церковь закрывай.

— Почему же так? Ведь раньше ходили?

— И усердно. Кто знает, почему так случилось! Времена,

[1] В июле 1923 г. митр. Антонин, принявшийся разоблачать некоторых обновленцев, был извержен из ВЦУ, председателем которого он был,—поэтому Антонин со своими сторонниками составлял особую группировку („Возрождение").

надо полагать, изменились. Вот молодежь—та прямо говорит: бога нет. А мужики постарше—те вроде уже стесняются свое усердие к богу показывать.

— Что значит: «времена изменились»? Вы объясняете все же как-нибудь то, что происходит?

Священник мнется:

— Конечно. Сами знаете: религию гнали, над религией насмехались.

— Допустим, что вы правы. Но ведь испытания смущают лишь маловеров, а веру верующих закаляют. Где же они, эти верующие крепко и до конца? Ведь «претерпевый до конца спасен будет». Где эти жаждущие спасения?

Священник (и не один мне в этом признавался) машет рукою:

— Что говорить! Все оказались маловерами. Стадо разбежалось...

В деревне народ перестал ходить в церковь. В некоторых приходах нашей волости [1] церковные службы (обедня) совершаются не каждое воскресенье:

— Расход на масло, расход на ладан, а в церкви только я да псаломщик, молящихся же никого,—этими причинами объяснял мне священник отсутствие воскресных служб.

Если кем церковь и поддерживается еще в деревне, то это женщинами.

Вот характерная сценка.

Июль 1923 года. Надо регистрировать в уездном отделе управления религиозные общины. Необходимо самое меньшее 50 человек, которые выразили бы, в письменной форме, желание составить общину, т.-е., попросту говоря, взять на себя юридическую ответственность перед государством за сохранность передаваемого им в пользование церковного имущества; только при этом условии приходский храм может функционировать. И вот мужики уперлись,—не записываются в члены общины, не желая нести никакой материальной ответственности за имущество храма. На собрании, созванном в здании церкви священником, открыто говорят:

[1] Напр., в Новоникитском приходе, в составе которого и моя деревня.

— Зачем нам церковь? Молиться можно везде. Если захотим, и в трактире помолимся.

— Спасибо бабам,—вспоминает священник,—те застыдили мужиков. «Прячьтесь,—говорят,—за наши юбки, а мы не допустим, чтобы храм божий был закрыт. Подпишемся». Ну, и подписывались главным образом бабы...

Я уже сказал, что наследие прошлого изживается не скоро, и часто черточки нового заслоняются чем-то давнишним, давнишним. Деревенский народ, можно сказать (за небольшим исключением), в церковь не ходит, а однако ни один из семи храмов моей волости не закрыт. Случилось—от одного прихода священник отказался, перешел в один из приходов соседнего уезда. И что же?—Приход не пустует, рядится новый священник. И здесь уже на сцену выступают не бабы, а мужики—они рядят.

Я допытываюсь:

— Вот вы в церковь не ходите, религию критикуете,— зачем же вам священник? Ушел прежний, ну и оставайтесь без священника!

Отвечают:

— Видишь ли, какое дело. Религия не нами начата,—так, как же мы ее бросим?! Кругом нас все будут креститься, венчаться, отпеваться, а мы без всего этого?! Таких делов пока еще нигде не слыхать в нашей округе. Что же мы первыми что ли будем?..

А вот другая группа моих земляков, которых я спрашивал о том же, т.-е. зачем они приглашают в свой пустующий приход нового священника, если испытывают, против чего они и сами не спорят, известное охлаждение к религии; эта группа развила передо мною такую точку зрения довольно своеобразного «экономического материализма»:

— Если у нас не будет священника, власть решит, что нам церковь совсем не нужна и вдруг отдаст распоряжение сломать церковь, чтобы кирпич пустить в дело.

— И прекрасно.

— Совсем, брат, не прекрасно. Приходский храм наш строился при дедах. Они, из усердия, и кирпич возили, и известь, и камни, и все прочее. Да и на украшение храма

жертвовали немало, и отцы наши жертвовали, и мы сами тоже, по мере сил, поддерживали церковь. Значит, по всей справедливости, все это (жест в сторону виднеющегося храма) наше. А если власть определит ломать, да и все это увезет от нас, может быть, еще в другую волость увезет—в кирпичето, сам знаешь, в здешних местах нуждаются вот как—с чем же мы останемся? Выйдет, что свое собственное добро проморгали?! Лучше попа наймем, а свое кровное не упустим...

Я упомянул, что священника рядят. Он уже не присылается, как прежде, епархиальным начальством, и прихожане—хочешь не хочешь—должны его принимать. Именно рядится, рядится на сходе, на котором решаются все мирские деревенские дела.

Мужики выспрашивают у кандидатов на священническую вакансию:

— Велика ли у вас семья?

И если семья оказывается большой, то сход прикидывает: значит, расход у священника большой, следовательно, за требы будет брать дорого—приходу трудно придется.

И предпочитают малосемейных кандидатов.

Рядятся о всем, до мелочей включительно. И все пункты «ряда» облекают в форму мирского приговора, который и подписывается обеими договаривающимися сторонами. Этот «ряд»—новое для деревни явление.

Заботятся ли прихожане о том, чтобы их пастырь был на высоте своего призвания, т.-е. имел бы хорошее богословское образование, был бы красноречивым проповедником и пр.?

Нет.

Не так далеко от моей деревни был такой случай. Приход вакантный. Приезжает рядиться протоиерей с академическим образованием (т.-е. окончивший духовную академию) и, говорят, прекрасный проповедник. Обо всем со сходом договорился, и между прочим приход обязался обеспечить протоиерея, который до последнего времени был городским священником, запасом хлеба до нового урожая. Протоиерей уехал. Немного спустя, является к мужикам другой кандидат—молодой священник, не бывавший даже в духовной семинарии (окончил лишь духовное училище) и не имеющий,

в качестве священника, никакой репутации. Новый кандидат предлагает сходу более выгодные для последнего условия: обладая запасами хлеба, от хлеба прихожан совсем отказывается.

— Братцы, этот нам больше подходит. Видишь, ему и хлеба не надо.

И крестьяне отменили свое прежнее решение и уже окончательно порешили со вторым кандидатом.

Есть пословица: «что ни поп, то батька». Повидимому, для деревни из культа выдохлось все содержание. Сердцевины нет. Остались лишь, доживая свой век, мертвые формы: молитвенные формулы, разные манипуляции и пр. А эти формулы и манипуляции одинаково известны как заурядному священнику, так и священнику-богослову. Так не все ли равно, какой священник отправляет церковные службы и требы! Такое отношение к религии очень показательно...

Интересуюсь:

— Имеются ли в волости дома, которые по праздникам отказываются принимать у себя священника с иконами?

Оказывается, таких домов нет. А в волости у нас имеется несколько коммунистов.

Спрашиваю:

— Как же: и коммунисты молятся?

— Нет, они на время молебна уходят.

Повидимому, местные коммунисты даже в своих семьях являются слабыми агитаторами антирелигиозных идей.

Кстати: в волости, в начале 1923 года, был один антирелигиозный митинг. Сражались люди приезжие: заведывающий уездным отделом народного образования и священник-миссионер, приглашенный на этот случай духовенством волости. Кроме них, выступил один коммунист из соседней со мной деревни—он, конечно, обличал религиозные предрассудки. После митинга крестьяне, явившиеся на собрание в большом количестве, но непосредственного участия в прениях не принимавшие, резонно спрашивали коммуниста, о котором я только что упомянул:

— Вот ты выступал против религии. А зачем же ты недавно своего ребенка в церкви крестил?

Смущенный товарищ оправдывался:

— Это не я крестил, а жена захотела...

А вот тоже любопытные данные.

Я взял за последние десять лет регистрационные журналы, где отмечалось количество по волости рождений, браков и смертей. Затем произвел подсчет за этот же период обрядов крещений, бракосочетаний и отпеваний по записям местного духовенства по всем семи приходам волости. Цифры почти совпали. Очень небольшая разница получилась лишь в цифрах для браков: налицо оказалось несколько гражданских браков, не венчанных в церкви. Идея свободного брака, который в городе встречается так часто, в деревне прививается пока довольно слабо. Это, конечно, и понятно: деревня всегда была и будет консервативнее города: в городе больший простор для развития индивидуального, в деревне же еще долго будут жить по формуле «как все, так и мы»...

Так, хотя и без сердцевины, но почти с полной сохраною внешних форм, дело с религией обстояло у нас в волости до 1924 года. Последний год явился «началом конца», переломным и в отношении религиозной обрядности, до сих пор цепко державшейся в крестьянском быту. Я укажу здесь на несколько фактов, которые, несомненно, в течение ближайшего времени обозначатся еще резче, а может быть, довольно скоро станут и массовыми фактами.

Например, крестьяне, по своей собственной инициативе «рушат» праздники, установленные «дедами и отцами»: в дер. Вереинке уже в 1924 г. постановили перестать праздновать Иванов день, в дер. Дитятеве—так называемую «Времянную» (10 ноября) и пр. Любопытно отметить, что в Дитятеве сход, отменив празднование Времянной, постановил часть денег, которые пошли бы на покупку праздничной снеди, употребить на приобретение общественной деревенской веялки. В целом ряде деревень поговаривают, что достаточно праздновать не 4—5—6 праздников ежегодно (каждый такой праздник обходится хозяйству рублей по 25), а лишь 2. Например, два праздника вместо четырех установлены в дер. Соловьево, при чем, как и в д. Дитятеве, «экономия» пошла на покупку сел.-хоз. машин коллективного пользования. За

Соловьевым, в течние 1925—1926 г., потянулись и другие деревни.

Спрашиваю:

— А зачем же два-то оставлять?

Отвечают:

— А все «рушить» уж больно строго будет. Живи—живи, да и не топни. Надо же с родными, с друзьями-приятелями встретиться, попить-погулять...

В конце 1924 года два беспартийных крестьянина вместо крестин устроили октябрины. Октябрины были проведены в народном доме в с. Горицах при торжественной обстановке, в присутствии большого числа окрестных крестьян. Новый обычай, судя по последующим разговорам между крестьянами, понравился им. Но первый «октябренок», сын крестьянина Ворохова, немножко подвел—умер через месяц после октябрин. Ему устроили гражданские похороны.

Старухи говорили:

— Вот и умер,—потому что некрещеный.

Молодежь резонно отвечала, указывая на многочисленные случаи смертей новорожденных в ближайшие дни после крещения:

— А у тетки Степаниды разве дите не померло на второй день после крещения?.. А у Василисы даже в тот же день?!.

Кроме «октябренка» Ворохова, гражданские похороны были устроены старухе Филипповой из дер. Дитятево.

Под конец 1924 г. в народном доме, при торжественной обстановке, были отпразднованы две свадьбы «по-советски». Одна—местного служащего, а другая—крестьянская. За 1925—1926 г. были еще несколько подобных свадеб.

Пословица говорит: «лиха беда—начало». Раз началось—пойдет. Но необходимы известные условия. Думается, что «октябрины», свадьбы «по-советски» и гражданские похороны привились бы в деревне сравнительно быстро, если бы была надлежащим образом продумана обстановка этих актов. Рождение, брак и смерть—важные моменты в нашей жизни и хочется отметить их некоторой торжественностью. Как-то мало—притти в заплеванный административно-гражданский отдел и там просто «зарегистрироваться» у равно-

душного ко всему в мире советского чиновника. Церковь одевает и рождение, и брак, и смерть в пышные одежды обрядности. Но эти одежды уже истлевают и превращаются в лохмотья. Надо заменить их чем-то другим, осмысленно-новым, но все же чем-то тоже торжественным...

Хочется сказать два слова об антирелигиозной пропаганде. В течение последнего года она велась на территории волости не так вяло, как за все предыдущее время. Правда, публичных споров «о вере» с духовенством не устраивалось, но ряд отдельных собеседований—собраний на антирелигиозные темы был. Собеседования эти проводились главным образом учительством.

И удивительное дело: на общем фоне действительно равнодушного отношения крестьянина к религии, которая, правда, сознательным безверием не вытеснена, но все же представляет собою что-то отмирающее, так вот на этом-то фоне, как раз за самое последнее время, когда в волости оживилась антирелигиозная пропаганда, замечается нечто странное. Это странное, поистине странное состоит в следующем: кое у кого из крестьян вспыхнул интерес к религии, появилось в волости несколько сектантов, которыми до революции у нас не пахло.

В чем же дело?

Вдумываясь в методы и содержание той пропаганды, которая у нас в волости ведется (впрочем, да не обидятся на меня мои земляки-антирелигиозники: по своему характеру пропаганда их приблизительно такая же, как и везде в СССР, по качеству не хуже), я должен сказать, что именно наша антирелигиозная пропаганда и пробудила у некоторых было уже заглохшее религиозное чувство, а некоторых сделала сектантами (думаю, что о сектантах в волисполкоме даже и не знают).

Присмотримся бегло к обычным методам по содержанию той антирелигиозной пропаганды, которая ведется и в Горицкой волости, и в Костромской губернии, и в Киевской, и пр.

Комсомольцы в пасхальную ночь 1924 года в с. Горицах старались перекричать «Интернационалом» «Христос воскресе», которое пелось идущими за крестным ходом.

Крестьяне оценили такой метод антирелигиозной пропаганды кратко:

— Хулиганство...

Начинают говорить антирелигиозники о ненужности церковных зданий, колоколов, священников, обрядов.

С ними соглашаются и прибавляют:

— Правильно, вот и у сектантов ничего этого нет. Возьми, например, духоборов. Значит, сектанты-то верно обо всем этом думают...

Объясняется историческое родство религий: тут и буддизм, и Ассирия, и заимствование мифов и пр. Упоминаются такие страны, какие несчастный слушатель впервые и слышит-то, а где они находятся—хоть убей—не знает (может быть, не всегда и докладчик-то это знает).

В результате слышишь подавленное:

— Много туману напущено...

Указывается на естественно-историческое происхождение человека: тут и наши предки рыбы, и земноводные, и млекопитающие, и обезьяны, и т. д.

Однако ни рыбы, ни земноводные, ни млекопитающие, ни даже обезьяны не убеждают слушателей в небытии бога.

Говорят:

— Так-то так, а все-таки что-то есть. Ведь вот есть доктора и разные математики (почему математики, не знаю), которые все это не хуже нашего Митьки-комсомольца знают, но среди них есть и верующие в бога, или вот, например, Лев Толстой—человек знаменитый и ученый—он бога напрочь не отрицал...

Одним словом, ни хулиганством, ни доказательством никчемности внешних форм культа, ни историей, ни естественными науками—ничем не проймешь. Все-таки остается, что в религии «что-то есть», как ты ее ни разоблачай и ни развенчивай. Это я говорю про наиболее вдумчивых слушателей антирелигиозных бесед, каковые слушатели и являются наиболее ценной частью аудитории. Люди поверхностные, те согласятся с вами со второго слова, но со второго же слова они согласятся и со священником, если бы последний вздумал убеждать их в догмах религии. И вот, у этих-то вдумчивых

нет-нет да и вспыхнет, вспыхнет под влиянием антирелигиозной пропаганды, настоящий, живой интерес к религии, интерес, было уже совсем потухший.

В чем же тут в конце-концов дело?

Мне кажется, что дело-то здесь не в чем-либо сложном: нужно проще и естественнее подходить к населению в процессе антирелигиозной пропаганды.

Если антирелигиозник работает, скажем, в Горицкой волости, то он должен непременно помнить о двух пунктах: 1) он работает в деревне, т.-е. в условиях сельскохозяйственной среды, с отсталой техникой и отсюда—почти полной зависимости благополучия крестьянина от стихийных моментов (дождливость, засуха, град и т. д.) и 2) он имеет дело с крестьянской аудиторией, находящейся на определенной ступени развития, а не с рабочей аудиторией, не с интеллигентской. Если с указанными двумя пунктами посчитаться, то выйдет, что надо не орать «Интернационал» в пасхальную заутреню, не о колоколах, не об Ассирии и не о протоплазме крестьянину рассказывать, желая высвободить его из религиозных пут, а в понятной для него форме указать ему связь религии с интересами тех общественных групп, с которыми он, крестьянин, сталкивался и сталкивается в своей повседневной жизни. Крестьянин ведь практик, и поэтому всего лучше ему практически и объяснить религию из условий его собственного сельского хозяйства, из его общественности и т. д.

Конечно, все это сделать не так-то легко, это требует обмозгования. Схулиганить легко, прочесть книжку про зарождение религии 5—6 тысяч лет тому назад (и книжка-то, наверное, написана каким-либо буржуазным ученым) и пересказать ее своими словами крестьянам нетрудно (хотя и не поймут они почти ничего), а вот изучить реальную среду, в которой живешь и работаешь, и, изучив ее, сказать ей о религии действительно то, что следует, и так, как ей, этой среде, понятно,—вот это уж совсем нелегко. Но без знания нельзя построить коммунизма—это многократно отмечал Ленин. Вот и надо запастись знанием окружающих тебя реальных условий, а потом уже и пускаться в антирелигиозную пропаганду...

В заключение моего очерка я позволю себе остановиться на некоторых цифрах.

Местное духовенство до конца 1924 г. брало за исполнение треб преимущественно натурою—хлебом, взимая в среднем: за крестины 15 ф. ржи, за венчание 2—2½ пуда, за похороны 2 пуда, за молебны, которые служатся по крестьянским домам в деревенские праздники (их бывает в среднем в каждой деревне по 4 в год), бралось самое меньшее за каждый молебен по 5 ф. ржи.

Произведя соответствующий подсчет [1], получим для волости такие погодные цифры расхода ржи по линии удовлетворения религиозных потребностей:

1918 год	1 796	пуд.	10	фун.
1919 „	2 183	„	25	„
1920 „	2 647	„	—	„
1921 „	2 370	„	25	„
1922 „	2 029	„	35	„
1923 „	2 052	„	16	„
1924 „	2 383	„	25	„
Итого	15 463	пуд.	16	фун.

С 1925 года духовенство берет за требы почти исключительно деньгами. В разных приходах плата не одинаковая. Даже больше: цена требы иногда испытывает ряд изменений в течение одного дня.

Вот иллюстрация к только что сказанному.

В 1926 г. в мою родную деревню, в Марфино, на один из праздников «пришли» иконы. Первый молебен отслужил священник у Дм. Орлова. Хозяин спрашивает:

— Сколько?

— Рубль пятьдесят,—отвечает священник.

— Дорого, батюшка.

— Ну, 1 р. 25 к.

Дм. Орлов заплатил 1 р. 25 к.

В четырех следующих домах, хозяева которых узнали цену молебна, иконы не приняли—не по карману. В шестом доме

[1] Количество крещений, бракосочетаний и отпеваний мне известно, как я уже говорил, из сведений, предоставленных в мое распоряжение духовенством в письменном виде.

священник согласился взять за молебен уже рубль и отслужил там молебен. Дальше—опять несколько домов не приняли иконы, так как и рубль дороговато. С рубля цена молебна упала до 80 коп. В общем, в этот праздник в нашей деревне из 24 домов молебен служился только в 13.

Самой скромной в настоящее время расценкой треб по волости можно считать такую: за обряд крещения—1 р. 40 к., за бракосочетание—3 руб., за отпевание—2 руб., за молебен—50 коп.

Сообразуясь с указанным прейс-курантом и считая, что ряд праздников во многих деревнях упразднен и что не все хозяева и во время праздников служат у себя молебны, мы получим для всей волости такие погодные цифры расхода на требы (на каждое хозяйство кладу по 2 молебна)[1]:

1925 год	3 987 руб. 20 коп.
1926 „	3 758 „ — „
Итого . . .	7 745 руб. 20 коп.

Должен заметить, что цены за требы взяты мною за весь революционный период самые минимальные. Что касается 1918—1924 гг., когда духовенство брало за требы преимущественно хлебом, то для приблизительного перевода ржаной валюты в иную могу указать, что как за 1924, так и за 1923 годы средние годовые цены на рожь в нашем районе были по 1 руб. 40 к. за пуд. За предыдущие же годы цены на хлеб очень и очень прыгали и хлеб не продавали, а главным образом меняли. Так, например, за 1 пуд ржи можно было в 1919 году получить в Москве до 43 аршин обыкновенного ситца, которого в 1914 году давали в той же Москве за пуд ржи всего лишь 9 аршин; в 1920 году за пуд ржи давали уже только 24½ арш. ситца[2]. Принимая в соображение приведенные данные, можно, пожалуй, сказать, что для духовенства наиболее прибыльным был 1919 год—год наиболее высокой цены на хлеб.

Кстати, когда в 1926 году учитывали доход священника

---

[1] Опять-таки, количество крещений, бракосочетаний и отпеваний мне известно из уже указанных источников.

[2] См. А. М. Большаков — Современная деревня в цифрах, стр. 61.

Ново-Никитского прихода на предмет обложения его сельхозналогом на 1926—27 г., то крестьяне, члены налоговой комиссии определили этот доход по 3 руб. с хозяйства в год. Упомянутый приход—один из небогатых. Если считать по 3 руб. с хозяйства, то за один 1926 г. доход духовенства со всей волости будет около 7.000 руб. Но, повторяю, я предпочел придерживаться самых скромных цен за требы. И у меня расход одного хозяйства за последние два года на удовлетворение религиозных потребностей будет ежегодно приблизительно по 1 р. 50 к. Если взять СССР, то подобный расход на каждое крестьянское хозяйство будет: до войны, в 1913 г.—7 руб., в 1920 г.—4 руб., в 1924 г.—3 руб.[1].

Но вообще доход духовенства за период революции, по сравнению с прежними временами, значительно упал. Это явствует и из расценок платы за требы, а, главное, из того, что теперь причт со своими семьями вынужден собственноручно обрабатывать землю. Священник уже ходит сам за плугом наравне с крестьянином. И наемным трудом духовенство не пользуется не потому, что эта система не поощряется советским законодательством, а, действительно, духовенство не имеет материальной возможности нанимать рабочую силу. Обеднению духовенства, помимо уменьшения платы за требы, главным образом способствовало то обстоятельство, что большая часть церковной земли ушла из рук духовенства к крестьянам. Так, до революции, семь приходов волости имели 235 десятин земли[2], а теперь—получают землю по норме, по количеству едоков.

Вот так обстоит дело в деревне с религией, с церковностью и с отношением к духовенству. Мне кажется, поскольку об этом позволяют судить мои личные наблюдения, ближайшее будущее выявит ряд интересных моментов в той сфере, которой я касался в настоящем очерке.

Все, что пока было сказано в этой главе, относится к христианской религии. Но в деревне живы обрывки и далекого язычества, проявляемые в тысяче бытовых мелочей. Во мно-

---

[1] А. М. Большаков — Современная деревня в цифрах, стр. 109.

[2] И. Добровольский — „Тверской епархиальный статистический сборник", стр. 404—412.

гих деревнях, например, имеются «бабушки» (эти «бабушки» не всегда старухи), которые знают множество заговоров, помогающих, как верит деревня, при бедах и людям и скоту. «Бабушки»—это не знахари. Знахари—профессионалы, которые живут от своего знахарства, подчас даже запугивают отдельных людей, чтобы получить с них лишнюю мзду. Таких знахарей в нашей волости нет. «Бабушка» не требует за свои услуги платы. Если ей дадут два—три яйца, возьмет. Обращаются к такой «бабушке» большею частью женщины, и по самым разнообразным поводам: помочь от зубной боли, дать лучший удой корове, спасти от лихорадки, снять «дурной глаз», заговорить кровь при поранении и т. д. «Бабушка» орудует главным образом при помощи заговоров [1], перешедших к ней по наследству от какой-либо другой «бабушки», давно уже умершей. В этих заговорах фигурируют имена бога и разных святых, заменивших имена специальных языческих божеств, уже забытых по своим названиям населением.

В качестве иллюстрации я приведу здесь три заговора, которые в ходу в окрестностях моей деревни.

Зубной заговор:

«Святой Антип водопол, костяной избавитель, зубной исцелитель, помоги, пособи рабу божию (здесь ставится имя)».

Заговор от крови:

«Встану я, раб божий, благословясь и перекрестясь, пойду я от дверей в двери, из ворот в ворота, пойду по пути по дороге и во чистом поле к окияну морю; у окияна моря есть белый камень, на этом белом камне сидят три сестры, имеют в своих белых руках три золотые иголки и с шелковыми нитками. Попрошу я сам, раб божий (здесь ставится имя): три сестрицы, зашейте вы рабу (имя) и затяните эту кровь горячую и кипучую».

Заговор от лихорадок (в представлении темной деревни лихорадки—12 злых сестер, которые по-разному мучают человека):

[1] О других, помимо заговоров, средствах лечения (прием внутрь всякой дряни) я уже упоминал в главе „Здравоохранение".

«Заклинаю вас, окаянные лихорадки, святым архангелом Рафаилом и всеми святыми евангелистами, отбежите вы, окаянные лихорадки, от раба божия (имя). Аще вы не можете, то всех вас стану мучить, а болящим давать здравие. Во имя отца и сына и святого духа. Аминь».

Живет древне-языческое в бесчисленных суеверных приметах, в вещих снах, иногда довольно сильно волнующих тех, кто в них верит.

На всех этих переживаниях, созвучных давно минувшим эпохам, я не стану останавливаться здесь, так как они подробно описаны в соответствующих научных исследованиях. Если я коротко, мимоходом и коснулся суеверий деревни, то сделал это только для того, чтобы отметить, из каких пестрых и затейливых узоров соткана ткань мировоззрения деревни...

МЫСЛИ И НАСТРОЕНИЯ КРЕСТЬЯН

Само собою разумеется, что если бы вы случайно встретились где-нибудь с моим земляком, рядовым горицким крестьянином, и попытались бы в разговоре с ним выявить его мысли и настроения, то он отнюдь не повторил бы вам слово в слово и мысль в мысль все, изложенное ниже. Но нечто, по духу и смыслу очень близкое к тому, о чем я пишу, он безусловно сказал бы вам. Какой-нибудь другой из моих земляков добавил бы еще кое-что и так далее. В конце-концов составленный из обрывков отдельных мнений и суждений, и получился бы тот строй мыслей и настроений крестьянских, который, по мере моих сил и уменья, здесь и зарисован.

Я прекрасно понимаю, что очерк, подобный настоящему, очень ответственный: малейшая небрежность в подборе соответствующего материала, даже некоторая неосторожность в выборе выражений для передачи наблюдений,—и уже какие-то черты действительности будут искажены. Учитывая все это, я приложу все старание, чтобы тщательнее подбирать и материал и слова для его пересказа.

Конечно, все приводимые ниже мысли и настроения не навеяны моим землякам исключительно местными, чисто-горицкими фактами и взаимоотношениями. Земляки мои читают газеты, бывают в городах, встречаются с крестьянами из соседних волостей, и поэтому корни их мыслей и настроений подчас находятся совсем не на горицкой почве. Сделанную оговорку необходимо учесть.

Кроме того, вот еще что. Чьи мысли и настроения я собираюсь проводить здесь? Бедноты? середняков? богатеев? кулаков? На этот вопрос необходимо ответить. Отвечу: ниже-

приводимые мысли и настроения характерны для середняцкого элемента, в волости преобладающего.

О возврате к старому строю. «В газетах иногда пишут, что Николай Николаевич и Кирилло хотят царствовать у нас. Новых царей мы хотим, как собака палку. Учены и премного им благодарны».

«От царя самый последний мужик—дурак откажется. Зачем он ему сдался?».

Об эс-эровщине. Социалисты-революционеры были чрезвычайно популярны среди крестьян сразу после февраля 1917 года. «Земля!», «воля!»—золотые грезы мужика. Теперь об эс-эровщине забыли. Иногда лишь с досадливым раздражением говорят:

«Умели только разговаривать. Не даром Керенского у нас на фронте вместо «главнокомандующий» звали «главноразговаривающий». У эс-эров в руках было учредительное собрание, а они позволили его разогнать. Грош цена такой партии. Ты умри, а не разбегайся»...

О советской власти. Как относятся к ней крестьяне?

Ругают?

Хвалят?

Отвечу прямо и просто.

После Октябрьского переворота прошло уже почти десять лет. Этот срок является вполне достаточным для крестьян, чтобы осознать, что советская власть—это, действительно, своя родная власть, которая выведет крестьян на надлежащую дорогу. Доверяя и относясь с несомненными симпатиями к советской власти вообще, которую деревня непременно олицетворяет в образе центрального правительства и крупных партийных вождей, крестьяне подчас крепко поругивают отдельных товарищей из волостных или уездных работников.

Но и в этой ругани следует разобраться.

Дело в том, что ругань ругани рознь. Ругань бывает разного характера, разных степеней и даже разных оттенков. Есть ругань—ненависть, есть—недовольство, есть ругань—критика, есть—тупая ругань, есть ругань—привычка и пр.

Так вот, ругани первого рода, порожденной ненавистью, такой ругани нет даже и по адресу тех или иных местных товарищей.

Я сказал, что, держась «нутром» за советскую власть, крестьянин не приходит в умиление от любого ее представителя. Он очень отчетливо различает центр от местных властителей и противопоставляет их друг другу:

«Центральное правительство желает устроить полный мир и поднять сельское хозяйство, но на местах нередко делается неправда».

«Хочет ВЦИК[1], да не хочет вик»[2].

«Мы читаем речи вождей. Они хорошие коммунисты, в них виден толк, за ними стоит итти».

«Надо, чтобы самые главные из центра поездили по России, по деревням, да так, чтобы их узнать никому нельзя было. Наслушались бы они самой настоящей правды, насмотрелись бы на крестьянское житье-бытье, а потом уж и решили бы в Москве, что и как надо—и накрепко».

«Хоть и немало у соввласти разных прорех, но для нас ясно—нам, крестьянству, без соввласти не обойтись, не выкарабкаться».

Приведенные слова говорят о полном доверии крестьянства к органам центральной власти и к личностям отдельных вождей. Но они же констатируют, что аппарат власти работает не совсем исправно—отсутствует увязка между словом сверху и делом внизу, имеется некоторый отрыв центра от местной, низовой власти.

О коммунизме и о коммунистах. Коммунистический строй, который, по мнению крестьян, советская власть мечтала ввести сразу после Октябрьского переворота и не оставила мысли ввести его все же в самые ближайшие годы, деревня представляет себе не для нас, грешных:

«Где же это мыслимо всех в одно связать, когда сын с отцом делится».

«Как же быть всем за одно, когда коммунисты сами между собой договориться не могут—у них оппозиция развелась».

[1] Всерос. Центральный Исполнит. Комитет.

[2] Волостной исполн. комитет.

«Нашим коммунистам надо бы взять пример с попа из Николы-Сандунова[1]. Этот поп сумел заразить массы—там даже церковь добровольно поновили. А у коммунистов красные уголки не подметены. Так Ленин со стенки на грязь и смотрит...»

Чрезвычайно интересно отметить следующее: крестьянство считает бесспорным, что коммунизм—дело святое, и касаться святыни грязными руками не годится. Поэтому по адресу некоторых из местных коммунистов слышится:

«Какие это коммунисты? Липовые! Почти все материалисты, только для себя норовят».

«Большинство коммунистов ведут себя небрежно: пьют самогон да налоги выколачивают».

Как бороться с коммунистом-пьяницей, с липовым коммунистом? Можно было бы, конечно, легко ликвидировать это зло путем дружного общественного осуждения его. Но деревня общественно еще плохо организована, многие говорят: «моя хата с краю», каждый сам по себе. Поэтому и инициатива борьбы и сама борьба возлагается на центр:

«Если бы я был, скажем, в Москве самый главный у коммунистов, то оставил бы на всю Россию коммунистов не больше тысячи,—так, чтобы на каждую губернию человек по 25 приходилось. Но зато отобрал бы самых патентованных. Всех остальных, липовых, разогнал бы. Вот тогда крестьянство уверовало бы в коммунистов, так как все они были бы настоящие, идейные. А то вот как посмотришь на кой-кого из этих, что у нас,—да и махнешь рукой на весь коммунизм».

Но откуда является это желание «махнуть рукой» на коммунизм? Ну, пьет коммунист. Но ведь «курица—и та пьет», и разве не наши, не русские, это пословицы: «пьян, да умен—два угодья в нем», «пей, да дело разумей»?.. Ну, пускай коммунист «материалист», смотрит, «как бы себе». Но ведь «все люди, все человеки», и разве не у нас, в России, называют

---

[1] Село Никола-Сандуново находится в пределах Паскинской волости, верстах в 25 от Гориц. Священник этого села пользуется большой популярностью далеко за пределами своего прихода: он бессребренник и энтузиаст.

дураком того, кому «в руки перло», а он «прозевал»? Можно, пожалуй, и пить (если только это питье не беспробудное пьянство), можно быть и «материалистом» (в меру, конечно), но надо дать, на ряду с этим, и большую общественно-полезную работу, тогда деревня оценит тебя и не станет ставить всякое лыко в строку. Видит ли крестьянство работу коммунистов?

Вот ответ:

«Знаем, что есть ячейка у коммунистов, но что там делается—неизвестно».

«В деревне партия больше работает на бумаге, по-настоящему она работает только в городе».

Отношение к рабочим. Заметны нотки горечи:

«Рабочий у нас на первом месте, и никакие цифры и слова этого не загородят».

«У власти рабочих гораздо больше, чем крестьян. А ведь в нашей стране как раз крестьян больше».

«Рабочим лучше—они сорганизованы. Нам не дадут сорганизоваться, так как, сорганизовавшись, мы подняли бы цену на наш продукт, а тогда рабочим будет хуже».

«Несмотря на то, что рабочие у власти, они имеют еще и профсоюзы. Потому-то у них и 8-часовой рабочий день, и просвещение, и медицинская помощь, и все другое. Крестьяне такие же трудящиеся, как и рабочие, и им надо организовать свой профсоюз. С профсоюзом крестьянам будет лучше» [1].

О трескучих резолюциях. Здесь много правды:

«Был я не раз у нас в волости на собраниях. Слышал я резолюции. Обыкновенно резолюцию выносит или докладчик, или служащее лицо, или партийное. От крестьянской массы там нет ни слова. Поэтому и получается так: в 12 часов примут резолюцию, а в 2 часа те же мужики говорят совершенно другое, противоположное всем решениям. Нужно,

[1] Иногда о необходимости организовать крестьянский союз крестьяне говорят не только между собою, но поднимают этот вопрос и на собраниях. Так, на общем собрании уполномоченных горицкой потребкооперации от 12 декабря 1926 г. один из уполномоченных высказался за организацию крестьянского союза.

чтобы мысли были со стороны самого населения, чтобы массы сами постановляли и решали. Пусть не выносят резолюций в ярких красках, надо, чтобы постановления писались самими крестьянами своим мужицким языком. Нужно не больше слов, а больше дела».

О налогах. «Плохо, что нет устойчивости в налогах. Надо бы знать, как и сколько платить за несколько лет вперед. А то не всякий старательный мужик во-всю старается: наработаешь, а вдруг сдерут такой налог, что почти все отберут».

«Дать бы каждому хозяйству урок—с него и бери налог. А если наработал сверх урока, то это уже твое старанье, с этого налогу нет».

О бедняках, зажиточных и кулаках. «Всех бедняков под одно равнять нельзя: есть бедняк и есть лодырь царя небесного. Старательного бедняка надо отличить, дать ему помощь. А лодырю—никакой поблажки, никакой скидки по налогу. Власть должна покровительствовать не бедным-лодырям, а бедным-трудящимся».

«Пора перестать презирать крестьян, имеющих пару лошадей и пару коров. Надо больше уважать труженика, который работает день и ночь и не эксплоатирует чужой труд. Надо изжить тот взгляд, что кулак—тот, у кого в доме чисто и коровы хорошие».

«Кулаков-богатеев и бедняков-лодырей надо ставить на одну доску: ни тем, ни другим не давать права голоса при выборах. И кулаки и лодыри—враги трудящихся»...

О просвещении и газетах. «Живем мы, как в коробке, надо дать больше просвещения деревне».

«Учителя стараются, но на школу мало отпускается средств, и нет у нас таких хороших школ, как в городах».

«По деревне многие ребятки бегают неграмотные. Жаль, пропадут в темноте».

«Все-таки мы сейчас многое узнали такое, о чем раньше и не думали. Мы уже не те, что были при царизме. Но зато разохотились,—еще больше знать хотим».

«Начинаем привыкать к газетке. Без нее как бы вроде и скучно»...

О религии. «Есть бог или нет, рассуждать не берусь, но про обрядность и про попов думаю, что без всего этого обойтись можно».

«Религию разрушать рано, потому что у мужика в жизни горя немало: скот падет, дом сгорит, неурожай—все-таки в религии найдешь утешение: мол, бог знает, что хорошо, что плохо. И на душе легче станет. Вот если бы такой был порядок: у тебя несчастье—и сейчас же, пожалуйста, получите полный ваш убыток. Тогда сразу и утешенье, и без религии можно обойтись».

«Религия молодежь уже не завлекает, мужики тоже как бы стесняются ее; поддерживают религию старики да бабы»...

На этом мы и окончим. Само собою разумеется, что здесь записаны лишь некоторые мысли и настроения. Давать запись всего—это писать уже большую статью, что не входит в мои задачи в настоящий момент.

ПЕРЕВЫБОРЫ СОВЕТОВ В 1927 ГОДУ[1].

Перевыборы советов в 1927 году—самое свежее событие из истории Горицкой волости. Пусть же и мой небольшой очерк на эту тему будет заключительной главой всей книги, ее последними страницами.

Говоря о перевыборах советов в 1927 году, нам необходимо сразу же упомянуть об «Инструкции о выборе городских и сельских советов и о созыве съездов советов», утвержденной президиумом ВЦИК'а 4 ноября 1926 года. Глава вторая инструкции чрезвычайно детально и с исчерпывающей ясностью толкует о том, какие категории граждан и в силу каких мотивов могут и должны быть лишены избирательных прав. Однако, несмотря на только что отмеченную четкость второй главы инструкции, именно она породила, как мы знаем из сообщений повседневной печати, громаднейшее по РСФСР количество случаев явно несправедливого лишения трудящихся присвоенных им конституцией избирательных прав.

Вот для примера несколько цифр по некоторым провинциальным городам и поселкам городского типа: в Нижегородской губернии, село Павлово, лишенных избирательных прав 20 проц.; Гаврилов посад, Иваново-Вознесенской губ.—22,8 проц.; Шацк, Рязанской губ.—24 проц.; гор. Раненбург, Рязанской губ.—27,5 проц.; гор. Спас-Клепики, Рязанской губ.—48 проц. и т. д.

По поводу этих цифр, взятых мною из статьи секретаря

---

[1] Так как к моменту написания настоящей главы весь остальной материал книги был уже сверстан, а отчасти и отпечатан, то, по чисто-техническим соображениям, глава „Перевыборы советов в 1927 году“ могла быть помещена только в конце книги, где она и дается.

ВЦИК'а А. С. Киселева [1], автор статьи совершенно основательно замечает:

„Такой высокий процент лишенных избирательных прав — от одной пятой всего числа избирателей и почти до $1/2$ избирателей — ясно показывает, что здесь, несомненно, допущены какие-то грубые ошибки. В самом деле, неужели в некоторых из этих городов 48 проц. жителей относятся к нэпманам, заселены торговцами, кустарями, применяющими выше законной нормы наемный труд и т. д.? Все это требует немедленной проверки с выездом на места..."

В сельских местностях кое-где дело доходило до печальных анекдотов: напр., в Купинском районе сельизбиркомы лишили избирательных прав 1.000 человек, из которых 700, как сообщает «Правда» (от 8/2 1927 г.), лишены голоса без оснований; были избиркомы, лишавшие права голоса всех граждан старше 60 лет; в некоторые сельсоветы прошло свыше 70% бедняков, и А. С. Киселев, приводящий последний факт в своей цитированной статье, там же спрашивает: «А куда же девались середняки, эта «основная масса крестьянства» (по резолюции XIV съезда ВКП(б)?»

Проиллюстрировав яркими фактами допущенные в избирательную кампанию ошибки, А. С. Киселев пишет:

„Повидимому, в некоторых местах руководители партийных и советских органов утеряли политическое чутье и перспективу. Ведь если мы будем неправильно применять инструкцию ВЦИК и лишим избирательных прав больше, чем следует, то этим самым мы создадим большое недовольство среди населения, отбрасывая некоторую часть трудящихся во враждебный советской власти и партии лагерь.

Этого ни партия, ни советская власть не хотят. Партия и советская власть стремятся лишь к тому, чтобы изолировать от советов действительно враждебные советам элементы..."

И в заключение своей статьи автор говорит о необходимости немедленного исправления допущенных несуразностей и ошибок, не останавливаясь, в случае надобности, перед отменою выборов (там, где имеется нарушение законов) и назначением новых [2].

---

[1] Ст. А. Киселева „Политические ошибки при выборах в советы" „Правда", 5 февраля 1927 г.

[2] Все цитаты из статьи А. С. Киселева взяты из уже названной его статьи („Правда", от 5 февраля 1927 г.).

Как и везде, и в Горицкой волости упомянутая инструкция (глава вторая ее) получила свое применение в жизни с такими результатами: по волости избирательных прав было лишено 274 человека, или 4,4% к числу всех избирателей. Конечно, по сравнению с г. Спас-Клепиками Рязанской губ. наш процент невысок,—провинция, она вообще скромнее города, там уж и размах не тот. Но все же, судя по некоторым фактам лишения горицких избирателей их избирательных прав, и по отношению к Горицам в известной мере применимы слова секретаря ВЦИК'а: «Повидимому, в некоторых местах руководители партийных и советских органов утеряли политическое чутье и перспективу».

Приведем некоторые примеры. Крестьянина Е. М. Кудряшева из д. Саврасово (см. о нем на стр. 66), одного из самых передовых крестьян волости, лишили избирательных прав по пункту «г», ст. 15, гл. II инструкции, т.-е. как лицо, «закабаляющее окружающее население путем систематического предоставления в пользование имеющихся у него сельскохозяйственных машин». Это «закабаление» выражалось в том, что Е. М. Кудряшев, по совету агронома М. В. Градусова, в целях пропаганды среди крестьян сел.-хоз. машин, с одной из своих машин сам работал в некоторых крестьянских хозяйствах. Работал за совершенно справедливую плату (ведь не обязан он был бесплатно работать!), даже очень низкую. Но с точки зрения местных «властей предержащих» Кудряшев «закабалял». А раз «закабаляет», то, конечно,—враг народа, лишить права голоса [1].

Крест. из д. Наумово А. А. Клячугин. В свое время он был арестован по подозрению в участии в дезертирском восстании, происходившем у нас в волости в 1919 году (см. стр. 221—222). Освобожден Клячугин был за недоказанностью его участия в восстании. После своего освобождения он принялся за энергичную работу в области строительства нашей сельхозкооперации. В течение последних трех лет Клячугин бессменно был председателем правления нашего сельскохозяйствен-

[1] Лишение избирательных прав Е. М. Кудряшева было так нелепо, что ему без особого труда удалось восстановить свои права.

ного кредитно-промыслового товарищества. Своими действительно большими достижениями горицкая сельхозкооперация во многом обязана именно Клячугину. Однако Клячугин лишен избирательных прав и, повидимому, по пункту «к», ст. 15, гл. II инструкции, как «руководитель контр-революционных банд» (а на деле—только подозрение в участии в дезертирском восстании 1919 г.)[1].

Крест. А. П. Постнов (см. о нем на стр. 45 и след.). Ведет культурное хозяйство, на волостной выставке (в 1925 г.) получил и премию, и почетный отзыв за ведение своего крестьянского хозяйства. Общественник—был членом вика, является организатором пожарной дружины своего района и т. д. До революции был всегда на плохом счету у местного урядника, как «зловредный элемент». Однако, как и Клячугин, тоже лишен избирательных прав. Дело в том, что у Постнова на ряду с его земледельческим хозяйством имеется небольшая валяльная мастерская и он,—условия работы требуют этого,—зимой, когда сам работает, нанимает месяца на 2 ученика для помощи в работе. Ну, значит, на сцену выступает пункт «б», ст. 15, гл. II инструкции—ведет промысловое предприятие «с применением сезонного наемного труда». А раз эксплоатируешь чужой труд—лишайся голоса! [2].

Примеров, подобных уже приведенным, я мог бы привести и еще длинную, длинную цепь. Но достаточно и нарисованных иллюстраций.

Теперь возникает вопрос: для чего все это делается? Ведь пишет же тов. Киселев, что «этого ни партия, ни советская власть не хотят»?!..

У крестьян есть поговорка:

— Хочет ВЦИК, да не хочет вик.

Имеется политика центральных органов советской власти и центральных органов партии. И есть на местах своя политика, местная политика, которая далеко не всегда строится согласно указаниям центральных органов соввласти и партии.

[1] Заявление А. А. Клячугина о восстановлении его в избирательных правах находится на рассмотрении Центральной избир. комиссии во ВЦИК'е.

[2] Заявление А. П. Постнова находится тоже во ВЦИК'е.

И нередко беспартийный крестьянский актив, вполне советски настроенный, хорошо зарекомендовавший себя в области той или иной отрасли советского строительства, зажимается людьми, о которых секретарь ВЦИК'а говорит, что они «потеряли политическое чутье и перспективу». Лишили голоса— и крышка. А ты вот хлопочи, восстанавливай свои права. Может быть, восстановишь, а может быть, и нет. А если и восстановишь, то выборы-то уже прошли, и таким образом сказать свое слово во время перевыборов ты все же не смог. Политика хотя и местная, но довольно тонкая...

Как следствие «зажима», среди крестьян идут такие разговоры:

— Говорили: поднимайте хозяйство, а теперь тех, кто особенно старался по крестьянской-то линии, как раз и лишают голоса...

— Советская власть, должно быть, отвертывается от крестьянства...

— Надо сидеть на трехполке и не рыпаться, а то с многопольем-то докатишься до контры, будешь ходить в безголосых...

Теперь обратимся к цифрам.

На стр. 178 мы говорили, что в прошлогодних перевыборах советов в нашей волости участвовало 62% избирателей. А в 1927 г.—только 52%.

В чем тут дело? Ведь казалось бы, что активность год от года должна расти, а не падать?!

На падение активности повлияла, как я убедился из разговоров с земляками, только что описанная система «зажима». Кое-кто стал рассуждать так:

— А ну их, эти выборы! Придешь, да не так проголосуешь, а потом тебе так *разъяснят*, что и хлопот не оберешься. Уж лучше совсем не ходить, сидеть дома.

И многие остались сидеть дома, хотя были бы и не прочь пойти на выборы. Из осторожности остались сидеть дома.

В некоторой степени на уменьшение процента повлияло и иное обстоятельство. В прошлом году избиратели впервые приглашались на перевыборы повестками. И кое-кто из избирателей, получив повестку, не знал точно, имеет ли он право

не пойти на перевыборы. Не пойдешь,—а вдруг взыщут! Следовательно, в известной своей доле, прошлогодний высокий процент участвующих в перевыборах был создан за счет тех, кто шел на перевыборы «страха ради иудейска»...

Скажем коротко о горицком волсъезде, происходившем 19—20 февраля 1927 года.

Повестка съезда: 1) доклад о международном и внутреннем положении, 2) доклад уездного исполкома, 3) доклад вика и 4) выборы.

По первому пункту повестки дня выступал секретарь уездного комитета партии. Я, присутствовавший на съезде, с удивлением слушал, как докладчик перед крестьянской аудиторией жонглировал такими словами и выражениями (я нарочно их записывал): анализ, стабилизация, перманентно, империализм, аксиома, лумпенпролетариат, анархизм, государства буферные, лимитрофные, тяжелая индустрия, потогонная система, все дороги ведут в Рим и пр., и пр.

С последним выражением произошел курьез. Дело в том, что наши горицкие крестьяне очень часто ездят в Кимры, дорога куда (от Гориц до села Ильинского) находится в чрезвычайно скверном состоянии. Поэтому для населения волости дорожный вопрос—острый вопрос. Один из крестьян, прослушавший доклад, пройдя мимо всех аксиом, стабилизаций и империализмов, ухватился за римские дороги и задал мне во время перерыва такой вопрос:

— Он (докладчик) говорит, что дороги-то проведут в этот Рим-то. Ведь нам в прошлом году обещали в Кимры дорогу поправить, а теперь, видишь, решили в Рим вести. Это— не порядок. Да и где этот Рим-то, в какой волости?

Пришлось мне, ни в чем неповинному человеку, расхлебывать римскую кашу, заваренную докладчиком!

Читатель, наверное, скажет по моему адресу:

— Вот вы, тов. Большаков, присутствовали на докладе и все эти перманентно-, лимитрофно-, лумпенпролетариатские словеса докладчика слышали. Поднялись бы, да и сказали, что нельзя таким языком разговаривать в крестьянской аудитории.

Напрасно вы, читатель, полагаете, что я не сказал об этом. Сказал. Но, сказав, услышал поразительный ответ (из уст предуисполкома):

— Мы нарочно просили докладчика не говорить просто. А то в прошлом году, как раз в Горицах нам заявили, чтобы мы делали доклады так, как мы их рабочим делаем, чтобы не больно просто.

Я не знаю, какой чудак и что заявил в прошлом году, но думаю, что надо быть очень наивными людьми, чтобы полагать, что крестьяне и слушать не станут доклад, если только последний не наперчен всякими стабилизациями и аксиомами...

Если я и остановился на докладе о международном и внутреннем положении, то сделал это исключительно из-за его языка. Вообще же говоря, интересны не самые доклады (они могут быть и лучше и хуже), а те прения, которые ими вызываются, и особенно те вопросы, которые задаются по поводу докладов.

Нужно сказать, что если только делегаты съезда (их на горицком волсъезде был 41 человек) имели право решающего голоса, то право совещательного голоса, предоставлялось всем присутствовавшим. Присутствовало же на съезде, помимо делегатов, в среднем человек 200 (иногда несколько больше, иногда несколько меньше). И следует отметить, что присутствовавшие вели себя все время с большой выдержкой: сказано не курить—никто ни разу в течение двух дней не закурил, никто ни разу не перебил никого из говоривших, но все время—напряженное внимание (как бы чего не пропустить). Все выступления исключительно деловые, без всякого поползновения как-нибудь подковырнуть противника и пр. Сразу как-то чувствуешь, что люди собрались, чтобы делать общее дело, а не ругаться и сводить личные счеты.

Массовый крестьянин в прениях выступает не очень охотно (речь сказать—не шутка, где же без привычки-то!), но вопросов задает уйму. Так, за период всей работы съезда, по всем докладам, было задано в письменном виде около 200 вопросов и около 100—устно. Спрашивают обо всем, что в связи с теми или иными моментами нашего политического, обще-

ственного и экономического бытия представляет известный для крестьянина интерес. Приведу хотя бы только с десяток вопросов, которые дадут представление об объеме внимания и интересов крестьянства.

— Как в Англии смотрят на войну рабочие?

— Как относится к нам Америка?

— Сколько учится крестьян в высших учебных заведениях?

— Что предполагается делать с беспризорными?

— Почему у крестьян нет профсоюза?

— Почему оппозиция откололась от линии Ленина?

— Преследуется ли оппозиция?

— Будет ли в этом году конкурс на лучшее ведение сельского хозяйства?

— Будут ли у нас тракторы?

— Не лучше ли упразднить нашего волполитпросветчика тов. Мушникова и завести вместо него громкоговоритель?

— Будет ли уничтожено у нас лесокрадство?

— Не в убыток ли продал вик своих лошадей?

— Как распределяются стипендии в школе крест. молодежи?

— Будет ли пересмотрен вопрос о лесах местного значения?

И так далее без конца...

Нужно сказать, что ответы давались ясные и достаточно полные. «Смазывания» не было.

Много времени занимает выработка проектов резолюций по докладам. Работают специально выбранные комиссии. В резолюции стараются вставить все, о чем хочется заявить уезду.

Отношение к работе съезда массового крестьянства показывает, как колоссально выросло оно за это десятилетие. Особенно быстро выросло оно за последние годы, годы усиленного советского строительства.

И наше крестьянство вместе со своим союзником—рабочим классом страны—удачно разрешит все задачи, поставленные перед ним эпохой великого обновления. Разрешит эти задачи, как бы трудны и сложны они ни были.

Пускай многим цели, к которым стремятся народы Союза, представляются невозможными. Это неверно. Они невозможны только для тех, кто не обладает достаточным знанием реальной обстановки. Многие и многие утверждают, что все, делавшееся у нас до сегодняшнего дня, плохо. Конечно, всегда можно делать все лучше, чем оно делалось,—в этом залог прогресса. Но обязанность тех, кто недоволен,—засучить рукава и самим приниматься за работу. Пора перестать быть зрителями со стороны. Лучше итти вперед и искать, иногда ошибаясь, нежели, никогда не ошибаясь, топтаться на одном месте и ничего не желать.

Будем же итти вперед без устали и разочарований!..

ТАБЛИЦЫ.

1. Средний укос сена с десятины в пудах за 1912—1916 гг., за 1920 г. и за 1926 г.

Г о д.	Укос с десят. в пудах.	
1912 . . .	67,5	За период 1912—1916 гг. я пользовался официальными данными, полученными путем обработки сведений, собранных отчасти специалистами-статистиками, отчасти же местными людьми: сельскими старостами, старшинами, волостными писарями и др. См. „Стат. Ежегод. по Тверской губ". за 1911—1912 гг., стр. 186—87; 1912—1913 г., стр. 176—77; 1913—1914 г., стр. 192—93; 1914—1915 г., стр. 194—95; 1915—1916 г., стр. 130—31.
1913 . . .	54	
1914 . . .	36	
1915 . . .	67	
1916 . . .	103	
Средний за пятилетие.	65,5	Данные за 1920 и за 1926 г. взяты на основании моих личных наблюдений и наблюдений местного агронома. Оба эти года были засушливыми годами (1920 г. — в большей степени). Обычный средний урожай клевера в нашей волости: клевер 1-го года 400 пуд. с десятины, 2-го года — 300 и 3-го года 200—250 пуд.
1920 . . .	32	
1926 . . .	50	
1926 (клевер) . . .	250	

2. Средний урожай „сам сколько“ за 1912—1916 гг. (поуездные данные) и за 1920—1926 гг. (данные по волости).

Год.	Рожь.	Овес.	Ячмень.	Картофель.	Лен: Семя.	Лен: Волокно с пуда посева.
1912 . . .	6,8	3,2	5,6	5,6	2,8	—
1913 . . .	4,2	3,8	6,7	5,4	2,8	3 п. 8 ф.
1914 . . .	5,2	1,4	1,7	4,1	1,2	—
1915 . . .	5,6	3,3	3,6	6,2	2,2	—
1916 . . .	6,4	4,3	3,0	5,7	2,5	—
Средний .	5,4	3,2	4,1	5,4	2,3	3 п. 8 ф.
1920 . . .	8,0	3,5	6,0	6,0	5,0	3 пуд.
1921 . . .	10,0	6,0	6,0	8,0	5,0	3 „
1922 . . .	5,4	3,2	4,1	5,4	2,3	3 п. 8 ф.
1923 . . .	4,2	3,2	4,1	5,4	2,3	3 п. 8 ф.
1924 . . .	5,7	4,2	4,8	6,0	3,0	3 п. 8 ф.
1925 . . .	6,8	5,0	5,0	6,0	4,0	3 п. 10 ф
1926 . . .	6,0	4,5	4,5	9,0	3,5	3 пуд.
Средний .	6,6	4,4	4,9	6,7	3,6	3 п. 6 ф.

Ср. „Ст. Ежег.“ за 1911—1912, стр. 170, 173; 1912—1913, стр. 160; 1913—1914, стр. 178; 1914—1915, стр. 178; 1915–1916, стр 125–128. Данные 1920 г. добыты нами на основании наших обследований на месте. Средний же поуездный урожай ржи в 1920 г. сам-5,1, а чистый сбор ржи в пуд. с десятины — 40,1; средний же чистый сбор ржи в пуд. с десятины за 1910—1919 гг. по уезду — 52,3. (См. „Бюллетень Тверского Губ. Ст. Бюро“ от 11 окт. 1920 г., № 4, стр. 88.) Льняного семени и волокна с одной десятины средний по уезду урожай (в пудах) будет: 1) 18 п. 16 ф. семян и 25 п. 8 ф. волокна (а по волости за 1920 г.: 40 пуд. и волокна 24 п.); 2) по иным же источникам („Современное состояние льноводства в 25 губ. Евр. России“, 1912 г. стр. 135) в Корчевском уезде средний сбор с десятины посева: семян — 15 п., волокна — 16 п.

Данные за 1920—1926 гг. взяты на основании моих личных наблюдений, наблюдений местного агронома и учащихся школы крестьянской молодежи.

3. Среднее количество навоза в пудах от скота.

Данные.	Оставляют в течение года на дворе.					
	Лошадь.	Корова.	Молодой рог. скот.	Овца.	Свинья.	
По губерн. за 1912—13 гг. . .	537	480	—	112	—	См. „Стат. Ежегодн." за 1911—1912 г., стр. 223, и за 1912—1913 г., стр. 210; „Полная энцикл. рус. сел. хоз." (изд. Девриена), т. V, стр. 949.
Агрономические .	550	350	250	35	—	
По волости (в кругл. цифрах)	530	420	250	60 с приплод.	120	

4. Среднее количество навоза в пудах на десятину посева.

Данные.	На одну десят.		
	Кладут навоза.	Следует класть навоза.	
По уезду за 1912—1913 гг.	1 475	—	Прямой цифры, 1.475, не имеется в литературе. Установив по уезду средний высев пудов ржи на десятину („1917 и 1918 годы по данным выборочной сел.-хоз. переписи 1918 г.", издано в Твери в 1919 г., стр. 48; вес меры — см. „Ст. Еж." за 1915—1916 гг., стр. 125; но по Горицкой вол. мера ржи весит 45 ф.) и зная, сколько кладут навоза на пуд посева (среднее: „Ст. Еж." за 1911—1912 гг., стр. 222 и „Ст. Еж." за 1912—1913 гг., стр. 209), мы получили нашу цифру. Ср. „Полн. энц. русск. сел. хоз.", т. V, стр. 973; В. Варгин — „Простые расчеты по организации крест. хоз." (1912), стр. 17.
Сельскохозяйствен. энцикл.	—	3 200	
По Пермской губ.	—	2 740	

5. Средние цены мирного времени на продукты и пр. в уезде
(в копейках).

Наименование.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	Средняя.
Рожь за пуд.	105	99	95	102	100
Овес „ „	75	87	88	99	87
Картофель за пуд	30	20	29	34	28
Семя льняное за пуд	159	224	186	161	176
Волокно „ „	471	521	400	500	473
Мясо коровье за фунт	14	14	17	16	15
Масло русское „ „	39	44	39	42	41
Шерсть овечья „ „ немытая	39	40	37	41	39
Мед за фунт	26	25	32	31	29
Молоко за ведро	45	53	60	66	56
Овчина недубленая штука	130	114	124	155	131
Сено за пуд	—	18	28	45	30
Солома (полуяровая, полуржаная) за пуд	—	10	13	17	13
Лошадь рабочая	—	7.400	9.000	8.000	8.100
Корова дойная	—	6.400	5.800	5.400	5.850
Овца	—	800	1.000	700	833
Яйца за десяток	9	10	10	11	10
Плата взросл. пастуху на гот. харчах	—	46	52	89	62
Соль за пуд	—	—	—	—	40
Кура живая за штуку	—	—	—	—	25
Керосин за пуд	—	—	—	—	240
Сахар „ „	—	—	—	—	520
Ситец средн. качества за аршин	—	—	—	—	12
Деготь за пуд	—	—	—	—	80
Подковн. гвозди за пуд	—	—	—	—	520
Кирпич за 1000 штук	—	—	—	—	1.000
Однокон. подвода из Гориц в Тверь	—	—	—	—	400
„ „ „ „ до Корчевы	—	—	—	—	250
„ „ „ „ до Погорельца	—	—	—	—	100

Примечание. Все цены за 1911—1914 гг. взяты из соответствующих „Ст. Ежег." по Тверск. губ.

6. Средние горицкие рыночные цены (за пуд и в рублях) и твердые цены на продукты и проч.

Наименование.	1918 г. Рыночная.	1919 г. Рыночная.	1919 г. Твердая.	1920 г. Рыночная.	1920 г. Твердая.	1921 г. Рыночная.
Рожь	350	2.400	53	10.000	70	90.000
Овес	105	1.350	50	8.500	55	30.000
Картофель . .	60	350	45	5.500	50	8.000
Семя льняное .	—	—	90	17.000	150	120.000
Волокно . . .	—	—	—	50.000	1.100	100.000
Мясо коровье .	—	3.500	120	20.000	360	220.000
Масло русское.	—	—	—	200.000	3.000	800.000
Шерсть овечья немытая . .	—	—	—	100.000	3.600	—
Мед	—	—	—	200.000	3 000	800.000
Овчина недубленая [1] . .	—	—	—	42.000	358	—
Сено	—	600	15	6.000	60	15.000
Солома	—	—	3	1.500	15	6.000
Яйца (за десят.).	—	—	—	2.000	33	—
Соль	—	28.000	400	48.000	800	—
Кура (живой вес, считая 10 кур в пуде) . . .	—	—	—	80.000	1.120	200.000

Наименование.	1918 г. Рыночная.	1919 г. Рыночная.	1919 г. Твердая.	1920 г. Рыночная.	1920 г. Твердая.	1921 г. Рыночная.
Керосин	—	—	—	40.000	2.400	40.000
Сахар (песок) . .	—	32.000	600	160.000	—	—
Ситец средн. качества (за арш.) .	—	300	25	3.500	30	—
Деготь	—	—	—	20.000	1.600	—
Подковн. гвозди .	—	—	—	80.000	12.800	—
Подвода от Гориц в Тверь	—	—	—	25.000	3.000	300.000
Подвода от Гориц в Корчеву . .	—	—	—	15.000	1.680	200.000
Подвода от Гориц в Погорельцы .	—	—	—	10.000	800	100.000
Подвода на расстояние 10 вер.	—	—	—	6.000	беспл.	—
Лошадь рабочая .	2.500	60.000	—	400.000	—	—
Корова дойная .	700	20.000	—	250.000	—	—
Поденная плата за пилку дров . .	—	200	—	3.000	—	40.000

[1] В пуде считаем невыделанных семь овчин — см. „Стат. Ежегодник“ за 1908 г., стр. 276.

7. Вычисление на золотой рубль кредитного рубля 1918—1921 годов в цене тех продуктов, которые были по твердым ценам отчуждены у населения или же даны ему.

Наименование.	Средняя цена мирн. вр. за пуд. в руб.	1918 г.		1919 г.		1920 г.		1921 г.	
		Рыночная средн. цена в рублях.	Перевод одного кредитн. рубля на золото.	Рыночная средн. цена в рублях.	Перевод одного кредитного рубля на золото.	Рыночная средн. цена в рублях.	Перевод одного кредитн. рубля на золото.	Рыночная средн. цена в рублях.	Перевод одного кредитн. рубля на золото.
Рожь	1,0	350	0,002851	2.400	0,000417	10.000	0,000100	90.000	0,000011
Овес	0,87	105	0,008285	1.350	0,000361	8.500	0,000102	30 000	0,000029
Картофель	0,26	60	0,004673	350	0,000800	5.500	0,000051	8.000	0,000233
Семя льняное	1,76	—	—	—	—	17.000	0,000103	120.000	0,000015
Волокно	4,73	—	—	—	—	50.000	0,000098	100.000	0,000047
Мясо	6,0	—	—	3.500	0,001715	20.000	0,000333	220.000	0,000029
Масло русское	16,4	—	—	—	—	200.000	0,000083	800.000	0,000021
Шерсть овечья	15,6	—	—	—	—	100.000	0,000154	—	—
Мед	11,6	—	—	—	—	200.000	0,000058	800.000	0,000015
Овчина недубленая	9,17	—	—	—	—	42.000	0,000219	—	—
Сено	0,3	—	—	600	0,000500	6.000	0,000050	15.000	0,000020
Солома	0,13	—	—	—	—	1.500	0,000087	6.000	0,000022
Яйца (за десяток)	0,1	—	—	—	—	2.000	0,000050	—	—
Соль	0,4	—	—	28.000	0,000014	48.000	0,000008	—	—
Кура (живой вес)	2,5	—	—	—	—	80.000	0,000031	200.000	0,000012
Керосин	2,4	—	—	—	—	40.000	0,000060	40.000	0,000060
Сахар	5,2	—	—	32.000	0,000162	160.000	0,000032	—	—
Ситец (за аршин)	0,12	—	—	300	0,000400	3.500	0,000034	—	—
Деготь	0,8	—	—	—	—	20.000	0,000040	—	—
Подковные гвозди	5,2	—	—	—	—	80.000	0,000065	—	—
Подвода в Тверь	4,0	—	—	—	—	25.000	0,000160	300.000	0,000013
„ „ Корчеву	2,5	—	—	—	—	15.000	0,000166	200.000	0,000012
„ „ Погорельцы	1,0	—	—	—	—	10.000	0,000100	100.000	0,000010
Поденная плата рабочему	0,62	—	—	200	0,003106	3.000	0,000219	40.000	0,000015
Средняя ценность кредитного рубля на золото	—	—	0,005269	—	0,000831	—	0,000100	—	0,000021

8. Количество скота в волости за 1887 г. и за 1915—1926 гг.

Годы.	Лошади.			Крупн. рог. скот.			Мелкий скот.				
	Рабочие.	Нерабоч.	Всего.	Коровы.	Молодняк.	Всего.	Овцы.	Ягнята.	Всего.	Свиньи.	
1887	1.175	180	1.355	2.015	1.238	3.253	2.696	4.042	6.738	123	Сведения за 1887 г. взяты из IX тома, вып. 2-й „Сбор. стат. свед. о Тверск. губ.“, изд. 1893 г.; за 1915 г. — из рукописей Губ. стат. отдела, а также оттуда же и за 1917—18 гг., но значительно выправлены по местным материалам. Сведения за 1919—1926 гг. почерпнуты из разнообразных источников: из уездного стат. бюро, из волисполкома, собственных записей и записей местного агронома и пр. Так как волость в конце 1922 г. и осенью 1924 г. укрупнялась (см. карту), то для того, чтобы иметь возможность оперировать с величинами, сравнимыми с 1923 г., мы скот исчисляли для волости в ее прежних, доукрупненных размерах.
1915	1.221	191	1.412	2.137	1.297	3.434	1.410	3.907	5.317	192	
1917	1.321	197	1.518	1.718	1.707	3.425	1.880	3.766	5.646	156	
1918	1.323	225	1.548	2.275	1.682	3.957	2.308	2.286	4.594	52	
1919	1.237	171	1.408	1.950	1.010	2.966	1.897	3.800	5.697	13	
1920	1.233	244	1.477	2.190	1.640	3.830	2.664	4.087	6.751	7	
1921	1.238	277	1.515	2.154	1.600	3.754	2.506	3.975	6.481	10	
1922	1.256	275	1.531	2.388	1.881	4.269	3.152	4.678	7.803	24	
1923	1.281	281	1.562	2.408	1.686	4.094	3.204	4.706	7.910	92	
1924	1.395	273	1.668	2.731	1.886	4.617	3.232	4.513	7.745	105	
1925	1.465	240	1.705	2.666	1.216	3.882	2.878	4.340	7.218	720	
1926	1.467	270	1.737	2.328	908	3.236	2.068	3.151	5.219	378	

9. Посевы хлебов и пр. полевых растений в десятинах за 1887 г. и за 1911—1920 и 1926 годы.

Годы.	Рожь.	Ячмень.	Овес.	Картофель.	Лен.	Клевер.	Всего десятин.	Пашни без парового поля по земельному плану.	% недосева.	Порядок пяти главных культур по посевной площади:				
										1	2	3	4	5
1887	1.789	244	900	94	286	—	3.313	—	—	рожь	овес	лен	ячм.	карт.
1911	1.682	240	729	165	628	12	3.456	4.213 десятин.	18	"	"	"	"	"
1912	1.789	189	703	166	714	16	3.577		15	"	л.	ов.	"	"
1913	1.687	407	753	167	731	29	3.774		11	"	ов.	л.	"	"
1914	1.669	192	722	176	740	63	3.562		15	"	л.	ов.	"	"
1915	1.650	190	603	164	623	105	3.335		21	"	"	"	"	"
1916	1.541	161	592	159	674	127	3.254		23	"	"	"	"	"
1917	1.769	129	706	157	688	57	3.506		17	"	ов.	л.	карт.	яч.
1918	1.911	302	751	143	670	27	3.804		10	"	л.	ов.	яч.	карт.
1919	1.633	170	419	110	371	13	2.716		36	"	ов.	л.	"	"
1920	1.253	180	927	160	314	6	2.840		33	"	"	"	"	"
1926	1.518	170	1.054	379	591	506	4.218		нет	"	"	"	клевер	"

Сведения за 1887 г. взяты из тома IX вып. 2-й „Сборника стат. свед. о Тверск. губ.", стр. 148. За последующие 1911—1916 годы сведения почерпнуты: „Ст. Ежегодн." за 1910—1911 г., стр. 204; 1911—1912, стр. 170; 1912—1913, стр. 160; 1913—1914, стр. 178; 1914—1915, стр. 178. „Итоги сел.-хоз. переп. за 1916 г.", стр. 17.

За 1917—1920 гг. сведения взяты из рукописей губерн. и уездн. ст. бюро и были выверены по материалам местного волисполкома, при чем обнаружено немало ошибок в цифрах центра (напр., за 1919 г. картофеля по сведениям центра — 49 дес.; в 1920 г. — 91 дес.; по данным волисполкома: 110 и 160 дес.). Но наши итоги по 1920 г., являющиеся результатом почти точного учета посевн. площади волости, значительно расходятся с приведенными здесь—см. табл. 19.

За 1926 г. цифры даны по волости в ее прежних, доукрупненных пределах (см. примечание к предыдущей таблице).

В таблице не указан высев озимой и яровой пшеницы, гороха и пр., так как под все эти культуры вместе занимается ничтожная часть пашни, — около 40 дес. на всю волость (см. „Итоги сел.-хоз. переп. за 1916 г.", стр. 17); земельный план (распределение земли по угодьям) — таблица 14.

10. Высев на десятину в пудах.

Наименование.	Высев на десятину в мерах [1].	Вес меры в фунтах. По уезду [2].	Вес меры в фунтах. По волости.	Высев на десятину в пудах.
Рожь	9,14	44	45	10
Ячмень	10,47	40	45	12
Овес	23,72	32	30	18
Картофель	108,76	40	45 [3]	122
Лен	6,70	46	46	8
Клевер	—	—	—	1,22

11. Содержание усвояемых животными веществ в разных кормах.

Каждые 100 частей кормовых средств содержат кормовых единиц: сено среднее—46; овес—100; солома яровая—40; солома ржаная—36; мякина овсяная—43; мякина ржаная—35; льняные жмыхи—192.

Каждый пуд корма содержит кормовых единиц: сено среднее—18; овес—40; солома яровая—16; солома ржаная—9; мякина овсяная—12; мякина ржаная—11; льняные жмыхи—77.

Цифры эти скомбинированы на основании литературных указаний: *Придорогин* — „Кормовые средства", 1896, стр. 36—38; *В. Варгин* — ук. соч., стр. 13—16; „Полная энц. руск. сел. хоз.", т. IV, стр. 626—617.

12. Количество кормовых единиц, необходимое для среднего крестьянского скота.

В течение круглого года: для лошади 4.992 корм. един.; корове—3.080; овце с приплодом—1.050.

В течение зимнего содержания скота на дворе (с 1 октября по 20 апреля): лошади—2.772 корм. един., корове—1.710, овце с приплодом—573.

Вычисление произведено на основании указаний *В. Варгина*, ук. соч., стр. 13—15.

---

[1] Это поуездные данные — см. „1917—1918 гг. по данным и пр.", стр. 48.

[2] „Ст. Ежегодн." за 1914—1915 гг., стр. 125 и сл.

[3] Наши цифры веса меры картофеля, ячменя и пр. получены нами путем обследования (в соседнем Кашинском уезде мера картофеля тоже весит 45 фун.—см. „Ст. Ежегодн." за 1914—1915 гг., стр. 128).

13. Количество удобрения (навоза) в волости в пудах.

Годы	Всего навоза в пудах[1].	Под паром по земельному плану.	На одну десятину.	Уездная норма удобрения[2].	% нехватки.	Агрономическая норма[2].	% нехватки.
1916	1.613.010	2.106 десятин.	766	1.475 пудов на десятину.	48	2.970 пудов на десятину.	74
1917	1.774.710		828		44		72
1918	1.997.660		949		36		68
1919	1.531.010		731		51		74
1920	1.932.470		964		35		67
Среднее . .	1.723.772	—	823	—	43	—	72

14. Распределение земли в волости по угодьям до ее укрупнения.

Название угодий.	% по отношению к удобной земле.	Десятин.	Всего десятин.
Усадебная земля	2,1	506,40	
Пашня (в 3 полях)	25,7	6.319,10	
Сенокос	17,6	4.187,23	
Кустарник	4,5	1.070,14	
Выгон	4,0	965,46	
Лес	46,1	10.719,09	
Всего удобной земли . .	100		23.767,42
Под водою		4.963,80	
Болота		14.369,27	
Под дорогами		153,43	
„ песком		34,11	
Всего неудобной земли			19.520,61
Общая площадь . . .	—	—	43.288,03

Сведения по табл. 14 получены из губерн. земельн. управления. Они — сводки землеизмерительных работ по волости за 1917—1918 гг.

[1] Цифры эти получились в результате работы над таблицами 3, 4 и 8.
[2] См. табл. 4.

15. Население и число хозяйств.

Годы.	Мужчины.	Женщины.	Всего.	% + или — по отношен. к предыд. году.	Число хозяйств.	% + или — по отношен. к предыд. году.
1887	3.722	4.292	8.014	—	1.276	—
1911	3.466	4.003	7.469	— 6,8	1.181	— 7,4
1912	3.492	4.185	7.677	+ 2,8	1.217	+ 2,3
1913	3.273	3.910	7.173	— 7,5	1.137	— 7,9
1914	3.278	4.048	7.326	+ 2,1	1.247	+ 8,8
1915	2.953	4.056	7.009	— 4,6	1.322	+ 5,7
1916	2.598	4.470	7.068	+ 1,0	1.455	+ 9,2
1917	4.028	4.605	8.633	+ 18,2	1.729	+ 15,9
1918	4.510	4.697	9.207	+ 6,3	1.785	+ 3,1
1919	4.025	4.651	8.676	— 6,1	1.826	+ 2,9
1920	4.453	5.223	9.676	+ 10,4	1.836	+ 0,6
1921	3.484	5.415	8.899	— 8,7	1.848	+ 0,6
1922	3.198	5.517	8.715	— 2,1	1.869	+ 1,2
1923	3.605	5.611	9.216	+ 5,4	1.883	+ 0,7
1924	3 404	5.876	9.280	+ 0,7	1.892	+ 0,5
1925	3.389	5.944	9.333	+ 0,6	1.870	— 1,2
1926	3.312	6.080	9.392	+ 0,6	1.838	— 1,7

Сведения за 1887 г. взяты из т. IX, „Сбор. стат. сведений о Тверск. губ.", вып. 2-й, стр. 36. За последующие годы см.: „Ст. Ежег.", 1910—1911, стр. 15; 1911—1912, стр. 15; 1912—1913, стр. 15; 1913—1914, стр. 17; 1914—1915 (сведения получены на месте). „Итоги сел.-хоз. переписи и т. д.", стр. 14 (за 1916 г.). За 1917—1922 годы цифры получены через губ. статистич. бюро и выправлены на основании наших материалов. За период 1923—1926 гг. сведения даются по Горицкой вол. в ее доукрупненных границах (см. конец прим. к табл. 8).

16. Население по полу и возрастным группам за 1920 г.

Наименование.	% к общему числу.	Количество. Трудоспособных.	Полутрудоспособн.	Нетрудоспособных.	Всех.
Стариков (от 60 лет)	6,4	—	—	612	612
Мужчин трудоспособных .	19,7	1.915	—	—	1.915
Женщин трудоспособных	23,5	2.267	—	—	2.267
Подростков (от 14 до 17 л.) .	6,4	—	611	—	611
Детей школьного возраста (от 8 до 14 л.).	8,7	—	—	856	856
Детей остальных (до 8 лет)	35,3	—	—	3.415	3.415
Всего . . .	100	4.182	611	4.883	9.676

Сведения о стариках получены на основании выборочных данных (мое обследование); цифры о мужчинах, женщинах и подростках взяты из материалов волостного исполкома; о детях школьного возраста—из Горицкого районного отдела народного образования; цифра детей до 8 лет получена путем исключения из общего числа жителей волости (табл. 15) первых пяти групп.

17. Количество белков, жиров и углеводов, необходимое для человека в течение суток, и общее количество освобождающейся при этом энергии (калорий).

Наименование.	Количество в граммах. Белки.	Жиры.	Угле-воды.	Калории.	
Старик[1]	85	38	325	2.038	Нормы освобождающейся энергии при распаде веществ в человеческом организме взяты у профессора Б. И. Словцова — „Краткий учебник физиологии“, 1915, стр. 99: грамм белка дает 4,1 калории, грамм жира—9,4 и грамм углевода—4,1.
Сильно раб. мужч.[2]	145	100	500	3.585	
Умеренно рабоч.	96	44	400	2.447	
женщ.[2]	118	56	500	3.139	
Средне раб. организм[3]	75	43	325	2.044	
Дети от 6 до 15 лет[3]					
„ до 6 лет[4] . .	53	42	150	1.227	
Среднее. . .	95	54	233	2.413	

18. Количество белков, жиров и углеводов в разных пищевых веществах.

№	Наименование.	На 100 граммов: Белков.	Жиров.	Угле-водов.	№	Наименование.	На 100 граммов: Белков.	Жиров.	Угле-водов.
1	Ржаной хлеб	7,7	1,3	45,0	8	Рожь в зерне	11,5	1,7	68,8
2	Ячмень . .	11,14	2,16	70,24	9	Капуста . .	1,9	0,2	4,9
3	Картофель .	1,95	0,15	21,44	10	Морковь . .	1,0	0,2	9,0
4	Масло постн.	11,0	25,7	16,4	11	Брюква . .	1,4	0,2	7,4
5	Говядина .	21,0	5,5	—	12	Огурцы . .	1,0	0,1	2,3
6	Яйца . . .	12,55	12,11	0,55	13	Овс. крупы.	14,0	6,0	66,0
7	Молоко . .	3,41	3,65	4,81					

Сведения по №№ 1 — 7 взяты у Ф. А. Щербины — „Крестьянские бюджеты“, 1900, стр. 434; по №№ 8 — 13 — у О. Гаммарстена, ук. соч., стр. 713 — 714; что касается веса яиц, то таковой указан у Эрисмана, ук. соч., стр. 121: средний вес яйца со скорлупою 53 грамма, без скорлупы — 48 граммов.

---

[1] О. Гаммарстен — „Учебник физ. хим.“, ч. II, 1905, стр. 709.

[2] Герценштейн — „Пищевое довольствие“ (ст. в Энцикл. словаре Брокгауз-Ефрон, т. 23).

[3] Л. Н. Маррес — „Пища народн. масс“ („Русская Мысль“, 1893 г., кн. 10, стр. 48).

[4] Ф. Ф. Эрисман — „Курс гигиены“, т. III, вып. I, 1888, стр. 156.

19. Реальный посев хлебов и пр. полевых растений в десятинах за 1920 год.

Наименование.	По данным таблицы 9.	Реальный посев.	Пашни без пара по зем. плану.
Рожь . . .	1.253	2.107	4.213 десятин.
Ячмень . .	180	200	
Овес . . .	927	1.176	
Картофель .	160	400	
Лен	314	320	
Клевер . .	6	10	
Всего . .	2.840	4 213	4.213

Сведения о реальном посеве получены путем нашего осмотра полей (для некоторых селений были опрошены местные граждане) для выяснения, имеются ли запущенные полосы. Для ржи мы взяли треть пашни по зем. плану (см. табл. 14); цифры высева клевера, льна и ячменя округлены; высев картофеля взяли, сообразуясь с высевом его в среднем хозяйстве (см. гл. III); остаток ярового поля пошел под овес. Наши выкладки находят себе поддержку в табл. 9; недосев в 1918 г. равняется 10%; он был не такой значительный, как в годы войны, когда много работников ушло в армию, и несколько меньше, нежели в довоенное время, когда часть пашни населения, занимающегося отхожими промыслами, не арендовалась соседями, лежала в пустырях,—в 1918 г. уже многие, приехав из городов, „взялись за землю". По нашему убеждению, 10% выражают реальный недосев.

Для 1921 г. и дальнейших лет для селений доукрупненной волости мы считали площадь под яровыми и озимыми хлебами по данной таблице и делали это по нижеследующим основаниям: на 1920 г. высев был таким, как он указан здесь: в 1921 и послед. годах сокращений запашки не было, но, с другой стороны, не наблюдалось и значительного увеличения ее — больше „податься некуда" (правда, незначительные распашки завелись в пустошах, но это совсем пустяки).

20. Коэффициенты усвояемости и разные скидки.

	Белки.	Жиры.	Углеводы.
1. Коэффициенты усвояемости главных питательных начал[1].			
Растительного происхождения .	70	85	90
Животного	94	94	98

2. Скидки[1]. На кости в мясе 33%
Отбросы в овощах 26%
„ „ картофеле 40%
При обращении ржи в муку 22%
„ „ других хлебов в муку . . . 20%

3. Надбавки[2]. На припек хлеба насчитывается на муку . 33%

[1] С. А. Клепиков — „Питание русского крестьянства", ч. I, 1920 г. стр. 8—9.
[2] Проф. Б. И. Словцов — „Пищевые раскладки", 1918 г., стр. 83.

21. Движение и распределение главных продуктов питания за 1920 г.

	Рожь.	Ячмень.	Овес.	Картофель.	Мясо.	Молоко.	Семя льнян.
Валов. урож. 1920 г. в пуд.[1]	168.560	14.400	74.088	292.800	5.666	131.400	12.800
Семена [2]	21.070	2.400	21.168	48.800	—	10.950	2.560
Чистый урожай 1920 г.	147.490	12.000	52.920	244.000	5.666	120.450	10.240
Отчуждено в 1920 г. в пользу государства [3]	12.552	—	4.721	18.407	1.249	4.920	548
Остается в распор. насел.	134.938	12.000	48.199	225.593	4.417	115.530	9.692
Истрачено в течение года на хоз. и личн. потребн.[4]	—	—	11.0[illegible]6	18.360	1.836	64.260	—
Остается для прод. насел.[5]	134[illegible]938	12.00[illegible]	37.183	207.233	2.581	5[illegible].270	9.692

---

[1] Урожай определен на основании табл. 2 и 19. Ягнят (табл. 8) крестьяне режут приблизительно $^3/_4$ наличного их к осени количества; дальнейший расчет мяса и молока произведен по данным о валовой доходности от продуктов скотоводства по среднему хозяйству (см. гл. III).

[2] Ср. табл. 19 и 10. Молоко 10.950 пуд.—на выпойку телят, предполагая, что каждая корова телится раз в год.

[3] См. табл. 25.

[4] Продукты, отданные при товарообмене, исчислены в волостном масштабе по данным средн. хозяйства путем умножения определенных цифр на число хозяйств в волости (см. табл. 15).

[5] По отдельным графам цифры, конечно, грубо приблизительные. Ячмень, напр., у нас весь остался в распоряжении населения, хотя ячмень отчуждали, но мы его (табл. 25) считали в одной графе с рожью; ячмень и продавался крестьянам, но так как по среднему нашему хозяйству (см. гл. III) он не продавался, то и остался целиком на продовольствование, так что в отношении ячменя цифра даже прямо неверная. Но если брать годичное продовольствование населения в целом при расчете на белки, жиры и углеводы, то сумма всех цифр данной рубрики будет очень близка к средней величине действительного количества питательных веществ в продовольствии населения.

22. Расчет продовольствия для населения волости по максимальной норме в сутки (в граммах) за 1920 г.

Наименование.	Грамм. пищи.	Белков.	Жиров.	Углевод.
В печеном хлебе .	6.144.000	331.162	72.991	2.488.320
„ овсяной крупе .	736.000	72.128	37.536	437.184
„ ячмене (муке) .	416.000	39.439	7.638	262.978
„ картофеле . . .	5.936.000	82.026	7.568	1.145.411
„ мясе	128.000	25.267	6.618	—
„ молоке	4.972.000	159.372	170.589	234.370
„ растительн. масле	80.000	6.160	17.476	11.808
Всего . . .	18.412.000	715.554	320.416	4.580.071
Среднее на одного человека	1.903	74	33	473

Средняя калорийная обеспеченность одного человека—2.553 калории.

Графа о количестве граммов пищи составлена на основании данных табл. 21, указывающей, что именно остается в распоряжении населения после вычета семян и всего отчужденного в пользу государства, при чем из 48.199 пуд. овса мы предварительно вычли на всех рабочих лошадей волости (см. табл. 8) по 12 пуд. на каждую, каковую норму власть оставляла на лошадь и что, считая на круг, действительно скармливается лошади за год; оставшийся овес обратили в крупу (из овса вырабатывается 50% крупы). Вычисляя количество граммов пищи, мы имели в виду скидки и припек (см. табл. 20). При выводе белков, жиров и углеводов мы руководствовались указаниями табл. 18, применяя коэффициент усвояемости по таблице 20.

23. Расчет продовольствия для населения волости по минимальной норме в сутки (в граммах) за 1920 г.

Наименование.	Грамм. пищи.	Белков.	Жиров.	Углеводов.
В печеном хлебе .	6.144.000	331.162	72.991	2.488.320
„ овсяной крупе .	4[illegible]6.000	48.608	25.296	294.624
„ ячмене (мука) .	416.000	39 439	7.638	262.978
„ картофеле . . .	5.456.000	74.474	6.911	1.052.789
„ мясе	80.000	15.792	4.136	—
„ молоке	2.256.000	72.315	77.404	105.014
„ растительн. масле	80.000	6.160	17.476	11.808
Всего . . .	14.928.000	587.950	211.852	4.215.533
Среднее на одного человека . . .	1.543	61	22	436

Средняя калорийная обеспеченность одного человека—2.245 калорий.

Графа о количестве граммов пищи составлена на основании данных табл. 21, а именно рубрики ее: „остается для продовольствования населения“, при чем опять-таки произведен вычет овса для рабочих лошадей. Во всем остальном—см. примечание к таблице 22.

24. Фактическое потребление основных питательных начал и калорийная обеспеченность.

Объект исследования.	В граммах.			Калорийная обеспеч.	Автор.	Название работы.
	Белки.	Жиры.	Углев.			
Крест. Череповецкого уезда . .	145	51	783	4.284	Грязнов.	„Опыт. сравн. изуч. гигиен. условий Черепов. уезда“, 1880, стр. 150.
Косец Астраханской губ. . . .	216	152	537	4.516	Судаков.	„Пища рабочих“, журнал „Здоровье“, 1881, № 162, стр. 202.
Крест. Верейского уезда . . .	127	33	594	3.266	Зорин.	„Описание зап. врач. участ. Верейск. уезда“, 1887.
„ Воронежской губ. . . .	111	47	519	3.025	Щербина.	„Крестьянские бюджеты“, 1900, стр. 56.
„ Московской „ . . .	119	41	628	3.448	Словцов.	„Пищевые раскладки“, 1910, стр. 56.
„ Тамбовской „ . . .	96	37	621	3.288	тоже	тоже.
„ Самарской „ . . .	164	65	719	4.231	тоже	тоже.
„ Астраханской „ . . .	151	106	541	3.816	тоже	тоже.
„ 13 губ. Европ. России .	111	49	546	3.154	Клепиков.	„Питание русск. крестьянства“, 1920, стр. 20.
Среднее для 1 чел. в России .	105	41	364	2.308	Маррес.	„Пища народн. масс“, „Русск. Мысль“, 1893, кн. 10, стр. 49.

Цифры графы „калорийная обеспеченность“ вычислены мною по данным трех предыдущих граф на основании норм освобождающейся энергии (см. табл. 17); цифры граф: белки, жиры и углеводы, я извлек из исследований с точностью до единицы.

26. Трудовая и гужевая повинность.

Год.	Рабочих дней.			Верст.	
	Всего.	На одно хозяйство.	На одного работоспособного.	Всего.	На одну лошадь.
1919 год	1.210	0,7	0,3	—	—
1920 „	3.503	1,9	0,8	163.392	133
1921 „	3.566	1,9	0,8	402.216	324
Всего . . .	8.279	4,5	1,9	565.608	457

Трудовая повинность по нашей волости выражалась в пилке дров. Здесь мы учитывали лишь те дни, которые были совершенно бесплатно отчуждены у населения. Поясню сказанное. Возьмем 1921 год. У населения в 1921 году было взято в принудительном порядке не 3.566 дней, а целых 9.574 дня, при чем последняя цифра получилась так: 2.871 раб. день был потрачен на пилку дров и 6.703 раб. дня население провело в разъездах при выполнении всей гужевой повинности (на каждые 60 верст пути я клал один рабочий день). Но так как население за пилку дров получило от правительства ценностей на 1.364 руб. 35 к. по деньгам мирного времени (за каждый куб—см. обязат. постановл. Тверского губисполкома от 23 сентября 1921 г.—20.000 руб., 4½ ф. муки, ½ коробки спичек, ¾ арш. ткани и ½ ф. керосина), а за гужповинность было заплачено в течение года 23.628.175 руб. (плата за одну версту с 1 января по 1 ноября 1921 г. по 1 руб. 75 к., а за последние два месяца—по 60 руб. —конечно, и 1 р. 75 к. и 60 р. в дензнаках того периода). Учитывая указанный эквивалент, и получим 3.566 неоплаченных дней, которые я и считал.

Число трудоспособных я считал по табл. 16. Там, правда, сведения только для 1920 года, но я их взял (ошибка, конечно, незначительная) как для 1919, так и для 1921 годов.

Гужевая повинность введена декретом от 25 ноября 1919 года, но в волости стала проводиться только с 1920 года. Замечу, что гужевая повинность ложилась подчас тяжелым бременем на крестьянство. Так, семья, обладая лошадью, но не имея вполне трудоспособных членов, должна была посылать с тяжелым возом и далеко от дома подростка. Бывали случаи, когда лошади калечились и гибли.

25. Количество отчужденных у населения волости продуктов по твер

Годы.	Рожь (ржаная мука и ячмень). Пуды.	Овес. Пуды.	Картофель. Пуды.	Мясо. Пуды.	Сено. Пуды.	Солома. Пуды.	Волокно. Пуды.	Яйца. Штуки.
В 1917 году . . .	8.600	—	—	—	—	—	—	—
„ 1918 „ . . .	1.938	790	1.200	—	—	—	—	—
„ 1919 „ . . .	13.587	3.929	11.985	192	1.250	1.125	—	—
„ 1920 „ . . .	19.012	4.721	18.407	1.249	5.000	5.346	3.842	11.880
„ 1921 „ . . .	12.154	6.268	4.776	575	24.633	16.652	1.957	17.710
„ 1922 „ . . .	34.032	—	—	—	—	—	—	—
„ 1923 „ . . .	31.362	—	—	—	—	—	—	—
„ 1924 „ . . .	—	—	—	—	—	—	—	—
„ 1925 „ . . .	—	—	—	—	—	—	—	—
„ 1926 „ . . .	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего. . .	120.685	15.708	36.368	2.016	30.883	23.123	5.799	29.590
Возвращ. населен. вол. выдачею пайков (людям и скоту)	19.276	1.025	—	—	1.250	1.650	—	—
В пользу госуд. .	101.409	14.683	36.368	2.016	29.633	21.473	5.799	29.590

Все продукты считались в пудах, за исключением яиц—в штуках; трудовая повинность—в днях; гужевая—в верстах; налоги—в золотых рублях (см. табл. 7), но за 1922 г.—в цене хлеба. Отчуждение продуктов сельского хозяйства нормируется целым рядом соответствующих законоположений: см. „Собр. Узак. рабочего и крестьянского правит.“ за 1918 г. № 62—ст. 683, № 80—ст. 845, № 82—ст. 864, № 58—ст. 638, № 91—92—ст. 928; за 1919 г. № 1—ст. 10 и 11; за 1920 г. № 59—ст. 271 и 272, № 13—ст. 82 и т. д. В отношении хлебов сперва, в течение 1918—1919 г., господствовал принцип отчуждения излишков (декретирован в 1918 г., № 62—ст. 683), государство у каждого хозяйства отбирало то, что было сверх определенной нормы. В 1920 г. появляется принцип разверстки (декретирован в 1919 г., № 1, ст. 10); государство имело дело с каждой отдельной губернией, которой и давало определенное продовольственное задание (наряд), губерния раскладывала наряд по уездам, те—по волостям, а эти—по деревням. Между гражданами деревни разверстку производил сельский сход, что порождало много споров. С 1921 г. вводится продовольственный налог с каждого хозяйства, состоящий из большого набора разнообразных продуктов. С 1922 г.

ным ценам, денежных налогов, гужевой и трудовой повинности.

Масло топлен. Пуды.	Семя льняное. Пуды.	Овчины. Пуды.	Шерсть. Пуды.	Куры жив. вес.—Пуд.	Мед. Пуды.	Трудовая повинность Дни.	Гужевая повинн. Версты.	Денежн. налоги. Рубли.
—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	5.016,09
—	332	—	—	—	—	1.210	—	515,57
112	548	488	98	38	12	3.503	163.392	216,75
236	1.959	—	63	20	12	3.566	402.216	—
—	—	—	—	—	—	—	—	1.196,00
—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	34.785,00
—	—	—	—	—	—	—	—	25.210,00
—	—	—	—	—	—	—	—	34.835,00
348	2.839	488	161	58	24	8.279	565.608	101.774,41
—	—	—	—	—	—	—	—	—
348	2.839	488	161	58	24	8.279	565.608	101.774,41

этот налог упрощается—исчисляется только в ржаных единицах, а другие продукты берутся лишь взамен ржи (по известному эквиваленту) и только тогда, когда это удобно тому или иному домохозяину; кроме того, взимаются некоторые денежные налоги. С 1923 г. берется уже единый продовольственный налог, который, для удобства плательщиков, может быть переведен и на деньги. С 1924 г. единый сел.-хоз. налог исчисляется и берется в денежных знаках. В 1918 году было выдано пайками ржи 5.398 п., а в 1919 г. было выдано пайков: ржи—7.418 п., овса—1.025 п; в 1920 г. ржи—6.460 п., а также сено и солома.

К концу 1922 и осенью 1924 г. Горицкая волость дважды укрупнялась, о чем неоднократно уже упоминалось в тексте книги (см. также и карту). Налоги за период 1923—1926 гг. показаны для Горицкой волости в ее прежних, до первого укрупнения, границах. Поступить так я должен был по причинам вполне понятным,—чтобы иметь дело со сравнимыми величинами.

В последней графе таблицы, начиная с 1924 г., денежные налоги указаны в червонных рублях соответствующего года.

№	Прибыль.	Сумма. Рубли.	К.	Итог. Рубли.	К.
	1918 год.				
1	Население не платило прямых налогов в размере 12% к валовому доходу с пашни, каковой налог взимался с крестьян до революции (см. таблицу 32)[1]	28.301	76		
2	Население не платило косвенных налогов, при чем здесь мы учитываем только чистый доход, который получался правительством от продажи водки[2]	24.306	48		
3	Население не тратилось ни на школу, ни на содержание больницы, ни на ветеринарную помощь и пользовалось бесплатно услугами почты[3]	20.623	68		
4	Выигрыш на ускоренном темпе строительства (бесплатный материал для постройки)[4]	13.651	—		
5	Помимо получения бесплатного материала для постройки, население хищнически сводило лес[5]	58.571	—		
6	Безвозмездное пользование частновладел., сенокосной площадью в 1.044 дес.[6]	3.967	20		
				149.421	12

[1] Считая как за 1918, так и за последующие годы в сумме прибылей прямые налоги, которые уплачивались волостью, в известном проценте с валового дохода пашни до революции, я исходил из такой простой мысли: если волость нечто платила в виде прямых налогов в 1925 году, то в 1918 г., после тяжких для страны четырех лет разорительной войны, население волости, при всяком положении вещей, должно было платить в той или иной сумме прямые налоги, совершенно свободным от них оно не могло быть; но с населения дореволюционных 12% прямых налогов не брали в 1918 году; и, следовательно, эти деньги оставались в кармане населения (а что брали с населения — это все у меня исчислено в убытках) и таким образом составляли его прибыль. На самом же деле эта прибыль фактически, или, вернее, теоретически, больше учтенной мною: если бы не было революции, старорежимное правительство навряд ли бы ограничилось 12%.

[2] Население выплачивало косвенные налоги и на табаке, и на сахаре и пр., но, упрощая свою задачу, я совсем не вычислял этих налогов и поэтому в счет прибылей их не записывал. Я брал только водку, которой выпивалось в Тверской губернии в 1913 году по 0,66 ведра на душу (независимо от пола и возраста), т.-е. на 5 руб. 28 коп. в год (см. „Стат. Ежегодник по Тверск. г." за 1913—14 г., стр. 113), при чем я считал, что правительство клало с этой суммы себе в карман, в виде чистой прибыли, 50% (на самом же деле, может быть, и больше).

[3] Все услуги, которые правительство предоставляло бесплатно населению волости в виде школ, больницы, ветеринарного пункта и почты, исчислены мною в очень и очень скромной цифре. При вычислении я исходил из цифр, взятых мною за 1913 г. (см. „Ежегодник", стр. 20 и 100—101 и „Обзор Тверск. губ. за 1913 год", стр. 31), — тогда на душу по нашему уезду расходовали: на народное образование — 0,94 руб., на медицину — 1,00 руб., на ветеринарную помощь — 0,05 руб. и на почтовое сообщение — 0,25 руб., а всего 2 руб. 24 коп. Но вете-

за весь революционный период.

№	Убыток.	Сумма. Рубли.	К.	Итог. Рубли.	К
	1918 год.				
1	Население платило разного рода натуральные и денежные налоги и повинности (см. табл. 25, 26 и 27)	12.199	22		
2	Население утратило вкладов в горицкой (при почтовом отделении) ссудо-сберегательной кассе на сумму около 1.000.000 руб. или, считая в цене хлеба за 1918 г., на . . .	2.854	—		
3	Благодаря революционным событиям, которым сопутствовала хозяйственная дезорганизация страны, население волости потеряло от прекратившихся отхожих промыслов [7]	161.505	—		
				176.558	22

ринария, например, за последние годы очень развилась: у нас в волости открылся врачебный пункт, которого десять лет назад не было; медицина у нас с 1918 г. шагнула далеко вперед: вместо одного врача в волостной больнице стало работать два (в 1912 году количество амбулаторных больных свыше 14 тысяч, а коечных дней лечения — свыше 8 тысяч; соответствующие цифры для 1918 года: свыше 16 и 9 тысяч; для 1919 г. — свыше 14 и 15 тысяч; для 1920 года — свыше 19 и 17 тысяч и т. д.; цифры взяты из отчетов по больнице). Из сказанного явствует, что прибыль населения по этому параграфу фактически была гораздо больше указанной нами.

[4] См. таблицы 30 и 31.

[5] Считая, что хищнически вырублено 6½ тысяч десятин за весь револ. период (см. главу лес — там детальный цифровой материал), я разложил это количество поровну на каждый год, начиная с 1918 и кончая 1926 (по 722 дес. на год). Расценка сведенного леса сделана крайне дешево — по 100 руб. за дес. — это самая низкая цена древесного леса на корню за дес. на 1913 г. (см. „Ежегодник" по губернии за 1912—1913 г.), при чем сумма по предыдущему параграфу (13.651 руб.) выключена из стоимости 722 дес.

[6] Помимо надельного сенокоса, волость имела (земское обследование 1911—15 гг.— рукописи хранятся в Губ. Ст. Отделе) накануне революции 3.132 дес. частновладельческого сенокоса (церковный не считаю). Часть его, в размере ⅔, принадлежала мелким владельцам — крестьянам, а часть, ⅓ или 1.044 дес.,—крупным владельцам, сдававшим его в арендное пользование и пр. Беря самую низкую арендную плату за 1913 г. по губернии (см. „Ежегодник") в 3 р. 80 к. за десятину покоса, население получало указанную погодную сумму в прибылях.

[7] Как я вычислил утрату населением заработков от отхожих промыслов? По архивным документам горицкого почтово-телеграфного отделения я узнал, сколько

№	Прибыль.	Сумма. Рубли.	К.	Итог. Рубли.	К.
	1919 год.				
1	См. § 1 за предыдущий год	28.301	76		
2	См. § 2 „ „ „ (сумма иная в зависимости от изменения числа жителей в волости — см. таблицу 15)	22.904	64		
3	См. § 3 за предыдущий год (сумма изменилась — иное число жителей в волости) . .	19.434	24		
4	См. § 4 за предыдущий год (сумма изменилась — темп строительства хотя и был гораздо быстрее по сравнению с мирным временем, но все же медленнее, нежели в 1918 г.)	7.410	—		
5	Выигрыш населения на продуктах, полученных по твердым ценам (см. таблицу 28), и оплата натур. повинностей и налогов (см. табл. 25, 26 и 27)	5.438	63		
6	См. § 5 за предыдущий год; сумма иная, большая, так как сброшена со счетов меньшая сумма за строительный материал (см. конец прим. 5)	64.812	—		
7	См. § 6 за пред. год	3.967	20	152.268	47
	1920 год.				
1	См. § 1 за предыдущий год (сумма изменилась — иная площадь пашни — см. табл. 19)	31 342	24		
2	См. § 2 за предыдущий год	25.744	64		
3	См. § 3 „ „ „	21.674	84		
4	См. § 4 „ „ „	14.157	—		
5	См. § 5 „ „ „	4.160	98		
6	См. § 6 „ „ „	58.065	—		
7	См. § 7 „ „ „	3.967	20	159.201	90
	1921 год.				
1	См. § 1 за предыдущий год	31.342	24		
2	См. § 2 „ „ „	23.493	36		
3	См. § 3 „ „ „	19.933	76		
4	См § 4 „ „ „	21.532	—		
5	См. § 5 „ „ „	6.510	99		
6	См. § 6 „ „ „	50.690	—		
7	См. § 7 „ „ „	3.967	20	157.469	55

население волости получало денег по почте в 1911, в 1912 и в 1913 годах (три довоенных года) вообще и, приняв во внимание мнение старожила начальника почтового агентства (см. главу „Служба связи"), взял среднее арифметическое — это и есть 161.505 руб. Конечно, население волости некоторые суммы приносило из отхожих промыслов и в своих карманах (напр., плотники, работавшие в артелях), не тратясь на пересылку денег почтою, но этих сумм я уже учесть никак

№	Убыток.	Сумма.		Итог.	
		Рубли.	К.	Рубли.	К.
	1919 год.				
1	См. § 1 за предыдущий год	9.009	93		
2	См. § 3 „ „ „	161.505	—		
3	Население уплатило по твердым ценам за полученные продукты (см. табл. 28)	798	—	171.312	93
	1920 год.				
1	См. § 1 за предыдущий год	55.979	88		
2	См. § 2 „ „ „	161.505	—		
3	См. § 3 „ „ „	235	44	217.720	32
	1921 год.				
1	См. § 1 за предыдущий год	60.919	47		
2	См. § 2 „ „ „	161.505	—	222.424	47

не мог, да и суммы эти не могут быть особенно большими. Вообще по России до войны на каждую душу сельского населения приходилось дохода от промыслов по 12 руб. (см. Ю. Ларин — „Вопросы крестьянского хозяйства", изд. 1923 г., стр. 113), по нашей же волости выходит около 24 рублей, — следовательно, убыток мною против всероссийской средней нормы не преуменьшен.

№	Прибыль.	Сумма.		Итог.	
		Рубли.	К.	Рубли.	К.
	1922 год.				
1	См. § 1 за предыдущий год	31.342	24		
2	См. § 2 „ „ „	23.007	60		
3	См. § 3 „ „ „	19.521	60		
4	См. § 4 „ „ „	22.173	—		
5	См. § 6 „ „ „	50.049	—		
6	См. § 7 „ „ „	3.967	20	150.060	64
	1923 год.				
1	См. § 1 за предыдущий год	31.342	24		
2	См. § 2 „ „ „	24.327	60		
3	См. § 3 „ „ „ (но почтовые услуги стали уже платными и не номинально, как в 1922 году — поэтому прибыль от бесплатности почт. усл. мы уже не считаем в 1923 году)	18.337	85		
4	См. § 4 за предыдущий год [8]	15.779	—		
5	См. § 5 „ „ „	56.443	—		
6	См. § 6 „ „ „	3.967	20	150.196	89
	1924 год.				
1	См. § 1 за предыдущий год	31.342	24		
2	См. § 2 „ „ „ [9]	24.499	20		
3	См. § 3 „ „ „	18.016	—		
4	См. § 4 „ „ „	15.779	—		
5	См. § 5 „ „ „	56.443	—		
6	См. § 6 „ „ „	3.967	—	150.046	44

[8] Считаю по средней за пятилетие — см. табл. 31.

[9] В 1923 году опять население стало получать почтою деньги от ушедших на заработки (проследи по табл. 15 отлив из волости, начиная с 1921 г., мужского населения) — почтою население получило около 120 тысяч рублей. Я и сбросил соответствующую сумму, посчитав ее в цене хлеба.

[10] В волости появилось уже советское „хлебное вино“, но такого распространения, как царская водка оно не имеет даже и в 1927 г. Существуют алкогольные напитки более дешевые — деревенское старое пиво и революционный самогон. А так как на операциях по самогону население волости имеет прибыль (в одни Кимры сколько его перевозили) и прибыль большую, но совершенно не поддающуюся учету, хотя бы и приблизительному, то я, проходя мимо этой прибыли, в то же время не снижаю ни для 1924, ни для последующих годов экономии населения на водке.

К 1924 г. уже были введены многие косвенные налоги, например: на табак (с ноября 1921 г.), на сахар (с апреля 1922 г.), на соль (с марта 1922 г.), на керосин (с марта 1922 г.), на изделия текстильной промышленности (с февраля 1923 г. и т. д. Не подсчитывая прибыль населения волости по линии экономии на косвен-

Убыток.	Сумма. Рубли.	К.	Итог. Рубли.	К.
1922 год.				
См. § 1 за предыдущий год	37.449	—		
См. § 2 „ „ „	161.505	—	198.954	—
1923 год.				
См. § 1 за предыдущий год	31.362	—		
См. § 2 „ „ „ (сумма иная, стали снова развиваться отхожие промыслы[10]	160.321	88	191.683	88
1924 год.				
См. § 1 за предыдущий год[11]	19.107	14		
См. § 2 „ „ „	152.921	48	172.028	64

м обложении для первого периода революции, я не стану считать это косвен-
е обложение в убытках населения для последнего периода революции, когда
явились акцизы.

[11] Как за 1924, так и за последующие годы налоги стали взиматься не нату-
й, а деньгами, т.-е. червонными рублями. До сих пор деньги мы считали в до-
енных рублях и стоимость разного рода продуктов мы тоже считали в довоен-
х рублях. Чтобы иметь по всем графам и датам нашей таблицы сравнимые
личины, мы убытки волости, понесенные в червонных рублях, переведем на до-
енный рубль по среднему показателю оптово-розничной показательной силы
бля (см. „Эконом. Бюллетень Конъюнктурного Ин-та“, № 11—12, за 1926 г.,
. 56), приравняв червонный рубль 1924 г. 55 довоен. копейкам, черв. рубль
25 г. — 51 довоен. коп. и черв. рубль 1926 г. — 47 довоен. коп. Само собою
зумеется, что, переводя черв. рубли налогов на довоен. рубли, мы и полученные
естьянами по почте деньги тоже переведем на довоен. рубли. И если крестьяне
924 г. получили по почте 15.623 рубля, то мы им это посчитаем в сумме
13 руб. 52 к. в довоенных рублях.

№	Прибыль.	Сумма. Рубли.	К.	Итог. Рубли.
	1925 год.			
1	См. § 1 за предыдущий год	31.342	24	
2	См. § 2 „ „ „	24.639	12	
3	См. § 3 „ „ „	17.945	—	
4	См. § 4 „ „ „	15.779	—	
5	См. § 5 „ „ „	56.443	—	
6	См. § 6 „ „ „	3.967	—	
			—	150.115
	1926 год.			
1	См. § 1 за предыдущий год	31.342	24	
2	См. § 2 „ „ „	24.794	88	
3	См. § 3 „ „ „	17.850	—	
4	См. § 4 „ „ „	15.779	—	
5	См. § 5 „ „ „	56.443	—	
6	См. § 6 „ „ „	3.967	—	
			—	150.175
	Итого	—	—	1.368.956
	Убыток за 1918 — 1926 гг. . .	—	—	304.351
				1.673.308

Средний убыток за каждый год . . . .
„ „ на 1 хозяйство в год . . . .
„ „ „ 1 душу населения в год .

[12] Горицкая волость в конце 1922 г. и в 1924 г. была укрупнена (см. кар
всякого рода исчисления по данной таблице производили для изучаемой вол

Убыток.	Сумма.		Итог.	
	Рубли.	К.	Рубли.	К.
1925 год.				
См. § 1 за предыдущий год	12.862	25		
См. § 2 „ „ „	158.153	98	161.016	23
1926 год[12].				
См. § 1 за предыдущий год	16.354	44		
См. § 2 „ „ „	145.255	24	161.609	68
Итого	—	—	1.673.308	37

816 руб. 88 коп. (довоенных)
18 „ 28 „ „
3 „ 69 „ „

амму). Мы, чтобы иметь возможность оперировать с величинами сравнимыми, ее прежних, доукрупненных границах (за период с 1923 года).

27. Денежные налоги, дополнительные к основному налогу.

Наименование.	1918	1919	1920	1921	1922	1923—1926
Чрезв. налоги (контрибуц.)	952.000	—	—	Не было никаких.	—	Не было никаких.
С земельных владений	—	113.980	1.289.606		—	
Со строений	—	291.445	625.096		—	
„ скота	—	116.235	152.804		—	
Подоходный	—	98.767	—		—	
За трудгужналог . . .	—	—	—		11.231,60	
Подворно-имуществен.	—	—	—		5.445,12	
Сельхоз (ликв. помгола)	—	—	—		3.512,0	
Экипажный	—	—	—		3.730,0	
Итого в дензнаках соответств. годов	952.000	620.427	2.167.506	—	23.918,72	—
Итого на зол. рубль	5.016,09	515,57	216,75	—	1.196,00	—

Настоящая таблица представляет детализацию графы тех денежных налогов таблицы 25, которые являлись дополнительными к основному. Подоходный налог, как известно, был установлен еще до революции („Положение“ от 6 апреля 1916 г.; о чрезвычайном налоге и др. см. „Узаконен. и распоряжен. рабочего и крестьянск. правит.“, начиная с 1918 г.: № 81—ст. 846; 1919 г.: № 2—ст. 221 и т. д.). В 1921 и в 1923 гг. денежных налогов совершенно не было. Итог на золотой рубль выведен на основании таблицы 7, а за 1922 г. мы взяли налог в цене хлеба—средняя годовая цена по 7 руб. за пуд. Суммы за 1924—1926 гг., находящиеся в графе денежных налогов табл. 25, в настоящей таблице не отмечены совсем, так как суммы эти представляют собою основной налог с населением волости за 1924—1926 гг.

28. Что получило население волости по твердым ценам.

Наименование.	1919			1920		
	Количество пудов.	Цена.	Сумма.	Количество пудов.	Цена.	Сумма.
Керосин	—	—	—	138	2.400	331.200
Соль	345	400	138.000	716	800	572.800
Спички (коробков)	96.771	1	96.771	8.248	3	54.744
Подковные гвозди	—	—	—	30	12.800	384.000
Деготь	—	—	—	12	1.600	19.200
Ложки (штук)	—	—	—	1.500	,30	45.000
Мануфактура (арш.)	24.321	25	607.925	10.781	30	323.430
Сахар	172	600	103.200	—	—	—
Кирпич (тысяч)	72	200	14.400	78	8.000	624.000
Всего на сумму. . .	—	—	960.296	—	—	2.354.374

Материал для настоящей таблицы получен из горицкой конторы лавки общества потребителей.

30. Новые постройки в волости.

Годы.	Число домов в волости.	Вновь построено. Избы.	Хозяйствен. построек.	Всего.	Стоимость в деньгах мирного времени лесных материалов для Избы.	Хозяйствен. построек.	Итого рублей.
1918	1.785	82	207	289	300 руб.	50 руб.	34.950
1919	1.826	69	156	225			28.500
1920	1.836	84	222	306			36.300
1921	1.848	93	211	304			38.450
1922	1.869	91	232	323			38.900
Итого	—	419	1.028	1.447	—	—	177.100
В среднем за 5 лет	—	84	206	289	—	—	35.420

Хотя разница в количестве домов между 1918 и 1919 гг. выражается цифрою 41, новых домов было поставлено гораздо больше; это объясняется тем, что новые дома ставились не только на свободном месте, при возникновении новых хозяйств, но и взамен старых. Стоимость лесных материалов для построек в деньгах мирного времени — это средняя стоимость их за период 1910—1915 гг. при условии заготовки материалов хозяйств. способом.

31. Выигрыш волости на ускорении обновления построек (по сравнению с темпом строительства в мирное время).

Годы.	Число домов в волости.	Новых изб.	% новых изб.	Средн. год. %: Новых изб за дореволюц. период.	Средн. год. %: Ускорен. строит. в рев. период.	Стоимость новых построек в рублях мирного времени.	Выигрыш в ценности уск. строительства в рубл. мирного времени.
1918	1.785	82	4,6	2,8%	39	34.950	13.621
1919	1.826	69	3,8		26	28.500	7.410
1920	1.836	84	4,6		39	36.300	14.257
1921	1.848	93	5,0		56	38.450	21.532
1922	1.869	91	4,9		57	38.900	22.173
Итого	—	—	—	—	—	177.100	78.893
В среднем за 5 лет	—	—	—	—	—	—	15.779

Вся волость обстраивалась до революции заново в течение 36 лет („красный петух“ старался, чтобы этот период был таким сравнительно коротким), отсюда 2,8%, фигурирующих на таблице. За период 1923—1926 гг. выигрыш волости на ускорении обновления построек будем считать, исходя из средних показателей за пятилетие 1918—1922 гг.

32. Сравнительная тяжесть обложения крестьянской земли.

Дата.	Район.	Средняя крестьян. запашка в десятин. в трех полях.	Валовой дох. с одной десят. в руб. мирн. врем., а с 1924 г.—в черв. р.	Прямые нал. с одной десят. пашни в руб. мирн. врем. и с 1924 г.—в черв. р.	% налога к валовому доходу.
XVI век. . .	Центральный .	3,75	47,6	25,05	53
Начало XVII в.	Кимрская вол. .	3,30	87,8	48,16	55
40 годы XIX в.	Рязанская губ.	6,0	50,79	12,0	24
70 „ XIX „	Тверская „	2,48	44,09	12,72	29
1895 год . . .	Горицкая вол. .	4,43	33,87	9,45	28
1915 „ . . .	„ „ .	4,29	42,03	4,96	12
1918 „ . . .	„ „ .	3,62	42,03	2,18	5
1919 „ . . .	„ „ .	3,54	42,03	3,62	9
1920 „ . . .	„ „ .	3,96	61,44	8,24	13 (19)
1921 „ . . .	„ „ .	3,88	79,72	8,63	11 (21)
1922 „ . . .	„ „ .	3,84	48,34	5,58	12
1923 „ . . .	„ „ .	3,81	44,33	4,16	9
1924 „ . . .	„ „ .	3,81	87.60	7,21	8
1925 „ . . .	„ „ .	3,75	98,23	6,41	7
1926 „ . . .	„ „ .	3,80	117,89	4,65	4

Подробные пояснения к таблице даны в соответствующей главе работы.

33. Сравнительная характеристика скотоводства.

Годы.	Процент хозяйств.													На 1 хоз.			На 100 д. пос.		Коров на 100 душ насел.
	Без всякого скота.	Безлошадных.	С лошадьми.	Бескоровных.	С коровами.	С 1 лошад.	С 2 лошад.	С 3 лошад.	С 4 и бол.	С 1 коров.	С 2 коров.	С 3 коров.	С 4 коров.	Раб. лош.	Коров.	Мол. рогат. скота, овец, ягн., свиней.	Рабочих лошадей.	Коров.	
1887	20,1	31,0	69,0	22,0	77,4	49,0	19,0	1,0		30,0	29,0	19,0		0,92	1,62	3,25	35,6	61,1	25,0
1895	19,8	31,2	68,8	21,3	78,7	48,9	18,6	1,3		29,3	29,3	20,1		0,90	1,63	3,27	35,6	61,1	23,1
1916	15,7	31,5	68,5	18,3	81,7	54,6	12,8	0,7	0,4	49,4	28,3	3,2	0,4	0,85	1,17	4,79	35,3	52,2	24,1
1920	11,7	34,0	66,0	18,3	81,7	65,0	1,0	0,1	0,0	48,8	28,8	3,7	0,4	0,67	1,19	4,57	29,4	52,1	22,0
1922	10,6	33,2	66,8	17,8	82,2	66,1	0,7	0,0	0,0	46,3	30,2	4,9	0,8	0,67	1,27	5,19	29,9	56,9	27,4
1923	9,5	32,7	67,3	16,6	83,4	66,5	0,8	0,0	0,0	45,8	31,4	4,5	1,7	0,68	1,28	5,14	30,5	57,3	27,3
1924	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0,74	1,44	4,15	33,2	65,0	29,3
1925	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0,79	1,42	4,24	35,0	63,5	28,5
1926	5,0	26,0	74,0	16,0	84,0	68,0	6,0	—	—	47,0	32,0	5,0	—	0,74	1,27	3,04	35,0	55,4	24,7

Сведения за 1887 г. почерпнуты из 2-го вып., т. IX „Сборника стат. свед. о Тверск. губ.".

Данные за 1895 г. см. в „Сводном сборн. статистич. сведений по Тверской губ.", т. XIII, вып. 1, изд. 1897 г., стр. 6 и 154—155 (свод сведений). Цифры за 1916 год см. в „Итогах сел.-хоз. переписи 1916 г. по Тверск. губ.", вып. 1, „Хоз. крест. типа", стр. 52—54; графа „молод. рог. скот" и проч. вычислены на основании табл. 8 и 15. Цифры за 1920 г. выведены по материалам сел.-хоз. переписи 1920 г. (данные получены из губерн. и уездн. стат. бюро), при чем материал этот, в некоторых своих частях, был нами исправлен по нашему собств. материалу, — см. табл. 8, 15 и 19. Данные за 1922—1926 годы собраны на месте, — отчасти через волисполком, а отчасти через страх. агентство (скот теперь страхуется в обязательном порядке), при чем собранный материал был мною выверен по налоговым спискам, по записям местного агронома и пр. Сведения за период 1923—1926 г. делятся по Горицкой волости в ее доукрупненных границах (см. конец примеч. к табл. 8).

Расчет скота на 100 дес. посева я брал, считая с 1920 г. посев по волости в 4.213 дес. (см. табл. 9), т.-е. без недосева—фактический посев, а не тот, который числится на бумаге.

34. Сравнительная характеристика земледелия.

Годы.	Число хоз. в $^0/_0{}^0/_0$.		Десятин посева на одно посевное хозяйство.	На 100 дес. посева.		Средний состав (число людей) одного хозяйства.	$^0/_0$ посевной площади под			Порядок пяти главных культ. по посев. площ. на месте.				
	С посевом.	Без посева.		Всего населения.	Всего работников (м. и ж.).		Озимыми.	Яровыми.	Травами.	Первом.	Втором.	Третьем.	Четвертом.	Пятом.
1845	73,0	27,0	4,43	263	132	6,20	55,6	44,4	—	Рожь.	Овес.	Лен.	Ячм.	Карт.
1887	82,0	18,0	3,17	243	123	6,28	54,0	46,0	—	"	"	"	"	"
1913	88,1	11,9	3,32	200	—	6,31	44,7	54 5	0,8	"	Лен.	Овес.	"	"
1916	88,1	11,9	2,55	216	98	4,86	47,3	48,8	3,9	"	"	"	"	"
1920	86,8	13,2	2,64	230	115	5,27	50,0	49,8	0,2	"	Овес.	Карт.	Лен.	Ячм.
1922	87,2	12,8	2,58	208	104	4,71	49,4	49,3	1,3	"	"	"	"	"
1923	88,1	11,9	2,54	219	109	4,89	49,2	49,3	1,5	"	"	"	"	"
1926	93,0	7,0	2,44	224	104	5,11	36,0	52,0	12,0	"	"	Лен.	Клев.	Карт.

Сведения за 1845 и 1887 гг. почерпнуты из вып. 2-го, т. IX „Сборн. стат. свед. о Тверск. губ.“. Данные за 1895 г. из того же источника, как и цифры по этому году табл. 33. За 1913 г.— из соответствующего „Ежегодника“.

Цифры за 1916 год взяты из „Итогов сел.-хоз. пер. 1916 г. по Тверской губ.“, стр. 52—55. Цифры за 1920 г.—см. прим. к табл. 33. По табл. 32 крест. запашка в 1920 г. равняется 3,96 дес.; в настоящей таблице за тот же год посев на одно хоз.—2,64 дес. В первом случае в счет шли три поля, а во втором—только два (без парового), да и речь идет в последнем случае только о посевных хозяйствах. Цифры за 1922—1926 г. установлены мною на месте, а отчасти почерпнуты из материалов уездного статбюро, налоговых списков, записей агронома и пр. За 1923 и 1926 годы сведения даются по Горицкой волости в ее доукрупненных границах (см. конец прим. к табл. 8).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

КАРТА

ГОРИЦКОЙ ВОЛОСТИ, КИМРСКОГО УЕЗДА,

ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ

ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО и АГРОРАБОТА

НА

1927 г.

РАБОТЫ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1. ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ, 43 стр., 1922 г.
2. ИЗ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ ЗА РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД, 36 стр., 1922 г.
3. ЛЕКЦИИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ, вып. 1, 286 стр., 1923 г.
4. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ, 344. стр + 13 таблиц, изд. 4-е, 1924 г. (1-е изд.—1922 г., 2-е и 3-е—1923 г.)
5. ДЕРЕВНЯ ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ, 403 стр., 1925 г.
6. СОВРЕМЕННАЯ ДЕРЕВНЯ В ЦИФРАХ, 110 стр., 1925 г.
7. ИСТОРИЯ ХОЗЯЙСТВА РОССИИ В МАТЕРИАЛАХ И ДОКУМЕНТАХ, вып. I., 224 стр., 1926 г., изд. 2-е.
8. ТОЖЕ, вып. II, 289 стр., 1926 г., изд. 2-е.
9. ТОЖЕ, вып. III, 395 стр., 1926 г. (все три выпуска составлены совместно с проф. Н. А. Рожковым).
10. НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ХОЗЯЙСТВА ПРИГОРОДНОЙ ДЕРЕВНИ, 16 стр., 1926 г.
11. РАССЛОЕНИЕ В ПОДГОРОДНОЙ ДЕРЕВНЕ, 1926 год.

